

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ПОД
ЗНАМЕНЕМ
МАРКСИЗМА

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ФИЛОСОФСКИЙ
И ОБЩЕСТВЕННО ЭКОНОМИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ

№ 7-8

ИЮЛЬ—АВГУСТ

Издание газеты „ПРАВДА“
МОСКВА 1931

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

171925

ПОД ЗНАМЕНЕМ МАРКСИЗМА

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ФИЛОСОФСКИЙ
И. ОБЩЕСТВЕННО-ЭКОНОМ. ЖУРНАЛ

ИЮЛЬ-АВГУСТ

№ 7—8

1931

СОДЕРЖАНИЕ

Передовая. — О технической пропаганде

М. Митин. — К вопросу о ленинском этапе в развитии диалектического материализма

Б. Быховский. — Макс Адлер за работой . . . . .

Е. Ниринская. — Теоретики социал-фашизма о переходном периоде . . . . .

В. Балков. — Теоретическое обоснование „гувернанта“ и крах буржуазной экономической мысли . . . . .

А. Бубнов. — Школа на повороте . . . . .

РАБОТА СЕМИНАРОВ ФИЛОСОФСКОГО ИНСТИТУТА КРАСНОЙ ПРОФЕССУАРЫ

Г. Габриэлян. — О закономерности общественного развития . . . . .

А. Макаров. — К вопросу о философской эволюции Маркса . . . . .

Д. Новогрудский. — Геохимия и витализм . . . . .

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

В. Брушлинский. — Современное гегельянство на Западе . . . . .

Е. Бык. — Д. Б. Наумов. — Н. И. Зибер. . . . .

Соловьев. — Рубинщина в Средней Азии . . . . .

СООБЩЕНИЯ И ЗАМЕТКИ

От редакции . . . . .

Передовая — О технической пропаганде (1). М. Митин. — К вопросу о ленинском этапе в развитии диалектического материализма (9). Б. Быховский — Макс Адлер за работой (33). Е. Ниринская — Теоретики социал-фашизма о переходном периоде (51). В. Балков — Теоретическое обоснование „гувернанта“ и крах буржуазной экономической мысли (74). А. Бубнов — Школа на повороте (118). РАБОТА СЕМИНАРОВ ФИЛОСОФСКОГО ИНСТИТУТА КРАСНОЙ ПРОФЕССУАРЫ. Г. Габриэлян — О закономерности общественного развития (127). А. Макаров — К вопросу о философской эволюции Маркса (155). Д. Новогрудский — Геохимия и витализм (168). КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ. В. Брушлинский — Современное гегельянство на Западе (204). Е. Бык — Д. Б. Наумов, Н. И. Зибер (224). Соловьев — Рубинщина в Средней Азии (228). СООБЩЕНИЯ И ЗАМЕТКИ. От редакции (234).

О технической пропаганде.

Под руководством партии, навиданными в истории темпами, социалистическая реконструкция всего народного хозяйства шагает от успеха к успеху. Уже в этом году пятилетка выполнена и перевыполнена по ряду отраслей промышленности. Вторая пятилетка, к проектированию которой уже приступлено, будет представлять собою новый решающий скачок вперед в деле выполнения поставленной т. Сталиным и партией задачи, «догнать и перегнать передовые капиталистические страны экономически и технически, максимально в 10 лет пробежать то расстояние, на которое мы отстали от передовых стран капитализма».

Главная трудность, которую нам приходится преодолевать, это недостаток подготовленных кадров в промышленности и в индустриализируемом сельском хозяйстве. Ежегодно мы вовлекаем в производство миллионы новых рабочих, приходящих из деревни, не имеющих даже элементарной подготовки, даже элементарного представления о фабрично-заводском производстве. Отсюда порча оборудования, неполадки и прорывы в выполнении промфинплана. Но и старые кадры рабочих и инженерно-технического персонала, даже те, кто имеет за собою довольно большой стаж производственной работы, нуждаются в решительном техническом перевооружении. Ведь рост нашей промышленности далеко не является лишь количественным ростом. Он состоит в качественных глубоких изменениях всей структуры народного хозяйства. В его основе лежат коренные изменения в форме

организации труда, управления, изменения самого места и значения техники в производственном процессе. Переоборудование старых промышленных предприятий, стройка новых гигантов индустрии связаны с внедрением достижений передовой капиталистической техники, при чем с таким ее внедрением, которое подразумевает и предполагает ее преодоление и приспособление соответственно путем развития нашего строительства, как строительства социалистического.

Но мы не удовлетворяемся и не можем удовлетвориться одним только отбором и приспособлением уже заготовленного для нас капиталистами. Капиталистическая техника как техника, опирающаяся на частную собственность и на анархию производства, уже тем самым имеет и в чисто-техническом отношении ограниченные возможности. Мы создаем и будем создавать поэтому все в большей мере новые собственные конструкции, более ценные и более передовые, отвечающие нашей социалистической промышленности и нашему коллективизированному, индустриализированному сельскому хозяйству, вводя при этом максимальную механизацию и автоматизацию всех производственных процессов, исходя, как из основного, определяющего условия, из социалистической организации труда.

Отсюда следует, что по мере нашего роста возможности механического перенесения к нам передовой капиталистической техники все больше будут суживаться, и все большее значение будет приобретать творческая инициатива изобретателей и наших научно-исследовательских организаций, все больше будет расти удельный вес технических конструкций, непосредственно отображающих запросы нашего социалистического строительства, новые формы социальной жизни нашей страны. Если, например, завод или машина, взятые нами у капитализма, нуждались и нуждаются в последующем вмешательстве охраны труда, здравоохранения, психо-техники, то участие этих дисциплин при конструировании социалистических машин, при проектировании социалистического предприятия будет иметь место в самом начале, пойдет рука об руку с инженером-конструктором, с инженером-проектировщиком.

Нечего говорить, что соображения прибыли и конкуренции, соображения производственного секрета в наших условиях отпали навсегда, что в наших условиях цель введения новой машины, нового агрегата, состоит не в увеличении наживы, а в сочетании сбережения труда и достижений максимальных потребительских благ.

Все это, однако, остается непонятным для оппортунистов, рассматривающих «технику» изолированно, вне связи со всей структурой народного хозяйства, полагающих, что машина всегда хороша, независимо от того, создана ли она для капиталистической фабрики, или для предприятия последовательно-социалистического типа, думающих, что нам можно готовеньким брать все, что заготовили для себя капиталисты.

Само собой разумеется, что изменения, произошедшие в структуре техники, даже к рядовому рабочему, имеющему за собой известный производственный стаж, предъявляют требования технической переподготовки для

овладения производственным процессом на новых, невиданных до этого машинах и в новых формах труда. Тем более это верно в отношении производственного актива и руководящего состава изобретателей, ударников и инженерно-технического персонала. Здесь помимо узко-технической переподготовки ставится вопрос о необходимости их подготовки в области марксистско-ленинской теории, которая одна только даст им возможность правильно понять соотношение различных звеньев в общем ходе социалистической реконструкции народного хозяйства и тем самым наиболее целесообразно направит их творческую инициативу.

Недостаток инженерно-технического состава, при наличии в некоторой части его антисоветских и вредительских настроений, настоятельно диктует необходимость «обеспечить себя втрое, впятеро больше инженерно-техническими и командными силами в промышленности». Причем не просто инженерно-техническими силами, а «такими командными и инженерно-техническими силами, которые способны понять политику рабочего класса нашей страны, способны усвоить эту политику и готовы осуществить ее на совесть». Другими словами, «наша страна вступила в такую fazу развития, когда рабочий класс должен создать себе свою собственную производственно-техническую интелигенцию» (Сталин).

Этот поворот к массовому созданию своей, рабочей технической интелигенции тесно связан с поворотом в вопросе об отношении к специалистам в сторону создания условий, максимально благоприятствующих их положительной работе, их сближению с нами, их превращению из попутчиков в наших союзников.

Громадная школьная сеть, которая была развернута под руководством партии для массовой подготовки низших, средних и высших командных звеньев в промышленности, все же не в состоянии удовлетворить все растущий запрос на технические кадры. Наряду со школой переподготовка технических кадров переносится все в большей мере на самое производство. Процесс производства, процесс хозяйственного строительства сам становится одной из основных форм переподготовки необходимых кадров социалистического строительства. Было бы, однако, совершенно ошибочным думать, что этим самым в какой бы то ни было степени снимаются вопросы дальнейшего развертывания школьной системы переподготовки. Наоборот, эта задача должна привлекать всеобщее внимание. Вопрос ставится об изменении характера работы школы, приближении ее к запросам социалистического строительства.

Наряду со школьной системой необходимо максимально практиковать перенесение переподготовки кадров, начиная от мастера и кончая руководителем-инженером, на самое производство, без отрыва учащихся рабочих от производства, при наличии идущего параллельно этому, увеличивающегося вовлечения рабочих в управление. Все это вместе взятое представляет важнейшие шаги на пути устранения противоположности между умственным и физическим трудом.

Вопрос об овладении техникой поставлен, таким образом, всем ходом социалистического строительства перед всеми работниками заводов, фабрик, совхозов и колхозов. Овладение техникой на данном этапе приобретает характер основной неизбежной предпосылки успешного развертывания социалистического строительства, значит, является одной из важнейших форм классовой борьбы. Это политическое значение овладения техникой наиболее ярко подчеркивает могучая волна движения рабочих по организации технической учебы, поднявшаяся в связи с лозунгом тов. Сталина «большевики должны овладеть техникой».

Связь техники со всем народным хозяйством и со всем социалистическим строительством, с его классовой борьбой, с системой организации труда и т. д. обуславливает то обстоятельство, что овладение техникой должно включать в себя и вопрос о вооружении трудящихся масс марксистско-ленинским методом, диалектическим материализмом и теорией общественного развития. Категорически должны быть отвергнуты всякие попытки делячества, буржуазного об'ективизма, замыкания в чистую технику. Вооружение масс техникой должно протекать под знаменем марксистско-ленинской теории. В вопросе технической пропаганды необходимо вести борьбу на два фронта: как против попыток свести содержание этой работы к узкому технизму, против механистического непонимания необходимости внедрения метода диалектического материализма в технику, против попыток полного откращивания от «всякой методологии», так и против подмены взнания самой техники общими рассуждениями о методологии.

Задачи, стоящие перед нами в области техники и технической политики, смогут положительно разрешаться, если материалистическая диалектика будет внедряться также и в область технических наук. Поворот специалистов в области техники в нашу сторону сможет быть закреплен, если они овладеют мировоззрением пролетариата — диалектическим материализмом, марксизмом-ленинизмом. Отмечая известные сдвиги в этом отношении, растущий интерес в инженерно-технических кадрах к вопросам марксистско-ленинской методологии, мы вместе с тем должны дать с самого начала решительный отпор всяким упрощенческим явлениям в этом отношении.

Начинают появляться авторы и докладчики по таким, например, темам, как «философия транспорта», «диалектика автодорожного движения», «диалектика стали» и т. д., при чем диалектическая терминология чисто внешне приклеивается к техническому материалу.

Нельзя представить себе худшего вида возрождения «деборинщины в технике», худшего вида действительной дискредитации диалектического материализма, чем подобные «методологические» упражнения.

Необходимо, чтобы наряду с изучением наследства буржуазно-технической научной мысли мы развили в широких массах уменье правильно ориентироваться в нашем строительстве, уменье правильно понять сложность отношений между техникой и всем экономическим и социально-политическим укладом, понять, что и техника насквозь классова. Необходимо, чтобы широкие массы подошли к критическому пересмотру всего наследства буржуазной

науки и техники, с целью устранения всех классовых ограничений последней, чтобы они подготовились к работе по реконструкции науки и техники в соответствии с запросами социалистического строительства.

Вместе с тем нельзя забывать, что техническая пропаганда должна включать в себя и пропаганду естественно-научных и математических знаний, которые являются базой знаний технических. Нельзя поэтому сужать понятие производственно-технической пропаганды. Необходимо включить в него те элементы математики, черчения, механики, физики, химии, биологии, понимание которых неизбежно для понимания техники.

Необходимость технического перевоспитания широчайших масс ставит особенно ответственную задачу перед коммунистами техническо-инженерного состава, перед коммунистами — работниками отдельных специальных математических и естественно-научных дисциплин. Они должны быть особенно чутки ко всем попыткам извратить в этом вопросе генеральную линию партии. Всякие попытки фетишизирования буржуазной техники и науки, недостаточно критическое отношение к ним, попытки механического переноса достижений капиталистической техники должны найти твердый отпор, так же как и попытки отделаться от технической пропаганды пустой, напыщенной «методологической» фразой.

Постановление ЦК партии от 5 августа о техпропаганде ставит перед нашими философскими организациями и учреждениями вопрос об активном участии в движении по овладению техникой и о действительной идеологической помощи в этом отношении широким массам.

Особо важное значение в общей работе по техпропаганде должно принадлежать Комакадемии в целом, Всесоюзному о-ву воинствующих материалистов-диалектиков, Институту техники и технической политики и Ассоциации институтов естествознания в особенности. Комакадемия, об'единяющая многочисленные коммунистические, партийные теоретические силы, должна стать одним из руководящих органов по техпропаганде во всех ее звенях. Здесь необходима как организация непосредственной работы, так и оказание всемерной помощи соответствующим общественным и советским организациям по линии марксистско-ленинской методологии.

Несмотря на то, что с момента опубликования постановления ЦК прошло уже достаточно времени, организации и учреждения не развили необходимых темпов работы по техпропаганде.

Для создания решительного перелома на фронте техпропаганды нужно провести мобилизацию тысячи лучших производственников-пропагандистов, которые после прохождения краткосрочных курсов по методике пропаганды и техучебы должны быть размещены по важнейшим предприятиям, а в некоторых случаях и для замены помидиректоров по производственным совещаниям и по техпропаганде. Необходимо в ближайшее время провести по районам Москвы и на крупнейших предприятиях доклады для партактива на тему «О значении марксистско-ленинской теории в техпропаганде».

Необходимо принять все меры к оживлению производственно-техничес-

ской общественности. Для этого требуется оживить работу научно-технических обществ, развернуть на предприятиях работу отделений марксистско-ленинских обществ Комакадемии. Это должно сочетаться с развертыванием в печати систематического смотра работы организаций и учреждений по техпропаганде.

Надо практиковать метод социального заказа в форме вопросов со стороны группы рабочих и предприятий академикам, инженерам и т. п., с опубликованием ответа на них. Нужно, чтобы на всю страну распространился почин «Электропровода» — заем предложений для второй пятилетки, что было по предложению Института техники принято МОСПС.

Техпропаганда в целом должна быть теснейшим образом увязана с работой каждого рабочего. Вначале она должна базироваться, исходя из реконструкции станка или агрегата, а также технологических процессов и расширяться до научного овладения техническим процессом в целом. Особое внимание нужно обратить на организацию регулярных смотров отдельных станков и технологических процессов. Надо со всей серьезностью поставить вопрос о техническом кино и радиожурнале с иллюстрациями, обеспечить на первое время не реже одного раза в декаду радио-доклады по методологии и истории техники и технической политики.

Необходимые преподавательские кадры для развертывания техпропаганды среди рабочих должны, в первую очередь, черпаться на самом производстве. Инженерно-технические работники, насчитывающие только в системе ВСНХ и НКПС около 140 тысяч, должны стать основными кадрами, откуда будут черпаться как преподаватели, так и докладчики-авторы для техпропаганды. Необходимо немедленно провести через соответствующие организации выдвинутый московскими организациями проект об установлении для инженерно-технического персонала 6 часов рабочей нагрузки по техпропаганде в месяц.

Для техучебы инженерно-технического персонала должны быть широко использованы теоретические силы всей сети научно-исследовательских учреждений, вузов и втузов как по линии организации очных и заочных курсов, так и по линии научной консультации по группе и по отдельным вопросам.

В частности Комакадемии совершенно необходимо теперь же организовать постоянные курсы для партийного и производственного актива: 1) по новейшим достижениям науки и техники, 2) по истории и методологии техники и естествознания.

Необходимо добиться систематического использования для техпропаганды иностранного инженерно-технического персонала и рабочих, работающих на наших предприятиях и учреждениях. Необходимо проработать вопрос о плановом привлечении крупнейших заграничных специалистов для проведения ряда лекций и докладов о последних достижениях науки и техники.

Нужно всемерно использовать все возрастающие симпатии широких слоев трудящихся капиталистических стран к СССР для работы по овладению техникой со стороны широких масс. Для этого следует поставить вопрос об организации международного общества техпомощи СССР. Кроме того,

нужно усилить связь наших рабочих с рабочими иностранных предприятий и внести в эту связь большую плановость.

В общей системе мероприятий по техпропаганде одно из важнейших мест должно быть отведено организации сети постоянных и передвижных выставок и технических музеев. Разработка плана и порядка их организации должна на ближайшее время стать одной из основных задач секции истории и методологии Ин-та техники и технической политики.

Следует признать совершенно необходимой организацию при всех фабриках и заводах постоянно работающих лабораторий с библиотеками, где производственный актив, особенно изобретатели, могли бы в свободное время получать навыки по технике эксперимента. Массовое вовлечение и успешный ход учебы предполагают в качестве одной из необходимых предпосылок устранение всех препятствий, срывающих занятия. Необходимо с еще большим упорством добиваться плановости во всей общественной и производственной жизни.

Несомненно, успешность техучебы, помимо прочих условий, будет определяться степенью общественного контроля над работой отдельных товарищей. Поэтому в ряду прочих мероприятий особое внимание должно быть обращено на проработку вопросов контроля над работой каждого товарища по техучебе.

Программа партии предусматривает, что ВКП(б) должна себе поставить задачей установить: «в дальнейшем, при общем увеличении производительности труда, максимальный шестичасовой рабочий день без уменьшения вознаграждения за труд и при обязательстве трудящихся сверх того уделять два часа без особого вознаграждения теории ремесла и производства, практическому обучению технике государственного управления и военному искусству.

В текущем году свыше 10 миллионов пролетариев переведено на 7-часовой рабочий день. Необходимо теперь же поднять поход за использование восьмого часа для овладения техникой и тем самым приблизить поголовную ликвидацию элементарной технической неграмотности.

Необходимо пронизать всю нашу печать единым стремлением к борьбе за овладение техникой. Каждый журнал и газета должны создать у себя, соответственно кадрам своим читателей, отдел по овладению техникой. В нашей печати будет иметь важнейшее значение создание специальной страницы по борьбе за овладение техникой. Особое внимание нужно обратить на развертывание и постановку раздела техники в фабрично-заводской печати. Нужно всемерно поддержать опыт некоторых заводов, вроде московского Электрозвада, по выпуску производственного журнала «Догнать и перегнать».

Одним из важнейших условий дальнейшего развертывания работы по техпропаганде должно явиться обеспечение всех звеньев сети соответствующей литературой. Постановление ЦК обеспечивает издательство возможным количеством бумаги.

Методы работы ОГНТИ, опиравшегося на замкнутый круг старых авто-

ров, следует решительно отвергнуть. Необходимо широчайшее выявление и привлечение новых авторов из рабочих.

Институт техники и технической политики Комакадемии организует непосредственное издание серии книг, рассчитанных на разные группы читателей по истории техники, технической политики и методологии техники.

Наряду с организацией и выпуском массовой техлитературы необходимо поставить на должную высоту контроль ее научного и методологического содержания.

Особое внимание нужно обратить на создание «технической» беллетристики и живописи, которые должны содействовать вовлечению в технику широких масс. Для этого необходимо, чтобы Комакадемия совместно с ВЦСПС и ВСНХ в ближайшее время созвала конференцию пролетарских писателей для обсуждения и выработки плана создания такой беллетристики.

Необходимо подвергнуть тщательной проверке всю работу технической энциклопедии и отделов техники прочих энциклопедий с целью выявления всех недостатков и последующего приближения работы энциклопедий к вопросам реконструктивного периода. Нужно добиться как увеличения общего удельного веса технического отдела БСЭ и МСЭ, так и улучшения научной и методологической квалификации статей.

Только быстрое, решительное проведение в жизнь этих мероприятий поставит на реальную почву выполнение решения Центрального комитета о технической пропаганде.

[REDACTED]

К вопросу о ленинском этапе в развитии диалектического материализма.

М. Митин.

Статья первая.

1. Введение

Изложить существа содержания ленинского этапа как новой ступени в развитии философии марксизма — это чрезвычайно большая задача. Потребуются специальные труды для того, чтобы эта тема была в той или иной степени исчерпана. Особенно трудно излагать ее в данный момент еще и потому, что мы, собственно, только приступаем к теоретической разработке всех этих проблем. Поэтому наше изложение содержания ленинского этапа будет касаться только самых основных моментов этой проблемы, будет только известным конспективным наброском, могущим служить в качестве введения для дальнейшего изучения этих вопросов.

Излагать основы ленинского этапа в развитии диалектического материализма это вовсе не значит излагать вообще основы диалектического материализма. Изложить основы ленинского этапа как новой и высшей ступени в развитии марксистской философии это значит «изложить то особенное и новое в трудах Ленина, что внес Ленин в общую сокровищницу марксизма и что естественно связано с его именем» (Сталин), это значит изложить то особенное и новое, что внесено Лениным в развитие диалектического материализма, то особенное, в чем Ленин двинул дальше вперед марксистскую философию.

Для того, чтобы с самого начала правильно подойти к пониманию ленинского этапа в развитии диалектического материализма, необходимо исходить из правильного понимания ленинизма в целом, из понимания того, что «ленинизм это есть марксизм эпохи империализма и пролетарской революции», из понимания того, что Лениним двинуто вперед развитие марксизма не в одной какой-нибудь его области или составной части, а во всех его составных частях.

Когда говорят о Ленине как философе, или же о Ленине как марксисте, как мыслителе и т. д., когда пытаются определить, что же собой представляет ленинизм в философии,—то прежде всего приходится сталкиваться с таким пониманием, что Ленин дал только наилучшие образцы применения марксистского метода, материалистической диалектики, скажем, например, к русской действительности конца XIX—первой четверти XX века, к мировой обстановке этого периода, к эпохе пролетарской революции и т. д. Такая трактовка ленинизма проходит красной нитью по всем высказываниям о Ленине со стороны Троцкого, Преображенского, Зиновьева, Бухарина и представителей меньшевистствующего идеализма в области философии. Доля истины в такой трактовке этой проблемы есть, однако этим отнюдь не исчерпывается

существа того, что сделано Лениным в области философии марксизма. Конечно, Ленин лучше чем кто-либо из марксистов после Маркса и Энгельса применял материалистическую диалектику к современной эпохе, ко всей сложности классовых соотношений и классовых битв этой эпохи. Конечно, верно, что непревзойденными образцами применения метода материалистической диалектики к анализу русского капитализма и всех его особенностей является книга Ленина: «Развитие капитализма в России», к анализу империалистической эпохи — его книга «Империализм, как новейший этап и т. д.», к анализу международного рабочего движения в начале империалистической войны — его статья «Крах II Интернационала» и т. д. и т. п. Конечно, верно, что ленинские работы, посвященные вопросу о характере и движущих силах нашей революции, о перерастании буржуазно-демократической революции в социалистическую, ленинские работы по аграрному вопросу, по национальному вопросу и т. д. и т. п. представляют собой исключительные примеры глубокого анализа острых проблем с точки зрения материалистической диалектики. Однако кто ограничивает роль Ленина в развитии марксистской философии только ролью «применителя материалистической диалектики, ролью человека, давшего образцы такого применения, тот только совершил очень большую ошибку. Ошибка эта имеет две стороны: во-первых, извращается, крайне ограничивается суть ленинского этапа в развитии философии марксизма; во-вторых, дается совершенно неправильное понимание соотношения между методом марксизма и всей совокупностью воззрений марксизма в целом, между методом марксизма и результатом его применения. Плодотворное применение метода марксизма к новым условиям и новой обстановке, применение метода материалистической диалектики к анализу новой эпохи, особенно такой богатой, бурной эпохи, какой является эпоха империализма, — в значительной степени обогащает и сам метод марксизма, опровергает сам метод новым материалом. Крайнее обострение всех противоречий капиталистической системы, гигантские классовые столкновения, острийшая классовая борьба на всех участках общественной жизни, в экономике, политике, идеологии и т. д., кризис системы капитализма, отражающийся и в кризисе буржуазной науки — все эти сложнейшие процессы, характерные для эпохи империализма, дают новые закономерности, новые формы противоречий, новые формы единства и борьбы противоположностей, особые типы перехода противоположностей, напр., превращение империалистической войны в гражданскую и т. д. Империалистическая стадия развития капитализма дает особенное богатство новых форм, типов, связей, отношений, форм классовой борьбы и т. д. и т. п. Диалектика империалистического развития дает нам очень большое своеобразие. Охватить все эти стороны и отношения, глубоко проанализировать новую эпоху, понять ее новые закономерности можно только при том условии, если сам метод марксизма, отображая это новое, получает дальнейшее развитие и конкретизацию.

Далее, мы встречаемся с такой постановкой вопроса, что суть ленинского этапа в развитии марксистской философии состоит в том, что Ленин дал наилучшие образцы сочетания революционной теории и революционной практики, так сказать, высший синтез теории и практики. Это, конечно, правильно. Правильно и то, что это также является характерной чертой работ Маркса и Энгельса. Ленинизм представляет собой самый яркий пример единства теории и практики, революционных идей и «практически-революционной деятельности». Нет ни одного теоретического произведения Ленина, идет ли речь о его крупных работах или же о мелких статьях, которые не являлись бы теоретическим обобщением революционной практики и вместе с тем не были бы прямым и непосредственным руководством для

революционного действия. Сочетание революционной теории и революционной практики является характернейшим моментом ленинизма, большевизма, так сказать, «стилем» его.

Однако это не исчерпывает сути ленинского этапа в развитии диалектического материализма.

Наконец, можно часто встретить такое понимание или, вернее, непонимание ленинского этапа в развитии марксистской философии, когда говорят, что Ленин только восстановил после всех извращений эпохи II интернационала революционную диалектику Маркса, Энгельса, и что именно эта часть марксистского учения осталась в работах Ленина без развития (Преображенский, Бухарин и др.). Такая точка зрения имеет в себе только ту долю истины, что Ленин действительно в борьбе с теоретиками эпохи II интернационала возрождает, восстанавливает революционную суть марксистской философии. Однако это не есть простое возрождение и восстановление ее.

Приходится также слышать утверждение, что Ленин представляет собой новый, высший этап в развитии марксистской философии только по сравнению с философской теорией II интернационала, с философскими работами виднейшего марксиста-философа эпохи II интернационала — Плеханова (Карев и др. представители меньшевистствующего идеализма). Верно, конечно, что существует очень большое различие по глубине трактовки, по охвату вопроса, по революционной мони теоретических работ Ленина по сравнению с Плехановым. Эта «глубина трактовки», являясь фактом исторического порядка, должна быть в свою очередь обяснена. Однако новый этап в развитии философии марксизма означает движение вперед философской теории марксизма не по сравнению с Плехановым, который остался в основном популяризатором марксизма в области философии, а движение вперед по сравнению с той ступенью, на которой стояла философия марксизма в работах Маркса и Энгельса.

Что же представляет собой ленинский этап в развитии философии марксизма?

Общая характеристика ленинского этапа в развитии диалектического материализма состоит в том, что Ленин дает дальнейшее теоретическое развитие материалистической диалектики, как «философской науки», конкретизация марксистского метода по сравнению с тем, как ставили эти проблемы Маркс и Энгельс.

Суть ленинского этапа как новой ступени в развитии диалектического материализма состоит в том, что Ленин выражено в его кратком положении о единстве «диалектики, логики и теории познания». Установление единства «диалектики, логики и теории познания», раскрытие существа материалистической диалектики, как учения «о законах развития всех материальных, природных и духовных вещей», т. е. развития всего конкретного содержания мира и познания его, т. е. итог, сумма, вывод истории познания мира, материалистическая переработка гегелевских категорий диалектики, теоретическое разрешение вопроса о систематической связи и переходе категорий, конкретизация и уточнение закона единства противоположностей как «ядра диалектики», последовательное развитие материалистической теории отражения и, наконец, ленинский принцип партийности философии и науки, красной нитью проходящий по всем его работам — вот те основные проблемы, в которых Ленин двинул вперед развитие диалектического материализма и его конкретизация дали

на основе применения его к особенностям развития капитализма в России, к всестороннему анализу эпохи империалистической стадии развития мирового капитализма, к процессу перерастания буржуазно-демократической революции в пролетарскую, к процессу развития мировой пролетарской революции, к эпохе диктатуры пролетариата и строительства социализма.

Тов. Сталин пишет в «Основах ленинизма»: «Маркс и Энгельс поднялись в период предреволюционный (мы имеем в виду пролетарскую революцию), когда не было еще развитого империализма, в период подготовки пролетариев к революции, в тот период, когда пролетарская революция не являлась еще прямой практической неизбежностью. Ленин же, ученик Маркса и Энгельса, поднялся в период развитого империализма, в период развертывающейся пролетарской революции, когда пролетарская революция победила уже в одной стране, разбила буржуазную демократию и открыла эру пролетарской демократии, эру советов. Вот почему ленинизм является дальнейшим развитием марксизма».

Марксистское учение является единым стройным, последовательным учением, из которого ничего нельзя вырвать. Дальнейшее развитие марксизма, данное Лениным, означает тем самым развитие всех его элементов и частей. Вот почему т. Сталин в указанной брошюре продолжает:

«То, что дано в методе Ленина, в основном уже умело в учении Маркса, являющемся, по словам Маркса, «в существе своем критическим и революционным». Именно этот практический и революционный дух проникает с начала и до конца метод Ленина. Но было бы неправильно думать, что метод Ленина является простым восстановлением того, что дано Марксом. На самом деле метод Ленина является не только восстановлением, но и конкретизацией и дальнейшим развитием критического и революционного метода Маркса, его материалистической диалектики».

Для понимания существа того, что дано Лениным в области философии марксизма, необходимо иметь в виду, что между Марксом, Энгельсом и Лениным лежит полоса ревизионизма марксистской философии, начиная с Бернштейна и кончая Максом Адлером, начиная со Струве и кончая Аксельрод-Ортодокс и Дебориным. Этот философский ревизионизм получил чрезвычайно широкое развитие, отличается разнообразными оттенками, оттёночками и часто проводился и проводится под флагом верности философии марксизма. Беспощадная борьба со всякими видами ревизии диалектического материализма, исторического материализма, не могла не составить одной из важнейших задач ленинизма в философии.

О том, насколько постановка вопроса о ленинском этапе в развитии философии марксизма является нашим вернейшим оружием в борьбе с социал-фашистской «теорией», о том, насколько важна эта задача и какой глубокий смысл имела борьба вокруг этих вопросов в дискуссии с меньшинствующим идеализмом деборинской группы, свидетельствует последняя работа Макса Адлера «Учебник материалистического понимания истории». Макс Адлер исходит из якобы признания ленинской фазы в развитии материализма для того, чтобы с особой яростью критиковать ее. Так он пишет в указанной книге: «Так как эта фаза ленинского материализма составляет современную фазу этой философии (т.е. диалектического материализма, — М.) и благодаря мировому историческому значению Ленина и также и тому большому влиянию внутри марксизма, которое он приобрел, должны мы также заняться этим мнимым дальнейшим развитием ма-

териализма» (разрядка наша. — М.). Далее сей ренегат пишет: «Этот ренессанс философского материализма связывается у русских большевиков, как и у их немецких последователей, с книгой Ленина «Материализм и эмпириокритицизм»... Таким образом ленинская книга фактически стала родом философской библии современного материализма».

Для того, чтобы закончить с определением ленинского этапа марксистской философии, надо указать на совершенно ошибочную постановку этого вопроса, имеющую часто место в настоящее время. Новую ступень в развитии диалектического материализма понимают в том смысле, что это есть изменение—де самого существа диалектического материализма. Грубая ошибка такого понимания состоит в том, что при этой точке зрения само развитие диалектического материализма представляется совершенно неправильно. В самом деле, что может означать в этом смысле постановка вопроса об изменении существа диалектического материализма? Или переход к какой-то сверхдиалектической форме материализма или же отказ от диалектической формы материализма. И в том и в другом случае это означает ревизию диалектического материализма. Как раз не кто иной, как Степанов-Скворцов, со своей механистической точки зрения пытался использовать энгельсовскую постановку вопроса, которую он, кстати сказать, совершенно не понял, для доказательства необходимости якобы на основе новейших открытий естествознания отойти обратно от диалектического материализма к механистическому. В-третьих, ошибка данной точки зрения состоит еще в том, что под этим углом зрения по существу протаскивается противопоставление Ленина Марксу, Энгельсу. Едва ли имеет какой-либо смысл разъяснять, насколько неправильно, реакционно такое противопоставление. Ленинизм в философии есть новый, качественно высший этап развития диалектического материализма, однако противопоставление Ленина Марксу и Энгельсу дико. Ленинизм в философии есть методологический синтез, обобщение в категориях диалектики состояния общественной науки, естествознания новейшей эпохи для практического изменения мира, точно так же, как философия диалектического материализма в том выражении, какое она получила в работах Маркса и Энгельса, была высшим методологическим выражением состояния общественных наук и естествознания той эпохи с целью изменения мира.

И на этот вопрос мы получаем в работе т. Сталина «Об основах ленинизма», написанной еще в 1924 г., совершенно ясный и четкий ответ. Он пишет: «Может быть наиболее ярким выражением того высокого значения, которое придавал Ленин теории, следовало бы считать тот факт, что не кто иной, как Ленин, взялся за выполнение серьезнейшей задачи обобщения по материалистической философии наиболее важного из того, что дано наукой за период от Энгельса до Ленина и всесторонней критики антиматериалистических течений среди марксистов. Энгельс говорил, что «материализму приходится принимать новый вид с каждым новым великим открытием». Известно, что эту задачу выполнил для своего времени не кто иной, как Ленин, в своей замечательной книге «Материализм и эмпириокритицизм». Известно, что Плеханов, любивший потешаться над «беззаботностью» Ленина насчет философии, не решился даже серьезно приступить к выполнению такой задачи».

Можно и должно поставить вопрос, почему именно Россия послужила и служит очагом, родиной нового этапа в развитии диалектического материализма? Случайно ли это обстоятельство или оно является закономерным в связи с особенностями развития всей новейшей истории, в связи с особенностями развития капитализма в России и революционного движения в конце XIX и в первой четверти XX столетия. Собственно говоря,

ответ на этот вопрос мы находим в классическом обяснении тов. Сталина в «Основах ленинизма» о том, почему именно Россия стала вообще очагом ленинизма. Интересно еще следующее: не имели ли мы в России в силу специфичности ее развития, в силу того, что она была узловым пунктом всех противоречий империализма, в силу особенностей развития в ней марксистской теории в целом — еще и особые условия, благоприятную почву также для развития именно философии марксизма? Дальнейший анализ покажет, что дело обстоит как раз таким образом.

Говоря вообще о развитии марксистской теории, Ленин писал: «Она вырабатывается лишь долгим трудом, тяжелым опытом; их выработка облегчается правильной революционной теорией, которая в свою очередь не является догмой, а окончательно складывается лишь в тесной связи с практикой действительно массового и действительно революционного движения». Обратив внимание на ту мысль, что революционная теория складывается только в связи с практикой действительно массового и действительно революционного движения, — мы перейдем к характеристике развития большевизма, которую дает Ленин в своей работе «Детская болезнь «левизны» в коммунизме».

«С одной стороны, — писал он, — большевизм возник в 1903 г. на самой прочной базе марксизма. А правильность этой — и только этой — революционной теории доказал не только всемирный опыт всего XIX века, но и в особенности опыт блужданий и шатаний, ошибок и разочарований революционной мысли в России. В течении около полу века, примерно с 40-х до 90-х годов прошлого века, передовая мысль в России, под гнетом невиданного, дикого и реакционного царизма, жаждо искала правильной революционной теории, следя с удивительным усердием и тщательностью за всяким и каждым и «последним словом» Европы и Америки в этой области. Марксизм, как единственно правильную теорию, Россия поистине в стране ала полувековой истории несказанных мук и жертв, невиданного революционного героизма, невероятной энергии и беззаветности исканий, обучения, испытания на практике, разочарования, проверки, сопоставления опыта Европы... С другой стороны, возникший на этой гранитной теоретической базе большевизм имеет пятнадцатилетнюю (1903—1917) практическую историю, которая по богатству опыта не имеет себе равной в светле» (Ленин: «Детская болезнь «левизны» в коммунизме»).

Трудно подыскать более четкую характеристику условий развития и распространения марксизма в России. Сказанное здесь Лениным о развитии марксистской теории в целом применимо целиком и полностью к развитию философской стороны марксизма. Пятидесятилетие (40—90 гг.) в России — исключительно богатая страница в этом отношении. И здесь мы имеем жаждное искание правильной философской теории, и здесь мы имеем «удивительное усердие и тщательность» в смысле наблюдения и усвоения «последнего слова» Европы. Философская сторона марксизма, как и марксизм в целом, имеет в качестве одного из своих источников развитие немецкой классической философии (Канта, Фихте, Гегеля). Посмотрим теперь, какое отражение развития немецкой классической философии в России мы имеем в то полустолетие, о котором говорит Ленин. Стоит только назвать имена Герцена, Чернышевского, Белинского, а также Добролюбова и Писарева, чтобы понять значение этого периода в идейном отношении. Можно сказать, что русская революционная мысль повторила, в известном смысле, по-своему, в связи со специфическими условиями обстановки в России, развитие, проделанное в Германии немецкой классической философией. И гегелевская философия, и распад гегельянства, и революционные и реак-

ционные выводы из него, и переход к Фейербаху, и дальнейшее развитие от Фейербаха к Марксу, даже развитие естественно-научного, вульгарного материализма после Фейербаха в Германии, — получили свое очень сильное отражение в развитии общественной мысли в России.

Гегельянство Герцена, Белинского, фейербахианство Чернышевского, естественно-научный материализм Писарева, наконец, марксизм Плеханова, это — этапы развития, в которых выковывались прочные теоретические условия для восприятия и развития марксизма именно в России. Правда, философские взгляды указанных мыслителей были только отражением в России развития взглядов немецких гигантов мысли, правда, Россия не имела такой богатой философской традиции, характерной для Германии, однако значение всего этого философского развития в России исключительно велико. База ленинизма в философии, так же, как ленинизм в целом — в международных условиях, в условиях империалистической эпохи, в условиях, когда Россия была узлом противоречий империализма. Развитие революционного движения в России, развитие рабочего движения, теоретическое развитие в России — по своему значению, однако, исключительно. Практический же опыт революционных событий начала XX столетия, наконец, философская разборка, наступившая после революции 1905 года и имевшая международное значение, — явились дополнительными чертами, которые обясняют нам, почему именно Россия могла стать очагом как ленинизма вообще, так и ленинизма в философии.

В статье «Наши упразднители», касаясь этого вопроса и давая общую оценку борьбы с махизмом, Ленин писал:

«Поэтому философская «разборка» именно для передового класса России была необходима и нет ничего странного в том, что эта «запоздавшая» разборка наступила после того, как этот передовой класс вполне созрел, во время недавних великих событий, для своей самостоятельной исторической роли. Эта философская разборка подготовлялась давно и в других странах мира, поскольку, напр., новая физика поставила ряд новых вопросов, с которыми должен был «сладить» диалектический материализм. В этом отношении «наш» (по выражению Потресова) философский спор имеет не только известное, т.-е. русское значение. Европа дала материал для «освещения» философской мысли, а отставшая Россия во время вынужденного затаившегося 1908—10 гг. особенно «жаждно» бросилась на этот материал». Итак, этой собственно философской традиции, которая была в России, которая, конечно, значительно отставала от Франции и Германии, оказалось недостаточно. После революции 1905 г. в России настает глубокий развод, распад, «серьезнейший внутренний кризис марксизма». Встала опять задача борьбы за самые основы марксизма, однако уже на новой базе, на основе опыта революции, на основе богатейшего опыта классовой борьбы. Глубина переживаемого тогда кризиса марксизма была связана со всей общественно-экономической обстановкой этого периода. Марксизм, особенно в лице Ленина, вышел победителем, необычайно окрепшим после этого испытания. Чем серьезнее был кризис, чем более обширный круг проблем он затронул, — тем более мощным вышло теоретическое оружие марксистской философии из этой борьбы. Ленин отмечает международное значение борьбы с махизмом и богдановщиной, — и это глубоко верно, как мы это в дальнейшем увидим.

В области философии марксизма Россия имеет такого крупного представителя ее, каким является Плеханов. Лучшие «теоретики» II интернационала, как, например, Каутский, Гильфердинг, Отто Баэр, Макс Адлер, — если взять их философские взгляды, являются настоящими пигмеями по сравнению с ним. Ленин отмечал, что работы Плеханова в области философии

представляют собой лучшее в международной литературе марксизма. Однако Плеханов во всей совокупности своих философских и политических работ не выходит за пределы уровня и состояния марксистской теории эпохи II интернационала. В своих собственно политических, а также и теоретических работах Плеханов во время войны скатился на самые правые, социал-шовинистические, социал-империалистические позиции.

Что касается собственно философских работ Плеханова, то они представляют лучшее, что есть в марксизме всей эпохи II интернационала, если не считать большевизма. В своих философских работах Плеханов лучшим образом выражает марксизм по сравнению с теоретиками II интернационала типа Каутского и т. д. Об этом как раз и говорят ленинские характеристики Плеханова как марксиста-философа.

Поскольку, однако, марксизм эпохи II интернационала, за исключением крыла, из которого сложился ленинизм, представляет собой по существу шаг назад, отступление от ортодоксального марксизма, и поскольку Плеханов во всей совокупности своих работ в основном не выходит за пределы марксизма этой эпохи, постольку и его собственно философские работы мы можем рассматривать с точки зрения ряда отступлений от последовательного марксизма.

Бесспорно ошибочным является мнение, будто у Плеханова мы имеем в области философии только ряд отдельных, случайных ошибочных формулировок. Отдельных ошибок с точки зрения ленинского понимания проблем марксистской философии у Плеханова очень много. Задача понимания этих ошибок, задача критического их преодоления заключается в том, что необходимо искать и раскрывать внутреннюю логику этих ошибок, а также органическую связь, которая существует между ними и политической, в основном меньшевистской линией Плеханова.

Подходя к оценке всей совокупности теоретических работ Плеханова, необходимо прежде всего отметить, что «основная традиция и догма II интернационала» — разрыв между теорией и практикой, разрыв между теоретическими писаниями о диалектическом материализме и неумением его применять — получили у него очень яркое выражение. В области общей теоретической трактовки ряда вопросов диалектического материализма Плеханов — яркая страница, в области же применения диалектики он совершенно беспомощен. Стоит только напомнить ленинские характеристики этой плехановской «диалектики» («догматика», «вреднейшая софистика», «извращение», «издевательство над духом марксизма» и т. д. и т. д.), чтобы понять, какой сильный, характеризованный выше, разрыв существует у Плеханова.

Если взять собственно-философские работы Плеханова и проанализировать всю совокупность ошибок, которые у него имеются, главные из которых раскритикованы Лениным, то в общем можно наметить следующие стерхи, вокруг которых концентрируются эти ошибки:

- 1) непонимание материалистической диалектики, как «философской науки»;
- 2) непонимание «сущи» диалектики, а именно «диалектики как теории познания»;
- 3) приверженность к формализму и логистике;
- 4) сильный налет агностицизма;
- 5) весьма значительное влияние Фейербаха на его философские работы, выразившееся в созерцательности, в непонимании «практически-критической революционной деятельности» исторического субъекта, в недостаточном понимании первого тезиса Маркса о Фейербахе.

В настоящее время мы определенно можем сказать, что по всем важнейшим вопросам марксистской философии, начиная с общего понимания предмета марксистской философии, материалистической диалектики, кончая отдельными историко-философскими проблемами, Ленин противопоставлял свою точку зрения плехановской, давал «по-своему» трактовку этих вопросов и проблем. В некоторых случаях и по ряду вопросов Ленину пришлось даже вести прямую и открытую борьбу с Плехановым в печати.

Впервые опубликованный в № 4 — 5 «ПЗМ» за 1931 г. вариант статьи Плеханова «Об экономическом факторе» проливает яркий свет на плехановскую трактовку ряда философских вопросов, в частности характеризует отношение его к неокантинскому ревизионизму Струве, Булгакова, Бердяева и т. д. в конце XIX столетия, уже после известной ленинской критики Струве. Плеханов в этом варианте статьи пишет: «Философские взгляды «учеников», тяготеющих к немецкой «критической» философии, не похожи на философские взгляды авторов «Капитала». Они прекрасно знают это и не считают себя последователями его экономической и философско-исторической теории. И поскольку они разделяют эти его взгляды, они смотрят на общественные вопросы с его точки зрения, они являются его учениками в такой же мере как и те, которые разделяют не только его экономические и философско-исторические, но также и философские взгляды. Неокантинец, признающий справедливость экономической и философско-исторической теории автора «Капитала», в этих пределах может быть таким же верным и последовательным учеником этого знаменитого мыслителя, как и любой из современных материалистов, т.-е. тех, которые следуют за автором «Капитала» также и в философии.

Но можно ли разделять философско-исторические воззрения какого-либо писателя, не разделяя в то же время его философских воззрений? На этот вопрос нельзя ответить безусловно. Ça depend¹⁾, как говорят французы. Но что касается неокантинцев, то надо сказать утвердительно, что они могут, не изменяя своей философской точки зрения, признавать справедливость экономических и философско-исторических воззрений Маркса.

Этот вариант статьи написан Плехановым в конце 1897 или в начале 1898 года. Плеханов по ряду тактических соображений доходит, как мы видим, до «теоретической защиты ревизионизма», допуская возможность сочетания марксизма с неокантинством. Собственно говоря нет в этих строках никакой разницы в постановке этого вопроса между ним и Каутским, который как раз в письме от 22 мая 1898 г. к Плеханову писал: «Правда, я должен открыто признать, что неокантинство всего менее смущает меня. Я никогда не был силен в философии, и хотя я всецело стою на точке зрения диалектического материализма, я все же полагаю, что историческая и экономическая точка зрения Маркса и Энгельса оказывается в случае необходимости совместимой и с неокантинством».

В противовес такой позиции Ленин с самого начала своей литературной деятельности, с первой своей крупной работы «Что такое друзья народа и как они воюют против социал-демократов» занимает четкую, последовательную, революционную позицию, отстаивая монолитность и цельность марксистского учения, категорически выступая против всяких попыток или даже намеков на возможность соединения марксизма с какой-нибудь «модной» философской теорией.

Уже с самых первых работ Ленина, если их сопоставить с плехановскими философскими работами, мы можем проследить отличие его подхода, глубину его понимания и трактовки марксизма, действенность его точки зрения,

¹⁾ Все зависит от обстоятельств.

критику всяких элементов об'ективизма, характерных и для Плеханова. Уже в самых первых ленинских работах чувствуется это характерное для него сочетание революционной теории и революционной практики, живой пульс классовой борьбы поднимающегося пролетариата.

Следовательно, говоря о ленинизме в философии, мы должны иметь в виду не только борьбу его с, если так можно выразиться, средними представителями философской теории II интернационала, надо иметь также в виду и борьбу, которая не могла не составлять одной из важнейших сторон ленинизма, борьбу даже с лучшим представителем философской теории эпохи II интернационала, с Плехановым и преодоление его ошибок и ограниченностей. Все это показывает нам, на каком высоком уровне развитие находится философская сторона ленинизма, как марксизма эпохи империализма и пролетарской революции.

II. Ленинский принцип партийности философии и науки.

Ленинское учение о партийности философии и науки вообще представляет собой важнейшее звено в понимании ленинизма в философии. Ленинский принцип партийности науки представляет собой дальнейшее развитие, конкретизацию Марксовых и Энгельсовских положений о классовом характере науки и философии в классовом обществе. Можно ли сказать, что у Маркса и Энгельса нет учения о партийности философии и науки? Конечно, нет. Напротив, внимательное изучение работ Маркса и Энгельса, которые были, по выражению Ленина, «партийными от начала и до конца», особенно их ранних работ, показывает нам, как глубоко эта проблема ими прорабатывалась. Однако то, что у Маркса и Энгельса представляет собой отдельные разбросанные замечания, отдельные гениальные высказывания, не получившие развития в силу исторической обусловленности этих мыслей, — то получает у Ленина замечательную конкретизацию и развитие.

Совершенно не случайно то обстоятельство, что именно Ленин дал такое блестящее развитие этого важнейшего вопроса и именно в таком направлении. Новая эпоха, эпоха империализма и пролетарских революций есть эпоха гигантских классовых столкновений, мощных пролетарских восстаний, эпоха невиданного обострения классовой борьбы. Борьба классов приобретает в эту эпоху исключительную обостренность и четкость, основные классы капиталистического общества выступают на исторической арене во всеоружии, эта борьба подымается на новую ступень по сравнению с периодом промышленного капитализма. В эту эпоху очень большое развитие получают политические партии, как представители классов. Не только пролетариат каждой страны кует свою коммунистическую партию в каждой стране, усиливая тем самым в очень большой степени свою сознательность, свою сплоченность и организованность. Буржуазия также усиленно кует свою партию. Учитывая уроки пролетарской революции в России, учитывая опыт первого вала пролетарских революций на Западе, — буржуазия усиленно организуется, укрепляется в своих партиях, создавая мощные и дисциплинированные, по-военному построенные партийные организации вроде, например, фашистской партии в Италии. Классовая борьба в империалистическую эпоху, заостряясь и оформляясь, получает свое развитие и выражение в борьбе партий, или наоборот, борьба партий выражает в наиболее совершенной форме борьбу классов. Антагонистичность капитализма получает свое глубокое выражение не только в области политики, экономики, эта резкая антагонистичность перебрасывается также и на область науки, на области идеологические. И здесь с большой четкостью пролегает классовая дифференциация.

В своей статье «Социалистическая партия и беспартийная революционность» в декабре 1905 г. Ленин дает великолепные характеристики партий-

ности и беспартийности. Так он пишет: «Строгая партийность есть спутник и результат высоко развитой классовой борьбы. И наоборот, в интересах открытой и широкой классовой борьбы необходимо развитие строгой партийности».

Далее он продолжает: «Самым цельным, полным и оформленным выражением политической борьбы классов является борьба партий. Беспартийность есть равнодушие к борьбе партий. Но это равнодушие не равняется нейтралитету, воздержанию от борьбы, ибо в классовой борьбе не может быть нейтральных, «зоздерживающихся» нельзя в капиталистическом обществе от участия в обмене продуктов или рабочей силы. А обмен неминуемо рождает экономическую борьбу, а вслед за ней и борьбу политическую. Равнодушие к борьбе отнюдь не является поэтому на деле отстранением от борьбы, воздержанием от нее или нейтралитетом. Равнодушие есть молчаливая поддержка того, кто силен, кто господствует».

Для того, чтобы не осталось никакой неясности в том смысле, что ленинские положения относятся не только собственно к вопросам политики, что они относятся ко всем сторонам капиталистического общества, в том числе и к идеологической борьбе, приведем одно место из этой же статьи Ленина. Он дальше пишет: «Беспартийность есть идея буржуазная. Партийность есть идея социалистическая. Это положение в общем и целом применимо ко всему буржуазному обществу. Конечно, надо уметь применять эту общую истину к отдельным частным вопросам и частным случаям».

Эти места с замечательной четкостью формулируют проблему партийности. Правда, применение этих положений, этих истин к области идеологии, к области науки требует учета своеобразия, специфики данного предмета, особого характера этой области, особых форм, в которых здесь выражается борьба, — однако, несомненно, что эти положения раскрывают нам многое для понимания ленинского принципа партийности философии и науки.

Из сказанного становится совершенно ясным, почему именно в этом направлении в связи и в соответствии с новой эпохой идет теоретическое развитие марксистско-энгельсовских положений о классовом характере науки и философии. Между цитированными строками Ленина, написанными им в 1905 г., блестящими страницами о партийности философии и борьбе партий в науке в «Материализме и эмпириокритицизме» в 1908 г., заметками Ленина по философии в IX—XII ленинских сборниках в 1914 г. и, наконец, статьей Ленина «О значении воинствующего материализма» существует глубокая внутренняя связь, дающая нам возможность со всей полнотой выяснить суть его учения о партийности философии.

Из всей этой темы надо взять три основных вопроса: 1) борьба Ленина за партийность материализма против всякого вида об'ективизма, 2) борьба Ленина со всякими видами субъективизма и релятивизма в науке и философии и 3) наконец, вопрос о соотношении теории и практики с точки зрения марксизма-ленинизма.

Правильное понимание партийности философии и науки упирается прежде всего в необходимость критического рассмотрения широко укоренившегося во всей буржуазной науке деления наук на чистые и прикладные. Было бы смешно, если бы мы стали отрицать известное различие между науками по их объему и характеру, по содержанию трактуемых вопросов, по целям и результатам научного исследования. Конечно, существует различие между биологией, скажем, и медицинскими науками, между зоологией, ботаникой, геологией и всякими агрономическими дисциплинами. Несомненно есть

разница между теоретической экономией и экономическими науками, занимающимися различными практическими вопросами экономической политики. Существует разница между более абстрактными науками и более конкретными, между учениями, занимающимися изучением более общих законов, и науками, исследующими более конкретные закономерности. Видеть эту разницу для марксиста необходимо. Однако ничего общего с марксизмом-ленинизмом, с тем, чему нас учили Ленин, не имеет ходячее буржуазное деление наук на чистые и прикладные, которое весьма часто принимается и всякого рода «марксистами-теоретиками».

В каком смысле проводится это деление в буржуазной идеалистической литературе? «Чистота» науки понимается в том смысле, что наука не подчинена никаким внешним, общественным, средовым влияниям, что чистая наука подчинена только «абсолютному интересу научного прогресса», подчинена только внутренней логике своего развития. Чистота науки понимается в том смысле, что чистая наука совершенно беспристрастна, что она абсолютно беспреденциозна, что ее задачей является давать истину ради истины, что никакие мирские интересы ее не затрагивают.

«Чистота» науки далее трактуется в том смысле, что чистая наука не ставит себе никаких целей, никаких практических задач, что ее смысл только в том, что она изучает причинные отношения. Наконец, важной характерной чертой, если не самой важной по мнению буржуазных и всякого другого рода идеалистов, является то, что чистая наука *с о в е р ш е н н о* *о б 'е к т и в н а*, она выше истории, выше всяких классовых интересов, что она совершенно и абсолютно *а п о л и т и ч н а*. «Жрец» такой «чистой» науки, кабинетный ученый является «чистым» агнцем, по-профессорски поддающимся в своей теоретической деятельности над ограниченностью и условностью социальной обстановки, над историческими своеобразием эпохи, над бурными волнами житейских интересов и классовой борьбы.

Очень ярко все эти черты выразил академик Вернадский в 1915 г. в сборнике, посвященном защите империалистической политики царской России, превосходно доказывая всю «стоимость» и «аполитичность» профессорской «чистой» науки. Он писал: «Перед интересами науки... умолкли мелкие распри политических интересов дня. В научной среде человек... хотя бы одной стороной своей культуры жил в идеальном будущем строе единого человечества... Наука подобно искусству и религии, и даже больше, чем искусство и большинство религиозных систем, является культурной организацией, малозависимой от государственных и племенных рамок. Наука едина. Ее цель — искание истины ради истины, а та истина, которая покупается усилием вековой научной работы, далека от исторической обстановки момента, обща и едина все без различия. Поистине в науке, как и в мировых религиях, несть эллин и несть иудея»¹⁾.

В противовес такой чистой науке и в качестве ее дополнения выступают у буржуазных ученых всякого рода прикладные науки, ставящие перед собой вполне определенные практические цели и задачи, дающие практические правила для действования. Не приходится особо добавлять, что такие науки есть по мнению этих ученых нечто низшее по сравнению с чистой наукой, что они собственно даже почти не науки.

Надо сказать, что это широко распространенное идеалистическое буржуазное учение о делении наук на чистые и прикладные, принимаемое или безоговорочно или с целым рядом оговорок современными социал-фашистскими теоретиками (Максом Адлером, Каутским и др.), как это мы увидим ниже, имеет в качестве своего базиса или основания разрыв между теорией и практикой, или, еще глубже, противоречие между умственным и физическим

¹⁾ Цитировано по статье И. Презента, № 6 «ПЗМ», 1931 г., стр. 160.

трудом, являющимися характерными чертами капиталистического способа производства. Если такова социальная подопечка этого буржуазного претрасудка, то логически или теоретически это деление базируется на кантовском учении о чистом и практическом разуме, на кантовском дуализме формы и содержания, свободы и необходимости, идеалов и действительности и т. д. и т. п. Кантовская дуалистическая философская система наиболее полно, наиболее глубоко отразила противоречия и дуализм буржуазного общества. Не случайно поэтому кантовская философия и всякого рода неокантианские чаяния являются по существу до настоящего времени символом веры буржуазной идеологии.

В своем последнем «труде» — «Материалистическое понимание истории» — Каутский пишет по интересующему нас вопросу: «Хотя возможно сделать различие между науками, которые заняты изучением необходимых причинных зависимостей, и такими науками, которые ставят цели и устанавливают нормы для определенной деятельности, однако это не есть различие между природой, с одной стороны, и между духом или человеческим обществом, с другой, но различие между чистой и прикладной наукой». Чистая наука занимается лишь исследованием необходимых причинных зависимостей, она воздерживается от постановки каких бы то ни было целей как в области политической экономии и истории, так и в механике, химии и биологии. Наоборот, прикладная наука всегда имеет дело с определенными обязательными правилами и дает оценочные суждения по вопросу о целесообразности или нецелесообразности той или иной деятельности, безразлично, имеет ли она дело с механическими и химическими процессами, с живыми организациями или с общественными явлениями» (М. П. И., т. II, стр. 715).

Каутский устанавливает, как видим, в достаточной ясности смысл рассматриваемого нами деления, копияя дословно буржуазные теории в этом вопросе. Дальше, по его обыкновению начинается ряд оговорок и оговорочек, которые, однако, суть дела мало меняют. Конечный вывод, к которому приходит «наститий» социал-предатель, таков: «Социализм Маркса представляет собой прикладную науку, основанную на чистой науке» (стр. 720 — 721). Ничего общего с марксизмом, ничего общего с материалистическим пониманием истории указаные положения Каутского не имеют.

Приходя к таким выводам относительно научного социализма, подвергая сомнению научный характер социализма якобы потому, что он недостаточно обективен и беспристрастен, как любая чистая наука, — престарелый Каутский целиком и полностью скатывается на старую точку зрения Бернштейна. К чести этого последнего надо сказать только, что он излагает свою позицию с гораздо большей полнотой и последовательностью. Вот как он рассматривает существование всякой науки. Он писал: «Знание же, это — познание истинного свойства и отношения вещей друг к другу, а так как, смотря по состоянию познания, всегда имеется только одна истина, то в каждой области знания возможна также только одна наука... Никому, теперь в голову не придет говорить о либеральной физике, о социалистической математике, о консервативной химии и т. п. Но разве с наукой, имеющей своим предметом историю человечества и человеческих учреждений, иначе обстоит? Я этого признать не могу и считаю либеральную, консервативную или социалистическую социологию бессмыслицей». Исходя из такой трактовки в понимании науки, Бернштейн считает необходимым «строгое ограничение области науки от партии». Он считает, что необходимо ясно понимать границу, которая существует между наукой, как обективным познанием, и программами и теориями политических партий. Бернштейн считает, находясь в данном случае целиком и полностью на буржуазной точке зрения, что первое условие истинной научности, это — теоретическое беспристрастие. Общий вывод, к кото-

рому он приходит, отвечая на вопрос «возможен ли научный социализм», таков, что Энгельс был ступро неправ, говоря о научном социализме, что никакого социализма, как науки, быть не может.

«Название «научный социализм», — пишет он, — приводят, однако, к ошибочному представлению, будто социализм как теория хочет или должен быть чистой наукой. Такое представление не только ошибочно, но представляет для социализма не мало опасности: оно в состоянии лишить его как раз того, что является одним из первых условий научного критерия — на учного беспристрастия».

Итак, исходя из рассмотренного выше деления наук, исходя из теории абсолютного обективизма подлинной науки, Каутский и Бернштейн приходят к выводу, что социализм не может быть наукой, что наука как таковая абсолютно беспартийна. Этот вывод подрывает в самой основе важнейший тезис Маркса о классовом характере науки в классовом обществе. Если Каутский недостаточно последователен и не договаривает до конца в этом вопросе, то Бернштейн последовательно проводит свою точку зрения в своих положениях «о либеральной или консервативной или социалистической социологии».

Можно сказать, что непонимание или, вернее, отрицание классового характера науки, не говоря уже о понимании партийности науки, этот буржуазный, насквозь реакционный тезис, в той или иной степени поддерживается, развивается всеми «теоретиками» II интернационала, являющимися одной из догм II интернационала. В противовес такой точке зрения мы имеем у Ленина уже с самых первых работ его последовательно развернутую точку зрения партийности философии и науки вообще. Для того, чтобы закончить характеристику позиций «теоретиков» II интернационала по этому вопросу, надо еще остановиться на последней работе Маркса Адлера — «Материалистическое понимание истории». Эта книжка является боевой работой, направленной против ленинизма в целом, в частности против ленинизма в философии. Пытаясь приспособить марксизм до уровня буржуазной профессорской науки, М. Адлер очень много внимания посвящает тому, чтобы доказать, что марксизм — наука. Но чтобы это доказать, если принять буржуазную точку зрения о беспристрастности, бестенденциозности, беспартийности и аполитичности науки, надо выхолостить из марксизма его «души живу», всяческое революционное содержание из него. Вот как М. Адлер проделывает это: «Кто поэтому действительно хочет вникнуть в понимание марксизма, тот должен прежде всего освободиться от этого почти автоматического амальгамирования марксизма с повседневной политической борьбой партийных страстей. Он должен радикально выкорчевывать всякую мыслительную ассоциацию, которая сплетает со словом марксизм боевой политический призыв... Мы должны понятия «марксизм» и «революционная рабочая политика» прежде всего строго теоретически друг от друга отличить. Мы вскоре увидим, что марксизм по своему существу насквозь и на учение... В себе в первую очередь марксизм, как и всякая наука, полностью аполитичен, если под этим словом понимать политическое партийное значение».

В своих «Основах ленинизма» тов. Сталин отмечает, что между Марксом и Энгельсом, с одной стороны, и Лениным, с другой — лежит полоса фактического господства оппортунизма II интернационала. Это фактическое господство означало господство в его теории целого ряда буржуазных и реакционных предрассудков, типично оппортунистический разрыв между теорией и практикой. «Честь генеральной проверки и генеральной чистки авгиевых конюшен II интернационала выпала на долю ленинизма». В первую очередь ленинизм в огне революционной борьбы масс, в огне живой практики классовой борьбы занялся восстановлением нарушенного единства теории и практики. Это

привело к необходимости критического пересмотра всех догм II интернационала и в первую очередь учения о чистой и прикладной науке. Надо сказать, что эта догма II интернационала имеет настолько глубокие корни, что даже лучший представитель философской теории II интернационала Плеханов не избежал в своих работах, направленных против Бернштейна, по существу общей их установки в этом вопросе. Так, он писал: «Партийная наука», строго говоря, невозможна. Но, к сожалению, очень возможно существование учёных, проникнутых духом партий и классовым эгоизмом. Когда марксисты презрительно отзываются о буржуазной науке, они имеют в виду именно «учения этого рода». Эта точка зрения Плеханова хотя и значительно отличается от точки зрения Бернштейна и ему подобных, однако, и она ошибочна и в корне отличается от действительно-революционного разрешения этого вопроса, данного у Ленина, как это мы увидим ниже.

Прежде всего остановимся на вопросе о «чистой» науке.

С точки зрения марксизма-ленинизма характеризованная выше «чистота» науки — полнейший абсурд, опровергаемый всем ходом истории вообще и в особенности историей науки и научных открытий. Нет ни одного крупного или мелкого научного открытия, идет ли речь о дифференциальном исчислении или о законах тяготения, идет ли речь об открытиях Гарвея или Дарвина, об открытиях в области физического строения материи или законах капиталистического способа производства, которое не явилось бы результатом определенного состояния развития производительных сил и социальных отношений данного времени, не являлось бы потребностью соответствующей эпохи. Нет никаких представителей науки, независимо от того, занимаются ли они самыми абстрактными вопросами философии или самыми практическими (прикладными) проблемами конкретного знания, нет никаких учёных, которые не являлись бы продуктами определенной исторической среды и определенных социальных, классовых отношений. «Чистота», беспристрастие, бестенденциозность и обективизм науки — это миф буржуазной лженуки, с целью замазать экспроприаторский характер подобных учений. Ленин с наибольшей остротой и резкостью разбил эти теории «чистой» науки. Он с наибольшей резкостью раскритиковал всякие буржуазные теории классификации наук на науки каузальные и науки этические, нормативные и позитивные, на науки о природе и науки о духе, на науки естественные и науки общественные, на науки чистые и науки прикладные. Энгельс в «Диалектике природы» устанавливает единственно верный критерий классификации наук, т.-е. различные формы движения материи. Единственный рациональный смысл, с точки зрения ленинизма, деления наук на чистые и прикладные может быть только в известном различии более абстрактных наук, т.-е. наук, занятых более общими закономерностями, более опосредованными задачами по отношению к практике и науками менее абстрактными, более связанными с непосредственными практическими, конкретными задачами. Все науки в классовом обществе с точки зрения ленинизма являются классовыми не только в том смысле, что учёные, творцы данных научных дисциплин, являются представителями тех или других определенных классов, не только в том смысле, что классовое положение учёных влияет на постановку задач научного исследования, но также в том, более глубоком смысле, что само внутреннее содержание наук является классовым. Надо видеть, конечно, разницу в смысле непосредственного классового характера и партийности между науками естественными и науками общественными. Надо понимать, что в науках общественных полнее и ярче — поскольку они заняты специальным изучением общественных отношений — сказывается и проявляется их партийный характер, чем в науках естественных. Надо, однако, вместе с тем понимать, что по мере обострения борьбы классов в современном обществе эта грань все больше и больше стирается. В эпоху

империализма, всеобщего кризиса капитализма и крайнего обострения социальных конфликтов крайне резко начинает сказываться партийность науки в области естественных наук.

Послевоенный период, период современный, показывает, что даже такие науки, как астрономия и математика, не говоря уже о химии и физике, ставятся прямо на службу капитализму и религии, что в настоящее время проводятся специальные научные исследования с целью доказательства бытия Бога. Необходимо указать также и на вредительство в науке, доказанное на процессе вредителей-интервентов.

С точки зрения принципа партийности науки имеет исключительное значение ленинская борьба против об'ективизма, красной нитью проходящая по всем его работам, а в особенности борьба со Струве, поскольку об'ективизм Струве является типичным выражением буржуазных и социал-ревизионистских теорий. На примере струвианской критики народничества Ленин дает развернутую картину его об'ективизма и различие между об'ективизмом и партийностью материализма. Ленин примыкает к известному положению Маркса в «18 брюмера Луи Бонапарта».

«Прудон со своей стороны, — писал Маркс, — стремится представить государственный переворот 2 декабря результатом предшествующего исторического развития. Но историческая конструкция государственного переворота превращается у него под рукой в историческую аналогию героя этого переворота. Он впадает т. о. в ошибку так называемых об'ективных историков. Я, напротив, показываю, каким образом классовая борьба во Франции создала условия и обстоятельства, давшие дюжинной и смешной личности сыграть роль героя».

Ленин конкретизирует и развивает марксовскую характеристику об'ективизма и на основе критики его формулирует точку зрения партийности философии и науки. Основные черты об'ективизма, по Ленину, состоят в следующем:

1) об'ективист отличается крайней абстрактностью, которая по существу выражается в идеализм при постановке исторических социальных проблем, отсутствием классовой точки зрения при рассмотрении общественных явлений, отсутствием классового анализа содержания рассматриваемых теорий, отсутствием сведения их к классам и классовым интересам;

б) об'ективизм отличается отсутствием конкретного анализа данной исторической обстановки, данной конкретной действительности определенной страны, данных конкретных форм, стадий классовой борьбы и отношений антагонистических классов;

в) об'ективист ограничивается доказательством неизбежности, необходимости данного процесса, не вскрывая его внутренних противоречий, не подходя к нему с точки зрения определенных классовых интересов, с точки зрения партии;

г) об'ективист ограничивается абстрактными логическими схемами и теориями, из которых он пытается выводить, дедуцировать действительность;

д) об'ективист не понимает необходимости единства логического и исторического, теоретического и классового анализа определенных общественных явлений и теорий;

е) об'ективист не понимает действенного характера нашей теории, относится к действительности пассивно, созерцательно.

В противовес об'ективизму Ленин выдвигает партийность материалистической точки зрения. Вот знаменитое место, где Ленин с наибольшей ясностью развивает свою точку зрения:

«Об'ективист говорит о необходимости данного исторического процесса; материалист констатирует с точностью данную общественно-экономическую формуацию и порождаемые ею антагонистические отношения. Об'ективист

доказывая необходимость данного ряда фактов, всегда рискует сбиться на точку зрения апологета этих фактов; материалист вскрывает классовые противоречия и тем самым определяет свою точку зрения. Об'ективист говорит о «непреодолимых исторических тенденциях», материалист говорит о том классе, который заведует и данным экономическим порядком, создавая такие-то формы противодействия других классов. Таким образом, материалист, с одной стороны, последовательнее об'ективиста и глубже, полнее проводит свой об'ективизм. Он не ограничивается указанием на необходимость процесса, а выясняет, какая именно общественно-экономическая формация дает содержание этому процессу, какой именно класс определяет эту необходимость. В данном случае, например, материалист не удовлетворился бы констатированием «непреодолимых исторических тенденций», а указал бы на существование известных классов, определяющих содержание данных порядков и исключающих возможность выхода вне выступления самих производителей. С другой стороны, материализм включает в себя, так сказать, партийность, обязывая при всякой оценке события становиться на точку зрения определенной общественной группы» (т. I, стр. 288).

К этой характеристике об'ективизма, с одной стороны, и материализма, с другой, трудно что-нибудь добавить. Основные линии обоих взглядов очерчены с достаточной полнотой. Ленин показывает, что, собственно говоря, партийность точки зрения материализма только по-настоящему и позволяет проводить действительный об'ективизм, ибо она и только она дает возможность вскрывать действительные исторические тенденции развития. Ведь об'ективно развивается в определенном, соответственно этой борьбе классов, соответственно исторически-прогрессивным классам направлению. Только партийная точка зрения материализма может анализировать действительные формы классовых, антагонизмов и классовой борьбы, создавая тем самым наилучший теоретический аналог действительности и являясь тем самым высшим видом научности. Именно потому Маркс и Энгельс смогли создать такое всесильное учение, подлинную науку, верно отражающую действительность, что они были «партийными от начала до конца» (Ленин).

На примере всей борьбы большевизма с меньшевизмом можно проследить правильность этих положений. Характерной чертой всех меньшевистских теоретиков с начала образования партии является в той или иной степени об'ективизм их писаний, шла ли речь о вопросах стратегии и тактики, шла ли речь об аграрных проблемах или других вопросах революции. Характернейшей чертой большевизма, ленинских работ по всем вопросам рабочего движения и пролетарской революции является их строгая партийность.

Действительный ход исторических событий, который является лучшей проверкой и критерием правильности общественных теорий, показал всю научность большевизма. Эта научность достигнута именно в результате внутренней органической связи трактовки теоретических проблем с подлинной революционностью. Эту внутреннюю органическую связь Ленин подчеркивает уже с самых первых своих работ, давая образец замечательно глубокого понимания существа марксизма и партийности теории. Так в «Что такое друзья народа» Ленин писал: «А Маркс всю цену своей теории полагал в том, что она по самому существу своему — теория критическая и революционная. И это последнее качество присуще действительно марксизму всецело и безусловно потому, что это теория прямо ставит своей задачей вскрыть все формы антагонизма и эксплуатации в современном обществе, проследить их эволюцию, доказать их преходящий характер, неизбежность превращения их в другую форму и послужить таким образом пролета-

риату для того, чтобы он как можно скорее и как можно легче покончил со всякой эксплуатацией.

Непреодолимая привлекательная сила, которая влечет к этой теории социалистов всех стран, в том и состоит, что она соединяет строгую и высшую научность, являясь последним словом общественной науки, с революционностью и соединяет не случайно, не только потому, что основатель доктрины лично соединял в себе качество ученого и революционера, а соединяет в самой теории внутренне и неразрывно» (т. I, стр. 225).

Эта точка зрения, развернутая еще в 1894 году, на заре рабочего движения, у нас, как небо от земли, далека от плоских, вульгарных, заимствованных у буржуазных ученых ламентаций Бернштейна, Каутского, Адлера по вопросу о социализме и науке. Эта точка зрения высоко поднимается и над ограниченной точкой зрения Плеханова, который не понимал внутренней органической связи между революционностью и научностью в социализме и реакционностью и наукой у представителей буржуазной идеологии. Плеханов сводил партийность науки, как мы видели, только к тому, что ученые являются реакционерами или революционерами, представителями капиталистического класса, либо представителями пролетариата. Ленин гораздо глубже ставит этот вопрос, выясняя, в чем состоит подлинный об'ективизм и подлинная научность.

Но если такова органическая связь между научностью и революционностью марксистского учения, то не является ли оно в высшей степени тенденциозным, не беспристрастным, полемическим.

Ленин категорически противстоит против буржуазного обвинения марксистского учения в узости и тенденциозности. Он дает жестокую отповедь Струве по этому вопросу.

Так, например, на заявление Струве о том, что марксистская теория о том, что потребление не является целью капиталистического производства, носит на себе явную печать полемического характера и тенденциозности всей системы Маркса,—Ленин следующим образом отвечает ему: «Теория реализации Маркса именно потому, между прочим, представляет громадную научную ценность, что она показывает, как осуществляется это противоречие, что она выставляет это противоречие на первый план. «Полемический характер» носит «система Маркса» не потому, что она тенденциозна, а потому, что она дает точное изображение в теории всех противоречий, которые имеют место в жизни. Поэтому, между прочим, остаются и будут оставаться неудачными все попытки усвоить «систему Маркса», не усваивая ее «полемического характера». «Полемический характер» системы есть лишь точное отражение «полемического характера» самого капитализма.

Не означает ли, однако, проведенная Лениным на протяжении всех своих работ борьба с об'ективизмом Струве, меньшевиков, Каутского, Плеханова и т. д.—основные черты которого наиболее яркое выражение получили у¹ Струве—впадение в суб'ективизм, отход от марксизма именно по этой линии. Как раз со стороны меньшевиков, со стороны Плеханова, со стороны теоретиков современной социал-демократии мы имеем неоднократные обвинения Ленина и вообще большевизма в переходе на суб'ективистские позиции. Известно, что в эпоху реакции, когда некоторые из б. большевиков защищали в области философии машистские позиции, со стороны меньшевизма была попытка приписать большевиков философию машизма. Наиболее четко выразил это Деборин, бывший тогда меньшевиком, в своей статье в «Голосе социал-демократа» в 1913 году, обвинявший Ленина и большевиков в том, что они защищают философию юмизма. Даже Плеханов считал нужным пройти

К вопросу о ленинском этапе в развитии диалектического материализма.

27

в этом отношении по адресу большевиков во время своей борьбы с машизмом¹).

Между тем вся теоретическая и практическая деятельность Ленина в интересующих теперь нас вопросах представляет собой одновременно самую решительную борьбу и против суб'ективизма в различных его видах и проявлениях. Борясь за партийность философии и теории, как против об'ективизма, так и против суб'ективизма, Ленин в этом отношении дает образец борьбы на два фронта. Надо сказать, что работа против Струве «Об экономическом содержании народничества» как раз и есть работа, написанная с точки зрения борьбы с об'ективизмом и суб'ективизмом. Ленину пришлось вести борьбу с различного рода суб'ективизмом, с суб'ективно-идеалистическим социологическим направлением народников, с суб'ективным идеализмом и релятивизмом Богданова и др., с суб'ективизмом Троцкого и т. д. Мы здесь остановимся кратко на борьбе с суб'ективизмом народников для того, чтобы на этой борьбе вскрыть некоторые общие черты суб'ективизма. Предварительно, однако, надо установить следующее: очень часто смешивают об'ективизм с материализмом вообще, в частности даже с диалектическим материализмом. Об'ективизм, как выше показано, не есть еще материализм. Абстрактный об'ективизм вроде Струве в его критике народничества, абстрактный об'ективизм Деборина, Карева и др. в трактовке и разрешении основных философских проблем означает по существу идеалистическую точку зрения. Об'ективизм, который хочет быть материализмом, должен еще дойти до него, освободившись от абстрактности, сверх- и надклассовости, принять партийную точку зрения. Эти положения Ленина имеют крайне актуальный интерес как раз в настоящее время во время борьбы с деборинщиной, ибо многие принимают просто об'ективизм за материалистическую точку зрения. Как раз один из основных грехов деборинщины состоял в том, что они подымались до об'ективистской точки зрения, но это сочеталось с такой абстрактностью, с таким отрывом от классовой точки зрения, с таким нерониманием и отрицанием партийности философии, что получалась подлинная концепция меньшевистствующего идеализма.

Мы видели выше, как старается Адлер отделять марксизм от политики и подвести его под чистую науку. Об'ективизм самого пошлого типа красной нитью пролегает по всем страницам книги Макса Адлера. Страницы Ленина, посвященные критике об'ективизма, написанные больше 30 лет тому назад, приобретают в настоящее время в этом свете самый актуальный интерес. Однако об'ективизм Адлеров, Каутских сочетается в современной социал-фашистской литературе с очень тонко разработанным релятивизмом. Де-Ман, новейший критик Маркса, являющийся ныне крайне популярным «теоретиком» социологических вопросов и социологии мышления по интересующему нас здесь вопросу, проводит точку зрения, что прошлая история относительна, что она конструируется в зависимости от точки зрения современности, что история и современность соконститутивны. «Рассмотрение прошлого становится возможным,— находит Де-Ман,— только с точки зрения заинтересованности действующего в настоящее время субъекта в формировании будущего, направление же исторического отпора, форма об'ективизации и предложения становятся понятны только с точки зрения заинтересованности действующего в настоящее время субъекта в формировании будущего,

¹) Ленин в «М. и Э.» т. 13, стр. 290 пишет следующее: «Плеханов в своих замечаниях против машизма заботился не только об опровержении Маха, сколько о нанесении фракционного ущерба большевизму. За это мелкое и мизерное использование коренных теоретических разногласий он уже поделом наказан—двумя книжками меньшевиков-машистов».

направление же исторического отбора, форма об'ективизации истории становятся понятны только с точки зрения современной активности».

Так сочетаются у социал-фашистских теоретиков всякие «модные теории, начиная от чистого об'ективизма и кончая суб'ективным релятивизмом — в одинаковой степени далекие от подлинной философской и общественной науки. Поэтому для нас имеет особое значение критика суб'ективизма Лениным, поскольку основные характерные черты суб'ективизма варьируются вплоть до настоящего времени.

Критикуя суб'ективизм народников, Ленин вскрывает основные характерные черты их точки зрения на историю вообще, в частности на характер исторического развития. Устанавливая, что «все отличие народничества от марксизма состоит в характере критики русского капитализма», Ленин подчеркивает два основных «первозданных греха» точки зрения народничества. Первый основной грех состоит в том, что в качестве критерия исторического развития и понимания его народник считает «точку зрения современной науки и современных нравственных идей». Для критики капитализма народник считает возможным и достаточным осудить его с точки зрения своих идеалов. Он считает возможным ограничиться критикой констатируемых им противоречий и бедствий, основываясь на моральных суждениях «личности». Они рассуждали именно так, — пишет Ленин, — что вследствие громадной сложности социальных явлений и разнообразия их нельзя изучать эти явления, не отделив важные от неважных, и для такого выделения необходима точка зрения «критически мыслящей» и «нравственно-развитой личности» — и они приходили, таким образом, благополучно к превращению общественной науки в ряд назиданий мещанской морали, образцы которой мы видели у г. Михайловского, философствовавшего о нецелесообразности истории и о пути, руководимом «светом науки».

Ленин дает жестокую критику такого подхода к историческим явлениям. Он оставляет совершенно в стороне вопрос о дополнении, о моральных нормах, ставящих мещансскую утопию на место критического материалистического исследования на место исследования действительных общественных отношений и их действительного развития.

Итак, диалектический материализм, с точки зрения Ленина, в противовес суб'ективизму народников и вообще всякого рода суб'ективизму, твердо придерживается об'ективизма научного исследования, исходит из об'ективной исторической действительности, изучая классы и классовую борьбу этой действительности. В противовес об'ективисту, теория марксизма наиболее глубоко проводит свой об'ективизм, ибо становится на точку зрения определенного класса, выражающего прогрессивные исторические тенденции, она наиболее глубоко проводит свой об'ективизм также потому, что наиболее ясно вскрывает всю глубину действительных противоречий и пути их преодоления, не впадая в надуманные мещанские, мелкобуржуазные реакционные утопии.

Второй «первозданный грех» народнической, суб'ективно-идеалистической социологии состоит в том, что она совершенно извращенно рассматривала вопрос о соотношении личности и класса. Вот как Ленин характеризует точку зрения диалектического материализма и суб'ективного социолога в этом отношении. Он писал: «социолог-материалист, делающий предметом своего изучения определенные общественные отношения людей, тем самым уже изучает и реальных личностей, из действия которых и слагаются эти отношения. Социолог-суб'ективист, начиная свое рассуждение якобы с «живых личностей», на самом деле начинает с того, что вкладывает в эти личности такие «помыслы и чувства», которые он считает рациональными, потому что, изо-

лируя своих «личностей» от конкретной общественной обстановки, он тем самым отнял у себя возможность изучить действительные их помыслы и чувства, т. е. «начинает с утопии», как это и пришлось признать г-ну Михайловскому».

Ленин подчеркивает, что только теория классовой борьбы Маркса поднимает социологию на степень науки, только она составляет громадное приобретение общественной науки так, что устанавливает с полнейшей точностью и определенностью отношения личности и общественной группы, личности и класса, предметы сведения индивидуального к социальному.

Проводя такую борьбу с суб'ективизмом народничества при одновременной борьбе с об'ективизмом Струве, Ленин показывает, насколько точка зрения партийности философии и науки является высшей точкой зрения. Для характеристики ленинского подхода к анализу тех или других теоретических воззрений укажем на важнейшее место в 1 томе его работ. Он пишет: «Все заявления г. Михайловского так чудовищно неверны, что одними теоретическими ошибками их не об'яснишь. Они об'ясняются вполне той мещанской точкой зрения, на которой стоит этот писатель».

Другим видом суб'ективизма и релятивизма, с которым вели борьбу Ленин, является суб'ективизм богословии и вообще махизма. Их отрицанию об'ективной и абсолютной истины Ленин противопоставил развернутую точку зрения по вопросу об об'ективной, абсолютной и относительной истине, которая является ценнейшим вкладом в материалистическую теорию познания. Ленин подчеркивает, что все учение Маркса насквозь пронизано признанием об'ективной истины. Ленин во всей своей работе «Материализм и эмпириокритицизм» показывает, какие идеалистические, мистические выводы прописывают вследствие путаницы в вопросе об абсолютной и относительной истине, вследствие отрицания об'ективной истины.

Развитие Лениным принципа партийности науки состоит в том, что на конкретных приемах, выдвинутых новой исторической эпохой, он показал всю ограниченность об'ективизма, вкладывающего в апологетику господствующих классов, и всю ограниченность суб'ективизма, превращающего общественную науку в ряд назиданий мещанской морали. Он показал всю ограниченность об'ективизма, приветствующего стихийный ход исторического процесса и не понимающего активной, действенной роли революционного класса в изменении действительности, а также всю ограниченность суб'ективизма, сводящего исторический процесс к действиям отвлеченной, надуманной личности, надленной к тому же реакционной моралью и «современными нравственными идеями».

Ленин показал, что партийность диалектического материализма отнюдь не состоит в синтезе (в смысле примирения) суб'ективизма и об'ективизма, как это представлял дело Деборин в своей книге «Ленин как мыслитель». Ленин показал, что точка зрения диалектического материализма есть в высшей точке зрения, преодолевающая и снимающая как об'ективизм, так и суб'ективизм; об'ективизм он преодолевает потому, что исходит из активной действенной позиции революционного класса — пролетариата, изменяющего мир; суб'ективизм он преодолевает потому, что твердо держится об'ективной действительности и об'ективных фактов.

Партийность философии представляет собой то важнейшее звено, тот центральный момент, который характерен именно для ленинского подхода к проблемам философской теории. Это связано с тем, что никто иной, как Ленин, дал наиболее глубокое, проверенное на фактах новой эпохи, после Маркса и Энгельса, теоретическое и практическое разрешение вопроса о соотношении теории и практики. Именно Ленин неустанно в своих работах подчеркивал, в противоположность теории и практике II интернационала,

в противовес Плеханову — положение основоположников материализма, что «наша теория не догма, а руководство для революционного действия». Ленинское учение о партийности философии и теории вообще связано глубокими внутренними корнями со всей концепцией ленинизма в целом. Оно связано с тем, что именно ленинизм дал и дает образцы единства революционной теории и революционной практики. Учение о партийности как бы в фокусе собирает, отражает ряд важнейших сторон марксизма-ленинизма. Это учение выражает наиболее полно, наиболее последовательно, наиболее конкретно для нашей эпохи тезис Маркса о том, что философы должны не только обяснять мир, а изменять его. Ленинское учение о партийности философии, разрешение вопроса о субъективизме и об'ективизме, о теории и практике представляет собой прекрасное развитие и конкретизацию первого тезиса Маркса о Фейербахе.

Итак, в чем же состоит суть ленинского принципа партийности философии и науки? Эту суть можно свести к следующим пяти пунктам:

Во-первых, ленинское учение о партийности науки и философии представляет собой дальнейшее теоретическое развитие и конкретизацию марксистского тезиса о классовом характере науки в классовом обществе. Эта конкретизация проводится Лениным в эпоху империализма и пролетарской революции, когда классовая борьба получает свое наивысшее заострение, наиболее зрелые формы, когда борьба классов получает свое наиболее законченное выражение в борьбе партий, когда идеологическое отражение интересов какого-нибудь класса означает идеологическое обслуживание его партии.

Ленинское учение о партийности науки и философии представляет собой наилучшее выражение задач пролетариата в области науки и философии, когда вся буржуазная наука переживает жесточайший внутренний кризис — разложение, когда «беспартийность к философии есть только презренно-прокрытое лакейство перед идеализмом и фидеизмом». Ленинское учение о партийности философии представляет собой наилучшее разоблачение в этой острой классовой борьбы в науке, классового и партийного характера буржуазной философии и теории, а также всяких подобных социал-фашистских теорий.

Во-вторых, ленинский принцип партийности теории означает наиболее полную и развернутую трактовку марксистских тезисов о действенности нашей теории. Наиболее передовой, наиболее активной, наиболее действенной частью класса является, согласно учению ленинизма, его партия. Поэтому, кто действительно и последовательно хочет проводить точку зрения классовости науки, тот должен продлить это понимание до понимания партийности науки.

В-третьих, в ленинском учении о партийности философии дается наиболее полное и развернутое разрешение вопроса о теории и практике, о примате практики. Ленинское разрешение этого вопроса дает образец борьбы, как с идеалистической трактовкой этой проблемы, когда приматом считается теоретическая деятельность как с полуидеалистической точкой зрения «равноправия» теории и практики, так и с ползуче-эмпирической точкой зрения, признающей такого рода примат практики, которая ликвидирует роль и значение теории вообще, так и теоретической работы в особенности. Никакой, как Ленин во всех своих работах подчеркивал громадное значение революционной теории, однако, признавая, что без революционной теории не может быть революционного рабочего движения, Ленин вместе с тем писал: «этим подчеркиванием необходимости, важности и громадности теоретической работы социал-демократов я вовсе не хочу сказать, чтобы эта работа ставилась на первое место перед практической, тем менее чтобы вторая откладывалась до окончания первой. Так могли бы заключи-

только поклонники «субъективного метода в социологии» или последователи утопического социализма». Учение о партийности материализма и выражает как раз всю глубину ленинского разрешения вопроса о теории и практике.

В-четвертых, принцип партийности философии и науки дает классическое разрешение важнейшего вопроса о соотношении философии, науки и политики. Выше мы видели, какие нелепости нарождены буржуазной наукой по этому вопросу и как социал-демократические теоретики изо всех сил стараются разорвать всякие связи между политикой и наукой. Между тем в этом вопросе Ленинским дано чрезвычайно много нового и своеобразного. Стоит вспомнить дискуссию о профсоюзах и обвинение Ленина, выдвинутое тогда т. Бухарином, и его якобы слишком «политический» подход. Речь тогда шла о соотношении экономики и политики. Как отвечал Ленин? Он писал:

«Политика есть концентрированное выражение экономики — повторяя я в своей речи, ибо раньше уже слышал этот ни с чем несхожий упрек за мой «политический» подход. Политика не может не иметь первенства над экономикой. Рассуждать иначе — значит забывать азбуку марксизма» (разрядка наша).

На первый взгляд может показаться, что это точка зрения, совершившая противоречия известному марксистскому тезису о соотношении экономики и политики. Однако, здесь с наибольшей глубиной оказывается ленинское понимание марксизма и его диалектика, его конкретный подход. Он дальше разъясняет: «ибо вопрос стоит и по-марксистски может стоять лишь так: без правильного политического подхода к делу данный класс не удержит своего господства, а следовательно, не сможет решить и своей производственной задачи».

Ленин здесь разъясняет, в каком смысле им выдвигается на первый план политический подход. Хотя экономика в последнем счете и решает, однако, без правильного политического подхода, без правильной политической линии не может быть обеспечена пролетариату его победа, а после его победы решение им экономических проблем. Может показаться, что Ленинским дана здесь постановка вопроса, касающаяся только экономики и политики. Это не так. Эти высказывания Ленина имеют гораздо более широкое значение, в частности они крайне важны и для понимания нашего подхода к проблемам теории. И здесь, в вопросах теории и теоретической борьбы, политический подход не может не иметь первенства. Во время борьбы с меньшевистствующим идеализмом некоторые его представители рьяно защищали первенство, примат философии над политикой, на том основании, что философия есть всеобщая методология, совершенно не понимая точки зрения нашей партии в этом вопросе.

Без правильного политического подхода к вопросам теории, к вопросам философии в эпоху своего господства пролетариат не сможет обеспечить своей господствующей, руководящей роли в области теории, науки. Учение Ленина о партийности философии и науки и означает именно вот такое глубокое понимание соотношения теории и политики, кладущее водораздел между большевизмом и всякими проявлениями оппортунизма в этом вопросе.

В-пятых, учение о партийности философии отмечает в качестве своего важнейшего момента активную борьбу за генеральную линию партии.

Еще в своей борьбе со Струве, как мы видим, Ленин писал о том, что «материализм включает в себя, так сказать, партийность, обязывая при всякой оценке события прямо и открыто становиться на точку зрения определенной общественной группы». В условиях диктатуры пролетариата, когда единой и-

единственной партией пролетариата является его коммунистическая партия, когда враждебные классовые идеологические процессы получают свое отражение внутри партии в виде различных уклонов от генеральной линии партии — прямо и открыто становится на определенную точку зрения — может означать только одно — активную защиту и борьбу за генеральную линию партии. Можно в связи со всем этим, конкретизируя ленинское положение для настоящей эпохи, сказать так: диалектический материализм в борьбе со всякого рода открытым или замаскированным оппортунизмом включает в себя, так сказать, партийность, т.-е. обязывает прямо и открыто, активно и последовательно вести борьбу за генеральную линию партии.

Представители меньшевистствующего идеализма, пытаясь давать определения партийности философии, давали крайне абстрактное, крайне академическое, беспартийное определение партийности философии, сводившееся якобы к тому, что философский участок теоретического фронта должен отыскивать методологические ключи каждой эпохи. Антипартийность такого определения состоит в том, что деборинская группа в замкнутости своей «школки» «забыла», что единственным руководящим теоретическим и практическим центром в эпоху диктатуры пролетариата является партия и ее Центральный комитет. Важнейшая сторона большевизма и большевистской партии состоит в том, что руководящий штаб партии является не только политически организационным центром революционного движения, и его идеино-теоретическим центром. Свообразие большевизма в противовес партиям II интернационала состоит как раз в том, что он выковывает такое руководство коммунистической партии, которое является подлинным теоретическим синтезом теории и практики, теории и политики, теории и организации, теории и тактики. Именно потому, что руководящий штаб ленинизма дает такой синтез, он является центром действительно творческого марксизма.

Макс Адлер за работой.

Б. Быховский.

Соратник кровавых Зеверингов и Гарви, экстраординарный профессор Венского университета и ординарный лидер социал-фашистов господин Макс Адлер обогатил историю человеческой мысли «Учебником материалистического понимания истории»¹⁾. Вслед за Куновым и Каутским господин Адлер спешит — пока не поздно — подвести итоги своей почти тридцатилетней «работы» по внедрению буржуазных философских принципов в сознание рабочего класса, дать систематическое, развернутое изложение идей, которыми он по мере сил стремился отравлять идеологию пролетариата.

Адлер, подобно Каутскому, распродает марксизм и в розницу и оптом. Адлер не нуждается в революционной теории, он борется с революционной практикой. Он старается ошеломить читателя наглостью, не моргнув глазом, дает на важнейшие вопросы философии такие ответы, что удивляешься, как не сгорает со стыда бумага, на которой они напечатаны.

Адлер не оставляет сомнений в том, на чьей он стороне в борьбе партий в философии. Лицом, полным ненависти и злопыхательства, обращен «Учебник» к приверженцам диалектического материализма Маркса и Энгельса, прежде всего и главным образом к Ленину и его последователям — большевикам. Это они своей страстью приверженностью к материализму сделали марксизм жупелом для буржуазной философии, вызвали к нему ненависть всей «дипломированной поповщины», закрыли ему доступ в среду учченых адвокатов господствующего класса. Другим лицом, лицом, полным подобострастия, с «чего изволите» на устах, «Учебник» обращен к буржуазным философам и социологам. Он то и дело «доказывает» с ними. Но это — полемика особого рода. Господин Адлер из кожи лезет, чтобы убедить своих коллег в благонадежности своего «марксизма», в беспочвенности и незаслуженности их нападок на «марксизм», в том, что их ввели в заблуждение эти большевики, что «марксизм» неповинен ни в каких прегрешениях против буржуазной идеалистической философии, что он, «марксист» Адлер, утверждает как раз то же самое, что утверждают они.

Чтобы «доказывать» это, чтобы сделать «марксизм» «принятым в свете», нужно необычайно «бесцеремонное» обращение с марксизмом, нужен исключительный цинизм. Его у Адлера оказывается более, чем достаточно. С развязностью профессионального шулеря, «работающего» среди провинциальных дурачков, Адлер швыряет грубо краплеными цитатами, припрятывает карты, передергивает: он «доказывает», что Маркс и Энгельс придерживались всех тех принципов, борьба против которых заполняет всю их деятельность, что в действительности материалистическим называется

¹⁾ M. Adler, Lehrbuch der materialistischen Geschichtsauffassung (Berlin, Laub, 1930 г.), Bd. I. Цифры в тексте в дальнейшем обозначают страницы этого издания

такое понимание истории, которое враждебно материализму, не является пониманием и не имеет отношения к истории (стр. 65).

1. Партии в философии и философские шулеры.

Диалектический материализм или «критический» идеализм — такова центральная проблема «Ученика». Для марксиста эта проблема является одним из выражений «великого основного вопроса всякой, а особенно новейшей философии» — «вопроса об отношении мышления к бытию»¹⁾. Этот, а не какой-либо иной вопрос, — утверждает марксизм, — определяет наиболее глубокий, существенный, радикальный водораздел между философскими учениями. «Философы разделились на два больших лагеря сообразно тому, как они отвечали на этот вопрос. Те, которые утверждали, что дух существовал прежде природы и которые, следовательно, так или иначе, признавали сотворение мира... составили идеалистический лагерь. Те же, которые основным началом считали природу, принадлежат к различным школам материализма... Но вопрос об отношении мышления к бытию имеет еще и другую сторону: как относятся к окружающему нас миру наши мысли о нем? В состоянии ли наше мышление познать действительный мир...»²⁾. «Закучей новых терминологических ухищрений, за сором геллертерской школы-стихи всегда без исключения мы находили в ее основных линиях, два основных направления в решении философских вопросов. Взять ли за первичное природу, материю, физическое, внешний мир — считать вторичным сознание, дух, ощущение... психическое и т. п. — вот тот коренной вопрос, который на деле продолжает разделять философов на два больших лагеря. Источник тысяч и тысяч ошибок и путаницы в этой области состоит именно в том, что за внешностью терминов, дефиниций, схоластических вывертов, словесных ухищрений простираются эти две основные тенденции»³⁾.

Марксизм всегда непримиримо разоблачал жалкие и лицемерные претензии «обойти» вопрос об отношении бытия и сознания, стать «вне» его, «над» ним, уклониться от непреложной дилеммы: «либо последовательный до конца материализм, либо ложь и путаница философского идеализма»⁴⁾. Марксизм всегда утверждал, что «попытки выскочить из этих двух коренных направлений в философии не содержат в себе ничего, кроме «примиренческого шарлатанства»⁵⁾, что вопрос этот, «который ставился и обсуждался с самого начала философии... может быть переряжен на тысячи ладов клоунами-профессорами, но... не может устареть...»⁶⁾.

К числу клоунов-профессоров, переряивающих основной вопрос философии на тысячу первый лад и об'являющих устаревым основоположное марксистское деление философии, принадлежит и господин Адлер.

«Принятие только двух основных направлений в философии уже является, — по мнению Адлера, — метафизической установкой мышления... т. к. при этом исходит из того, что мир существует в себе, но одни считают его матерью, другие — духом...»⁷⁾ (117). «Однако это — коренное заблуждение, основанное на догматическом, т. е. не критически-познавательном строе мышления Энгельса и Ленина» (116). Дело в том, что «Маркс и Энгельс не занимались критикой познания и в этом отношении были совершенно отор-

¹⁾ Энгельс, Людвиг Фейербах, стр. 40, рус. пер.

²⁾ Там же, стр. 41—42.

³⁾ Ленин, Материализм и эмпириокритицизм, стр. 274.

⁴⁾ Там же, стр. 276.

⁵⁾ Там же, стр. 278.

⁶⁾ Там же, стр. 106.

ваны от потока послекантовской философии» (115). «В действительности, в нынешней философии имеются вовсе не два только основные направления, — материализм и спиритуализм, — но еще и третье направление, а именно — критически-познавательное. И в противоположность ему материализм и идеализм совпадают в одно единство направление... в метафизическое направление» (117). Борьба материализма против идеализма является, таким образом, внутренней борьбой среди приверженцев одного из основных направлений в философии, борьбой среди сторонников отжившего свой век, устарелого докритического мышления. Этому единому реакционному фронту идеалистов и материалистов противостоит антиметафизическое — не-материалистическое и не-идеалистическое — направление, созревшее в потоке послекантовской философии. В свете противоположности критицизма метафизике вопрос о первичности материи или духа перестает быть основным вопросом философии, более того, он перестает вообще быть вопросом, так как теряет всякий смысл вне догматизма метафизиков. Вопрос, который Энгельс считал великим и коренным, является в действительности мнимым (151), предполагающим существование мира в себе. Поскольку о подобном существовании и речи быть не может, — теряет всякий смысл также и вопрос о том, каково отношение этого мира к сознанию. Поэтому, чем скорее «марксизм» освободится от подобных мнимых проблем, тем лучше для него. Адлера глубоко возмущают люди, возобновляющие спор против идеализма в защиту материализма: «Дискуссия о материализме в марксизме получила необычайное оживление, благодаря большевистской литературе... Однако все это новое издание материализма носит затхлый характер философского и теоретического заклинания мертвцев: это — духи до края философского мышления, расхаживающие среди бела дня и кажущиеся сами себе живыми потому, что они воюют против других таких же духов — материализм против спиритуализма, верующий реализм против столь же верующего идеализма» (113).

Изображая философские идеи марксизма мертвыми, господин Адлер, повидимому, надеется привлечь читателей на свою сторону по принципу: «Живая собака лучше мертвого льва». Мы благодарны господину Адлеру за откровенность, нам ценно это признание, характеризующее смертельный страх некоторых «марксистов», когда вызываются «духи» философии Маркса и Энгельса, когда ведется борьба под знаменами, поднятыми великими основоположниками научного коммунизма. Сам господин Адлер может спать спокойно: его духа не будут вызывать будущие поколения, его предательская работа будет заклеймена нынешним поколением.

Напрасно все же заговорил Адлер о покойниках. Неосторожно наводить своих читателей на размышления на подобную тему. Мы напомним в этой связи господину Адлеру некоторые, повидимому «забытые» им, элементарные историко-философские факты. Адлер считает Маркса и Энгельса совершенно оторванными от потока послекантовской философии. Свою же заслугу он видит в установлении неразрывной связи «исторического материализма» с критически-познавательным (т. е. кантианским) мышлением (10). Но о какой послекантовской философии говорит Адлер? Как известно, послекантовская философия — это философия великих немецких классических идеалистов — Фихте, Шеллинга и Гегеля. От них ли были совершенно оторваны основоположники марксизма? Но, как известно, они выплыли из этого потока, хорошо изведав тайны его темных пучин. Как известно, учение Маркса и Энгельса создавалось на основе глубочайшего проникновения в сущность послекантовской философии и преодоления ее и немыслимо без нее. «Мы... гордимся тем, — писал Энгельс, — что ведем свое происхождение не

только от Сен-Симона, Фурье и Оуэна, но также и от Канта, Фихте и Гегеля¹⁾.

Но каково же было отношение послекантовской идеалистической философии, нашедшей свое завершение в Гегеле, той философии, преодолевавшей которую родился марксизм, к «критически-познавательному мышлению»? Критический или трансцендентальный идеализм с его «антидогматизмом», с его проблемой возможности познания, как первой и основной проблемой философии, был преодолен и превзойден уже в идеализме первой половины XIX века. Учения Фихте и Шеллинга представляли собой грандиозные поиски системы философии на основе преодоления обнаружившего свою противоречивость и несостоятельность кантианства. Учение Гегеля, будучи последним звеном прогрессивного идеалистического ряда, начавшегося с Канта, вместе с тем окончательно разделилось с критицизмом, превратило трансцендентальный идеализм в историко-философский труп. Маркс и Энгельсу—именно потому, что они до низовьев проплыли «поток послекантовской философии»—нечего было задерживаться на Канте, нечего было воскрешать мертвых. «Есть и такие философы,—писал Энгельс в той самой главе, где формулировано основное деление направлений в философии,—которые или вообще отрицают возможность познания мира или, по крайней мере, не считают возможным полное его познание. К ним среди философов нового времени принадлежат Юм и Кант... Самые решительные возражения против их взглядов, какие только можно было сделать с точки зрения идеализма, сделал Гегель... И если неокантианцы (вот они, родные сердцу Адлера новаторы! — Б. Б.) стараются воскрепить взгляды Канта, а английские агностики—взгляды Юма... несмотря на то, что и теория и практика давно уже опровергли и то и другое,—то в научном смысле это представляет собою попытное движение...»²⁾). И сторонник этих, давно уже опровергнутых во времена Маркса и Энгельса воззрений, вылезающий из загробного мира дегелевских духов, смеет говорить о развитии диалектического материализма, как о заклинании мертвцев! Но господин Адлер даже не попытался опровергнуть доводы Гегеля против трансцендентализма. Господин Адлер словно воды в рот набрал по этому вопросу. А ведь Гегель именно кантовскую постановку проблемы возможности познания считает мнимой проблемой, бессмысленно, нелепо поставленным вопросом, самая постановка которого исключает возможность удовлетворительного ответа. Уже лучшим представителям послекантовского идеализма была ясна нелепость изначального вопроса о возможности познания,—того самого вопроса, который Адлер противопоставляет как коренной вопрос философии, «мнимому» вопросу Энгельса.

Но обратимся от исторических экскурсов к существу вопроса. Выясним, каково действительное место «критически-познавательного мышления» в борьбе философских направлений, возвышается ли оно над идеализмом и материализмом и отменяет ли оно значение основного вопроса философии.

Прежде всего обратимся к самому родоначальнику «критически-познавательного мышления»—к Канту—и выясним, в самом ли деле ему удалось стать «выше» обеих основных направлений в философии, занять философскую позицию, находящуюся «по ту сторону» идеализма и материализма. Такую репутацию пытаются создать Канту его эпигоны, опираясь на эклектичность, межеумочность его позиции. «Основная черта философии Канта

¹⁾ Ф. Энгельс, Предисловие к 1-му изд. «Развитие социализма от утопии к науке».

²⁾ Ф. Энгельс, цит. соб., стр. 42—3 (разрядка моя.—В. Б.).

есть примирение материализма с идеализмом, компромисс между тем и другим, сочетание в одной системе разнородных, противоположных философских направлений¹⁾). Кант представляет собой философскую амфибию. Утверждать на этом основании, что трансцендентальный идеализм находится вне материализма и идеализма, столь же верно, как определять земноводное, как животное, существующее вне воды и земли.

С одной стороны (этота сторона безусловно доминирует, и в развитии учения все более вытесняет другую сторону), Кант развертывает систему идеалистических принципов, т. е. придерживается вторичности, зависимости мира, природы, об'екта, материи по отношению к субъекту, мышлению и т. п. «Трансцендентальный» идеализм считает матерью и даже ее внутреннюю возможность только явлением, которое вне нашей чувственности вовсе не существует; поэтому для него она есть только вид представлений. Внешние предметы (тела) суть только явления, следовательно, они также суть не что иное, как вид моих представлений, предметы которых составляют нечто только благодаря этим представлениям, а в отдельности от них они суть ничто²⁾). Материя, таким образом, зависита от представлений, существует благодаря им, сводится к ним. Материя вторична по отношению к психике.

«Природа должна сообразоваться с нашим субъективным основанием апперцепции и даже зависит от него в отношении своей законообразности...»³⁾. «Рассудок... сам есть законодатель для природы, иными словами, без рассудка не было бы никакой природы...»⁴⁾. Субъект, рассудок первичен, природа вторична. «Вместе с устранением мыслящего субъекта должен исчезнуть весь материальный мир...»⁵⁾.

Но Кант все же не растворяет мир в субъекте, а в противоречии, со своим идеализмом говорит о вторичности, производности субъективного, представления. «...За явлениями мы должны допустить и принять еще нечто другое, что не есть явление, именно, вещи в себе...»⁶⁾. «... Я признаю, во всяком случае, что вне нас существуют тела, т. е. вещи... о которых мы знаем по представлениям, возбуждаемым в нас их влиянием на нашу чувственность...»⁷⁾. Тела, внешний мир—первичны, чувственность, представления—вторичны. «...Ибо чем же пробуждалась бы к деятельности способность познания, если не предметами, которые действуют на наши чувства...»⁸⁾. Кант при этом отчетливо различает «вещи вне меня» и «представления вещей вне меня»⁹⁾.

Адлер основывается на том, что Кант центральным вопросом философии сделал вопрос о том, как возможно познание; и ему нет дела до основного вопроса философии Энгельса и Ленина. Но независимо от того, какой вопрос Кант хотел сделать центральным, он не может миновать вопроса об отношении мышления к бытию. Угодно или неугодно Канту заняться этим вопросом,— все его рассуждения базируются на определенном понимании этого отношения. Решение в связи сой философской проблемы предполагает—осознанную или нет—позицию в решении основного вопроса. Гони его в дверь, он войдет в окно.

¹⁾ Ленин, цит. соч., стр. 162.

²⁾ И. Кант, Критика чистого разума, стр. 370, 1-е нем. изд.

³⁾ Там же, стр. 114.

⁴⁾ Там же, стр. 126.

⁵⁾ Там же, стр. 383.

⁶⁾ И. Кант, Основоположение к метафизике нравов, стр. 83, рус. пер.

⁷⁾ И. Кант, Прологемы ко всякой будущей метафизике..., стр. 54, рус. пер.

⁸⁾ И. Кант, Критика чистого разума, стр. 1 (2-е нем. изд.).

⁹⁾ Там же, стр. 276.

Адлер уверяет, что противопоставление «критического» идеализма материализму недопустимо, т. к. в обоих случаях деление философских учений производится в различных плоскостях (118). Материализм представляет собой определенное понимание бытия, это—один из возможных ответов на вопрос о сущности бытия; в то время, как «критически-познавательное мышление» дает решение проблемы познания. Но Адлер прикидывается, будто не понимает, что проблема бытия и проблема познания неразрывно сплазны друг с другом, что определенное решение одной из них упирается в соответствующее решение другой, что это—две стороны, два аспекта единого вопроса: основного вопроса философии. Уже в понимании соотношения обеих проблем обнаруживается разделение двух направлений в философии. Чтобы быть познаваемым, надо быть, притом независимо от сознания — утверждает материалист; чтобы быть, надо познаваемым — утверждает «критический» идеалист.

Центральная проблема критицизма есть не что иное, как одна из возможных формулировок одной из сторон основного вопроса философии. Она есть не что иное, как «другая сторона» вопроса, о которой говорит Энгельс: «Как относится наше мышление к окружающему миру?» Будучи рассмотрен в этом аспекте основной вопрос философии точно так же делает возможными два и только два основных решения: либо наши мысли вторичны по отношению к существующему независимо от них объективному миру, либо наши мысли независимы от него, являются законодателями природы, а «окружающий мир» зависит от них, является их порождением. Материалисты дают первый ответ, идеалисты — второй. Постольку Кант и не считает мышление вторичным, зависимым по отношению к бытию, поскольку считает его коренящимся в самом субъекте, поскольку весь познаваемый мир представляется производным от познавательных способностей субъекта, поскольку существующее растворяется в познаваемом мире, — постольку Кант выражает идеалистическую линию в философии. Постольку у познание, субъект, опыт и т. п. ставятся Кантом в зависимость от «вещи в себе», постольку он вступает на путь, ведущий к материализму. Но Кант колеблется между этими двумя линиями и свою половинчатость сохраняет, настаивая на ней, закрепляет ее в своем агностицизме. Агностицизм Канта выражает в одно и то же время независимость познания от объективной реальности (в царстве познания субъект — самодержец) и его зависимость от нее (аффицирующая чувственность — трансцендентная вещь). Этот агностицизм, таким образом, воплощает межеумочность кантианства.

Постольку Кант не хочет отказаться окончательно от вызывающего ощущения внешнего мира и в то же время развивает идеалистическое учение о познании, постольку он оказывается агностиком. «Трансцендентальный об'ект, лежащий в основе внешних явлений, а также то, что лежит в основе внутренних, не есть ни материя, ни мыслящее существо само по себе, оно есть неизвестное нам основание явлений, дающее нам эмпирическое понятие как первого, так и второго рода»¹). В этой цитате с исключительной наглядностью выражено, как склонение от последовательного идеализма или материализма влечет за собой агностическое воздержание от решения. Ортодоксальный критицизм, таким образом, не возвышается над идеализмом и материализмом, а находится в состоянии, весьма напоминающем известный «персонаж» Бурддана. Кант, отгородив представление от «вещей в себе», обрек себя на агностицизм. «Каковы вещи в себе (без отношения к представлениям, посредством которых они аффицируют нас), это находится совершенно вне сферы нашего знания»²). «... Вещь в себе я

никаким образом не могу познать с помощью теоретического разума (и тем менее с помощью эмпирического наблюдения)»³).

Адлер старается отмежеваться от агностицизма. Он не хочет быть агностиком. Он протестует, он уверяет, что критицизм ничего общего не имеет с агностицизмом. Критицизм не сомневается ни в реальности, ни в познаваемости внешнего мира. Более того, критицизм один только и способен избавить от агностицизма, который оказывается связан с... материализмом (127-128).

Недаром, совсем недаром, Ленин говорил о «клунах-профессорах». Какой талант погибает для «Скалы»! Курбет № 1: Критицизм «вовсе не сомневается в реальности внешнего мира. Он считает его столь же реальным, как и сознание, т. к. он от последнего даже неотделим» (127). Внешний мир реален, поскольку он не внешний! Курбет № 2: «Тем, что критическое учение о сознании устремяется также и непознаваемый остаток этой вещи в себе, оно освобождает наше мышление раз навсегда от мнимой проблемы и тем самым от всякого, также и материалистического, агностицизма» (128, разрядка моя.—Б. Б.). Внешний мир реален, поскольку он устроен, т.-е. нереален! А так как сомневаться в познаваемости чего-либо можно только допуская существование этого «чего-либо», то, чтобы не было сомнений, всего удобнее отбросить то, что причиняет сомнения, т.-е. вещь в себе... дело в шляпе. Но... шляпа — идеалистическая. Сознание само творит свои об'екты и вне себя ничего не признает. Агностицизм посрамлен, сомнения в существовании и познаваемости объективно реального мира не остается, ибо с ним (и с сомнением и с миром) покончено. Но для этого пришлось вместе с внешним миром отказатьсь и от... Канта.

Для избавления от агностицизма есть один истинный путь. Этот путь — последовательно материалистическая теория отражения, второй, мнимый, путь — ввергающий в мистику и социализм — выбрасывание за борт последних элементов материализма, законченно-идеалистический путь. На этом перекрестке берет начало «критика кантианства слева и справа».

«За половинчатость Канта с ним беспощадно вели борьбу и последовательные материалисты и последовательные идеалисты... Материалисты ставили Канту в вину его идеализм, опровергали идеалистические черты его системы, доказывали познаваемость, посторонность вещи в себе... Идеалисты ставили Канту в вину его допущение вещи в себе, как уступку материализму, «реализму», или «наивному реализму», при чем... идеалисты требовали последовательного выведения из чистой мысли не только априорных форм созерцания, а всего мира вообще (растягивая мышление человека до абстрактного Я или до абсолютной идеи...)»⁴).

Ленинская характеристика идеалистической критики Канта справа в целом и полностью относится к воззрениям господина Адлера. Адлер заявляет, что исторический Кант сам не всегда твердо держался трансцендентального метода, и кантианской философии приходится, поэтому, часто исправлять Канта (119-120). В каком же направлении «исправляет» Канта Адлер, в чем видят его несовершенство? В допущении вещи в себе. «В строго критическом смысле,—признается социал-фашистский орел («Се орел, а не ворона» велел бы надписать Кузьма Прутков),—выражение «вещь в себе»... вовсе не следовало бы более употреблять. Если же оно еще употребляется, то не означает ничего иного, как постоянное критическое напоминание мышлению... не забывать, что все его познание вещей — лишь закономерность сознания, а представление вещи по ту сторону сознания —

¹) И. Кант, Критика чистого разума, стр. 370 (1-е изд.).

²) Там же, стр. 235 (2-е изд.).

³) Там же, стр. XXVIII.

⁴) Ленин, цит. соч., стр. 62.

лишь «мысленная вещь» (125). (Другими словами: если уж употреблять понятие «вещи в себе», то для упоминания о том, чего нет.—Б. Б.). «Как бы Кант ни выражался, «вещь в себе», во всяком случае, — мысленная вещь, т.-е. пустая шелуха понятия (Begriffsäule...)» (126). Критически-познавательный идеализм «в действительности, берет за основу не что иное, как опыт, каким он нам фактически дан, спрашивает только о закономерности его сознания и поэтому полностью обходится без «вещи в себе» (125).

Но, как понимал еще Кундо Фишер, «Критика чистого разума» за вычетом вещи в себе есть «берклианский идеализм», т.-е. учение, которое Кант опровергал, как «мечтательный идеализм». Адлеру следовало бы сказать: «С величайшей благодарностью я должен признать, что именно его (Канта) критический идеализм был исходным пунктом всего моего критического мышления, но оставаться верным ему я не мог. Очень скоро я снова вернулся ко взгляду Беркли... Я в настоящее время считаю Беркли и Юма гораздо более последовательными мыслителями, чем Канта». Ибо отказ от вещи в себе есть переход на последовательную субъективно-идеалистическую позицию, на позицию Беркли, Юма, Фихте, а вслед за ними, на позицию Маха, слова которого мы только что привели:¹⁾.

В основном вопросе философии позиция неокантианца Адлера ничем не отличается от позиции Маха. Их взгляды тождественны — оба отвергают независимую от сознания объективную реальность, признают первичность и независимость сознания. Ортодоксальное кантианство Адлер критикует с той же стороны, что и Мах: с правой стороны, с позиции заключенного субъективного идеализма. Адлер, правда, говорит, что «на самом деле эмпириокритики и лахисты не потому полны противоречий, как думает Ленин, что они слишком много влили в свои воззрения теоретико-познавательного идеализма, а потому, что они обладают им слишком мало» (115). С одной стороны Адлер критикует Канта в блоке с Махом, с другой — Маха в блоке с Кантом. Но это уже семейные разногласия двух родственников субъективного идеализма. В основном вопросе Адлер противостоит Канту за одно с Махом. Их расхождение — расхождение в пределах единой линии в философии.

Таково преодоление Адлером дуализма Канта. Таково его «возвышение над «устарелой» противоположностью идеализма и материализма. Если Кант становится «над» этой противоположностью воледствие того, что колеблется между двумя ее полюсами, то его реакционные «исправители» являются заключенными идеалистами, заключенными представителями одного из двух основных направлений в философии. И никаким шарлатанством этого скрыть не удастся.

Адлер, однако, с цинизмом, достойным «левого» лидера социал-фашистского интернационала, усматривает свою «погусторонность» по отношению к основным философским направлениям, как раз в том, что он последовательно проводит одно из них. Именно потому, что он порвал с междумочным дуализмом Канта, именно потому, что он с корнем вырвал из своих воззрений вещь в себе и остался наедине с сознанием, — он считает себя вырвавшимся из догматического округа как материалистических, так и идеалистических принципов. Вне «реализма» нет-де идеализма, как нет «материализма».

Посмотрим, какова настоящая цена подобным уверениям и следует ливинить Энгельса за «докантианское смешение критически-познавательной точки зрения с метафизической» (119) или этому «смешению» должно следовать.

¹⁾ Анализ ощущений, стр. 292. Приведено у Ленина, цит. соч., стр. 159.

Адлер рассуждает следующим образом: основной принцип критицизма — отрицание независимого внешнего мира. Основной вопрос «метафизики» — отношение мышления к внешнему миру. Но если один из членов отношения — внешний мир — отрицается, тем самым отпадает и самая проблема, и вопрос о первичности одного из двух противостоящих элементов лишается смысла. Но подобная аргументация — не более, как убогий балаганный трюк. Отрицание не заывает от сознания мира есть, разумеется, вместе с тем и отрицание его первичности, основоположности. Отрицание независимого от сознания мира подразумевает, далее, признание независимости сознания, его первичности, его суверенности. Отрицание независимого от сознания мира означает, наконец, признание мира зависимым от сознания. Исходным пунктом критицизма является независимый, первичный субъект, сознание; дух. Критицизм пытается в себе обяснять из сознания, из мышления. Все сводится к сознанию, коренится в нем, обясняется его закономерностями. Единство мира усматривается не в его материальности, а в духовности, конституируемой трансцендентальной апперцепцией. Но перестает ли быть идеализм самим собой, если он не только отправляется от сознания, но и замыкает в нем всю вселенную? Перестает ли быть идеализм самим собой, если он материальный мир из своего «доминиона» превращает в «колонию», из «плениника» в «жертву», растворяет его в себе? Перестает ли быть идеализм самим собой, если он привилегированное положение духа превращает в монопольное положение духа? Коротко: перестает ли идеализм быть самим собой, если он с предельной, безудержной последовательностью проводит свои принципы?

Всякая философия на «почве» отрицания независимой от сознания объективной реальности необходимо является формой идеализма. Всякое признание внешнего мира независимо от сознания уже является материализмом. Одного отрицания объективной реальности совершенно достаточно, чтобы определиться идеалистом, ибо подобное отрицание уже заключает в себе и доводит до крайности основоположение идеалистической линии в философии и нёмслимые вне этой линии. «Критицизм» противоположен материалистической «метафизике» в той же плоскости, что и идеалистическая метафизика. «Критицизм» расходится с «догматическим» идеализмом в рамках единой общей антиматериалистической платформы первичности сознания, мышления, духа. «О, эти господа хвалятся своей беспартийностью и если есть у них антипод, то только один и только материалист. Через все писания в себе... (их) красной нитью проходит тупоумная претензия подняться выше материализма и идеализма, превысить это «устарелое» противоположение, а на деле вся эта братия ежеминутно отступает в идеализм, ведя сплошную и неуклонную борьбу с материализмом»¹⁾. Книга Адлера — новое и разительное тому подтверждение.

Чтобы избежать агностического дуализма, Адлер выбросил балласт «вещи в себе» и взлетел в эфир феноменализма. Проделав это, он устранил препятствия между «своим учением и солипсизмом, устранил ту сдержанку, которую Кант старался обезопасить себя от «мечтательного идеализма». Но Адлер не хочет быть солипсистом. Он силится доказать, что «критический» идеализм не является ни субъективизмом, ни солипсизмом, что он даже является «радикальным преодолением всякого субъективизма в теории познания» (129).

¹⁾ Ленин, цит. соч., стр. 105.

Каким же образом пытается Адлер сохранить равновесие, избежать абсурда солипсизма? Нужно, — начинает он передергивать, — различать форму и содержание сознания. «Сознание знает себя самого только в форме Я (Ich—Form)... Но критически-познавательный идеализм не значит, что опыт содержится только в Я, но что без Я опыт невозможен... Качество сознания опыта относится не к индивидуальному сознанию, но само оно (индивидуальное сознание) есть лишь форма сознания вообще» (128—9). Последует за Адлером в его путешествии по царству сознания. Бросив якорь у «сознания вообще», познакомимся с тем, что оно собою представляет.

«Сознание вообще», существующее служить для Адлера убежищем и укрыть его от чрезмерных претензий «Я-сознания», с первого впечатления кажется не чем иным, как «коллективным сознанием», «мы-сознанием». Я не одиноко, оно одно из многих Я. «Сознание вообще», при таком понимании, представляется «интериндивидуальным» сознанием. «Сознание... лишь в своей самосознательной форме «яйно» (ichhaft), индивидуально, по своей же сутиности (Wesen), напротив, изначально «мыйно» (Wirhaft), сверхиндивидуально» (128—9).

Прежде всего бросается в глаза странное для столы «критического» мышления допущение сущности не только без кавычек, но даже курсивом. Ведь против него, как мертвого докритического предрассудка только что беспокоился господин Адлер! Но то была, правда, материальная сущность, а здесь — безуказненная, незапятнанная духовная сущность.

Но каким образом обосновывается переход к другим людям (не люди, впрочем, а только сознания других людей)? «Если... хотят оставаться на почве опыта, то этот опыт не дает нам вовсе ничего, кроме индивидуального содержания сознания» — разъясняет Адлер. «Другие... даны лишь как элементы индивидуального содержания сознания. И если хотят некритически (читай: материалистически.—Б. Б.) понять другого человека, как нечто данное «вне» нашего сознания самостоятельно, то никакой опытный мост не ведет от моего сознания к чужому сознанию» (227). Конечно, тут уж «докритическому» мышлению перебросить мосты! Вот Адлер — он перебросит. «Это критически-познавательное понятие может быть найдено лишь из анализа человеческого сознания (индивидуального, не так ли? — Б. Б.). Этот анализ ведет (ох, не к добру он ведет! — Б. Б.) к тому выводу, что уже всякое единичное сознание по своей собственной мыслительной возможности (Denkmöglichkeit) вовсе невозможно, как индивидуальное сознание, но уже в Я имеет отношение к неопределенному множеству других Я, одинаковой с ним сущности... Я — лишь форма переживания сознания, она переживает себя, однако, в то же время, не только как Я, т. е. как духовную единичность, но как сообразно роду (gattungsmässig) определенный субъект...» (228).

Раз, два, три — и мост переброшен. Но мост этот, в прямую противоположность крыловскому, выдерживает только Адлеров. — Приглядевшись к самому себе, индивидуальное сознание находит себе такое содержание и «мыслительные возможности», которые превосходят его единичность. Оно изначально содержит в себе идею сверхиндивидуального, родового сознания. Но если такие идеи заключены в переживаниях Я, то этим доказано существование родового сознания, отраженным светом которого светят Я. Так рассуждает Адлер.

Но ведь это же точное воспроизведение методологии картезианского варианта онтологического доказательства бытия божия! Достоверно существование моего сознания. Анализ этого сознания обнаруживает идеи, превосходящие его собственные возможности. Следовательно, существует нечто высшее, чем человеческое сознание, благодаря чему последнее наделено

обнаруженными в нем идеями. Ergo, бог существует, и нечестивость посыпана. Но раз это доказано, — соотношение меняется: бог становится первичным, а Я, бывшее отправным пунктом анализа, — вторичным. У Адлера место бога заступает «духовная природа», «родовое сознание», «обобщенное сознание», — но методология перехода от субъективного идеализма к объективному здесь одна и та же. И поэтому Адлер столь же способен доказать существование внеобъективного сознания, сколь Декарт «доказал» (что ясно было даже и Канту) бытие бога. Таков адлеровский мост. Если он не приводит в внесубъективному миру, зато приводит к богословским рудиментам в философии XVII века.

Если бы Адлер остановился на таком понимании вопроса, нам следовало бы перейти от рассмотрения его «обоснования» перехода к другим Я, к выяснению того, действительно ли спасает «наше сознание» от субъективизма. Но мы не дослушали Адлера до конца и поэтому недопоняли всей «глубины» понятия «сознания вообще». Это — не просто коллективное сознание, а нечто большее, нечто более возвышенное. Вслед за Кантом Адлер понимает общезначимость содержания сознания (его об'ективность, по кантианской терминологии) весьма расширительно: не только для людей, но и для всех возможных разумных существ (141). При этом не человек и не люди (коллектив) являются основанием и носителем сознания, а... как раз наоборот. «Духовное, как основание всякого Я-сознания, само должно быть понято, как безличное (ichlos), т.-е. как некая активная закономерность, в которой психологическое Я, «человек», представляет лишь форму проявления (Erscheinungsform)» (141). «В последовательной теории познания, какую является теория сознания, «человек» уже не выступает, так как сам он лишь содержание познания» (141). Да, теория, последовательная, что и говорить. Но, оказывается, под «сознанием вообще» в ней разумеется не коллективное, интериндивидуальное сознание, а сознание внеиндивидуальное, безличная духовная закономерность. Чтобы окончательно отряхнуть с читателя прах всяких «догматических» предрассудков, Адлер предостерегает его от связывания этого сознания с мозгом. В отличие от психологического сознания, т.-е. человеческого мышления, «сознание, как особая фундаментальная духовная закономерность (Eigengesetzlichkeit), не только возможно без мозга, но иначе даже не может быть постигнуто...» (141). Итак, субъективное сознание рассматривается, как проявление безличного, суперенного, безмозглого «сознания вообще».

Наконец, это «оригинальное» философское построение, «возвышающееся над противоположностью идеализма и материализма», завершается рассуждением о сознании не только вне людей, но и людей и даже до земли. «Конечно, земля существовала до человека (и на том спасибо.—Б. Б.), но не до сознания, так как земля, ее возникновение и развитие и все протяжение развития до человека суть не только содержания сознания, но и определения сознания, которые благодаря формам сознания только и стали возможны» (140—1). И после этого Адлер смеет заявлять, что смешны и устарели наши доводы в пользу двух линий в философии, что смешение проблемы бытия с проблемой познания «похоронено давно под смех критической философии» (131), что отвергнута связь неокантианства с той линией в философии, которая «утверждает, что дух существовал прежде природы».

Познавательный критицизм, по Адлеру, «преодолел» субъективизм и солипсизм. Он строго различает «яйные» (ichhafte) и «не-яйные» формы сознания. Он признает и внешний мир вне субъекта, но, разумеется, не вне сознания. Что касается вопроса: откуда берется содержание сознания, — этот вопрос, конечно, отпадает, так как совпадает с вопросом, «откуда сознание вообще?» (130).

О, блаженный епископ Клонский, о, благочестивый Джорж Беркли! Ведь это ты же писал двести двадцать лет тому назад: «Я не отрицаю существования ни одной вещи, которую мы можем воспринять посредством ощущения или рефлексии. В том, что вещи, которые я вижу моими глазами или осязаю моими руками, действительно существуют, я отнюдь не сомневаюсь. Единственная вещь, существование которой мы отрицаем, есть то, что философы называют материи или телесной субстанцией...»¹⁾. «... Все вещи составляющие вселенную, не имеют существования вне духа,... их бытие состоит в том, чтобы быть воспринимаемыми, или познаваемыми... следовательно, поскольку они в действительности не восприняты мною или не существуют в уме моем или какого-нибудь другого сотворенного духа, они либо вовсе не имеют существования, либо существуют в уме какого-либо вечного духа, ... совершенно немыслимо и включает в себе все нелепоть отвлечения приписывать хоть малейшей части их существование независимо от духа».

Адлер возрождает излюбленнейшую идею Николая Мельбранша, что существует только вечный, всеобщий об'ективный дух и субъективные духи, как его проявления.

Между «интеллигibleйной протяженностью» Мельбранша или «вечным духом» Беркли и «сознанием вообще» Адлера отличие такое же, как между чортом зеленым и чортом синим. А от «об'ективного духа» Гегеля он отличается, как чорт глупый (метафизический) от чорта умного (диалектического). Адлер своим собственным примером лишний раз подтверждает полную правоту Ленина, который в этом отношении «совершенно не делает принципиального различия между критически-познавательным и об'ективным (метафизическими) идеализмом» (114).

Подобно Беркли и Канту Адлер отправляется от эмпирико-сенсуалистического исходного пункта, субъективистки интерпретируемого. Расходясь, вслед за Кантом, с Беркли, он переходит на рационалистический путь, но в отличие от Канта, во избежание агностического дуализма, Адлер остается верен последовательно-идеалистической установке Беркли, он отрицает «вещь в себе». Опять-таки по стопам Беркли, он вынужден перед угрозой солипсизма воссоздать реальность, но делает это об'ективно-идеалистически. Тем самым он последовательнее Маха возрождает берклианство. Формой идеализма Адлера (Наторга, Кассирера тоже) является межеумоочный идеализм, колеблющийся между субъективизмом и об'ективизмом. Этой внутренне-идеалистической эклектика склоняется к субъективизму, из боязни «метафизического догматизма», то скатывается к об'ективному идеализму, спасаясь от солипсизма. То, что отличает неокантинство от последовательного субъективизма, родит его с об'ективным идеализмом и наоборот. И подобную, с позволения сказать, систему нам пытаются преподнести под видом «нового» направления в философии, выступающего в смешу «устаревшим» идеализму и материализму!

«Третье» направление в философии, «критическое учение о сознании», является, по классификации Адлера, идеалистическим учением (119). Но идеализм понимается им при этом не как противоположность материализму, а как противоположность реализму (118). При чем Адлер требует строго отличать идеализм критический от об'ективного и субъективного идеализма. Мы только что выяснили, чем в действительности «отличают» неокантинство от других разновидностей идеализма. Но Адлер неспособен даже последовательно формально-логически провести «свою» классификацию. В самом деле, если идеализм понимается как противоположность «реализму», то об'ективный идеализм не может фигурировать наряду с субъективным.

¹⁾ Дж. Беркли. Трактат о начале человеческого знания, стр. 84, рус. изд.

²⁾ Там же, стр. 65.

ектическим и критическим, а должен рассматриваться как антиидеалистическое, «реалистическое» учение. Поди после этого разбери, являются ли критицизм и об'ективный идеализм идеалистическими учениями или нет! Как противоположность «реализма» «критицизм» — идеалистическое учение, но в то же время Адлер решительно протестует против причисления критицизма к идеализму. Как «метафизическое» учение, об'ективный идеализм — «реалистическое» учение и, тем не менее, Адлер различает об'ективный, субъективный и критический идеализм.

Противопоставляя «третье направление» «метафизике» Адлер приводит к одному знаменателю материализм и об'ективный идеализм. Мы уже знаем, что сам он не без греха по части об'ективно-идеалистической метафизики. Но по испытанному методу Адлер бежит и кричит: «держите вора!». При этом он тычет в «Материализм и эмпириокритицизм», где якобы материализм определяется таким образом, что и об'ективный идеализм подходит под это определение. Ленин же подменяет материализм реализмом вообще (149). «Материализм и эмпириокритицизм», как известно, направлен против реакционной школы с убийственного идеализма, подобно Адлеру возникшей, что она не является идеалистической. Для доказательства противного совершенно достаточно вскрыть беспочвенность ведущего к солипсизму отрицание внешнего мира. Мы уже отмечали выше, что в с я к о е отрицание независимого от сознания внешнего мира неизбежно является идеализмом. Это, в первую голову, и доказал Ленин. А доказав это, тем самым заранее предостерег нас от шулерских проделок венских «антиметафизиков». Но, давая положительное определение материи, Ленин с полной ясностью отмежевал материализм от хотя и признающего внешний мир, но не менее враждебного материализму, об'ективно-идеалистического направления. И этого размежевания нельзя заметить даже при крайней философской близорукости. О нем можно только умолчать, бесцеремонно обманывая доверчивого читателя.

«Материя есть философская категория для обозначения об'ективной реальности, которая дана человеку в ощущениях его, которая копируется, фотографируется, отображается и называемыми ощущениями, существующими независимо от них...»³⁾. Так Ленин определяет материю. Он в этом классическом определении сколько противопоставляет «об'ективный сенсуализм» материалистов «субъективному сенсуализму» махистов, отмежевываясь попутно от агностицизма и от об'ективного идеализма. Где, когда, какой об'ективный идеалист считал, что об'ективная реальность дана непосредственно в ощущениях человека и отображается ими? Где, когда, какой об'ективный идеалист понимал об'ективную реальность таким образом, чтобы для воздействия на разум она непременно должна была пройти через ощущения? Где, когда, какой об'ективный идеалист понимал об'ективную реальность таким образом, чтобы воздействовать на человека она могла, лишь действуя на его органы чувств? Таких об'ективных идеалистов нигде и никогда не было и быть не может, т. к. это определение диаметрально-противоположное как рационализму, так и волонтаризму об'ективных идеалистов.

Но Адлер умолчал еще об одной «мелочи». Об'ективный идеалист признает об'ективную реальность независимой от моих или наших ощущений, мыслей, желаний. Но какой об'ективный идеалист признавал об'ективную реальность независимой от каких бы то ни было ощущений, мыслей, воли, от мышления вообще, от воли вселенской, божьей или от «сознания вообще», о котором говорите вы, господин Адлер? Такой об'ективный идеалист был бы... материалистом. Им не являются конечно Адлер и его

³⁾ Ленин. Цит. соч., стр. 105.

единомышленники, но им непоколебимо было, ни на пядь, ни на шаг не отступая никогда от материализма, вслед за Марксом и Энгельсом, Ленин. Вам это прекрасно известно, господин Адлер, но... нельзя же обосновать «третье направление» в философии, не втирая очков!

Смысл затеянного Адлером философского маскарада, маневра с перетасовкой и переодеванием философских направлений, не хитер. Нужно скрыть свое истинное лицо, пронеся свои реакционные убеждения. Нужно скрыть настоящее место этих убеждений в борьбе философских направлений. В суматохе перетасовки, перемешав как можно бессмысленное различные течения, Адлер надеется, что читатель не разберет «левая правая где сторона», не поймет, по какую сторону баррикад стоит господин Адлер и иже с ним, с кем и за кого они борются философским оружием. А борются они философским оружием с теми и за того, за кого они борются и резиновыми палками полицейских. Смешать в одну кучу материализм и «объективный идеализм», подменить идеализм одной, наименее существенной его формой, — спиритуализмом (Кант сказал бы: пневматизмом), разуть частные расхождения в утре идеализма с тем, чтобы противопоставить «критицизм» «догматизму», и все для того, чтобы протащить реакционную буржуазную архи-идеалистическую окрошку, — такова задача, выполняемая Адлером. Философский шулер рассчитывает на «философских безголовцев». Но его собственные воззрения, без труда раскрывающиеся, как идеалистические, являются наилучшим опровержением его классификации и новым подтверждением привильности марксистско-ленинского учения о двух линиях в философии.

Однако в растасовке Адлером философских учений есть своя логика. Она представляет собой отражение социально-политической тактики социал-фашизма. В борьбе политической социал-фашисты являются на деле опорой фашизма, образуя левое крыло буржуазного лагеря, противостоящего единому фронту борющимся под знаменами коммунистических партий пролетариату, а на словах выступают как поборники «демократии» против «антидемократических» сил коммунистов и фашистов. Точно так же в борьбе философской они на деле представляют собой крыло фашистской философии, выросшего на неокантинских дрожжах реакционнейшего, неогегельянского идеализма, а на словах выступают как представители «критицизма» против «догматических» идей материалистов, смешиваемых в одну кучу с метафизическими идеалистами. Под видом борьбы против «антидемократических сил» они борются против коммунизма и укрепляют фашизм; под видом борьбы против «догматизма» и «метафизики» они борются против материализма и пропагандируют махровый идеализм, философию буржуазной реакции. Да иначе и быть не может: на чьем возьмись, тому и песнь поешь.

II. Мальбрук в поход собрался.

В то «идиллическое» время, когда социал-демократы еще не расстреливали рабочих демонстраций, а «только» предавали их вполне «гуманными» и вполне «демократическими» методами, в то время официальные социал-демократические «теоретики» еще воспринимали эпитет «идеалист», как бранный, стыдливо открыто и явно быть идеалистами. Теперь времена иные. Адлер упрекает Ленина в том, что он доводит свою полемику только до доказательства реакционной идеалистичности эмпириокритиков. «Идеалисты? Ну так что же? — После этого спор должен только начинаться!» — цинично заявляет Адлер (114), точь в точь, как вольтеровская герцогиня, которая, будучи обозвана одним недовольным распутницей, ответила: «Вот

уж тридцать лет, как мне это повторяют; я бы хотела, чтобы говорили то же самое еще тридцать».

Как мы знаем, неокантианец Адлер отрицает уже первое условие, предъявляемое материализмом: признание объективной реальности. Его идеализм — убеждение в первичности духовного — пытается обосноваться на «почве» отрицания независимого от сознания мира. Вещи для него — конструкция сознания; содержание сознания — единственная реальность (126 — 127).

Адлер отправляется в поход против «материалистического реализма», который он, как сотни фиденстов по нему, считает «чистой верой» (135). Но доводы его так ничтожны, уловки так корявы и неуклюжи, что вызвали бы жалость к своему убежству, если бы не вызывали отвращения.

Объектом своего нападения Адлер избирает ленинскую теорию отражения, представляющую собой «новейшую fazу материализма» (112). («Ай-ай-ай, знать она сильна, коль лает на слона!»). Но с какими «доводами» выступает Адлер?

I. «В теории отражения речь идет о познании того, что вовсе никогда не может быть познано, так как оно даже не может быть предметом сознания... Когда говорят, что имеется реальность вне сознания, то это нужно уметь как-то представить. Но это соответствует приблизительно требованию глядеть спиной... В действительности... отыскивают себя самого и затем представляют вещи без себя. Но при этом упускают из виду, что это представление вещей без себя самого происходит лишь в нашем представлении... Но если я никогда не могу прямо воспринять реальность вещей вне сознания, откуда я вообще могу о ней знать?.. По их воздействием на наше сознание? Но, возразим мы, что она производит такие воздействия на нас — лишь мое заключение, т. е. снова явление сознания во мне» (134—135). И эта тавтологическая жвачка — сознание есть сознание, без сознания нет сознания, что находится вне нас не находится внутри нас, — которую Кант выкинул из 2-го издания «Критики чистого разума»¹), выдается за непроповедование материализма!

«Без помощи представлений нельзя представить», «представление вещей происходит в нашем представлении», «моё заключение — явление сознания», — разве может устоять против такой глубокомысленной диалектики «внешнего» и «внутреннего» «чистая вера» материализма? Вам не кажется убедительным, что если ничто не может быть познано без посредства сознания, то, следовательно, не может быть познано ничто вне сознания? Что если реальность вне сознания представляется при помощи представлений, через представления, то она не может быть реальностью вне сознания? Вам это совершенно не кажется убедительным и неопровергимым? Но... часть Адлера вам в том порукой. Только в том случае, по Адлеру, можно было бы говорить о внешнем мире, если бы мы представляли его без представлений, если мы, представляющие, для объективного воспроизведения не нуждались бы в том, чтобы отыскать от содержания представлений нас самих, если бы не смели заключать на основании воздействия на сознание. Коротко: познание существования внешнего мира невозможно, т. к. оно есть познание. Адлер требует от материалистов познания без познания, представления без представления. И горе материализму, если он не выполняет этого... скромного и законного требования и познает при помощи познания.

¹) «Критика четвертого парадигма трансцендентальной психологи»: «Т. к. внешний мир не находится во мне, то, очевидно, он не может встретиться в моей апперцепции, а следовательно, и в моих восприятиях...» («Кр. ч. р.», 1-е изд., стр. 368).

II. Адлер не согласен с Лениным, что непосредственный донаучный опыт и обыденное восприятие характеризуются наивно-материалистическим миропониманием. Он уверяет, что раздвоение мира на воспринимаемое и скрывающееся за ним реальное — продукт рефлексии, результат последующей обработки непосредственно-данного; наивный же реализм чужд подобного раздвоения и имеет дело с самими вещами (132 — 133). Следуя своим принципам, Адлер и в этом вопросе передергивает, подменяя одной проблемой другую. В самом деле, непосредственное миропонимание наивного реалиста еще не усматривает различия между качественным содержанием восприятия и воспринимаемой вещи. Наивный реалист убежден, что свойства самой вещи абсолютно идентичны с их воспроизведением в ощущениях. Он не сомневается в абсолютной и непосредственной истинности отражения. Понимания относительной истинности отражения и необходимости приближения к истине путем рационального опосредствования непосредственно-данного в ощущениях у наивного реалиста, действительно, нет. Но одно дело — отсутствие различия качественного содержания восприятия от качественного содержания отражаемого в восприятии объекта, и совсем другое дело субъективно-идеалистическое отождествление восприятия с воспринимаемым, элиминирование объекта. Содержание восприятий таково, каковы отражаемые ими вещи сами по себе — убежден наивный реалист. Восприятия это есть вещи — убежден «критический» идеалист. Первый ставит знак равенства между двойниками — свойствами вещи и содержанием соответствующего восприятия, второй — растворяет без остатка вещи в восприятиях. Наивный реалист не сомневается в независимости от сознания существования вещей, как он не сомневается и в их познанности, и убежден, что вещи сами по себе таковы, какими они непосредственно воспринимаются. Иначе он не был бы ни наивным, ни реалистом. Но он прекрасно различает восприятие и реальный объект восприятия, он не смешивает сновидения с явью, образа воображения с представлением реального. Адлер прибегает к дешевому мошенничеству, подменяя наивно-реалистическую идентификацию свойств идеалистическим отрицанием реальности.

III. «Теория отражения — победоносно тьчет пальцем в небо Адлер — основывается на подмене непосредственного опыта качеством ощущений. Но ощущение — вовсе не реальность, а психологическое рабочее понятие, абстракция; непосредственная данность не составляется из ощущений, она предметна» (136). Кого опровергает этим господин Адлер? Своих старших братьев махистов, которые не ощущения отщепляют от предмета, а предмет составляют из ощущений? Или самого себя, убежденного, что электроны, атомы и т. п. — не реальность, а рабочее понятие, упорядочивающее непосредственно-данное? (133).

Что касается диалектического материализма, то он всегда считал первичным по отношению к восприятию, а целостное восприятие — по отношению к отдельным ощущениям, на которые оно расщепляется, и это свое убеждение проводил в борьбе против «чистых эмпириков», метафизиков и субъективистов. Зачем же бьет нам Адлер челом нашим же добром? Затем, чтобы... протащить прямо противоположный взгляд, чтобы осмысленной, доведовой психологической абстракции ощущения противопоставить пустой сарит тщущий абстракции ощущения, оторванного от ощущаемого предмета и от реального ощущающего человека, чтобы «доказать», что ощущение является «последним, далее несводимым качеством сознания», первичным, что оно «не представляется, как результат "воздействия"» (136). Считать ощущения последними, далее несводимыми абстрактными элементами (по Адлеру) или первыми, далее неразложимыми, элементами (по Maxy), — обе они сходятся в том, что вещь — комплекс ощущений. Один идеалист слагает ее из опустошенных абстракций ощущений, другой — разлагает ее на бес-

смысленные абстракции ощущений. Что же касается отрицания того, что ощущение воспринимается, как результат воздействия, — это утверждение находится в вопиющем противоречии с общеизвестным психологическим фактом принудительности ощущений в отличие от образов воображения.

IV. Наконец, последний в ряду «несокрушимых» доводов Адлера против материализма: По Ленину, ощущение является доказательством существования реальности вне сознания. Но рассуждение Ленина — явное petitio principii, основанное на вере, «т. к. лишь уже зная, что об'ективный мир существует вне и независимо от сознания, можно сказать, что ощущения ее отражают» (138). Ленинские «ощущения» сначала рассматриваются, как отражения самостоятельно существующей реальности, а затем на основании того, что ощущения суть отражения, делается заключение, что реальность должна существовать сама по себе, так как в ином случае она не могла бы и быть отражаемой» (135—136).

Не трудно заметить, что все это рассуждение целиком и полностью должно быть возвращено отрицающим существование внешнего мира, т. к. утверждая на основании наших ощущений, что не существует реальности вне сознания, они допускают явное petitio principii. Лишь зная, вопреки непосредственному опыту, что нет об'ективной реальности, можно говорить, что ощущения не являются ее отражениями. Но дело в том, что материалистический переход от ощущения к реальности основывается отнюдь не на petitio principii, а на принципе причинности, идеалистическое же утверждение есть изменяя принципу причинности, той самой причинности, которая, по мнению Адлера, составляет существеннейшую черту научного мышления нашего времени (41). Адлер учитывает это соображение. Допущение вещи в себе, по его мнению, коренится «в психологическом принуждении нас мыслить причину еще там, где понятие причины уже лишило всякого смысла...» (126). Подобно вопросу о причине восприятий, можно было бы спросить о причине материи, и так до бесконечности. Это-де — «пустая игра формой причинности», являющейся, в действительности, лишь формой опыта. Критикант останавливается на опыте, материалист тоже останавливается; но на примиленной материи.

О причине материи спрашивали материалистов задолго до Адлера попы и поповские прихвостни всех мастей, и вопрос этот достаточно вразумительно, хотя и в мистифицированной форме, разрешен был уже Спинозой, понимавшим, почему к природе, как бесконечной всеобщности, неприменима иная форма причинности, кроме causa sui. Что же касается возможности остановиться на восприятиях и их рассматривать, как беспричинные, то этот аргумент Адлера основывается на новом petitio principii. В самом деле, предпосылка этого утверждения — ограничение причинности сферой субъективно-трактуемого опыта — уже предполагает, что восприятия рассматриваются не как отражения об'ективной реальности, а как самодовлеющие. Иначе форма причинности в опыте была бы лишь свидетельством в пользу формы причинности вне опыта.

Мы закончили ознакомление с аргументами, приводимыми Адлером. Но выполняли мы эту скучную и бесплодную обязанность не только для того, чтобы опровергать эти «аргументы», но и для того, чтобы читатель знал, о чём умалчивает Адлер «опровергая» теорию отражения, чего не упоминает, что тщательно обходит господин Адлер. А секрет отважных походений социал-фашистского Мальбрука против марксистско-ленинской теории познания заключается в том, что он не посмел ни одним словом помянуть, ни одним доводом задеть действительные доказательства, подлинные устои нашей теории познания. Вся критика Адлера попадала «мимо Федора в сленку». Шумом своей столь же пустой, скользкой

вредной болтовни о теории отражения Адлер отвлекает внимание от действительных краеугольных камней этой теории.

Адлер, «опровергая» марксистско-ленинскую теорию познания, припрятал два «пустячка»: диалектику и практику. Господин Адлер, руки на стол! Вам, конечно, не впервые попадаться с поличным, но номер не прошел. Вы «опровергли» теорию отражения, какою вы хотели бы ее видеть. Вы «слегка подчистили» теорию отражения так, что от нее осталась лишь бледная тень, а затем очень храбро сражались с этой тенью, вызывая сочувственные, поощряющие возгласы философской реакции и презрительный смех марксистов.

Вы делали вид, что бьете марксистскую теорию познания и подальше обошли диалектику. Но «диалектика и есть теория познания... марксизма»¹⁾. Но диалектика и теория познания материализма — это одно и то же²⁾. Вы делали вид, что камня на камне не оставляете от марксистской теории познания и ускользнули в кусты от принципа практики. Но «вопрос о том, свойственна ли человеческому мышлению предметная истина, вовсе не есть вопрос теории, а практический вопрос». На практике должен доказать человек истинность, т.е. действительность и силу, посюсторонность своего мышления. Спор о действительности или недействительности мышления изолированного от практики есть чисто схоластический вопрос³⁾. «Человеческая практика доказывает правильность материалистической теории познания, — говорили Маркс и Энгельс, — об'являя схоластикой и философскими вывертами попытки решить основной гносеологический вопрос помимо практики». «Если включить критерий практики в основу теории познания, то мы неизбежно получаем материализм...»⁴⁾.

Кого вы хоронили «под смех критицизма», господин Адлер? Себя вы хоронили, господин философский шулер! «Методами» вашей критики вы прекрасно разоблачили бессилене и несостоятельность основ своей ренегатской философии.

Теоретики социал-фашизма о переходном периоде.

E. Ниринская.

Статья первая.

I. Империализм и судьбы капитализма в социал-фашистском освещении.

«Все развитие социал-демократии со времени войны и возникновения советской власти в СССР есть непрерывный процесс эволюции к фашизму» (XI пленум ИККИ). В области теории этот «непрерывный процесс эволюции к фашизму» находит свое наиболее яркое выражение в социал-демократических теориях о путях «перехода» от капитализма к социализму.

Рассмотрение социал-демократических теорий «переходного периода» представляет поэтому для нас актуальное значение. Оно дает нам возможность разоблачить тот «теоретический механизм», при помощи которого социал-демократия осуществляет дело одурманивания и обмана масс. С другой стороны, это рассмотрение подводит нас вплотную к теоретическим истокам оппозиционных течений в коммунизме, ибо как правые, так и «левые» оппортунисты смыкаются с меньшевизмом, прежде всего, в вопросах о путях строительства социализма, начинают свое грехопадение с социал-демократического понимания задач переходного периода.

Особый интерес представляют концепции германской и австрийской социал-демократии. Германская социал-демократия, являющаяся наиболее влиятельной партией II интернационала, играет, как известно, крупнейшую роль во всей его предательской деятельности, в определении его теоретических позиций, во всей его практике. Процесс русских меньшевиков вскрыл это с достаточной убедительностью. Австрийская социал-демократия заслуживает в данном случае внимания с точки зрения того своеобразного «разделения труда», которое существует между правым и «левым» крылом социал-демократии. «Будучи составной частью «левого» крыла социал-демократии, австро-марксизм представляет собою наиболее тонкую форму обмана трудящихся масс» (программа Коминтерна).

Бот почему в настоящей статье мы концентрируем внимание на германской и австрийской социал-демократии.

* * *

Война 1914 г., как известно, явилась тем оселком, на котором социалистические партии путем опытной проверки показали свое отношение к капиталистическому способу производства, к интернациональным задачам освободительного профетарского движения, к делу социализма.

¹⁾ Ленин. К вопросу о диалектике.

²⁾ Ленин. План диалектики (логики) Гегеля.

³⁾ К. Маркс. Тезисы о Фейербахе, II.

⁴⁾ Ленин. Материализм и эмпириокритицизм, стр. 113—4.

Анализ причин войны, путей выхода из нее, методов ее прекращения, выяснение задач пролетариата в период войны и по ее окончании,—все это оказалось, как известно, роковым экзаменом, который резко вскрыл оппортунизм официальных партий II интернационала, привел его к краху. «Крах Интернационала налицо... и этот крах есть именно крах оппортунизма, оказавшегося в плену у буржуазии» (Ленин).

Ленин, и до войны ведший непримиримую борьбу против оппортунизма и центризма II интернационала, выдвинул, как известно, анализ империализма, причин войны, наметил задачи пролетариата и программу действия, которые являются величайшей сокровищницей революционного марксизма.

Ленинский анализ империализма, как последнего этапа капитализма, вскрытие противоречий, ведущих капитализм на этой стадии к неизбежной гибели, мобилизация рабочего класса вокруг задач пролетарской революции, характеристика эпохи, как «эпохи войн и революций» — все это нашло свое блестящее подтверждение во всем ходе исторического развития.

Но как расценивали теоретики II интернационала новую эпоху капитализма? Какие перспективы для капиталистической системы видели они в свете тех новых явлений, того роста противоречий в эпоху империализма, ярчайшим выражением которых явилась война 1914 г., и какую оценку давали они судьbam капитализма в послевоенный период, — период общего кризиса капиталистической системы?

Обратимся в первую очередь к взглядам признанного «теоретика» II интернационала, К. Каутского, прославившегося в последнее время активнейшим участием в подготовке интервенции против СССР. Путь Каутского чрезвычайно показателен для характеристики тех идеиных позиций, которые пройдены социал-демократией.

Прежде всего, каковы были взгляды Каутского на эпоху империализма в период войны 1914—1918 гг.? В своей брошюре, относящейся к этому периоду — «Национальное государство, империализм и союз государств», Каутский обосновывает свое известное положение, что империализм есть «стремление индустриальной капиталистической нации включить в свой состав аграрные области». Это стремление Каутский считает противоречием «демократическому» чувству и задачам пролетариата, а потому он ставит под сомнение — подлинно ли неизбежен империализм.

Поставленную проблему Каутский разрешает следующим образом. Капиталистический способ производства обладает эластичностью и способностью к приспособлению. Война особенно усилила эту способность к приспособлению. С одной стороны, это обясняется влиянием науки на революционирование техники. «С другой стороны, причиной этому является централизация предприятий, обединение их в картели и тресты, рост их господства при помощи небольшого числа крупных банков и все растущее значение государственной власти в экономическом отношении»¹⁾. Из этого Каутский делает вывод, что неправилен взгляд, будто империализм неизбежен при капитализме и ему нельзя противодействовать. Противодействие ему могут оказать незаинтересованные в нем слои: пролетариат, мелкие мещане, даже многие капиталисты и часть интеллигенции. Поэтому «Империализм является только вопросом силы, а не экономической необходимости, он не только не необходим для капиталистич-

¹⁾ К. Каутский, Национальное государство, империализм и союз государств, стр. 22.

ческого способа производства, но даже его значение для него часто неизменно переоценивается»²⁾ (разрядка моя. — Е. Н.).

Характерной для империализма Каутский считает политику экспансии, но и тут он подчеркивает, что империалистические тенденции отнюдь не являются единственными причинами экспансивной политики. Он сравнивает экспансию при империализме с явлениями того же порядка в доимпериалистический период, устанавливает общие черты, игнорируя тем самым исторические особенности империалистической экспансии.

Каутский, таким образом, считает:

- 1) что новые явления в капитализме — монополистические обединения, банки и т. д. — и растущее влияние государства способствуют эластичности, приспособляемости, укреплению капитализма;
- 2) что империализм — это предпочтаемая буржуазией политика;
- 3) что империализм есть экспансия господствующих классов при помощи государства, направленная к захвату аграрных областей;
- 4) что империализм — это не определенный этап капитализма, а «только вопрос силы», и может быть преодолен.

В соответствии с этим Каутский выдвигает свое понимание путей перехода от капитализма к социализму.

Растущая приспособляемость и эластичность капитализма доказывает, по его мнению, что соотношение сил классов, могущее привести к политической и социальной катастрофе, не должно иметь последствием также и экономическую катастрофу и «что переход от капитализма к социализму может совершиваться без экономического краха»³⁾.

В основе концепции Каутского об империализме лежит отрижение им специфических противоречий, свойственных этой эпохе, противоречий, ведущих капиталистическую систему к гибели. Концентрация и централизация, монопольные обединения, приводящие к обострению всех противоречий капиталистического способа производства, по мнению Каутского, способствуют эластичности и приспособляемости капитализма! Отрижение особых противоречий империалистической эпохи, игнорирование экономических особенностей эпохи финансового капитала приводят Каутского к сведению империализма к политике, к отрыву политики от экономики. На этом основано отрижение империализма, как определенного последнего этапа капитализма. В соответствии с этим находится также концепция Каутского о войне. Выход из нее он мыслит единственно на капиталистической основе. Переход от капитализма к социализму возможен без экономического краха капитализма.

Далее, на основе этого Каутский выдвинул свою пресловутую теорию «ультраимпериализма», в которой обосновал наступление новой мирной эры развития капитализма. Эта теория, о которой Ленин говорит, что она является «самой тонкой, наиболее искусно подделанной под научность и международность теорией социал-шовинизма», что она «означает громадное притупление противоречий капитализма», — по существу легла в основу развитой в дальнейшем социал-демократической теории «организованного капитализма».

Таким образом, в концепции Каутского об империализме довольно явственно вскрываются те теоретические позиции, которые привели социал-демократию к современной теории и практике социал-фашизма. Каутскианская теория империализма, как известно, была подвергнута сокрушительной критике со стороны Ленина, который со всей остротой и ясностью вскрыл ее буржуазно-апологетическую природу; ее полнейший разрыв с марксизмом.

¹⁾ К. Каутский. Национальное государство, империализм и союз государств, стр. 24.

²⁾ Там же, стр. 22.

Ленин тогда писал: «Каутский превратил марксизм в самую отвратительную и тупумную контрреволюционную теорию, в самую грязную поповщину».

В изложенных взглядах Каутского несомненно кроются идеалистические, неокантианские корни меньшевистской методологии. Именно из них и вытекает отрыв экономики от политики и отрицание экономических противоречий эпохи империализма, отрыв производительных сил от производственных отношений.

Как Каутский рассматривал особенности эпохи в конце войны, когда уже резко обозначились контуры пролетарских революций?

В этом смысле представляет интерес его книга «Sozialdemokratische Bemerkungen zur Übergangswirtschaft», вышедшая в 1918 г.

Здесь Каутский ставит проблему выхода капитализма из войны, перехода от хозяйства военного времени к мирному. Конечно, этот переход он мыслит на капиталистической основе. Но крайне характерно, что свои положения он считает действительными и на случай, если ситуация приведет к переходу от капитализма к социализму. Последнее Каутский считает лишь более сложным по отношению к первому, а не качественно отличным явлением со специфическими задачами.

Касаясь в указанной книге значения монополистических об'единений, их роли в создании предпосылок социализма, Каутский ставит вопрос: приближают ли картели, тресты, банки социализм? Поскольку они основаны на автократии, а не на «демократии», — указывает Каутский, — поскольку они не создают никаких предпосылок социализма. Этому он противопоставляет борьбу за социалистический идеал. «Из борьбы за социалистический идеал, а не из практики картелевых предпринимателей и финансовых магнатов придется социализм»¹⁾.

Он подчеркивает далее, что социализм придется вследствие усиления и роста пролетариата, а «не потому, что банки организуют производство». Наконец, Каутский противопоставляет здесь уровень развития капиталистического производства капиталистическим формам организации: «С другой стороны, — говорит он, — высота капиталистической организации не равнозначна (nicht gleich bedeutend) высоте капиталистического способа производства»²⁾. Следовательно, по Каутскому, возникновение монополий не обусловлено определенным высоким уровнем развития концентрации и централизации производства.

Здесь Каутский снова проявляет свою буржуазную апологетику в анализе эпохи финансового капитала и неразрешимых противоречий этого периода, приводящих к эпохе войн и революций. Каутский не видит тупика, в который попал капитализм. Выход для капитализма из войны он мыслит в виде восстановления производительных сил на капиталистической основе. Пролетариат же Каутский предлагает добиваться ряда либеральных мероприятий. Характерно также, что Каутский выдвигает здесь необходимость у *увеличения интенсивности труда* и усиления планирующей роли государства. Эти вопросы как нельзя лучше показывают корни отношения социал-демократии к капиталистической рационализации, получившие дальнейшее развитие в послевоенный период.

Наконец, взгляды Каутского на перспективы развития капиталистической системы интересно проследить в одной из его последних работ — «Materialistische Geschichtsauffassung», вышедшей в 1927 г. Она обобщает значительную часть послевоенного периода. Чему же поучился «маститый теоретик» на столь богатом противоречиями опыте послевоенной эпохи?

¹⁾ Karl Kautsky, Sozialdemokratische Bemerkungen zur Übergangswirtschaft, 1918.

²⁾ Там же, стр. 163.

В этой книге Каутский отрицает, что в данный период капитализм препятствует развитию производительных сил. Таким образом, недействительно положение, будто капитализм подготавливает свой конец в силу экономического развития. Дело социализма, по мнению Каутского, было бы также бесперспективно, если бы его наступление основывалось на расширении и углублении кризисов, как это указано в Ком. Манифесте.

Должна ли, однако, победа пролетариата привести к социализму, если капитализм показывает себя жизнеустойчивым, — ставит вопрос Каутский, — и каковы в таком случае, предпосылки социализма?

«Не от возможности или необходимости предстоящего краха или упадка капитализма, — пишет Каутский, — зависят перспективы социализма»¹⁾. По его мнению, все дело в «подготовленности» пролетариата.

В чем же заключается эта «подготовленность пролетариата»? На это Каутский чрезвычайно любопытно отвечает в главе «Ökonomie und Politik». С развитием капитализма абсолютно и по отношению к другим классамрастет экономическая мощь класса капиталистов. Наряду с этим усиливается также и индустриальный пролетариат, при чем «каждущееся противоречие разрешается тем, что это две различные области, в которых усиливается каждый из обоих классов. Капиталисты становятся все сильнее в экономике, пролетариат в политике»²⁾. А из этого Каутский выводит, что, несмотря на растущую экономическую мощь буржуазии, пролетариат во многих государствах Западной Европы близок к овладению государственной властью. Этот путь, как известно, лежит через овладение парламентским большинством. Отсюда предпосылки социализма. Каутский сводит к избирательному листку.

Но он идет дальше. Он не только отрицает противоречия капитализма, их обострение в эпоху империализма, а ставит в непосредственную связь перспективы социализма с расцветом капитализма. В пределах капитализма должна развиваться производственная демократия (Betriebsdemokratie), а отсюда: «Чем более расцветает и преуспевает капиталистический способ производства, тем лучше перспективы социалистического режима (!!), приходящего на место капиталистического»³⁾ (разрядка Каутского.—E. H.). По поводу этого места Каутский замечает, что оно звучит парадоксально для тех, кто стоит на точке зрения краха капитализма, но не находится в противоречии с той точкой зрения, которая ждет социализма не от экономического упадка капитализма, но от морального, интеллектуального и политического роста и усиления пролетариата.

Приведенные высказывания представляют, по существу, дальнейшее развитие прежней концепции Каутского. Здесь, с точки зрения интересующей нас проблемы, важно подчеркнуть противопоставление экономических и социальных предпосылок социализма, противопоставление объективных и субъективных предпосылок социализма. Нужно ли доказывать, что вся эта, с позволения сказать, «аргументация» является махрово идеалистической и находится в вопиющем противоречии с марксистским учением о пролетарской революции и предпосылках социализма? Достаточно для этого напомнить следующее место из Ленина: «Империалистическая война есть канун социалистической революции. И это не только потому, что война своими ужасами порождает пролетарское восстание — никакое восстание не создает социализма, если он не созрел экономически, — а потому, что государственно-монополистический капитализм есть полнейшая материальная

¹⁾ Materialistische Geschichtsauffassung, ч. 2-я, стр. 562.

²⁾ Там же, стр. 578.

³⁾ Там же, стр. 591.

подготовка социализма, есть преддверие его, есть та ступенька исторической лестницы, между которой (ступенькой) и ступенькой, называемой социализмом, никаких промежуточных ступеней нет»¹⁾ (разрядка Ленина. — Е. Н.).

* * *

Перейдем сейчас к рассмотрению взглядов теоретика австрийской социал-демократии К. Реннера на эпоху финансового капитала и судьбы послевоенного капитализма. Его концепция представляет известное своеобразие, по сравнению с теорией Каутского, но общие основы, социал-демократические позиции у Реннера, конечно, те же.

В период войны Реннер пытался в своей книге «Marxismus, Krieg und Internationale», вышедшей в 1917 г., дать теоретическое обобщение тех новых явлений, которые характеризуют капитализм последнего периода по сравнению с капитализмом свободной конкуренции, вскрыть в связи с этим причины войны и перспективы выхода из нее. Рассматривая путь, пройденный капитализмом со временем Маркса, Реннер делит его на следующие этапы:

1) Эпоха 1879—1890 гг.—эпоха защитительных пошлин (Niederschutz-epochе).

2) 1890-е годы — возникновение коалиций капиталистов для устраения конкуренции, возникновение наряду с этим ассоциаций (сельскохозяйственные товарищества, рабочие потребительские общества). Этот период Реннер характеризует как эпоху организованного частного хозяйства.

3) Развитие банковского дела и превращение его в акционерную форму. Рост могущества банков приводит к их господству над хозяйством всей страны. При этом резко выделяются хозяйственные области (Wirtschaftsgebiet) в пределах отдельных государств и каждое из них образует специфическое организованное единство. Вывод: «Частное хозяйство стало в определенном смысле национальным хозяйством»²⁾. Это, в свою очередь, приводит к теснейшей связи между государством и капиталом. «Национальное хозяйство становится средством государственной власти, государственная власть — средством национального хозяйства, несмотря на внешне сохраняющееся разделение. Это — эпоха империализма»³⁾.

Реннер, таким образом, самую характерную особенность капитализма постмарксова периода видит в процессе огосударствления экономики. Он подчеркивает, что война в этом смысле не внесла ничего нового, но ускорила процесс. В огосударствлении экономики, в создании национальных хозяйственных областей видит Реннер основное содержание эпохи империализма.

С другой стороны, он подчеркивает рост «организованности» капиталистического хозяйства в пределах национальных границ. Останавливаясь на изменении значения банковского капитала, он указывает на то, что банки становятся постепенно средством новой организации индустрии и торгового капитала, средством их подчинения, как служебных форм, капиталу господствующему. Он подчеркивает далее колоссальную централизацию капитала в национальном масштабе. «Эта финансовая власть, однако, — это должно быть принято во внимание, — организована, как единство в рамках государственной хозяйственной области (Wirtschaftsgebiet), она обединяет в различных формах зависимости земельную собственность и капиталы хозяйственной области в национальный капитал. Это единство... создается не благодаря единству центрального господства, а благодаря материальному

¹⁾ Ленин, т. XX, изд. 2-е, стр. 187.

²⁾ Marxismus, Krieg und Internationale, Stuttgart, 1917, S. 17.

³⁾ Там же, стр. 18.

единству средней нормы прибыли и среднего процента. Капитал в этом смысле уже более не интернационален, но национален»⁴⁾.

Из всего этого Реннер делает вывод, что финансовый капитал является типичной формой последнего времени. Он отрицает, будто империализм является «неправильной» политикой капиталистических верхних слоев. Напротив, по его мнению империализм представляет собой «совершенно конкретную экономическую структуру капитала вообще в определенной фазе»⁵⁾. В соответствии со своей оценкой эпохи империализма, как капитализма «организованного» в пределах Wirtschaftsgebiet с сильнейшим огосударствлением экономики, Реннер рассматривает ряд проблем: государства, изменения в классовых отношениях и т. д. На этом основано и его понимание причин войны, как войны между отдельными хозяйственными областями.

Реннер, как мы видим, признает некоторые особенности, характерные для капитализма эпохи империализма; но он не признает основного и решающего: обострения противоречий этой эпохи. Напротив, основное он усматривает в росте «организованности» капитализма в пределах национального государства, в сглаживании противоречий.

Отдельные социальные группы, — замечает Реннер, — рабочие, мелкий капиталист, торговец, целой сетью связаны с банковским капиталом. Меняются и классовые отношения, теряет свое значение для этой эпохи отношение: рабочий — предприниматель, т. е. основное классовое противоречие капитализма.

Наконец, в росте трестов, синдикатов и банков Реннер усматривает органические изменения самой капиталистической системы. В них он видит процессы социализирования капитала, поскольку индивидуальная собственность заменяется коллективной. Важнейшее значение в деле социализации Реннер придает государству, находя в его функциях элементы социализма.

Так из реннеровской теории империализма вырастает теория «организованного» капитализма и «мирного врастания» в социализм, при чем важнейшими методами для этого он считает право и государство.

Более подробно эта сторона концепции Реннера будет рассмотрена в дальнейшем.

Сейчас важно подчеркнуть, что и Реннер, подобно Каутскому, отрицает специфические противоречия, присущие империализму, как последнему этапу капитализма, что он также стоит на точке зрения дальнейшего расцвета капитализма, роста его «организованности» и сглаживания, исчезновения противоречий, что он отрицает необходимость гибели капиталистической системы. Та же всемирная апологетика капитализма с несколько иной аргументацией, та же проповедь «мирного» перехода к социализму, более того, «автоматического» социализирования — капитала — такова суть теории Реннера.

Интересно теперь остановиться на той оценке эпохи империализма, которую Реннер делает на основе учета явлений послевоенного капитализма. В книге «Weltwirtschaft, Staatswirtschaft und Sozialismus», вышедшей в 1929 г., Реннер рассматривает новые явления, которые принес послевоенный капитализм. Если для периода войны характерно было «национальное хозяйство против национального хозяйства», то для послевоенного периода, по мнению Реннера, это уже недействительно. В послевоенный период против национальных хозяйств выступает, как анонимная власть, мировое хозяйство, и стремится их подчинить себе.

⁴⁾ Marxismus, Krieg und Internationale, Stuttgart, 1917, S. 88.

⁵⁾ Там же, стр. 90.

Сохранил ли после войны значение империализм как характерная особенность эпохи? Реннер считает, что поскольку результатом войны явилась победа империализма — эпоха империализма кончилась. Вооруженный международный спор за рынки сбыта товаров и сферы вложения капитала нашел свое заключение в мирных договорах 1919 г. Земля разделена. Невероятно, чтобы колонии еще раз изменили своих владельцев. Сейчас же задача заключается в том, чтобы добиваться интернационализации колоний, открыть к ним свободный доступ на началах конкуренции отдельных стран под общим управлением Лиги наций. С другой стороны, тот факт, что Европа в целом победена, что имеется гегемония Соединенных штатов, делает войну неправомерным средством национальной политики. Поэтому: «Если и могут империалистические стремления и в дальнейшем управлять стремлениями отдельных государств, отличительным направлением новой эпохи империализм более не является»¹⁾.

Но если империализм уже не является отличительным стремлением эпохи, то какие тенденции видит в ней Реннер?

Подчеркивая наличие элементов мирового хозяйства и ранее, Реннер указывает, что в послевоенный период речь идет о новой структуре мирового хозяйства. Он указывает, прежде всего, на процесс, связанный с возникновением мирового капитала. В результате войны, в результате задолженности Европы и гегемонии Америки происходит интернационализация капитала. Степень организованности капитализма поднимается на более высокую ступень. Если монополистические об'единения в период войны были ограничены главным образом высокими пошлинами, пределами национальных государств, были внутренними организациями, «превращали несвязанное производство своей страны в так называемый организованный капитал», то в последнее десятилетие орангизуя сила финансового капитала перешагнула границы отдельных государств. Целый ряд тенденций привел к созданию мирового производства. Таковы, по мнению Реннера, отличительные особенности послевоенного хозяйства, создающие тенденции к превращению мировой экономики в единый мировой хозяйственный организм (*Weltwirtschaftskörper*). Эта тенденция развития, подчеркивает Реннер, все более является конституирующими признаком эпохи.

Реннер останавливается также на вопросах о государствствования экономики. Имеет ли оно место в эпоху послевоенного капитализма? Этот процесс, полагает Реннер, тоже имеется. Он происходит даже интенсивнее, но в другой функции: не в целях господства над другими областями, но чтобы спасти себя от стремлений к подчинению со стороны мирового хозяйства. Для этого национальные государства применяют систему пошлин, премий, торговых монополий и т. д.

Какие перспективы, какие дальнейшие пути развития капитализма усматривает Реннер на основе своих взглядов об особенностях послевоенного развития? Он видит их, с одной стороны, в том, что государственные хозяйствственные об'единения находятся на пути слияния в хозяйственное целое (*Die Oekumene*) и нации — на пути к об'единению мирового государственного характера. *«Oekumene und Internationale»* — таковые отличительные тенденции развития эпохи, «таковы две цели развития, на базисе которых проявляется новое хозяйство и новый государственный порядок»²⁾.

На основе всего этого Реннер делает выводы о путях перехода к социализму и задачах пролетариата. Пролетариат должен всячески поддерживать указанные две тенденции развития, потому что, по мнению Реннера, эти явления «организованного» капитализма показывают, что социализм всту-

¹⁾ Weltwirtschaft, Staatswirtschaft und Sozialismus, S. 71.

²⁾ Там же, стр. 71.

пил в эпоху своего осуществления. Отсюда для пролетариата — задача проведения положительной государственно-хозяйственной политики, отсюда — важнейшее значение его участия, сотрудничества в государстве.

Поэтому Реннер считает, что прежний лозунг «Пролетарии всех стран, соединяйтесь» наша эпоха продолжает и превращает в лозунг «Организованные пролетарии всех наций, об'единяйте власть ваших государств для организации всего мира»¹⁾.

Таким образом, «та эволюция взглядов, которую проделал Реннер, начиная с периода войны, в основном сводится к распространению явления «организованного капитализма» за пределы национальных государств на мировую экономику. Империализма более не существует, — полагает Реннер; колониальные противоречия нашли свое разрешение; экономическое развитие идет по пути создания единого «организованного» мирового хозяйства; политические противоречия между государствами смягчаются стремлением к созданию мирового государственного об'единения. Задача пролетариата — укрепление, поддержка «организованного» капитализма, содействие его развитию, всяческая поддержка буржуазного государства как «пути» к социализму, уже создающемуся в пределах капитализма.

Вряд ли в данном случае есть необходимость доказывать откровенно-апологетическую махрово-буржуазную природу этой концепции. Ясно, какие классовые позиции занимает здесь Реннер. «Теоретические обобщения» Реннера служат цели — доказать незыблемость капиталистического строя, являются попыткой привязать пролетариат к капитализму, отвлечь его от революционных задач. В сущности задачи пролетариата Реннер, как и Каутский, сводят к парламентской вознё, к избирательному листку.

Взгляды Реннера в рассматриваемой нами связи представляют интерес потому, что Реннер обосновывает теорию «организованного капитализма», являющуюся «евангелием» социал-демократии в последние годы, ее официальной теорией, заключающей в себе оценку послевоенного капитализма, как эпохи «расцвета», «под'ема», роста плановости, «структурных изменений» капитализма, как эпохи, прямехонько ведущей через врата «хозяйственной демократии» в «царство социализма».

Здесь мы рассматриваем теорию «организованного капитализма» в общих чертах, с тем, чтобы в дальнейшем коснуться ее снова в связи с проблемой «хозяйственной демократии». В настоящей связи мы имеем в виду подчеркнуть общую оценку, которую дает социал-демократия эпохе послевоенного капитализма.

Остановимся также на постановке этой проблемы у Гильфердинга, который, как известно, является одним из наиболее признанных социал-демократических «певцов» «организованного» капитализма. Еще в 1924 г., в статье «Проблемы нашего времени» Гильфердинг отличительные черты войны и послевоенной экономики видит в «переходе от капитализма свободной конкуренции к капитализму организованному». Это, по его мнению, является результатом роста монополий, банков и об'единения промышленного, банковского и торгового капитала. Остающаяся при этом частная собственность вызывает необходимость «превращения иерархически организованного хозяйства в демократически организованное»²⁾. В соответствии с этим Гильфердинг определяет задачи «хозяйственной демократии». Задачи социализма заключаются, по мнению Гильфердинга, в борьбе «за влияние на урегулированное и организованное хозяйство». В докладе на Кильском съезде в 1927 г., где социал-демократия официально принимала «вероучение» об

¹⁾ Weltwirtschaft, Staatswirtschaft und Sozialismus, S. 78.

²⁾ «Капитализм, социализм и социал-демократия», сб. статей и речей Гильфердинга, стр. 35.

«организованном» капитализме, Гильфердинг также продолжает воспевать укрепление капитализма; рост его организованности. Здесь он, подобно Каутскому и Реннеру, отрицает неизбежность гибели капитализма, отрицает наличие внутренних законов, приводящих к экономическим и социальным противоречиям, к противоречиям эпохи империализма и социальной революции. Этому он противопоставляет «сознательную деятельность пролетариата», как единственный фактор в осуществлении социализма.

Но к чему сводится эта «сознательная деятельность» по Гильфердингу? Она основана на структурных изменениях, происшедших в капитализме, который пришел от «свободной игры экономических сил к организованному хозяйству». Гильфердинг подчеркивает технические изменения, произошедшие в производстве, интернационализацию капиталистической промышленности, стремление обединить национальные монополии, указывает, что руководство предприятием становится не частным делом предпринимателя, а общественным делом. Из всего этого он делает вывод:

«Итак, организованный капитализм означает в действительности принципиальную замену капиталистического принципа свободной конкуренции социалистическим принципом планомерного производства»¹⁾ (разрядка автора). Это делает возможным сознательное воздействие общества, что не может быть чем-либо иным, как воздействием государства. Растущее взаимопроникновение хозяйства и государства ставит задачу преобразовать с помощью государства хозяйство, сделать его хозяйством, руководимым «демократическим» государством. Таким образом, «сознательная деятельность пролетариата» по Гильфердингу сводится: 1) к парламентской деятельности, 2) к «хозяйственной» демократии. На этих положениях мы остановимся ниже.

В настоящей связи необходимо подчеркнуть общее значение социал-демократической теории «организованного» капитализма, как полнейшей апологетики капиталистической системы, отрицания противоречий, свойственных эпохе империализма послевоенного периода, эпохе всеобщего кризиса капиталистической системы. Теория «организованного» капитализма, являющаяся теоретическим «детищем» послевоенного развития социал-демократии, заключает в себе концентрированное выражение того процесса ее фашизации, который нашел свое завершение в последний период.

* * *

После всего сказанного нетрудно заметить, где корень правооппортунистической теории т. Бухарина об «организованном» капитализме, нетрудно установить идеальное рабство правого оппортунизма и социал-империализма в оценке послевоенного капитализма.

Еще в период войны т. Бухарин рассматривал империализм, как заключенную общественно-экономическую систему, подчинившую и «переделавшую» всю подпочву старого капитализма и простого товарного хозяйства. Уже тогда он выдвигал схему «чистого» империализма. В работе, написанной в 1915 г., — «Мировое хозяйство и империализм», он усматривает особенности империализма в том, что каждая из капиталистических стран «превращается в один гигантский комбинированный трест, пайщиками которого являются финансовые группы и государство»²⁾. Он определяет далее, что каждая капиталистическая страна представляет из себя «коллективно-капиталистическое предприятие», «однородное, организованное целое». Кого в данном случае «перепевает» т. Бухарин? Не бросается ли в глаза поразительное сходство рассуждений т. Бухарина с оценками К. Реннера? Нет ли

¹⁾ Там же, стр. 27.

²⁾ Н. Бухарин, Мировое хозяйство и империализм, стр. 113.

глубокого внутреннего родства между утверждениями Бухарина о капиталистическом хозяйстве, превращающемся в пределах государства в гигантский трест, и реннеровской теорией национальных Wirtschaftsgebiet периода войны.

Как известно, из ошибочных оценок особенностей империализма вытекали серьезнейшие политические ошибки Бухарина по вопросу о войне и путях выхода из нее. Из них же вытекало непонимание значения для proletарской революции «освободительной борьбы колоний, «демократических» резервов в освободительной борьбе пролетариата, ошибки в национальном вопросе и понимание роли государства.

Тут же важно отметить, что теория «чистого» империализма отнюдь не являлась временными заблуждением т. Бухарина. вся последующая его теоретическая деятельность лишь подтверждает, что в оценке эпохи империализма т. Бухарин сохранил значительную «верность» своим теориям периода войны. Не исправила его в этом отношении и беспощадная критика Владимира Ильича.

Достаточно вспомнить позиции т. Бухарина в комиссии по подготовке программы партии на самом VIII съезде. Снова вытаскивает он на сцену теорию «чистого» империализма. Снова т. Бухарин забывает «азбуку капитализма, которую знать нужно, потому что мы из этой азбуки еще не вылезли. От этого отмахнуться и сказать: зачем нам заниматься азбукой, когда мы финансовый капитал изучаем — это несерьезно» (Ленин).

Тот. Бухарин здесь последователен. В 1929 г. он возвращается к этим своим теориям и обосновывает, исходя из них, насквозь оппортунистическую, по существу социал-демократическую теорию «организованного» капитализма. Именно в 1929 г., после Брюссельского конгресса, декларированного «организованный» капитализм, как официальную теорию II интернационала, конгресса, прошедшего под знаком воспевания оздоровления капитализма и его расцвета, т. Бухарин выдвигает такие теоретические перлы: «Его (капитализма. — Е. Н.) анархическая природа — переползает на основные линии международно-хозяйственных отношений. Проблемы рынка, цен, конкуренции, кризисов становятся все более проблемами мирового хозяйства, заменяясь внутри страны проблемой организаций»¹⁾.

Или: «Проблема иррациональной стихии сменяется проблемой рациональной организации». Таким образом, т. Бухарин, вслед за Гильфердингом, повторяет социал-демократическую легенду об исчезновении конкуренции, о притуплении противоречий внутри капиталистической системы, о росте плановости и организованности капитализма, а, следовательно, о происходящем процессе «оздоровления» капитализма, о происшедшем «благодетельных» структурных изменениях в капиталистической системе.

Признание т. Бухарином противоречий на мировой арене совершенно не меняет существа его теории оздоровления капитализма и притупления внутренних противоречий. А это означает, что в противоположность решению Коминтерна, в противоречии с капиталистической действительностью, теория Бухарина отрицает относительность, неустойчивость капиталистической стабилизации, тем самым отрицает и неизбежность нового революционного подъема. Вот почему в решениях X пленума Коминтерна дана следующая характеристика бухаринской теории «организованного» капитализма:

«В основе этой позиции т. Бухарина лежит его антимарксистская теория о притуплении внутренних противоречий капитализма, протаскиваемая им под фразами о сохранении капиталистической анархии исключительно на мировом рынке. Такого рода теория, служащая идейной базой

¹⁾ Н. Бухарин, Теория организованной бесхозяйственности, «Правда» от 30/VI—1929 г.

для всех правых элементов в Коминтерне, опровергается всем развитием капитализма и по существу является капитуляцией перед реформистской идеологией (гильфердинговская теория «оздоровления капитализма»).

II. Теоретические «основы» парламентского кретинизма.

Итак, все теории социал-демократии о судьбах капитализма сходятся на том, что происходит непрерывный процесс роста и расцвета капиталистической системы. Но ведь социал-демократы, выполняя роль агентуры буржуазии в рядах рабочего класса, не могут открыто сбросить с себя «социалистической» личины. Спрашивается, каким же образом социал-империалисты сводят концы с концами? Как они «оттирают, искашивают революционную сторону учения (марксизма. — Е. Н.), его революционную душу» (Ленин)? Для этого необходимо выяснить концепцию социал-демократии по вопросам о путях и методах перехода к социализму.

Начнем с отношения социал-демократии к Марковой теории диктатуры пролетариата, с ее понимания роли государства в осуществлении «перехода» к социализму и, в этой связи, отношения к политической и социальной революции. Мы сделаем лишь несколько замечаний, поскольку это необходимо для освещения социал-демократических теорий социализирования в «хозяйственной демократии», в которых воплощена вся социал-демократическая «философия», теория и практика «врастания» капитализма в социализм.

Еще Бернштейн, этот идейный вдохновитель ревизионизма, писал о диктатуре пролетариата: «Какой, например, смысл имеет фраза о диктатуре пролетариата. В наше время всюду, где можно, социал-демократы практически становятся на почву парламентского труда, пропорционального народного представительства и народного законодательства, а это все противоречит диктатуре. Она настолько отжила, что ее можно связать с действительностью, только лишив слово диктатура его настоящего значения и придав ему смягченный смысл»¹⁾. Бернштейн далее считает, что диктатура пролетариата «принадлежит к культуре низшего порядка», является «шагом назад» и «политическим атавизмом».

Бернштейнианство, встречавшее кое-какую критику среди социал-демократии, теперь получило общее признание, либерально-буржуазный «социализм» стал теперь официальной программой II интернационала. Особым нападкам в рассматриваемый нами период подвергается Марково учение о диктатуре пролетариата, не встречавшее и в былые времена сожусвия во II интернационале. Все теоретики социал-демократии в разных вариациях повторяют Бернштейна. Более того, они «углубляют» его оценки диктатуры пролетариата, потому что именно эпоха пролетарских революций во всем значении поставила эту проблему, как угрожающую существованию капитализма. «Вопрос о диктатуре пролетариата есть прежде всего вопрос об основном содержании пролетарской революции» (Сталин).

Как известно, Каутский в 1918 г. выступил со своей брошюрой «Диктатура пролетариата», в которой он пытался учение Маркса о диктатуре пролетариата свести к одному «словечку», а прямые указания Маркса о неизбежности пролетарской диктатуры — к «состоянию», а не «форме правления».

Последующие бесконечные писания Каутского о диктатуре пролетариата не отличаются какой-либо оригинальностью. Все то же, «точно во сне мочалку жует» (Ленин). Приведем только одно весьма характерное место из его книги «Пролетарская революция и ее программа». Известное положение Маркса о диктатуре пролетариата, как периоде «революционного превращения» капитализма в социализм, Каутский здесь «интерпретирует» приме-

¹⁾ Э. Д. Бернштейн, Социальные проблемы, изд. 1901 г., стр. 217.

нительно к вопросу о государстве следующим образом: «Чисто буржуазная власть в демократическом государстве отделена от чисто пролетарской власти периодом времени, в течение которого совершается превращение первой во вторую. Этому соответствует и переходный политический период, в течение которого правительство, как общее правило, имеет форму коалиционного правительства»¹⁾.

Можно ли дойти до большего осложнения искажения марксизма, чем обнаруживает здесь Каутский?

У «австро-марксиста» Бауэра, в особенности в период подъема революции, можно найти и «левые» постановки вопроса о завоевании власти. В брошюре «Der Weg zum Sozialismus» он говорит, что «социальная революция предполагает завоевание государственной власти и что пролетариат не может овладеть государственной властью иначе, как революционным способом»²⁾. Но здесь же он говорит также, что возможны различные пути и что мирный путь предпочтительнее.

Через несколько лет, когда склынула революционная волна, Бауэр не-прикрыто обосновывает борьбу за парламентское большинство, за избирательный листок, как единственный путь завоевания пролетариатом власти. Анализируя итоги выборов 1923 г. в Австрии, он приходит к выводу, что социал-демократии надо завоевать еще 220 тысяч голосов. «Мы можем в небольшое количество лет выборным листком завоевать власть в Республике»³⁾ (разрядка моя. — Е. Н.). Отсюда Бауэр делает вывод: «Таким образом, завоевание хотя и части мелкобуржуазных масс означает завоевание власти мирными средствами, которые дают нам демократия, оружием избирательного листка»⁴⁾.

Но «австро-марксисты» и в том числе Бауэр на съезде в 1926 г. при принятии программы снова делают «левый» маневр.

Докладчиком о программе был здесь сам Бауэр. Наряду с обоснованием «демократической республики», необходимости уничтожить классовое господство буржуазии средствами «демократии», — мы встречаем в программе следующие места.

«Если бы, однако, несмотря на все стремления социал-демократической рабочей партии, контрреволюционной буржуазии удалось бы взорвать демократию, тогда рабочий класс мог бы завоевать государственную власть только в гражданской войне»⁵⁾.

И далее подчеркивается, что в случае, если буржуазия будет сопротивляться переустройству общества, пролетариат будет вынужден сломить сопротивление буржуазии «методами диктатуры»⁶⁾. Но вся эта «левая» фразология не меняет действительного отношения социал-демократии к диктатуре пролетариата, а является лишь более опасным способом борьбы с ней.

Впрочем, сам Бауэр на Брюссельском конгрессе II интернационала в 1928 г., касаясь путей победы пролетариата, вопроса о диктатуре или демократии, указал, что эта проблема, поставленная в период революционного подъема, уже разрешена последующим развитием.

«О да, тогда это была борьба между двумя большими историческими перспективами, которые обе были возможны в мировом хаосе, вызванном войной, но кто может в настоящее время сказать, что эти обе исторические перспективы еще возможны»⁷⁾. Сейчас, по его мнению, доказано, что

¹⁾ К. Каутский, Пролетарская революция и ее программа, стр. 135.

²⁾ Der Weg zum Sozialismus, 1921, S. 9.

³⁾ O. Bauer, Die Kampf um die Macht, 1924, S. 25.

⁴⁾ Там же.

⁵⁾ В. Ягов, Программы и уставы важнейших партий II интернационала, стр. 59.

⁶⁾ O. Bauer, Die Kampf um die Macht, 1924, S. 25.

⁷⁾ Dritter Kongress der Sozialistischen Arbeiter Internationale, 1928, S. VI, 31.

возможен только тот путь, которым идет социал-демократия, доказана неверность утверждения большевизма, будто «только насилиственная диктатура может принести окончательную победу рабочему классу»¹). Характерно, что германские «левые» в настоящее время, в период крайнего обострения противоречий капитализма, пытаются снова ловить революционных рабочих на уловку «левой» фразеологии, и снова пускают в ход «признание» диктатуры

Приведенные примеры достаточно ярко показывают, как социал-демократия всячески пытается отвергнуть Марксово учение о диктатуре пролетариата. Тут и попытка свести это учение кциальному «словечку», к «состоянию», а не овладению властью, к тому, что экономическое учение Маркса является «мирным» и находится в противоречии с диктатурой пролетариата, что последняя — это «чисто русское явление» и т. д. Тут и «левые» маневры, попытка использовать лозунг о диктатуре пролетариата для целей более тонкой борьбы за диктатуру буржуазии («австро-марксисты»).

То идейное оружие, с которым выступают социал-демократы против учения о диктатуре пролетариата, вся из пресловутая философия «революции» пролетариата, сводится к... «демократии». «Демократия» же нужна для доказательства мирного пути «перехода» к социализму. Важнейшее значение в этом смысле социал-демократия придает государству, завоеванию большинства в парламенте.

Каутский в книге «Пролетарская революция и ее программа» говорит о том, что «благодаря демократии становится возможной мирная форма этой (пролетарской). — Е. Н.) революции, без кровопролития, без насилий».

Превыше всего Каутский ставит «демократическую республику», которую считает «государственной формой осуществления социализма». «Германская конституция, рожденная революцией, — пишет Каутский, — несмотря на свои недостатки, предоставляет социалистическому пролетариату достаточные возможности мирного завоевания политической власти».

Ту же точку зрения в основном разделяет и «австро-марксист» Реннер. Государство, — указывает Реннер, — по самому своему существу должно организовать социальные учреждения (больничные кассы, соцстрахование и т. д.). А это значит, что орудие, которое, согласно понятию буржуазии, служит ее классовому господству, все более наполняется социальным смыслом, «орудие перерастает своего господина». Это делает государство рычагом социализма. Реннер считает, что уже при капитализме пролетариат видит эту новую социальную сущность государства:

«Итак, он (пролетариат. — Е. Н.) чувствует, что сущность социализма уже в настоящее время сформирована во всех учреждениях капиталистического государства»²). Будучи по-своему вполне последовательным, Реннер об'являет представления о революционном захвате власти... «детской иллюзией».

Но если «путь» к социализму, по концепции меньшевизма, лежит через «демократическую республику», т. е. через буржуазное государство, то каким образом последнее должно явиться фактором социалистического преобразования общества?

Здесь чрезвычайно характерно то резкое противопоставление политической и социальной революций, которое выдвигает социал-демократия. В уже упоминавшейся брошюре «Диктатура пролетариата» Каутский указывает на необходимость различать социальную революцию, политическую

¹) Dritter Kongress der Sozialistischen Arbeiter Internationale, 1928, S. VI, 156.
²) Marxismus, Krier und Internationale, S. 30.

революцию и гражданскую войну. Социальную революцию он характеризует как глубоко идущий процесс, переворот всего общественного устройства, политическую революцию — как внезапный акт, который может быстро осуществиться и дойти до конца, при чем, чем более «мирно» произойдет политическая революция пролетариата, тем больше оснований для успешного разрешения задач экономической пролетарской революции.

«Пролетарская революция может осуществиться без применения насилия, самым законным путем, и экономическая пролетарская революция окажется тем успешнее и плоды ее тем долговечнее, чем более мирной будет обстановка, в которой она происходит»³).

То же противопоставление политических и социальных задач пролетариата выдвигает Г. Кунов. Он считает, будто Маркс проводил строгое различие между этими понятиями и если Маркс говорит о социальной революции, то отнюдь не имеет в виду политической борьбы за власть.

«Под политической революцией он (Маркс) понимает массовое движение, имеющее целью переворот в политическом строе государства и преобразование политических государственно-правовых норм (прежде всего законодательство о государственном строе) — а под социальной революцией — глубокий переворот в жизненных отношениях общества, т. е. в материальных отношениях членов общества друг к другу»⁴). При этом и Кунов, подобно Каутскому, подчеркивает, что социальные изменения могут произойти постепенно, без восстаний и уличной борьбы — парламентским путем.

По существу ничем не отличается в этом отношении постановка вопроса у австро-марксиста Бауэра, считающего, как и его германские «коллеги», что политическая революция пролетариата, устранивая политическое неравенство, не уничтожает экономической эксплуатации и потому оставляет социальное неравенство. Бауэр также полагает, что политическая революция может быть делом одного дня. Иначе обстоит с социальной революцией. Если представить себе, — аргументирует Бауэр, — что в один день рабочие насилиственно овладеют всеми предприятиями, изгонят капиталистов и возьмут на себя управление производством, то это приведет к неизбежным беспорядкам, так как вызовет граждансую войну и разрушу. По его мнению путь к социализму не таков. Вывод: «Политическая революция была делом насилия, социальная революция может быть делом только строительной организационной работы»⁵.

Какой об'ективный смысл этого противопоставления и отрыва политической революций от социальной?

Прежде всего это противопоставление направлено, конечно, против марксистского учения о пролетарском государстве, о диктатуре пролетариата как орудии социалистического преобразования общества. С другой стороны, совершенно ясно, что здесь обосновывается незыблемость капиталистического способа производства, обосновывается отрицание необходимости социалистических мероприятий, даже в случае успеха «политической революции», даже в случае завоевания парламентского большинства. Все эти рассуждения о «мирной», «организационной» работе как способе осуществления социальной революции, рассчитанном на многие годы, означают не что иное, как обоснование необходимости сохранения и укрепления капитализма.

³) К. Каутский, Пролетарская революция и ее программа, стр. 220.

⁴) Г. Кунов, Марксова теория исторического процесса общества и государства, стр. 266.

⁵) О. Бауэр, Weg zum Sozialismus, 1921, S. 9.

Но если концепция социал-демократии есть неприкрытая теория «врастания» капитализма в социализм; то и здесь, понятно, не обходится без «левых» маневров. Речь идет об «австро-марксистах». В уже упоминавшейся Линцкой программе имеется даже специальный раздел: «Переход от капиталистического к социалистическому строю».

В этом разделе немало «левых» фраз. В нем говорится о «росте возмущения народных масс против господства капитала над производством», о том, что «преодоление капитализма становится исторической необходимостью»¹⁾. Однако, когда речь заходит о том, как это осуществить, «левые» начинают говорить совсем иным языком. Все дело сводится к тому, что и в переходный период «будут стоять друг против друга обобществленные и капиталистические предприятия»²⁾, что «экспроприация» собственности может быть произведена и на основе... «вознаграждения» и т. д. Эти, а также ряд других мест достаточно ясно показывают, что никакого революционного переходного периода к социализму австрийская социал-демократия не признает, а просто пытается «левой» фразеологией затуманить истинный смысл своей теории «врастания».

Революционные события послевоенных лет вынудили социал-демократию особенно густо окрасить «социалистической» фразеологией фасад своих теоретических построений, ибо это диктовалось необходимостью особенно тщательной маскировки предательства революции в этот грозный для капитализма час, стремлением спасти во что бы то ни стало тонущий корабль капитализма.

Так возникла теория и практика пресловутого социализирования, к рассмотрению которого мы и переходим.

III. „Социалистическая“ маскировка в период «Sturm und Drang». (Теория социализирования).

Первый этап послевоенного периода, «период непосредственных революционных выступлений пролетариата, период, высшей точкой которого является 1921 г.» (VI конгресс Коминтерна), особенно острое выражение получил в побежденных странах — Германии и Австрии. Разразившиеся здесь революции вызвали широчайшее движение масс за социалистические преобразования, поставили в порядок дня развитие и углубление пролетарской революции.

Радикальные настроения масс получили свое выражение в требованиях экспроприации частнокапиталистической собственности. Под напором масс социал-демократия оказалась вынужденной прибегнуть к лозунгу социализации. Однако тут же были сделаны существенные оговорки: сначала восстановить производство, а лишь потом — социализирование. «Сначала успокоение — потом реформы». «Для социализирования, — утверждал небезвестный Отто Браун, — вообще не может быть более несчастливого периода, чем настоящий. Германия изголодалась, сырья нехватает, машины — испорчены. Всякая торопливость может дискредитировать социализм на десятилетия»³⁾.

¹⁾ В. Ягов, Программы и уставы вожднейших партий II интернационала, стр. 70.

²⁾ Там же, стр. 70.

³⁾ Ströbel, Socialisierung, ihre Wege und Voraussetzungen, Berlin, 1922, S. 129.

Организованная в 1918 г. комиссия по социализированию, включавшая ряд видных социал-демократов, в опубликованном ею рабочем плане отразила эти установки социал-демократии.

Интересно, какую оценку дает этому плану комиссии Э. Бернштейн: «Публиковывая свою программу, комиссия хотела показать рабочим, какие имеются основания, чтобы пока не спешить (sic! — Е. Н.) с обобществлением средств производства»¹⁾.

В соответствии с этими установками комиссии Гильфердинг на I съезде советов сделал доклад, где он выдвигает основное положение: сначалапустить в ход производство. Он высказывается против всеобщего социализирования, а также против социализирования банков.

Гильфердинг особенно подчеркивает, что процесс социализирования должен быть длительным. «Для социализирования, — говорит он, — прежде всего требуется время. Политическая революция осуществляется быстро и легко, замещение одной хозяйственной формы другой, напротив, требует очень много времени»²⁾.

Чтобы понять дальнейшую линию поведения социал-демократии в отношении социализирования, нужно иметь в виду, с одной стороны, нарастающую революционную волну, с другой стороны — то отношение к лозунгу «социализирования», какое имелось у некоторых представителей буржуазии.

Сильнейшее развитие государственно - капиталистических тенденций, которым характеризовалось хозяйство Германии в военный период, принесшее громадные барыши империалистическим группам, — вызвало в рядах буржуазии сочувственное отношение к мероприятиям «планового» руководства экономикой со стороны государства, готовность помочь социал-демократии именно так направить лозунги «социализирования».

Отдельные буржуазные экономисты (Гольдштайн, Бюхер) и некоторые виднейшие государственные деятели буржуазии (Ратенау) также выдвигали теорию «социализирования», которая выражала их установки на государственное капиталистическое развитие послевоенной Германии.

Характерно, что такой архибуржуазный экономист, как Карл Бюхер, в своей книге «Die Sozialisierung» не только вполне солидаризируется с положениями гильфердинговского доклада на I съезде советов, но и идет далее, считая подготовленными к «социализированию» индустрию в картированной или акционерной форме, при чем, как и социал-демократы, Бюхер считает, что препятствием явилось бы неблагородное масс, «склонных к дикой скачке».

Так перекликались теоретики буржуазии и социал-демократии, общими усилиями выхолащивая революционные требования масс, подсовывая буржуазные лозунги, облеченные в социалистическую фразеологию. Недаром буржуазия была привлечена к участию в работах самой комиссии по социализированию. Практика социал-демократов не расходилась с их теорией. Одной своей стороной лозунг социализирования в социал-демократической интерпретации был обращен к буржуазии, к ее планам восстановления Германии на капиталистической основе, а другой стороной — к обузданнию революционных устремлений масс для достижения этих задач — сохранения капитализма.

Вместе с тем, в условиях усиливающегося Sturm und Drang выступать против социализирования означало — разоблачить себя в полной мере перед массами. Вот почему, если раньше и раздавались некоторые голоса против социализирования, то сейчас эти голоса вынуждены были умолкнуть.

¹⁾ Э. Бернштейн, Германский революция, стр. 96.

²⁾ Цитир. по книге Arnold Steinman «Sozialisierung», S. 67.

О социализировании стали говорить все, хотя по существу эти высказывания мало отличались от установок Гильфердинга.

О социализировании заговорил даже сам отец ревизионизма — Бернштейн. Тряхнув старыми ложьми социал-либерализма, Бернштейн заявил: «Я двадцать лет тому назад в одном сочинении высказал положение, и я сейчас под ним подписываюсь. В хорошем фабричном законе может заключаться больше социализма, чем в огосударствлении нескольких сот предприятий»¹⁾.

Оставаясь верным этому своему положению, Бернштейн усматривает основную задачу социализирования во все большем проникновении общественности в капиталистические предприятия. При этом, в соответствии с положением Гильфердинга, Бернштейн утверждает: «Важнее, чем вопрос — общественное или частное производство, есть вопрос — функционирующее или остановленное производство»²⁾.

Каутский, принимавший непосредственное участие в работах комиссии по социализированию, сформулировал и конкретизировал на II съезде советов в апреле 1919 г. в своем докладе ряд положений, также по существу являющихся развитием тех установок, которые в свое время делал Гильфердинг.

Тут снова выступают старые «песни» о поднятии производства, как предпосылке социализирования: «Однако, — говорил Каутский, — еще неотложнее, чем вопрос способа производства, есть вопрос производства вообще. Оживить его снова и привести в движение является нашей неотложной задачей. Она образует предпосылку всякой попытки социализирования производства»³⁾.

Решительно отвергая полное социализирование, Каутский подчеркивает, что при каждом шаге «нужно учитывать его последствия», нужно учитывать «неподготовленность» борьбы и ностальгии отраслей к социализированию. Тут, конечно, дело не обходится без предостережений от опыта Советской страны, от «русского метода», — опыта, давшего, по его мнению, отрицательные результаты.

В полном согласии с этими «путями», ведущими в меньшевистский «социалистический» рай, находится и концепция «левых» — австро-марксизма.

В книжке Бауэра «Weg zum Socialismus» мы находим тот же лейт-мотив — важнейшей предпосылкой перехода к социализму он считает организацию производства так, чтобы не пострадало количество добываемых благ. Если рабочие, — рассуждает Бауэр, — насильственно овладеют производством, то это приведет к гражданской войне. К тому же рабочие не справятся с управлением производством. Все это приведет к уменьшению получаемых благ. Поэтому социализирование нужно проводить «шаг за шагом», планомерной, организующей «работой». Вознаграждение владельцев, конечно, является, по мнению Бауэра, необходимым условием социализации.

Подобно Каутскому, Бауэр высказывается против огосударствления социализированных предприятий и выдвигает форму управления ими в составе представителей потребителей, рабочих и т. д. В единодушии с Гильфердингом Бауэр отрицает необходимость обобществления банков.

Бауэр касается также и путей «социалистического» преобразования сельского хозяйства. Он выдвигает постепенность социализирования — сначала лесного хозяйства, потом латифундий, на началах, конечно, полного вознаграждения собственников. Формы, в которых будет в дальнейшем вестись сельское хозяйство, различны: крупное и мелкое хозяйство (ни слова

о преимуществах крупного хозяйства). Часть земельной собственности должна быть разделена на мелкие участки и предоставлена сельскохозяйственным рабочим и мелким крестьянам на началах индивидуального владения. Из всей этой программы, как мы видим, следует, что никакого изменения основ сельскохозяйственного производства по существу и не предполагается.

Свою программу «социалистического преобразования» Бауэр заключает главой с многообещающим заголовком об «экспроприации экспроприаторов». Однако эта «экспроприация» приобретает у Бауэра крайне оригинальный характер. Она отнюдь не должна осуществляться в форме «жесткой конфискации», не должна вызвать «потрясения хозяйственной жизни». Основной метод ее проведения — это налоги, которые постепенно должны превратиться из средств покрытия потребностей государства в средство... «экспроприации экспроприаторов».

Подлинное содержание социал-демократического жонглирования лозунгом социализирования было вскрыто практикой проведения социал-демократии ее деклараций о «социалистических мероприятиях».

Правительство Эбера-Штедемана ничего не выполнило даже из тех, более чем скромных, мероприятий по социализированию, которые декларировали социал-демократические вожди. Подготовив все предпосылки для передачи власти буржуазии, подавивши под руководством кровавого Носке январское восстание пролетариата, социал-демократы подарили стране «Веймарскую конституцию», вернули буржуазию к власти и вступили в коалиционное министерство.

Не отстал от германской социал-демократии и австрийская в своей деятельности по социализированию. Это «левое» крыло социал-демократии также усердно, как и штедемановцы с независимыми, предавало революцию, так же прикрывало это «социалистическими» мероприятиями, подавляя лишь для лучшей маскировки «левую» фразеологию. Ведь председателем первой австрийской комиссии по социализированию был мастер левой фразы — Бауэр.

«Австро-марксисты» и взяли на себя задачу справиться с социалистическими стремлениями масс, выхолостить революционный смысл социалистических требований, причесать их под лозунг «социализирования» на социал-демократический образец.

Характеризуя те формы социализирования, которые нашли свое осуществление в Австрии, Бауэр, как на важнейшую из них, указывает на создание фабрично-заводских комитетов. «Возникновение и развитие фабрично-заводских комитетов, — пишет Бауэр, — имеет гораздо большее значение для развития социалистического общественного строя, чем всякая национальная экспроприация...»¹⁾. Фабрично-заводские комитеты, по характеристике Бауэра, стали на практике участниками в деле управления предприятием: они «дают рабочим и служащим право и возможность контролировать и влиять не только на социальное, но также и на торговое и техническое руководство предприятием»²⁾.

Другой формой социализирования, которую указывает Бауэр, являются общественно-хозяйственные предприятия (gemeinwirtschaftliche) двух типов: 1) предприятия без частного капитала — вполне социализированные, 2) акционерные общества с участием частного капитала. Что касается предприятий первого типа, то они возникли на базе предприятий, принадлежавших ранее государству, использовавшихся ранее для военных нужд. Так возникли

¹⁾ E. Bernstein, Was ist Socialismus, Berlin, 1922, стр. 27.

²⁾ Там же...

³⁾ K. Kautsky, Die Sozialisierung und die Arbeiterrate.

¹⁾ О. Бауэр, Австрийская революция, стр. 166.

²⁾ O. Bauer, 12. November, Die Sozialisierungsaktion im ersten Jahre der Republik, Wien, 1919, S. 5.

«Об'единенные кожевенные и обувные фабрики», в которых, наряду с государством, участвовали крупные закупочные общества потребительской кооперации и сельскохозяйственная кооперация.

По такому же типу были созданы и некоторые другие предприятия. Кроме этой чистой «социалистической» формы возникали и акционерные общества с участием частного капитала (второй тип). Обо всех этих формах Бауэр отзывается весьма положительно, рассматривая их, как тип «общественного хозяйства», считая, что в них рабочий класс «вырабатывает методы общественного управления».

Но в то бурное время выступать только с такими формами социализирования перед массами было невозможно. И Бауэр признает, что «массы стремились к социализации частной промышленности». Поэтому комиссии по социализированию были тогда выработаны ни к чему не обязывающие проекты социализирования крупной металлообрабатывающей промышленности, лесных владений и т. д. «Но,—подчеркивает Бауэр,—уже в течение лета 1919 г. становилось все яснее, что на пути к осуществлению этих проектов будут стоять непреодолимые препятствия»¹⁾.

Главными из них Бауэр считает зависимость в отношении сырья и кредитов от иностранного капитала. Он указывает также на спад революционной волны в других странах. Поэтому,— пишет Бауэр,— социальная революция в Австро-Венгрии «должна была отказаться от своей цели — немедленной «экспроприации экспроприаторов»²⁾.

Таковы «социалистические» действия австро-марксистов. Таков результат этих действий. От построенных на чисто капиталистической основе «общественных» предприятий никакого социализма не получилось. Последние вообще вскоре исчезли, не выдержав конкуренции «нормального капитализма».

Обанкротилась и «демократия» фабрично-заводских комитетов. А «экспроприацию экспроприаторов» — этот «неприятный» лозунг — австро-марксисты при первой возможности очень охотно сдали в архив.

* * *

«Опыт» социализирования, который дал этот период, нашел впоследствии свое обобщение в теоретических построениях некоторых вождей социал-демократии. Такое «обобщение» было дано Каутским в книге «Пролетарская революция и ее программа», вышедшей в 1921 г., т. е. непосредственно после наибольшего обострения революционной обстановки. Эта книга дает, так сказать, теоретическую «сводку» всей «философии» правительства социал-демократии.

Каутский, прежде всего, утверждает, что капиталистическая форма производства должна длительно существовать наряду с социализированными отраслями: «Все социалисты, — пишет Каутский, — в последние годы занимавшиеся проблемами социализации, согласны в том, что она может быть осуществлена только постепенно, шаг за шагом и что значительная часть производства еще в течение десятилетий будет сохранять капиталистическую форму»³⁾ (разрядка моя. — Е. Н.).

Столь длительное существование капиталистических предприятий отнюдь не представляется Каутскому печальной необходимостью. Напротив, он считает это благодетельным явлением. Он добивается «преусовешивания капиталистического производства. Забота о капиталистическом производстве должна, по мнению Каутского, стать делом... пролетариата. «Пролета-

¹⁾ О. Бауэр, Австро-Венгерская революция.

²⁾ Там же.

³⁾ К. Каутский, Пролетарская революция и ее программа, стр. 226.

риат заинтересован в том, чтобы в капиталистических предприятиях производство попрежнему шло полным ходом»¹⁾ (разрядка моя. — Е. Н.).

Каутского в высшей степени тревожит вопрос о том, что капиталисты, в предвидении грядущего социализирования, вдруг обяжут стачку, что у них не будет стимула продолжать производство. А если весь класс капиталистов обяжет стачку, то это приведет к полнейшему экономическому краху нового «пролетарского режима». Не поможет здесь, полагает Каутский, и конфискация, как мера наказания. Поэтому единственный выход Каутский видит в отчуждении за выкуп, причем размер вознаграждения капиталистов должен соответствовать ранее получаемой ими прибыли. Заработка рабочих не должна подвергнуться изменению. Капиталист продолжает попрежнему эксплуатировать рабочих по всем правилам капиталистического искусства. Источником возмещения капиталистов должно явиться общее обложение капиталистов налогами, так как это лучше, по его выражению, «нежели ограбление (!!!) случайно попавшихся нам под руку единичных капиталистов, вносящее глубочайшее расстройство в хозяйственную мысль»²⁾.

Указывая, что все это как будто противоречит революционной психике рабочего, Каутский замечает: «И все-таки как раз пролетарская революция имеет больше всего шансов на мирное развитие, без насилиственных актов, постепенно, осторожно подготовляя каждый дальнейший шаг вперед и задобравши к капиталистическую собственность»³⁾. (разрядка моя. — Е. Н.).

Вносит ли социализирование сколько-нибудь серьезные изменения в социально-экономические отношения? Каутский по существу отвечает на этот вопрос отрицательно. Социализированное предприятие должно будет также приспособляться к рынку, конкурировать, спекулировать. Положение рабочих не изменится и в социализированных предприятиях, «социализация будет осуществляться лишь постепенно, шаг за шагом, и, с точки зрения нетерпения пролетариата, слишком медленно. Не даст она и немедленного значительного повышения дохода рабочим социализированных предприятий»⁴⁾.

Социализация в том содержании, которое вкладывает в нее Каутский, может, по его собственному признанию, произойти и до «завоевания» власти пролетариатом, через кооперацию и «демократические» города.

Вслед за программой, сводящейся к укреплению капиталистического начала в промышленности, Каутский развивает аналогичную программу «социалистических» преобразований в сельском хозяйстве.

Милостиво санкционируя «социализацию» лесного хозяйства, Каутский проявляет больше умеренности в вопросе о социализировании арендных земель. Против социализирования в данном случае «могут быть возражения по мотивам справедливости или политической мудрости»⁵⁾. Не желая нарушать этой «справедливости» и отдавая должное «политической мудрости», Каутский рекомендует государству еще до социализирования производить скупку арендных земель и увеличить таким образом число государственных арендаторов. Так и волки будут сыты и овцы целы...

¹⁾ К. Каутский, Пролетарская революция и ее программа, стр. 226.

²⁾ Там же, стр. 233. 1.

³⁾ Там же, стр. 236.

⁴⁾ Там же, стр. 230.

⁵⁾ Там же.

«Обобщение» по вопросам теории социализирования сделано и К. Реннером. Его концепция представляет определенное своеобразие. Это — за-конченная меновая концепция. Во всей своей теории Реннер исходит из того, что «процесс обращения является для капиталистического способа ведения хозяйства не только характерным, но решающим моментом»¹⁾.

В своей работе «Теория капиталистического хозяйства» Реннер заявляет, что имевшие место попытки социализирования «и в первую очередь русский эксперимент» потерпели неудачу именно потому, что они «игнорировали или не принимали во внимание законов обращения», рассматривали социализирование как чисто производственную проблему. Изучение капиталистического обращения Реннер считает поэтому «предпосылкой» для теории социализирования.

Как же Реннер рассматривает пути и методы социализирования? Опорные пункты социализирования Реннер видит в характерных особенностях капиталистического способа производства. Такими особенностями являются: 1) товарность хозяйства, 2) производство прибавочной стоимости, 3) производство, организованное на принципе коллективного труда, наряду с анархией производства на рынке.

В отношении первого признака Реннер полагает, что элементы капиталистического способа производства не созрели для того, чтобы социализирование можно было начать «с устранения его (капиталистического способа производства). — Е. Н.) товарного характера, с устранения денег»²⁾. В отношении второй особенности капитализма Реннер не видит, чем можно было бы заменить стимул получения прибавочной стоимости. «Капитализм сделал интерес к прибыли до такой степени исключительным, укоренившимся, господствующим принципом, что всякий иной конкурирующий с ним организационный (?) принцип хозяйства вряд ли мог бы быть проведен в жизнь. Поэтому, по крайней мере для переходного периода, и ужно было бы считаться с производством прибавочной стоимости»³⁾ (разрядка моя. — Е. Н.). Особенное значение придаёт Реннер третьей особенности капитализма. Здесь, если бы произошло социализирование промышленных предприятий, то проблема не разрешилась бы, так как анархия на рынке не исчезла бы. Но анархия — это производство только внешний. На самом же деле обращение в условиях капиталистического хозяйства вполне закономерно, оно подчиняется закону стоимости.

Следовательно, центр проблемы социализирования, по мнению Реннера, в том, чтобы найти новый двигатель общественного обмена веществ вместо закона стоимости. Проблема эта экспроприацией собственности не решается, ибо экспроприация «существа социализирования не касается, поскольку она не дает в наши руки методического руководства для новой организации общества»⁴⁾.

На каких путях, однако, мыслит Реннер осуществление социализирования в таком случае?

К этому, по мнению Реннера, приводит процесс интеграции капитала, характерный для кульминационного пункта развития капитализма. В результате появляется капитал, производящий все, от сырья до готового продукта, не нуждающийся в торговле, «универсальный капитал в общественном масштабе». Все это происходит в обращении. «Расщепленный ряд обращения вновь соединяется, а разрозненные части прибавочной стоимости

¹⁾ К. Реннер, Теория капиталистического хозяйства. Предисловие.

²⁾ Там же.

³⁾ Там же, стр. 287.

⁴⁾ Там же, стр. 290.

вновь выступают в виде единого сплава, интеграция сменяет дифференцию»¹⁾.

Таков процесс социализирования, который, по характеристике Реннера, осуществляется бессознательно и без воли людей, «автоматически». Капиталистическая система хозяйства автоматически «перерастает» в социалистическую, организуя рынок путем обобществления обращения. «В недрах старого общества фактически созревают все элементы нового общества: капитал социализируется»²⁾.

Сделав основной упор на самодовлеющий процесс социализирования (самосоциализирование капитала), Реннер пытается скрыть грубо механистический, фаталистический характер своей методологии некоторой поправкой относительно роли сознательной воли общества. Он дополняет «автоматическое» социализирование «сознательным» и даже «социализированным» путем классовой борьбы (об этом подробнее будет дальше). Но к чему в действительности сводятся все эти дополнения? По существу, мы здесь снова имеем дело с тем же автоматическим процессом, только в несколько иной форме. Вся «сознательная» деятельность, видите ли, имеет своей основой возможно более полное использование «автоматического» процесса. Поэтому никакой речи не может быть о нарушении нынешнего процесса обращения. Речь может идти лишь о том, чтобы всемерно добиваться дальнейшего развития тех процессов, которые сами по себе ведут к обобществлению обращения. А для этого нужно стремиться к вытеснению собственника из обращения. Но как же этого добиться? Быть может, экспроприировать этого собственника? Отнюдь нет. «Экспроприацию надо понимать, по крайней мере для наших дней, не как уничтожение собственности, а как уничтожение титулов». Следовательно, все дело в том, чтобы «взяться за процент, ренту, дивиденд, выступающие в виде «чистых титулов», с тем, чтобы полупубличные учреждения вроде банков, без которых эти титулы не могут существовать, превратить в публичные учреждения». А собственность и предпринимательскую прибыль извольте оставить в покое!

Таковы пути «сознательной» социализации, по Реннеру. Они совершенно не затрагивают, как мы видим, основ капиталистической собственности, не касаются производства. Об этом говорит сам Реннер: «Социализация не может начинать с производства. «Захват фабрик, отчуждение предприятий, — все это может иметь место в революционной ситуации, но это не представляет пути к достижению цели»³⁾. Путь, ведущий к «достижению цели», Реннер видит в ином: «сохранение функционирующего хозяйства, хозяйства на-ходу — вот категорический императив».

Вот собственно для какого вывода понадобилась Реннеру столь «сложная» концепция. Ларчик, оказывается, открывается просто... Все дело в том, чтобы доказать незыблемость капиталистической системы производства. Именно с этой целью «Мальбрюк в поход собрался», мобилизовав всю своюченность, весь арсенал самой махровой и реакционно-буржуазной идеалистической методологии. Отрыв производства от обращения, примат обращения, все эти неокантинские методологические «перлы», слободренные автоматизмом и грубым механицизмом,—таковы основы реннеровского «исследования», при помощи которых он «обосновывает» социал-демократическую теорию «врастания капитализма в социализм».

На этом мы заканчиваем рассмотрение теоретических построений социал-империализма в период *Sturm und Drang*. О дальнейших перипетиях социал-демократических теорий «врастания капитализма в социализм» — в следующей статье.

¹⁾ К. Реннер, Теория капиталистического общества, стр. 313.
²⁾ Там же.

Теоретическое обоснование „гуверизма“ и крах буржуазной экономической мысли

(Теория цикла и кризисов в работах Фостера и Кэтчингса).

В. Балков.

1. Открытие в г. Ньютоне.

Экономический кризис, начавшийся в 1929 г., вырос в кризис неслыханной силы, необычайного размаха, небывалой продолжительности. Развиваясь на базе всеобщего кризиса капитализма, когда все противоречия капитализма достигли крайнего напряжения и обострения, «нынешний экономический кризис является самым серьезным и самым глубоким кризисом из всех существовавших до сих пор мировых экономических кризисов» (Сталин).

В огне остройшего мирового экономического кризиса сгорают авторитеты в конец обанкротившейся буржуазной псевдонауки, рушатся «проекты установления прочной «стабилизации» и вечного «просперити». Оптимистическая смистопляска буржуазной печати сменилась ирачным отчаянием, растерянностью.

В настоящей статье читатель ознакомится с «Колумбами», которые чуть ли не первыми открыли страну «перманентного» и «всебоющего» капиталистического « процветания ». Секрет « просперити » нашел свое первоначальное «разрешение» и «обоснование» в трудах новейших теоретиков американской буржуазии — Вильям Фостера и Вэддла Кэтчингса. Впоследствии пресловутая идея вечного « процветания » нашла свое капитальное выражение в евангелии гуверизма, в книге « Новые изменения в экономике САСШ ».

Теория цикла Фостера и Кэтчингса и их план преодоления кризисов при сохранении капитализма приобрели в период « процветания » огромную популярность среди американской буржуазии. Работам Фостера и Кэтчингса расточали блестящие похвалы все виднейшие американские экономисты и руководители « крупнейших капиталистических организаций ».

Фостер и Кэтчингс не хотят скрывать того, какое значение они присваивают себе в истории экономической мысли. Они противополагают себе всей предшествовавшей политической экономии и строят новую теорию. Свою теорию цикла они основывают на особой концепции, должностной по их замыслу, вскрыть основные черты капиталистического спокойного производства, его движущие силы и основные противоречия. Определяют то, что им кажется основным в современной экономической структуре общества — они ставят действительно самый кардинальный вопрос: почему невозможна абсолютное развитие производительных сил в условиях данного общества и как устранить препятствия, стоящие на пути этого развития? И даже

как устраниить кризисы перепроизводства и достичнуть всеобщего благополучия?

Чуть ли не на каждой странице своих работ Фостер и Кэтчингс заклинают тот выход из круга капиталистических противоречий, который заключается в революционном уничтожении самого капиталистического строя. Фостер и Кэтчингс всячески отстаивают «благодетельный» принцип частной собственности. Их план есть план преодоления противоречия между развитием производительных сил и их капиталистической формой при условии, что капиталистический строй сохраняется в своем неизменном виде. Здесь даже не проектируется огосударствление капитализма. Наоборот, авторы считают существующую организацию капиталистического производства наиболее прогрессивной и идеальной формой. Фостер и Кэтчингс не проектируют ни «коллективно-капиталистического строя», ни «хозяйственной демократии». Они вообще против вмешательства государства и кого бы то ни было в частные дела. « Поменьше управлений в делах, побольше дел в управлении » — таков лозунг американского буржуа в вопросе об отношении государства к частному « бизнесу ». Фостер и Кэтчингс выступают и против большевиков и против различного рода реформистских проектов. Никаких преобразований! От кризисов, безработицы и неуверенности в завтрашнем дне можно избавиться очень простым путем (и это будет «путь изобилия», а «экономика отчаяния» останется позади!). Стоит только последовать за проектом Фостера и Кэтчингса, за проектом, реализация которого не требует никаких жертв, никаких революций и реформ. Капиталисту будет обеспечен постоянный рост прибыли, постоянный сбыт, отсутствие забастовок и опасность революции. Фермеру будет обеспечен рост доходов, постоянный сбыт продуктов и полное благоденствие. Рабочему будет обеспечен постоянный заработка и все большее повышение жизненного уровня.

Своеборзная предприимчивость этих новых апологетов ярко проявилась в той рекламе, которую они старались создать вокруг себя. Так, на обложке своей работы « Profits » они объявили приз в 5.000 долларов тому, кто представит лучшую критику их теории. В результате они получили 435 критических работ из 25 стран, в том числе от 40 профессоров-экономистов из университетов самых различных государств. Пять «лучших» из этих работ были изданы в виде сборника.

Даже по сравнению с работами европейских буржуазных теоретиков кризисов и цикла работы Фостера и Кэтчингса представляют огромный шаг назад. У Туган-Барановского, Бунятия, Шпитгофа, Афальона, Касселя, Зомбата и др. мы находим хотя бы попытку дать анализ тех или иных особенностей капиталистического способа производства. Это тоже вульгарные экономисты, защищающие капитализм. Но как ни плох анализ, данный этими теоретиками кризисов, все же они на голову выше, чем Фостер и Кэтчингс.

Фостер и Кэтчингс не блещут ни пониманием специфических особенностей капитализма, ни абстрактным мышлением. Они не выходят за рамки умственного кругозора заурядного американского « бизнесмена ». Поэтому их труды и приобрели такую популярность в среде американской буржуазии. Они явились также настольным руководством для социал-прогрессотов из жесткой «Американской федерации труда».

Кто такие Фостер и Кэтчингс? Фостер — директор Pollak Foundation, Института экономических исследований в г. Ньютоне. Кэтчингс — бывший преподаватель Central Foundry Co и Sloss Sheffield Steel and Iron Co, ныне член Goldman, Sachs and Co и директор многочисленных крупных промышленных корпораций. Он же учредитель Pollak Foundation.

Здесь, в г. Ньютоне (штат Массачусетс), гг. Фостер и Кэтчингс осчастливили человечество открытием секрета, давно лелеявшегося в мечтах фи-

лософов и поэтов вечного рая капиталистического «процветания», «классовой гармонии» и «всебоющего благоденствия»¹⁾.

Первый труд наших авторов — «Монеу»²⁾, о которой Митчели заявил, что это — «книга, подлинно делающая эпоху (really epoch making)»

2. «Теория» цикла.

Для теоретизирующего американского буржуа деньги — корень вещей, альфа и омега. Поэтому наши авторы определяют предмет политической экономии следующим образом: «Экономическая наука... есть наука, изучающая человеческие интересы в точки зрения цены. Это определение покрывает не только производство и распределение благ и услуг, но и все другие человеческие интересы, насколько они могут быть выражены в деньгах... мы считаем деньги центральным и всеобщим предметом (feature) экономической науки» (17).

Понятие денег, поясняют авторы, мы будем употреблять в соответствии с ежедневной практикой дельцов, покрывающей не только все формы средств обращения, но и банковский кредит. Деньги — синглес. Деньги употребляются всегда, как синоним «обращающейся покупательной силы» (17).

Теория денег, с точки зрения Фостера и Кэтчингса, — основа разрешения проблемы цикла, кризисов и безработицы. Существующие теории кризисов, по мнению авторов, неудовлетворительны. Они не объясняют действительных причин кризисов и не могут помочь капиталистическому хозяйству выйти из заколдованного круга циклического движения. Фостер и Кэтчингс обясняют это тем, что предшествовавшие теоретики не понимали роли денег и денежного кругооборота и, наоборот, абстрагировались от них в исследовании рынка и кризисов.

Авторы впадают в грубейший денежный фетишизм, уверяя, что деньги есть основная экономическая категория, управляющая капиталистическим хозяйством, и важнейший движущий фактор развития производительных сил капиталистических наций (38—49).

Фостер и Кэтчингс берут деньги так, как они представляются поверхностному наблюдателю в его непосредственном житейском опыте. Сущность и все функции денег они сводят к простому средству обращения. Понятие денег, как исторически упрочившегося всеобщего эквивалента, функции денег, как меры стоимости, средства накопления и платежа, специфическое отличие этих функций от функции простого покупательного средства остаются вне пределов понимания обоих соавторов, из которых один является дельцом-капиталистом, а другой — вульгарным экономистом.

Наконец, денежную форму капитала эти «теоретики» наделяют свойствами самого капитала, этой действительно основной движущей силы общественного производства в условиях капитализма. Денежный фетишизм, ослепление блестящей формой золотых монет, зеленых бумажных долларов и кредитных чеков сочетается у наших «теоретиков» с фетишизмом капитала³⁾.

¹⁾ Вместе с указанными теоретиками подвизается Хэдсон Хэстингс. См. его «Costand Profits», № 3 серии института Поллика, 1928 г.

²⁾ «Money», by W. T. Foster and W. Catchings. Third ed., rev. Boston and New-York. Publications of the Pollak Foundation for Economic Research. 1928, 409 pp.

Капитал для Фостера и Кэтчингса, соответственно взглядам всей вульгарной политической экономии, — один из четырех агентов производства: земля, «труд», управление и капитальные блага (251). (См. также «Profits», p. 28).

«Линта возникает только из сбережений». Так, например, «складной нож-капитал, результат прошлых сбережений». «Перочинные ножи и фабрика изательной резины служат одной и той же экономической функции. Оба представляют добавочные продукты прошлых усилий сбережения того, чтобы будущие усилия могли быть более продуктивными» (253).

Вульгарный капиталист, не видящий ничего дальше просбуха и счета в банке, думает, что сделал величайшее открытие, об'явив деньги основным фактором развития общества и накопления общественного капитала. Он с пренебрежением смотрит на абстрактные построения классиков.

Для того, чтобы выяснить причины циклических колебаний и сущность кризисов, Фостер и Кэтчингс предпринимают исследование роли денег в товарном обращении, их связи с уровнем цен, роли цены в регулировании отношений между общественным производством и потреблением общества, роли денег в качестве циклообразующего фактора, прибыли, кругооборота денег между производителями и потребителями и причины «недопотребления» общества. При чем весь этот анализ основывается на представлении о том, что деньги есть верховая экономическая категория и что движение денег из сферы производства в сферу потребления и обратно образует конечное основание для разрешения всей проблемы кризисов и цикла и для установления абсолютного прогресса производительных сил общества при одновременном сохранении капиталистических производственных отношений.

Фостер и Кэтчингс подвергают анализу понятие и функции денег. «Никто не может», — заявляют они, — разрешить проблему периодических экономических депрессий или какой-либо другой важной экономической проблемы, если он прежде всего не разрешил проблему значения цены» (186). Экономическая функция цены — служить производству и распределению благ. Двигать товары — такова функция денег. Производство не может долго продолжаться в данном размере, если дневные покупки не будут соответствовать размерам производства за день. Они играют решающую роль в объяснении депрессии и перепроизводства и находят свое выражение в ценах.

Фостер и Кэтчингс строят также особое понятие «правильной цены» (Right Price). «Тот факт, что люди покупают, показывает, что цены правильны. Когда люди не покупают, цены неправильны; неправильны с точки зрения функции цены, неправильны потому, что они не служат производству и обмену товаров. Бизнес показывает, что цены правильны, когда товары продаются. Здесь не может быть другого критерия. Отсюда следует, что цены не могут быть правильными для бизнеса, когда они неправильны для потребителей. Полнее говоря, давая готовое определение предмета, «правильность» цен состоит в их способности двигать блага» (188).

«Здравый смысл» новоявленных теоретиков американской буржуазии мешает им установить связь цены с действительными изменениями производительности труда и процесса расширенного воспроизводства капитала. Фостер и Кэтчингс не уяснили себе именно «проблему значения цены» в реальной циклической динамике капитализма. Это и не могло быть иначе, ибо они только истолковывают, систематизируют и оправдывают представления капиталистов, захваченных иррациональной формой проявления внутренних закономерностей капиталистического способа производства.

Функцию цены Фостер и Кэтчингс смешивают с функцией денег как средства обращения. Определив, что функция цены состоит в том, чтобы «двигать товары», авторы выдали с головой свое невежество. Оба, и капиталистический профессор Фостер, и профессорствующий капиталист Кэтчингс, обнаружили здесь непонимание простейшей формы товарного макрофлага, акта «купли-продажи».

Не цена товара, а денежный знак стоимости составляет комплекс товарного обращения. Цена есть форма проявления стоимости товара, средство воздействия закона стоимости на механизм товарного производства. А функция «двигать товары» принадлежит деньгам как средствам обращения.

щения. Товары лишь постольку движутся, реализуются, поскольку они могут притти в соприкосновение с позолоченной формой стоимости. Движение товаров зависит не от цены, а от хода совокупного процесса капиталистического воспроизводства в целом. Так, в период депрессии цены низкие, а товары почти не движутся. И это потому, что кругооборот товаров, обращение капитала в товарной форме зависит не столько от цены, сколько от общего хода капиталистического процесса воспроизводства. Изменения цен оказывают регулирующее влияние на механизм капиталистического воспроизводства, но здесь мы имеем лишь проявление действия глубже лежащего за «она» стоимости. Этой-то функции цены авторы и не поняли, что явствует из их вульгарной теории «правильных цен».

Правильно все то, что не ведет к волнениям и риску. Такова точка зрения заурядного, вульгарного капиталиста и его не менее вульгарного экономиста. Исходя из этой последней точки зрения, авторы и конструируют категорию «правильной цены», в отличие от тех определений «существенной цене», который давали классики, и тех понятий стоимости и цены производства, на которых Маркс построил всю свою экономическую систему.

Понятие «правильной цены» Фостер и Кэтчингс противопоставляют циклической динамике цен, представляющей единственную реальную форму проявления закона стоимости. Цены периода депрессии и цены периода высокой конъюнктуры с их точки зрения суть неправильные, ненормальные. В действительности же неправильны здесь именно теория «правильной цены», либо она базируется на непонимании неизбежности циклов капиталистического хозяйства. Низкие цены периода депрессии есть следствие необходимости возврата цен к действительному уровню стоимости товаров, а высокие цены периода подъема с необходимостью выражают напряжение производственного процесса капиталистического общества, отрыв цен от стоимости, «переразвитие» производства и неизбежное регулятивное вмешательство закона стоимости через кризис.

Концепция Фостера и Кэтчингса была развита и дополнена в «Profits»⁴⁾.

Авторы не представляют себе общественного прогресса без денег и капиталистической прибыли. Не лишена интереса аргументация авторов: «Что мотив прибыли является весьма могущественным мотивом, должны признать защитники революции, даже (!) Сидней и Беатриса Бэбб и т. д.». «Этот мотив с нашей точки зрения есть и останется сердцем индустриального общества. (10). Авторы ссылаются также и на... Ленина. (14). Для пущей убедительности авторы даже цитируют «Коммунистический Манифест».

Фостер и Кэтчингс захлебываются от восторга перед капиталистическим способом производства⁵⁾. «Деньги — ядро экономической теории, прибыль — сердце экономической жизни» (6). От прибыли зависит « занятость рабочих, их жизненный уровень, прогресс техники и т. д. Но откуда возникает сама прибыль?

⁴⁾ «Profits» by W. T. Foster and Waddil Catchings. Publications of the Pollack Foundation for Economic Research. Boston and New-York. Houghton Mifflin Company, 1925, 465 pp.

⁵⁾ «Короче, мы убеждены, что будущая экономическая структура, по крайней мере в САСШ, будет строиться с бесконечными усилиями, с помощью постоянного научного исследования, следовательно, камень за камнем, год за годом, на существующих основаниях. Это есть испытанный процесс человеческого прогресса. Разрушить дом, в котором мы живем, прежде чем мы даже не выработали план нового, есть путь регресса» и т. д., и т. п. «Многие не соглашаются с нами, — меланхолически замечает авторы.—Они верят, что все страны, следуя примеру России, должны отменить теперешнюю структуру, включая основы, и непосредственно начать реконструкцию на коммунистической базе» («Profits», pp. 10—11).

Перечисляя различные источники капиталистического дохода вплоть до таких факторов, как религия и землетрясение, авторы скрывают общий субстанцию всей капиталистической прибыли — неоплаченный труд рабочих. Они полагают, что заработка плата является полным эквивалентом стоимости, создаваемой рабочими в процессе капиталистического производства.

В третьей части «Profits» Фостер и Кэтчингс дают иллюстрацию разрывов падения прибыли в периоды депрессий. Здесь наши авторы ставят своей целью опровергнуть закон средней нормы прибыли⁶⁾. Не поняв различия между законом и формой его проявления в реальных условиях циклической динамики капитализма и конкуренции капитала, авторы нагромождают целую гору статистических данных, показывающих огромные вариации прибыли отдельных отраслей производства в различные периоды конъюнктурного цикла и различных отраслей производства в один и тот же период (гл. XI—XIII). Приведя эти данные, Фостер и Кэтчингс полагают, что тем самым уничтожен закон средней нормы прибыли.

Приводимые ими данные дают яркую картину того, насколько прибыль капиталистических предприятий и развитие различных сфер производства поставлены в зависимость от закона неравномерного развития капиталистического производства, от степени монополизации производства, а также от циклических и конъюнктурных условий. Тем самым Фостер и Кэтчингс подготавливают свои выводы о необходимости ввести организованность и планомерность в динамику капиталистического производства. В указанных цифрах обнаруживается вся ограниченность развития производительных сил, поскольку они заключены в узкие рамки капиталистического присвоения. Но именно этого-то вывода и не хотят сделать наши авторы.

В изображении Фостера и Кэтчингса положение рабочего класса в капиталистическом обществе является гораздо более обеспеченным и «справедливым», чем положение капиталистов — предпринимателей. Этому тезису специально посвящена глава XIV. «Риск и убытки падают прежде всего на капитал. Более чем 10.000 корпораций, уплачивающая в продолжение года заработную плату, в конце каждого года находят, что ничего не остается для дивидендов»... Все выгоды от снижения цен достаются рабочим, получающим заработную плату каждую неделю, «в то время как ни один держатель акций не получает ничего. Финансовое бремя депрессий, как ясно показывает статистика, падает более тяжело на держателей капиталов и фирм, чем на получателей заработной платы» (154). «Капитал часто работает без дохода; рабочие редко работают без заработной платы» (155).

Далее Фостер и Кэтчингс развивают откровенно апологетическую теорию, согласно которой непосредственные потребители, народные потребительские массы управляют современным капиталистическим производством.

Продавцы могут сделать все, что в их силах, но «выбор остается за покупателем. Цены, которые они платят сегодня, суть в действительности заказы для будущего производства»⁷⁾.

⁶⁾ Фостер и Кэтчингс отвергают анализ внутренних закономерностей капитализма.

«Распространена вера в то, что существует нормальный уровень цен, нормальная заработная плата, норма прибыли, норма транспортных издержек, нормальный уровень денег и т. д., к которым страна должна вернуться в период депрессии, прежде чем она сможет снова приобрести старые условия балансирования индустрии. Эта вера базируется на ошибке. Этого нельзя найти в статистических показателях за прошлое время» (330)/

⁷⁾ «Money», p. 191.

«Крупный капитал не является и не может быть вещью автократической, как это часто говорят. Даже Стальная корпорация Соединенных штатов должна следить день за днем за голосами покупателей. Она не может больше сказать о том, что она хочет производить, чем поселок кузнечиков» (192).

«Экономическая конкуренция демократичнее, чем самое демократическое правительство. Даже после многих поколений борьбы против автократии в политической области нет ничего сравнимого со свободой и универсальным избирательным правом покупателей» (192) (разрядка наша. — В. Б.).

Авторы отрицают антагонистический характер распределения продукта между капиталистами и рабочими. Превращая свои прибыли в дополнительный капитал, капиталист, по мнению Фостера и Кэтчингса, доставляет рабочим в виде заработной платы столько покупательных средств, сколько необходимо для реализации созданного ими продукта. (Давно опровергнутая Марксом теория Смита и Рикардо!).

«Тот факт, что богатый помещает свои деньги и таким образом становится еще богаче, не делает его врагом лиц, получающих зарплату. Наоборот, большинство инвесторов прямо способствует получению заработной платы, ибо большинство денег, которые они инвестируют в капитал и бумаги или прямо в фабрики и копи, скоро выплачивается в заработной плате. Еще более важным является тот факт, что фактически все деньги, таким образом инвестированные, принимают существенное участие в производстве богатства, которое одно делает возможным высокий жизненный уровень для получающих заработную плату или же поддерживает этот уровень» («Moneu», 256, разрядка наша. — В. Б.).

«Сокращает эта прибыль долю рабочего в индустрии или нет, в действительности зависит от того, что делаются с прибылями. Если прибыли вновь достаточно быстро инвестируются в направлении, движимом дневными покупками потребителей, то народ, как целое, а не инвестор, получает непосредственные занятия от прибылей. Ибо в этом случае большинство прибылей распределяется в качестве заработной платы; а когда блага, ради производства которых была выплачена заработка, достигнут рынка, они будут потреблены преимущественно получающими зарплату плату». Следовательно, «мы не можем ничего сказать впрямь, как заключить, что плоды индустрии теперь распределились в удовлетворительных пропорциях между всеми, кто принимает участие в процессе производства» (259, разрядка наша. — В. Б.).

Рост реального производства, по мнению Фостера и Кэтчингса, означает соответственный приток денег в руки потребителя для того, чтобы можно было реализовать возрастающую продукцию. Под этим углом зрения авторы рассматривают влияние налогов и сбережений на рост капитала, занятых рабочих и их покупательной способности. Всякие обстоятельства, отвлекающие средства от вложения в производство, тем самым создают недостаток покупательной силы на потребительском рынке и могут привести к экономической депрессии.

Таким образом выходит, что конечная причина перепроизводства — это... недопроизводство! Если Туган-Барановский и его ученики объясняли кризисы недостатком денежного капитала, то Фостер и Кэтчингс объясняют их недостатком капитала в производительной форме.

«Деньги, расходуемые в потреблении товаров, есть сила, которая движет все колеса индустрии. Когда эта сила продолжительно находится в правильном отношении к общему товаров, предлагаемых для продажи, бизнес протекает ровно. Когда деньги расходуются скорее, чем товары достигают различного рынка, наступает деловой бум. Когда товары продолжают доставлять

розничного рынка скорее, чем расходуются деньги, денег становится недостаточно. Короче, производство следует за его регулятором — распределением, а распределение в свою очередь регулируется течением денег через потребительский рынок» («Moneu», стр. 277).

Фостер и Кэтчингс рисуют схему круговорота денег, которая отныне должна затмить экономическую таблицу Кенэ и схемы воспроизводства Маркса. Схема эта наглядно демонстрирует возврат буржуазной экономики ко временам Сэя. В основу этой схемы положена идея тождества производства и потребления, капиталов и доходов, зарплаты и продукта труда рабочего и т. д. (стр. 304, Fig. 15). Установление правильного бесперебойного и полного перехода денег последовательно через сферу производства, сферу потребления и обратно должно, по мнению Фостера-Кэтчингса, решить проблему «перманентного процветания». Важнейшим фактором производства и цикла является изменение в объеме денег, притекающих в руки потребителей и расходуемых ими» (гл. XX и др.).

Фостер и Кэтчингс всячески расхваливают механизм цен и прибылей в качестве средства регулирования общественного производства, забывая, какую массу непроизводительных издержек вызывает этот механизм стихийного регулирования капиталистического способа производства.

«Нет другого более легкого пути регулирования производства, кроме как через механизм цен и прибылей» («Profits», стр. 200). «Коммунизм не представляет удовлетворительного заместителя для цен и прибылей. Попытка у потребителей больше не смогут выбирать и их коммерческих представителей путем подачи доллароголосов, они не имеют эффективного способа указать, что они хотят иметь произведенным» (I. с., разрядка наша. — В. Б.).

Таковы те похвальные дифирамбы, которые поют Фостер и Кэтчингс капиталистическому «строю». Стоит ли опровергать вранье, что капиталистическое производство управляемо широкими потребительскими массами общества, и что магнаты монополистического капитала суть доверенные этих масс!

Однако эта безвкусная алогическая стряпня является для Фостера и Кэтчингса основой «разрешения» проблемы цикла и кризисов.

В самом деле. Раз потребители управляют производством, то откуда же кризисы, периодическое перепроизводство товаров, безработица и прочие характерные явления капиталистического способа производства?

Оказывается, причина — в отсутствии знания эффективного спроса.

«Ошибка в постоянстве рынка, неправильная калькуляция природы и расширения покупательного спроса ведет в результате к «перепроизводству» и «недопотреблению». В действительности система может быть более эффективной, если бы не было трудностей в более быстрой и точной, чем это было до сих пор, информации производителей о направлении эффективного спроса в отношении наличных капиталов и в других направлениях. Результат голосования потребителей за увеличение или сокращение производства становится известным производителю недостаточно быстро и с недостаточной точностью» («Moneu», 194, разрядка наша. — В. Б.).

«Налевые» авторы стремятся устранить циклические вариации цен путем информирования капиталистов о действительных размерах покупательного спроса. Они не понимают того, что: 1) анархия производства обуславливает неизбежность диспропорционального развития капиталистического производства, 2) между производством и потреблением капиталистического общества существует не такое простое взаимоотношение, чтобы можно было в каждый данный отрезок времени установить размеры производства,

соответствующие покупательной силе масс; 3) нелепо думать, что информация может противодействовать безграничной тенденции капитала к самовозрастанию, к расширению процесса капиталистического воспроизведения, 4) колебания уровня цен являются не продуктом отсутствия информации, а закономерным выражением циклического движения самого капиталистического хозяйства, движения, неотъемлемого от самой природы капитализма.

Фостер и Кэтчингс многоократно принимаются за критику учения классиков о тождестве спроса и предложения и с видом людей, открывших Америку, возвешают, что денежная форма заключает возможность расхождения между спросом и предложением, между производством и потреблением. Если же отбросить денежную оболочку, то за ней сами авторы усматривают полную гармонию в развитии отдельных отраслей капиталистического производства, полную гармонию между производством и покупательной способностью общества.

Основу кризиса Фостер и Кэтчингс усматривают в недостатке покупательной силы, при чем во главу угла своего варианта вульгарной теории недопотребления они ставят кругооборот денег, пребывающий между сферой производства и сферой потребления.

Итак, заявляют наши авторы, основная задача — адекватность дохода потребителей сумме цен производимой продукции и т. д. Необходимо доставить потребителю достаточно денег, чтобы он мог покупать возрастающую продукцию капиталистического производства («Profits», гл. XXI). Процветание всегда приостанавливается в силу боязни депрессии, недостатка покупательной силы потребителей (т. с.).

Какие же причины обуславливают «недекватность» потребительской силы?

Для того, чтобы ответить на этот вопрос, авторы строят гипотезу капитализма с наличием ряда упрощающих дело предпосылок: 1) Нет посредников, нет продажи средств производства и нет внешней торговли. Полная интеграция индустрии, вертикальная и горизонтальная, под единым руководством. 2) Эта корпорация есть источник всех потребительских доходов. Зарплата покрывает все издержки производства (!!!). 3) Уровень цен остается неизменным. 4) Общий об'ем денег в обращении остается неизменным. 5) Скорость обращения денег остается неизменной. 6) Нет налогов и государственных расходов. 7) Зарплата уплачивается в ту единицу времени, в которую производятся блага. 8) Вся заработка плата и дивиденды расходуются на блага в единицу времени, в которую они получаются.

Фостер и Кэтчингс рассматривают соотношение производства и потребительского спроса при всех перечисленных условиях, а затем постепенно исключают их одно за другой (269—282). Отсюда они получают два вывода. Первый: если при предположенных условиях корпорация выручит прибыль от продажи товаров потребителям и применит ее таким путем, что она не вернется к потребителям доллар за долларом в течение данного периода, — потребители не смогут купить продукцию без предварительного понижения цен, даже если бы размеры производства и не были увеличены. Второй: если при предположенных условиях корпорация каким-либо способом увеличит ее выработку, а ее платежи потребителям в данный период возрастут, то потребитель не будет иметь возможности купить всю продукцию при данном уровне цен (282).

Ключ к проблеме недостаточности покупательной способности Фостер и Кэтчингс видят в «дilemma of thrift». «Обережение делает невозможными два необходимых условия: 1) чтобы вся прибыль возвращалась потребителям; 2) то, что потребители должны тратить все деньги, которые они получают. Но корпоративные и инди-

дуальные обережения делают невозможными эти условия. В этом — проблема бережливости» (там же, стр. 296).

Падение цен и сокращение производства не разрешают проблемы (306). Не помогает делу и увеличение количества денег, экспансия кредита и ускорение обращения денег (329).

Авторы отвергают план стабилизации доллара, выдвинутый Фишером. Учетный процент тоже недостаточный способ контроля. В лучшем случае дисконтная ставка представляет запоздалый регулятор. Тем не менее понижение ставки может быть всегда использовано как смягчающее средство. Но это недостаточное средство контроля («Money», 359). «Если бы изменения в дисконтной ставке производились достаточно быстро, то большинство кратких циклических движений уровня цен могло бы быть предотвращено. Таким образом, если бы изменения в дисконтной ставке были сделаны в точном соответствии с изменением уровня цен, деловые люди знали бы, чего ожидать, и могли бы делать предстоящие операции с большей уверенностью» (там же, 360).

Внешняя торговля не разрешает затруднений с недостатком покупательной силы потребителя (353). Не может разрешить проблему и равномерное распределение дохода (354).

Но все-таки «проблема может быть разрешена. Все главные факторы суть предмет человеческого контроля (!). В стремлении достичь разрешения проблемы нет необходимости отменять самостоятельность, стабилизировать человеческие вкусы, регулировать погоду или уничтожить солнечные пятна» (416).

По мнению Фостера и Кэтчингса возможно полное использование всех существующих ресурсов общественного производства без какого-либо изменения в основах капиталистического способа производства («Profits», 228 и др.).

Авторы убеждены, что «в производстве для продажи с прибылью нет ничего, что само по себе необходимо препятствовать бы потребителям в получении достаточного количества денег для покупки произведенного» («Money», 341).

Динамика цикла представляется нашим авторам в следующем виде. В период депрессии цены, прибыль, заработка плата и издержки низки, а банковские резервы высоки. В этот период покупательная сила, которую потребители получают благодаря твердым доходам, больше, чем в другое время... В то же время правительство покупает и потребляет почти столько, сколько и обычно. Кроме того, поскольку издержки низки, начинается возрастание строительных операций и как следствие рост платежей заработной платы. Поскольку потребители сразу платят за большинство новых строений, поскольку возрастает потребительский спрос на другие предметы. Запасы сокращаются и индустрия начинает восстанавливаться («Money», 348).

Когда промышленное снабжение, об'ем производства и выплата заработной платы таким образом возрастают, эта последняя достигает потребительских рынков в качестве возросшего эффективного спроса, поддерживающего увеличенное предложение товаров. Это стимулирует рост цен. Рост цен ускоряет поступательное движение. Зарплата продолжает расти сильнее, чем производство готовых благ. Цены растут сильнее, чем зарплата. Банковские займы возросли еще более.

В это время частично потому, что заработка плата уплачивается вперед, частично потому, что товары накапливаются в промежуточных стадиях производства, частично потому, что спекулянты задерживают товары, в руки потребителей притекает достаточное количество денег, дающее им возмож-

ность купить по повышенным ценам достаточно товаров, чтобы побудить розничных продавцов поддерживать заказы.

Однако прибыли растут сильнее, чем заработка плата. И прибыли не распределены держателями запасов до тех пор, пока не будут проданы товары, в которых должна быть реализована прибыль и теперь распределенной прибыли имеется больше половины. Наступает время, когда рынки чувствуют влияние возросшего предложения, но покупательная сила потребителей, полученная главным образом благодаря расширенным банковским заемкам и достигшая потребителей преимущественно в виде дивидендов и заработных плат, не возрастает столь же быстро, как предложение (349).

Тем временем стремление расширять операции обуздывается потому, что «цены, по которым имеется возможность продать товары, не растут так быстро, как издержки по производству бизнеса (the costs of doing business). Заработка плата, жалованье, рента и проценты, которые сперва отставали от прибылей и цен, начинают задерживать (begin to catch up)» (350).

Когда обнаруживается, что покупки перестали расти, спекулянты выбрасывают на рынок запасы, торговцы уменьшают заказы и производители сокращают производство. Цены перестают расти и обычно начинают падать, так как многие дела, возникшие в период роста цен, зависели в своем существовании от продолжавшегося роста цен. Раз цены начали падать, многие влияния совместно содействуют продолжению движения и в результате получается экономическая депрессия (350).

Как мы уже видели, Фостер и Кэтчингс устанавливают положение о том, что превращение денег в производительную форму и расширенное воспроизводство капитала означают соответствующий прирост покупательной способности рабочего класса. Соответственно тому, как возрастает капиталистическое производство, в таком же размере создаются необходимые условия реализации вновь производимых продуктов. Выходит, что условия реализации представляют обратную сторону условий производства. Капитализацию прибыли Фостер и Кэтчингс отождествляют с ростом переменного капитала, т. е. средств, получаемых рабочими в виде заработной платы. Отсюда грубо апологетическая и вульгарная теория равенства распределения общественного продукта между капиталом и трудом, концепция тождества производства и потребления. Накопление капитала отождествляется с накоплением его переменной части.

Если бы, говорят Фостер и Кэтчингс, все капиталы и прибыли направлялись на расширение действительного процесса производства и тем способствовали росту покупательной силы рабочего класса, то увеличение капиталистического производства всегда сопровождалось бы соответствующим увеличением покупательной способности широких масс. В самом капиталистическом процессе производства, по их мнению, не существует никаких имманентных противоречий.

Учение о тождестве накопления капитала с приростом суммы заработной платы дает возможность нашим авторам убить одним выстрелом двух зайцев: с одной стороны, воскурить фимиам капиталистическому строю, с другой стороны, дать особую «теорию» кризисов.

Но главное, что затушевывается почтенными «теоретиками» из штата Массачусетс, это — анархия капиталистического производства, диспропорциональность производства, вытекающая из важнейшего и глубочайшего противоречия, — противоречия между общественным характером производства и капиталистической формой присвоения. Теории капиталистического цикла без указания на анархию производства и закон диспропорциональности развития разных отраслей — пустой звук.

Переход от депрессии к оживлению и замедление расширенного воспроизводства капитала на высшей стадии подъема Фостер и Кэтчингс объясняют здесь, исходя из факта изменения издержек производства. Но ни где в каком-либо другом месте своих работ Фостер и Кэтчингс не касаются этого факта циклических изменений. Теория кризисов и цикла, как она излагается во всех их работах, базируется на учении о недостаточном притоке денег из сферы производства в сферу потребления. Здесь же в качестве первичного фактора превращения депрессии в подъем и подъема в кризис выставляются издержки производства. Вследствие этого возникает вопрос, какой же, по мнению наших авторов, фактор является решающим в циклических вариациях: изменение издержек производства или перераспределение денег между сферой производства и сферой потребления?

Объяснение кризисов повышением издержек производства, а перехода от депрессии к оживлению — их понижением, заимствовано авторами у таких представителей современной американской вульгарной теории цикла, как Митчелл, Кларк и т. п.

Схема цикла, данная Фостером и Кэтчингсом, представляет самое поверхностное описание циклических явлений, как они представляются практическому буржуа. В ней зафиксированы только внешние формы движения капиталистического хозяйства, а его внутренние законы и противоречия скрыты.

Таков «теоретический» багаж Фостера и Кэтчингса, и таковы те исходные положения, на основе которых они хотят разрешить проблему «к вратам круга», проблему развития производительных сил капиталистического общества, независимо от капиталистического характера производственных отношений, независимо от природы самого капитала, ставящего узкие границы этому развитию. Критику теории кризисов Фостера и Кэтчингса мы дадим ниже, а сейчас рассмотрим другую их работу.

3. „Бизнес без покупателей“.

«Теория» и «практический» проект установления планового, permanentного процветания капитализма, выдвинутые капиталистом Кэтчингсом и профессором-апологетом Фостером, были изложены в популярных работах «Бизнес без покупателей»¹⁾ (1927) и «Путь к изобилию» (1928).

Первая имеет целью дать в популярной форме сущность «Money» и «Profits» и наметить путь разрешения проблемы устойчивого «процветания». В предисловии к ней, подводя итоги конкурса с призом в 5.000 долларов, Фостер и Кэтчингс заявляют, что присланные в комиссию критические работы «не ослабляют основ нашей теории»²⁾.

«Многие критики», — сообщают авторы, — утверждают, что «Profits» есть революционная (!) книга. Другой профессор высказывает мнение, что если эта теория верна, то она представляет наиболее важное экономическое открытие века» (предисловие, XI). Фостер и Кэтчингс с гордостью сообщают: «наша теория основана на том, что мы ежедневно наблюдаем в действительном мире бизнеса; и с этим миром мы познакомились доста-

¹⁾ «Business Without a bumer» by W. T. Foster and W. Catchings, Publications of the Pollac Foundation for Economic Research, Boston and New-York. Houghton Mifflin Company, 1927, 205 pp.

²⁾ Если бы суды объявленного конкурса не принадлежали к числу буржуазных экономистов и руководителей капиталистических организаций, то они, несомненно, должны были бы присудить приз автору «Капитала» — Марксу, ибо там дана, бесспорно, исчерпывающая и убедительная критика всех и всяческих вульгарно-апологетических теорий и в частности все необходимое для полного разоблачения новоявленных «теоретиков» — Фостера и Кэтчингса.

точно хорошо. В какой степени наша теория является оригинальной, — мы не можем знать, ибо мы не знакомы полностью с литературой по экономике. Наш метод состоит в том, чтобы выводить наши идеи из бизнеса скорее, чем из книг (XV, разрядка наша). — В. Б.).

Комментарии здесь излишни. Авторы откровенно определяют себя по штату вульгарных экономистов, экономистов, черпающих свои идеи из внешних явлений непосредственной капиталистической практики и презрительно отворачивающихся от абстрактной теории.

Кризисы и депрессии вызывают огромнейшие потери. Кризисы и депрессии увеличивают для буржуазии опасность революции. Как же достигнуть перманентного « процветания »? Если эта цель будет достигнута, тогда исчезнет опасность революции. «Процветающий народ не делает революций » (17).

Причин недопотребления, недостатка покупательных средств — две: 1) увеличение платежей промышленности народу происходит не впропорционально увеличению ее продукции и 2) благодаря необходимости сберегать, люди не могут тратить столько денег, сколько получили. Вот почему «даже в лучшие времена мы лишь незначительно используем наши производительные ресурсы» (25). «Недопотребление существует благодаря недостатку потребительского дохода».

Фостер и Кэтчингс не видят причин этого недостатка, коренящихся в самом процессе капиталистического производства, в отношении между трудом и капиталом. Наоборот, здесь, по их мнению, нет ничего, что имело бы хоть какое-нибудь отношение к проблеме кризисов и перепроизводства.

Авторы ограничиваются поверхностным представлением, в котором исключается действительное понимание противоречия между производством и потреблением в капиталистической обществе. Конструируя взаимодействие производства и потребления в форме замкнутого порочного круга, Фостер и Кэтчингс скатываются к точке зрения Сэя, Бастиа и К°.

Авторы с важным видом поучают, что никто не понял, чем вызван недостаток потребительского дохода. «Конечно, они не открыли какого-либо возможного способа преодоления депрессий без того, чтобы не ввернуть страну в экономический хаос» (52).

Далее, Фостер и Кэтчингс рассматривают значение продаж в рассрочку (Installement) для проблемы недопотребления. В 1926 г. продаж в рассрочку было на сумму около 7½ миллиардов долларов по действительным продажным ценам, охватившим 50 видов товаров.

Но, указывают авторы, эти продажи не разрешают проблемы. Никто не может увеличивать покупку в рассрочку беспредельно (69). Ясно, что продажи в рассрочку не делают «автоматически» людей способными платить за данные блага. Благо возрастают скорее, чем доход (72). Мы должны найти способ достижения перманентности на достаточно удовлетворительном базисе, а увеличение продаж в рассрочку теперь производится на сомнительной базисе (76).

Фостер и Кэтчингс всячески превозносят роль автомобильной индустрии в создании процветания последних лет, а затем заключают, что проблема перепроизводства может быть разрешена путем еще большего увеличения размеров производства в крупнейших отраслях индустрии (гл. IV).

В свете современного американского и мирового кризиса особенно комично выглядит следующее хвастливое утверждение авторов: «Люди этой страны все ездят в автомобилях потому, что они процветают; и еще более правильно сказать, что они процветают потому, что они все ездят в автомобилях» (77—78).

Дополнительные деньги были созданы и распределены между потребителями в связи с развитием новых производительных сил, сил, которые еще не требуют платы за них от потребителей... Это — решающий пункт. Он показывает, что автомобиль сделан для бизнеса (82).

Фостер и Кэтчингс расписывают блага, которые принес с собою расцвет автомобильного производства. «Поэтому, — говорят они, — разрушители сообщали рабочим, что они не могут улучшить их положение без разрушения системы заработной платы, денежной системы и производства ради прибыли, строители шли вперед, применяя существующее денежно-прибыльное хозяйство — лучшее, что они знают, создавая богатства, увеличивая миллионы долларов для оплаты участников производства» (100).

«В Соединенных штатах, благодаря автомобильной индустрии, возрастает счастье народа, материальный комфорт, сокращается рабочий день, увеличиваются сбережения, улучшается здоровье, улучшаются заботы о детях и, наконец, уменьшилось беспокойство за будущее — все в результате увеличения заработной платы на 25 % или более».

Какой иронии звучат эти слова для тех 15 миллионов американских рабочих, которые вместе со своими семьями гибнут от голода и нищеты в условиях нынешнего экономического кризиса!

По мнению авторов, индустрия не имеет источника доходов кроме потребления, потребление не имеет источников дохода, кроме индустрии. Поэтому, если индустрия возвращает потребителям все деньги, получаемые ею от потребителей, и если потребители расходуют все эти деньги (или помещают туда, откуда они обратно притекают к потребителям), то она может продолжать беспрепятственно создавать и реализовать данное количество товаров по данным ценам. Здесь не было бы ни «бума», ни «депрессии», ни «экономических циклов». В прошлые годы, однако, ни корпоративные, ни индивидуальные сбережения не были полностью инвестированы в новые производительные силы внутри страны. Часть была резервирована (hoarded), часть оставлена на растущих банковских балансах и миллиарды инвестировались за границей... В противном случае не было бы дефицита в потребительском спросе (83). Страна прошла последние 15 лет потому, что достаточно увеличился объем денег, главным образом в связи с новыми капитальными вложениями и публичными работами, преодолевавшими дефицит в потребительских покупках, простиравший из сбережений корпоративных и индивидуальных. Но только преодоление этого дефицита было недостаточно в сравнении с ростом бизнеса. «Пока мы не готовы для процветания завтра, мы не можем иметь процветание сегодня» (85). «Невозможно использовать капитальные силы, которые мы уже имеем, сохранить в достаточной степени экономическое процветание до тех пор, пока мы не строим в достаточной мере новых капитальных сил» (86).

Наконец-то проблема «разрешена»!

«Для того, чтобы сделать народ способным покупать выпуск наших теперешних фабрик, мы должны строить новые, мы должны строить больше новых» (86). Итак, преодолеть перепроизводство можно лишь путем еще большего увеличения размеров существующего капиталистического производства. «Разрешение» проблемы кризисов, как видят читатель, очень простое.

Современное материальное процветание Соединенных штатов обязано главным образом автомобилю, — говорят авторы, — но оно не может долго продолжаться, пока какие-нибудь другие отрасли индустрии или не помогут таким же эффективным расширением продаж в рассрочку, или, еще лучше, путем достаточного расширения потребительского дохода, развиваясь в ближайшем будущем столь быстро, как развивалась автомобильная индустрия в недавнем прошлом (103).

В следующей главе Фостер и Кэтчингс открывают консультацию на тему: «Как Муссолини может сделать свой народ процветающим?» (105). «Если бы я был Муссолини», — постоянно восклицают здесь наши авторы, рекламируя вновь открытое ими средство удаления... недопотребления, кризисов, безработицы, нищеты, революций и войн из-за рынков сбыта. Средство простое: «Больше производить и больше потреблять». Поиски новых рынков Муссолини должен начинать внутри своей собственной страны. Мировой рынок, сфера влияния, престиж на морях, колониальное развитие, иностранные кредиты — эти стремления имеют очень мало значения для итальянского народа. Как благородно было бы правление деспота Муссолини, восклицают наши авторы, если бы он сделал свой народ способным обильно (abundantly) потреблять, принуждая его обильно производить (120).

Предположим, — говорят наши авторы, — что Муссолини поддерживает такой приток доходов, что его народ всегда получает как раз достаточное количество денег для покупки продуктов растущей индустрии. Тогда здесь не может быть ни всеобщего перепроизводства, ни всеобщего падения цен, ни выталкивания рабочих из производства (121). Счастье народа возстало бы и, заметьте, под сапогом того же Муссолини! «В достижении этого результата Италия при диктатуре имеет больше преимуществ над демократией. В Италии только один человек должен понять, что должно быть сделано, и вдруг: дело сделано!» (124, разрядка наша. — В. Б.).

По мнению Фостера и Кэтчингса, увеличение экспорта не разрешает проблемы. До тех пор, пока Соединенные штаты не будут иметь неблагоприятный торговый баланс, долги не могут быть уплачены. Ибо они могут быть уплачены только товарами. Соединенные штаты производят большие платежи заграничным странам и постоянно платят больше, пока они не сделают эти страны способными произвести достаточно товаров, чтобы покрыть их долги. Поэтому, с тех пор, как потребители не получают достаточно дохода для того, чтобы купить продукцию внутреннего производства, преышение импорта над экспортом в действительности ухудшило ситуацию внутреннего рынка (141—142).

Наоборот, план, предлагаемый авторами, поведет, по их мнению, к смягчению борьбы за рынки сбыта, уменьшению опасности войны, создаст новый рынок для иностранных ценностей в САСШ, полную стабилизацию среды обращения, упрочит процветание и повысит жизненный уровень (147). Впрочем, авторы оговариваются: «Мы не против экспортерной торговли и наших займов. Наоборот, мы поддерживаем увеличение первого и второго... Все, что мы утверждаем, есть необходимость создания условий, при которых мы сможем расширить наши международные дела на деловом базисе» (там же).

Далее Фостер и Кэтчингс расхваливают работу Федеральной резервной системы и разбирают вопросы о «стабилизации покупательского доллара». «Что проделала Резервная система, явствует из сравнения уровней оптовых цен в течение 1922—1926 гг... Движение индекса многих оптовых товарных цен от 1922 до 1926 г. не могло быть таким прямым и таким горизонтальным, если бы политика резервной системы не была искусно установлена в помощь обузданнию резких движений в каком-либо направлении» (160). Но она не может постоянно стабилизировать уровень цен. Перманентная стабильность уровня цен недостижима при современной Федеральной резервной системе. Ибо «производство не создает адекватный спрос автоматически, как учила традиционная наука» (168). Для того, чтобы охранять уровень цен от резких колебаний, Резервная си-

стема должна была бы регулировать количество денег, которое обращается на стороне потребления и на стороне производства, а также количество сбережений индивидуальных и корпоративных. Короче, это должно было быть под контролем над использованием банковского кредита (169). Резервная система не имеет силы контролировать эти факторы.

Заключение написано высоким «стилем»: «Мы не верим, — заявляют наши авторы, — в экономическую науку отчаяния (Economics of Despair). Мы уверены, что можем предложить простой, осуществимый и непосредственный выход из дилеммы бережливости — путь спасения и процветания, исцеление от экономических депрессий — способ сделать народ в целом способным получать более и более продолжительное удовлетворение от преходящего механизма современного бизнеса» (192).

4. «Путь к изобилию».

— Теперь изложим план перманентного процветания, как он дан в последней работе Фостера и Кэтчингса, изданной в 1928 г. и выдержавшей в один год три издания¹⁾. Этот план представлен в виде разговора нескольких пассажиров в вагоне железной дороги.

Дело начинается с рассуждений о потерях, связанных с депрессией, о безработице и перепроизводстве. Бизнесмен размышляет о несостоятельности теории равновесия, спроса и предложения. Фостер и Кэтчингс вынуждены были дать здесь яркую картину нищеты и страданий рабочих и мелких фермеров в периоды депрессий и их неустойчивого положения в периоды «процветания».

На одной из остановок компании по курительной комнате (делец, профессор, юрист, депутат конгресса и представитель рабочего класса — сей человек) наблюдают толпу рабочих, слушавших оратора. «Мы должны, — говорит он, — владеть этой индустрией... Это — путь к изобилию. Надо разрушить силу денег. Непримиримая война капиталистам и правительству».

В послесловии авторы неоднократно возвращаются к речи этого оратора. Они откровенно обосновывают необходимость реализации их плана растущей опасностью распространения коммунистических идей и роста действительно революционного пролетарского движения.

В этой работе Фостер и Кэтчингс резко подчеркивают примат дельца над ученым и всеми другими представителями буржуазного общества. Бизнесмен ставит ряд вопросов и завязывает спор с профессором. Много говорится об ошибках предшествовавшей политической экономии. «Профессора, — говорит делец, — слишком мало прикасалась к действительному бизнесу». Свою теорию Фостер и Кэтчингс прямо называют «Business Man's Theory of Economics and Progress» (56, 108).

Делец предлагает план, который и обсуждается на протяжении всего «путешествия». Сначала все относятся к этому плану с недоверием, а затем становятся его горячими сторонниками и заключают деловой союз для пропаганды и реализации этого плана.

Делец «не предлагает обогатить бедняков путем расхищения богатства или отмены частной собственности на землю; или печатания денег, как сделали русские (!); или заменить негодные мотивы, представляющие пружину современной промышленной жизни. Красноволосый оратор требует убить силы и начать снова. В этом его прогресс... Динамитчик хочет взорвать всю существующую систему производства и обмена. А что на место этой сложной и рациональной машины? Оратор не знает» (113).

¹⁾ «The Road to Plenty», by W. T. Foster and Catchings, Popular Edit. Boston and New-York. Houghton Mifflin Company, 1928, Third impression, 229 pp.

Успехи социалистического строительства в СССР, растущая индустриализация страны, коллективизация и реконструкция сельского хозяйства, успехи нашего пятилетнего плана, признанные даже буржуазной и в том числе американской печатью, заметим мы здесь, прекрасно показывают, что должно быть поставлено на место капиталистической системы. Фостер же и Кэтчингс пишут в 1928 г. книгу, где рассказывается старые, глупые сказки о «России», пытающейся наделить всех деньгами при помощи печатного станка.

Делец весьма пространно и еще более поверхностно критикует в polemике с «профессором» теорию равновесия производства и потребления (XI гл.). «Всебоющее перепроизводство есть чисто монетарный вопрос», — вот то единственное, что противопоставляют авторы гармонистической теории рынка классиков (129 и др.). Не правда ли, глубокое объяснение кризисов?

Авторы неоднократно возражают против теории обнищания рабочего класса, называя ее «теорией отчаяния» и утверждая, что она представляет ложную выдумку классиков и их учеников. Делец резко критикует Милля за его утверждение, что заработная плата должна всегда стремиться к более низкому уровню средств существования. «Это, — воскликнули новоявленные апостолы всеобщего и перманентного процветания, — экономическая теория отчаяния, мрачная наука (Dismal science)»¹.

Мы должны иметь, обясняют свои планы авторы, такое разрешение проблемы, которое является радикальным, революционным, в которое включено преодоление установившихся идей и принятие совершенно новых руководящих целей. Но в то же самое время мы должны иметь такое решение, которое является консервативным, в котором остаются неизменными все те же существующие институты, которые обычно считаются важными.

«Элиминировать циклические колебания индустрии — поддерживать потребительскую покупательную силу и текущий продукт в должном соответствии» (170). Это — «концепция правильного притока денег к потреблению» (174).

План Фостера и Кэтчингса таков. Прежде всего «мы должны измерять изменения в объеме денег, в обращении, распределении дохода между фермерами, получателями заработной платы, держателями ценных бумаг и другими группами, наличные запасы, проектируемые расходы в области частной индустрии и правительственные... изменения в денежной ставке, спекуляции, условия урожая, реальный уровень цен и сооружение зданий» (183).

Правительство, приняв наш план и получив собранную информацию, должно будет принимать его во внимание во всех своих собственных фискальных мероприятиях. Ведь его собственные доходы зависят от бизнеса. Ответственность должна быть установлена за Федеральным бюро, созданным для этой цели. Если новое бюро будет в этом отношении даже настолько удовлетворительно, как Федеральное резервное бюро, успех плана гарантирован (189). Издержки сокращения данных будут малы и незначительны по сравнению с издержками экономических депрессий (186).

Функции нового бюро должны быть, по мнению авторов проекта, следующие:

1) Составление докладов о выводах бюро в отношении экономических условий. С целью добиться продуктивности в руководстве бюро должно часто, ясно и публично делать сообщения о его действиях, обещаемых их действиях и причинах этого.

2) Бюро должно информировать президента, Конгресс и различные департаменты от времени до времени о возможном воздействии на эко-

ническую сферу с точки зрения существующих условий, налогов, налоговых скидок, операций по возмещению платежа общественных долгов, увеличения заработной платы и жалованья и других фискальных вопросов (190).

3) Руководство бизнесом. «В этом трудность дела», признаются авторы. «Собрав необходимую информацию, бюро будет советовать производству, как использовать ее в качестве руководства во всех фискальных вопросах... Само бюро, руководствуясь теми же данными, будет определять, когда производить определенные расходы, которые были уже разрешены Конгрессом при политике общественных работ, запроектированных в круглом размере. Таким образом, бюро, через его собственные действия и его публикацию о них, будет доставлять бизнесу необходимое руководство» (192).

Таким путем будет измняться приток денег потребителям, соответственно мероприятиям, предпринимаемым бюро, правительством и всеми частными предприятиями, поскольку они будут следовать советам бюро. Будут производиться общественные расходы на здания, внутренние водные пути, гавани, дороги и парки. Они могут увеличиваться и уменьшаться в зависимости от экономической ситуации. Эти расходы будут доставлять потребителям дополнительную покупательную силу в форме заработной платы (194). Бюро обращало бы внимание публики на опасность. Оно публиковало бы данные, точно показывающие, какая отрасль идет к перепроизводству. Оно с оторванной работой наблюдало бы ситуацию, позволяло бы предупреждать инфляцию, доставляя работу безработным (198—201). Государство, согласно этому плану, меньше вмешивалось бы в частные дела, чем раньше. Правительство производило бы расходы сообразно с нуждами бизнеса, смягчало бы конкуренцию, когда сокращается сбыт товара на рынке (202).

«Другие страны тоже колossalно выигрывали бы от этого плана, в том числе Англия. Они будут иметь больше покупательной способности по отношению к нашим товарам и больший рынок для их собственных товаров. Процветая, они не будут иметь основания быть недовольными и нашими процветанием» (205). «Экономическая теория отчаяния была иллюзией». «Будет уничтожена безработица и нищета» (214, разрядка), как и везде, наша. — В. Б.».

Авторы указывают, что некоторые государственные органы, как, например, казначейство, Федеральное резервное бюро, департамент коммерции, уже частично готовы к проведению их плана. «Все: труд и капитал, фермеры и фабриканты, все части страны могут продолжать их политику содействия нашей. А также все политические партии. Нет партии, которая выступала бы в каком-либо противоречии с нашей целью» (225). То же инженеры и Американская Федеративная инженерная общество. И, наконец, «вы можете положиться на секретаря Гувера» (226). «Пресса окажет большую помощь. Это в интересах издателей». «Общественные работники будут с нами», уверяет «профессор». «Церковь тоже», добавляет пастор.

Рассставание почтенного общества было трогательным. «Все согласятся, — сказал делец, — с этим планом, кроме крайних радикалов. Он оставит их не у двери» (206).

Таков план, намеченный Фостером и Кэтчингсом в целях установления планомерного, организованного и беспреставленного развития капиталистического производства. В соответствии с этим планом Гувер создал «Совещательный комитет деловых людей» и собрал конференцию наиболее видных представителей капиталистического делового мира. Но дальнейший ход кризиса, начавшегося в конце 1929 г., показал всю утопичность

¹) В английском языке dismal означает — мрачный, печальный, учененный. A Dismal science — политическая экономия.

проекта «обуздания кризисов». Пресловутый «Совещательный комитет деловых людей» превратился в орган, который лишь регистрирует стихийный ход американского кризиса и публикует информационные сводки.

Не у дел остались сами сторонники плана перманентного процветания и, что еще важнее, без дела остались... миллионы рабочих, которым обещали капиталистический рай. «Благодетель человеческой расы» — Форд — вынужден был сократить производство, закрыть ряд крупнейших заводов, несмотря на хвастливые заявления в начале кризиса, сделанные в соответствии с планом Фостера и Кэтчингса и их патрона Гувера. Несмотря на всю невероятную возню, поднятую Гувером и К° насчет восстановления «просперити», бизнес остался без покупателей, рабочие без работы и без автомобилей, и быстро увяла слава проповедников всеобщего «процветания».

5. „Теория“ Фостера—Кэтчингса и теория Маркса—Ленина

«Теория», возвещенная с такой помпой нашими героями, сводится к одному основному положению, именно — к указанию на недостаточный приток покупательных средств благодаря «корпоративным сбережениям», т.е. резервированию денег в руках трестов и банков, и на недостаточность покупательного спроса благодаря индивидуальным сбережениям. Фостер и Кэтчингс обясняют кризисы тем, что известная часть капиталов отвлекается от производства в область сбережения и не превращается в заработную плату, следовательно не доставляет дополнительной покупательной силы рабочему населению. С другой стороны, сами рабочие не реализуют всю зарплатную плату. Часть их средств оседает вне сферы производства в виде индивидуальных сбережений¹⁾.

Объяснение кризисов сводится нашими авторами к несоответствию между производством и покупательными средствами потребителей, при чем это несоответствие трактуется как результат задержки денежных средств в форме сбережений и свободного денежного капитала предприятий.

Мы уже указывали, в чем нелепость утверждения, что капитализируемая прибавочная стоимость целиком превращается в дополнительный переменный капитал. Авторы не понимают и не хотят понять, что это было бы возможно лишь при условии, что весь постоянный капитал равен нулю и что капиталистическое производство не нуждается в таких элементах, как здание, заводской транспорт, машины, инструменты, сырье, вспомогательные материалы. Следовательно, абсурдно выдвигать в качестве условия устранения кризисов превращение всей капитализируемой прибыли в дополнительный переменный капитал в заработную плату.

Далее. Под «корпоративными сбережениями» можно понимать только одно — резервы. Но разве резервы, свободный денежный капитал лежат в период высокой конъюнктуры без применения?

В период высокой конъюнктуры и резервы трестов и сбережения рабочих, служащих, рантье, перераспределяясь через кредитную систему, находят свое применение в сфере капиталистического производства соответ-

¹⁾ Объяснение кризисов сбережениями, не идущими «на создание нового производительного капитала», было дано гораздо ранее Н. Иогансеном. По его мнению, сбережение означает снятие с рынка некоторой доли покупательной силы, если оно достаточно велико, то вызывает общую депрессию. Но если накопленные средства достаточно быстро обращаются «на производство нового производительного капитала», то этим возмещается сокращение покупательной силы и дается стимул к увеличению общественного богатства. Таким образом, «от способа помещения сбережений зависит, будут ли они способствовать расцвету или же приведут к депрессии. См. N. Jøhansen, «A Neglected Point in Connection with Crises». New-York, 1908 и «Business Depression: Their Cause. A Discovery in Economics». New-York, 1925.

ственно доле переменного капитала, увеличивают сумму выплачиваемых заработных плат. Напряжение производительного потребления вовлечено в процесс производства все свободные денежные капиталы.

Авторы «забыли», что в условиях развитой кредитной системы банки вовлекают в сферу капиталистического производства все сбережения (Америка с ее системой рабочих банков и мелких акций — лучшее тому доказательство) и все свободные денежные капиталы.

Если же резервы и сбережения не могут быть целиком втянуты в процесс производства, то виной этому не сами резервы, а узкие рамки развития общественного производства в силу его капиталистического характера: anarchии производства и антагонистических отношений распределения.

Теория Фостера и Кэтчингса опирается на ошибочный тезис классиков о тождестве производства и потребления, о тождестве накопления капитала со спросом на труд и со спросом рабочих на средства потребления. Именно так обстояло бы дело по мнению Фостера и Кэтчингса, если бы часть денег не отвлекалась в форме корпоративных и индивидуальных сбережений.

За рассуждениями Фостера и Кэтчингса скрывается одна основная мысль: они исходят первоначально из предположения, что всякое накопление капитала означает увеличение переменного капитала, поэтому спрос на труд непосредственно увеличивается соответственно накоплению капитала. Но это неверно как потому, что дополнительный капитал не может бытьведен только к переменной его части, так и потому, что с накоплением капитала происходит изменение в его органическом строении, и постоянный капитал растет быстрее, чем переменный. А это последнее еще более обостряет противоречие между общественным производством и платежеспособным потреблением общества. Эти положения с исчерпывающей ясностью были установлены Марксом. Наоборот, Фостер и Кэтчингс неустанно доказывают полнейшую гармонию между производством и потреблением в этом «лучшем из миров».

Противоречие между производством общества и общественным потреблением состоит в том, что потребительная способность рабочего класса ограничена стоимостью рабочей силы. Вновь капитализируемая прибавочная стоимость лишь частично обменивается на рабочую силу в то время, как другая, все возрастающая часть ее превращается в дополнительный постоянный капитал. Классовая структура капиталистического общества исключает возможность увеличения покупательной способности масс соответственно увеличению производительных сил общества. Тот же эффект оказывает и органическая структура самого общественного капитала.

«Теоретики» типа Фостера и Кэтчингса хотят устранить это противоречие путем увеличения абсолютной заработной платы, получаемой рабочим классом. В действительности же, дополнительное увеличение размеров капиталистического производства и количества труда, занятого в нем, означает не смягчение, а обострение диспропорции между общественным производством и платежеспособным потреблением общества и диспропорциональность капиталистического производства в целом.

В конечном счете Фостер и Кэтчингс как представители теории недопотребления, сводящей все объяснение кризисов к несоответствию между производством и платежеспособным спросом, упираются в вопрос о причинах недостатка покупательной способности масс. Но они не идут в своем анализе дальше констатации этого недостатка. Вместо действительного разрешения вопроса о противоречии между производством и потреблением широких масс авторы бесконечно повторяют плоские рассуждения о необходимости достаточного притока денег в руки потребителей. Та самая «вещная поверхность вещей», открытые которой Фостер и Кэтчингс при-

пишут себе, мешает им вскрыть действительные причины кризисов, происходящие из глубоких внутренних противоречий капиталистического способа производства, из противоречия между общественным характером производства и капиталистическим характером присвоения. Плоский эмпирим, фетишизм денег, капитала и доходов закрывают для буржуазных экономистов путь к пониманию циклов и кризисов.

Теория кризисов и цикла Фостера-Кэтчингса является лучшим примером, показывающим, к чему ведет в конечном счете теория недопотребления. По самой своей сути теория недопотребления представляет удобнейшее орудие апологетики капитализма и славословия капиталистическому процветанию. Теория, объясняющая кризисы расхождением производства с покупательной способностью масс, уводит в сторону от анализа основных противоречий капитализма.

Теория недопотребления ограничивается анализом сферы распределения доходов, взятой как первичный и доминирующий фактор капиталистического процесса воспроизводства. Теория недопотребления не порывает с капитализмом и самое больше дает мещански-реформистскую критику отдельных сторон капитализма. Поверхностная и узко-односторонняя трактовка кризисов теоретиками недопотребления замазывает имманентные противоречия и закономерности капитализма и представляет важнейшее средство социальной демагогии для буржуазных апологетов. Поэтому неудивительно, что в руках Фостера-Кэтчингса и им подобных теория недопотребления выступает как теория безграничных возможностей развития капиталистического производства, как теория экономической и классовой гармонии и руководство к рецепту, «избавляющему» от кризисов, перепроизводства, стачек, империалистических столкновений и революции.

Теория Фостера-Кэтчингса представляет соединение вульгарной теории недопотребления с не менее вульгарной монетарной теорией, объясняющей кризисы условиями денежного обращения. Маркс в свое время воздал должное обеим теориям. Маркс, Энгельс и Ленин показали бессодержательность и реакционность буржуазно-реформистской теории недопотребления. Денежно-кредитная теория цикла и кризисов — родная сестра теории недопотребления. Они обе сводят объяснение цикла и кризиса к внешним формам капиталистического воспроизводства.

В прямую противоположность буржуазным лжеучениям о кризисах, маркс-ленинская теория кризисов раскрывает сущность и действительные причины кризисов. Буржуазные критики и всякого рода реформисты коренным образом извращают подлинное содержание Марковской теории кризисов. Задача состоит в том, чтобы решительно и до конца разоблачить эти извращения и противопоставить буржуазно-апологетическим теориям вульгарных экономистов подлинно научную, революционную теорию кризисов Маркса и Энгельса и ее дальнейшее применение и развитие в работах Ленина.

Конечная причина кризисов заключается в основном противоречии капитализма — в противоречии между общественным характером производства и частным характером присвоения. Проще говоря, это значит, что развитие общественного производства обусловлено и ограничено законами частного капиталистического присвоения. Указанное основное противоречие включает в качестве своих составных моментов: тенденцию производства к абсолютному развитию, вытекающую из безграничной жажды капиталистов к обогащению; ограниченность потребления пролетарских

масс, вытекающую из природы капиталистического присвоения; тенденцию к установлению, хотя лишь на один миг, известной пропорциональности капиталистического производства в целом и, наконец, анархию производства, как закон хаотического, стихийно-регулируемого движения капиталистического хозяйства.

Важнейшим выражением противоречия между общественным характером производства и частным присвоением является анархия производства и классовый антагонизм пролетариата и буржуазии.

Анархия производства в простом товарном хозяйстве представляет лишь возможность кризисов. Анархия же производства в капиталистическом обществе глубже, действие ее здесь фиксируется и аккумулируется на протяжении ряда лет, отливаясь в циклическую форму. На базисе противоречия между производственным потреблением и потреблением производителей, т.е. ограничения потребления рабочего класса, на базисе машинной техники, широко развитых и тесных рыночных взаимосвязей, капиталистическая анархия производства делает кризисы необходимыми и неизбежными. Капиталистическая анархия производства делает неизбежными, как диспропорциональное развитие одних отраслей в отношении других, так и перепроизводство средств производства в сравнении с эффективным размером покупательной силы. Такова роль анархии производства. Недаром Ленин выставлял этот момент в качестве ближайшей причины кризисов в полемике с народниками, в проекте программы РСДРП и в других статьях. Нельзя забывать о качественном отличии между капиталистической анархией и анархией в простом товарном обществе, где кризисы не являются законом.

Анархия капиталистического производства — экономическое выражение противоречия между общественным характером производства и индивидуальным, частным характером присвоения. Аналитическое развитие капиталистического хозяйства представляет процесс периодического прогрессивного нарастания диспропорциональности производства и, в частности, диспропорции производства и потребления, стихийного и насильтственного уравнения этих диспропорций и нового, еще более противоречивого, цикла движения.

Закон стоимости в его капиталистических формах выражает и определяет закономерность анархического движения капиталистического производства. Закон стоимости в форме капитала, на базе закона стоимости рабочей силы, ограничивающего потребление рабочих, на базе капиталистической конкуренции, обуславливает тенденцию капиталистического производства к безграничному развитию с постоянным нарушением внутренней пропорциональности, к безграничному расширению, которое оказывается в противоречии с узким базисом потребления.

Но подчеркнем здесь, что закон стоимости не только выводит производство за границы, поставленные ему капиталистическим строем, но и создает условия для стихийного и насильтственного устранения и назревших кризисов в форме кризиса. А тем самым создаются предпосылки для перехода к новой ступени, новому циклу движения, развития противоречий капиталистического производства.

Кризисы есть одна из важнейших форм проявления закона стоимости в качестве закона движения и регулятора производительных сил при капитализме. Только благодаря кризисам капиталистическое производство получает возможность переходить от одного цикла развития к другому, а производительные силы приобретают способность дальнейшего движения вперед в узких рамках экономической структуры капитализма.

Кризисы — закон существования и развития капитализма. Этот закон остается незыблемым, пока не уничтожен сам капиталистический способ производства. Его действие обостряется, усложняется в эпоху монополистического, загнивающего капитализма, в эпоху структурного финального кризиса капитализма. Этого не могут и не хотят понять как теоретики «прогрессии», так и все теоретики «стабилизации «конъюнктуры», «безконтактного хозяйства» и «организованного капитализма».

Капиталистический закон кризисов — закон периодического возобновления необходимых условий капиталистического воспроизводства. Так ставит вопрос Маркс. А буржуазные экономисты трактуют кризисы просто как болезнь, зло, недостаток, не видя необходимости кризисов для самого движения капитализма. Однако эта оздоровляющая работа кризисов наталкивается на огромные препятствия и крайне усложняется в эпоху монополистического капитализма. Противоречие капитализма становится исключительно острыми, монополии препятствуют быстрому их «разрешению», кризисы затягиваются, не выполняют и не могут полностью выполнить свою функцию «чистилища» от избыточного производства и избыточных капиталов и лишь обостряют загнивание всего капиталистического организма.

Но вернемся к «классическому» циклу. Каким образом в ходе подъема создаются предпосылки кризиса?

Общественный характер производства, именно то, что 1) необходимость его непрерывного развития обусловлена его специфической общественной формой, стимулом самовозрастания капитала, 2) капиталистическое производство есть единый взаимодействующий механизм и 3) само напряжение производственного процесса раздвигает рамки капиталистического рынка и частности стимулирует отрыв производства от его действительного потребительского базиса, — обуславливает закономерный переход от частичного оживления ко всеобщему подъему, от среднего подъема к буму, до того момента, пока не взорвутся противоречия, накапливающиеся в этом повышательном движении цикла.

Всеобщий закон капиталистического накопления выражает важнейшие и существеннейшие закономерности, т.е. внутренние силы, зависимости и тенденции расширенного капиталистического воспроизводства. Революционное действие этого закона означает: рост органического состава капитала, рост концентрации и централизации капитала, рост и колебание размеров резервной армии, относительное и абсолютное обнищание рабочего класса, тенденцию нормы прибыли к снижению и обострение конкуренции. Вместе с тем всеобщий закон капиталистического накопления в разных отраслях производства действует неравномерно. Здесь оказывается различие в органическом составе капитала, различная степень концентрации и централизации, различная сила проявления тенденции нормы прибыли к снижению, разные условия и формы конкуренции. Все это является моментами, углубляющими диспропорциональность, хаотичность капиталистического производства в целом. В итоге получается всеобщее товарное производство, поскольку производственный механизм капиталистического общества, подчиненный интересам индивидуального, капиталистического присвоения оказывается избыточным, так как весь этот механизм представляет пирамиду в перевернутом виде, поставленную на узкий базис потребления.

Закон тенденции нормы прибыли к снижению — одна из сторон закона капиталистического накопления. Повышение органического состава капитала создает тенденцию к отставанию роста массы прибавочной стоимости

сти в сравнении с возрастанием всего совокупного наличного капитала. Отсюда, как показал Маркс, обострение конкуренции, еще более лихорадочное увеличение производства, еще больший рост диспропорций внутри I подр., диспропорции между I и II подр. и вместе с тем «переразвитие» производства II подр. в сравнении с возможностями платежеспособного потребления.

На определенной стадии процесса расширенное воспроизводство становится в противоречие с интересами частного присвоения, становится явной гипертрофия ведущих отраслей, понижается норма прибыли, сокращается производство. В высшей точке подъема повышение нормы прибыли сменяется ее понижением либо благодаря падению цен, задержке товаров в обращении и недостатку заказов, либо благодаря сокращению производства ввиду очевидности лихорадочного перенапряжения производственного аппарата в сравнении с условиями реализации.

Обычно, в наиболее гипертрофированных, зарвавшихся отраслях I подр. конкуренция делает невозможным дальнейшее сохранение взятых темпов расширенного воспроизводства, последние уменьшаются, сокращение переносится на другие отрасли производства и внезапно скрытое, давно зарвавшееся перепроизводство становится очевидным, обнаруживается всеобщее переполнение рынка.

Таким образом, *конечная* причина кризисов лежит в противоречии между общественным характером производства и частным присвоением. Выражением сущности и способа движения этого противоречия является *закон стоимости* и в его развитых капиталистических формах.

Глубокий и исчерпывающий анализ внутренних законов капитализма дал возможность Марксу и Энгельсу раскрыть подлинную природу капиталистических циклов. Если вульгарная экономия от Жюглья до нынешних трубодувов «перманентного процветания» пытается представить циклы как следствие несовершенного механизма обращения и распределения денежных средств, то основоположники научного социализма нашли и доказали, что периодические циклы суть и манетна форма движения капиталистического производства, демонстрирующая всю ограниченность этого последнего. Маркс и Энгельс показали, что причины цикличности лежат в самой структуре капитализма и что только с ликвидацией его, с уничтожением капиталистической формы присвоения исчезнет вращение производства в кругу сменяющих друг друга периодов подъема, кризиса, депрессии.

Основная причина цикличности та, что *периодические кризисы есть важнейшая и необходимая форма, при помощи которой закон стоимости регулирует и движет капиталистическое производство*.

В «Капитале» Маркс показал, что материальным базисом промышленных циклов являются циклы воспроизводства основного капитала. Кризис и следующая за ним депрессия создают необходимость масштабного обновления основного капитала, что и дает толчок новому оживлению. Сюда же присоединяются и такие обстоятельства, как сокращение заработной платы, понижение издержек производства. Но важнейшим фактом открытия очередного цикла является смена и реконструкция основного капитала — момент модифицирующейся в условиях переразвившегося, зрелого, загнивающего капитализма.

Для капиталистического профессора Фостера и профессорствующего капиталиста Кэтчингса цикл есть чисто внешняя форма движения буржуазного производства, которое, по существу своему якобы лишено противоречий, гармонично, одним словом, как у Тутан-Барановского, только с более чистой откровенностью. С точки же зрения марксизма, цикл есть внутренне-обусловленная, необходимая форма движения производительных сил в их взаимодействии и противоречии с капиталистическими производствен-

ными отношениями. «Как небесные тела, раз они приведены в известное движение, постоянно повторяют его, совершенно так же и общественное производство, раз оно брошено в это движение попеременного расширения и сокращения, постоянно воспроизводит его» (Маркс).

Гг. Фостер и Кэтчингс восхваляют монополистический капитал, который якобы смягчает резкость циклических колебаний, устанавливает производство и цены якобы в соответствии с потребностями покупательской массы, повышает технику, повышает заработную плату и т. д. Устанавливая власть крупнейших трестов и мощных банковских организаций, монополистический капитал, по словам Фостера и Кэтчингса, создает все предпосылки к тому, чтобы вместе с государством, партиями, потребителями, церковью установить перманентное капиталистическое процветание без кризисов, депрессий, безработицы и т. п. Конкретный анализ фактов эпохи монополистического капитализма с беспорной очевидностью показывает как раз обратную картину. Монополистический капитализм не ослабил кризиса, а, наоборот, ускорил их, крайне обострил их глубину, затрудняет изживание обнаруживающихся в кризисе противоречий, делает кризисы и депрессии более затяжными и разорительными, усиливает остроту банковских и биржевых кризисов, ослабляет силу циклических подъемов, приводят в действие хроническую депрессию, ряд отраслей производства и даже целые страны, откруивает собою эпоху загнивания капиталистического производства, доводят до крайней остроты неравномерность капиталистического развития, обнищание рабочего класса, удушение колониальных стран и разорение крестьянства, создает, в конечном счете, исключительное напряжение всех внутренних и внешних противоречий капитализма, взорвавшихся в войне 1914—1918 гг., подготовлив все предпосылки для победы мировой пролетарской революции.

Энгельс и Ленин сумели правильно определить модификацию цикла и кризисов в эпоху господства монополий. Ленин глубочайшим и детальным анализом общей природы и противоречий империализма показал неизбежное обострение кризисов в эту эпоху и установил, что свойей 1914—1918 гг. мир вступил в период общего кризиса капитализма и социалистических революций.

А гг. апологеты, построив совершенно несостоятельную, вульгарную теорию кризисов (смесь теории недопотребления с монетарной теорией), гг. апологеты с помощью своей абстрактно-формальной конструкции принимаются прямо и непосредственно за решение проблемы перевы производства, кризисов и безработицы эпохи послевоенного капитализма. Наши близнецы игнорируют тот факт, что монополистический капитализм качественно отличен от «классического» капитализма, представляет высшую ступень развития и усложнения общих законов и противоречий капиталистической системы. Более того, гг. Фостер и Кэтчингс игнорируют и не могут не игнорировать то, что послевоенный капитализм глубоко отличен от довоенного, что к старому возврату нет и не будет, новые черты, характеризующие период общего кризиса капитализма, все более углубляются и исторический конец обанкротившейся и изжившей себя системы капитализма близок. Следовательно, верхом апологетской «наивности» является попытка разрешить проблему современных кризисов, перепроизводства, безработицы, исходя из поверхности схемы кругооборота «покупательных средств» между «сферой производства» и «сферой потребления» и забывая о сложном переплете, усложнениях противоречий эпохи монополистического, загнивающего и умирающего капитализма.

Новоизобретенные пророки вечного капиталистического «процветания» строят свою «теорию» кризисов и цикла не ради академических целей, а для

того, чтобы разрешить проблему трудностей современного загнивающего и умирающего капитализма. Ход событий показал всю иллюзорность этих попыток.

«Теории» гг. Фостера и Кэтчингса нужны капиталистам для социальной демагогии, для апологии монополистического капитализма, для оправдания форсированной централизации капитала и разорения мелких капиталистов.

Утопичность проекта «просперити» ярко обнаруживается в свете анализа всеобщего кризиса капитализма.

Теория перманентного «процветания» сознательно игнорирует специфические условия нынешней эпохи и присущие ей формы движения внутренних капиталистических противоречий.

План непрерывного «процветания» выглядит особенно курьезно на фоне бушующего уже два года, все более обостряющегося мирового экономического кризиса.

Ни одна ложная теория не получила столь быстрого и наглядного опровержения, как это случилось с концепцией Фостера и Кэтчингса и всей идеологией «гуверизма» в ходе развития и углубления современного американского и мирового экономического кризиса.

После провала надежд на скорое исчезновение кризиса Гувер сваливает вину за кризис на Европу, а политики и экономисты буржуазной Европы одни на Германию, другие на СССР, третьи на лейбористов, четвертые на Америку, пятые на «бессердечность» Франции, шестые на «недостаточный прирост населения», седьмые на якобы слишком высокую рождаемость и т. д. и т. п. Налицо полнейшее банкротство буржуазной экономической мысли¹⁾.

Вся тяготы современного кризиса перекладываются на рабочий класс. Вчерашние идеологи «просперити», «организованного капитализма» и т. п., сегодня пропагандируют необходимость снижения заработной платы, «социальной экономии», сокращения производства и его новой рационализации. Решающее слово за пролетариатом.

¹⁾ Любопытным образом тупоумия и апологетического юродства буржуазных экономистов в объяснении нынешнего кризиса является «теория», которую выдвинул профессор Питтсбургского университета—Francis Tyson. Этот Тайсон полагает, что причина кризиса заключается в изменениях... длины женских юбок. «Повышение и понижение длины платья вызвало потрясение платяной индустрии и явилось причиной всеобщей экономической депрессии» (*The up's and down's of hemlines are upsetting the garment industrie and causing general business depression*). Цитирую по «Moscow—News» № 74 за 1931 г.—В. Б.

щихся масс в целях воспитания поколения, способного окончательно установить коммунизм.

Вот две школьные системы, вот две школы, которые существуют в мире.

Буржуазная школа в эпоху империализма.

Эпоха империализма не могла внести и не внесла изменений в основные установки школы буржуазного общества. В нынешнюю эпоху буржуазия имеет школу, целиком и полностью отражающую лицо империализма, как «загивающего и умирающего капитализма». Тот экономический кризис, который в течение последних лет потрясает основы мирового империализма, не мог не сказать и на буржуазной школе: он действует в том направлении, что еще с большей резкостью выдвигает, подчеркивает, укрепляет те черты, которые свойственны школе в буржуазном обществе.

Когда знакомишься с педагогической литературой главнейших современных буржуазных государств, то видишь, что, несмотря на разнообразие течений, которые имеют место в буржуазно-педагогической литературе, все же можно сказать, что мы очень мало можем прибавить к той характеристике, которая до сих пор давалась буржуазной школе в марксистской педагогической литературе.

Два настроения характерны для мировоззрения буржуазных педагогических кругов — это, с одной стороны, стремление подчинить школу интересам империалистической буржуазии и фашизма, а с другой стороны, — состояние растерянности, которое нередко характерно даже для лучшей части буржуазных педагогов.

Вот как определяет основные цели воспитания один из деятелей немецкого национал-фашизма Шемм:

«Худший путь воспитания — это воспитание через разум. Вся наша программа воспитания заключается в четырех понятиях: раса, оборона, воин и религия». Вот официальная программа современного фашизма. Она теснейшим образом связана с черносотенным поповским идеализмом. Она без всяких «прикрытий» вводит в школу зоологический национализм, антисемитизм, поповщину и милитаризм. Наряду с этим для мелкобуржуазных педагогических кругов характерно настроение растерянности. На педагогическом конгрессе в 1928 г. в Риме представитель Швейцарии Ферер говорил: «Мы потому считаем необходимым «исходить из ребенка», что не можем знать, к чему мы его готовим; пусть дети растут, пусть развиваются, может быть они сумеют разрешить противоречия, с которыми мы, взрослые, не умеем справиться». Эта речь свидетельствует о полной растерянности мелкобуржуазных педагогических кругов перед лицом того сложного клубка противоречий, в котором бьется империализм. За последние годы эти настроения не могли не углубиться, так как мировой экономический кризис жестоко бьет по широчайшим кругам буржуазной педагогической интелигенции.

Культурная реакция, «духовный кризис», кризис буржуазной культуры находят свое яркое выражение в теории и практике современной буржуазной педагогики.

Фашистская социал-демократия (если взять для примера Германию) выбрасывает за борт классово-пролетарский характер воспитания, выкидывает из своей школьной программы светское воспитание, допуская в школу религию, отвергает вовлечение детей в политику, классовую борьбу и т. д.

Один из передовых американских педагогов, профессор Дж. Каунтс выпустил книгу «Теория воспитания в Америке». Эта книга является фотографией лица буржуазной американской школы. Надо сказать, что Каунтс

Школа на повороте *).

А. Бубнов.

I. Буржуазная школа и политехническая школа пролетарской революции.

Постановление Центрального комитета партии «О начальной и средней школе»¹⁾ кладет начало новому периоду перестройки массовой школы на политехнических началах. Это постановление дает развернутую программу борьбы за политехническую школу в период социализма. Оно дает программу наступления на этом важнейшем участке культурной революции. Пролетарское государство является единственным в мире государством, которое может построить действительно политехническую школу. Капиталистическая эксплуатация совершенно исключает возможность итии «знания через труд», исключает возможность организации такой школы, которая бы соединила обучение с производительным трудом. Даже передовые буржуазные школы не могут перешагнуть через этот предел.

Строительство политехнической школы начато нами не со вчерашнего дня: после Октябрьской революции мы немедленно же приступили к революционному преобразованию школы.

Мы получили отвратительное наследство от царизма. Мы камня на камне не оставили от содержания и целевой установки старой, царской школы. Была проделана громадная и чрезвычайно трудная работа.

Наша школа принципиально отличается от любой буржуазной, хотя бы самой передовой школы. Постановление Центрального комитета говорит, что «принципиально иным стало содержание всей работы школы».

В настоящее время имеются две системы школы: одна система народного образования, являющаяся «рождением капитализма», другая система — наша система народного образования, которая своей неотъемлемой частью имеет политехнизм и своей основной целью ставит воспитание «всесторонне развитых членов коммунистического общества».

Ленин говорил о том, что буржуазия «старалась школьное дело свести к тому, чтобы натаскать для буржуазии покорных и расторопных прислужников». Пролетариат, «организованный в господствующий класс», практически строит политехническую школу, которая «должна быть не только, — как сказано в программе ВКП(б), — проводником принципов коммунизма вообще, но и проводником идейного, организационного, воспитательного влияния пролетариата на полупролетарские и непролетарские слои труда».

*) Переработанный доклад о постановлении ЦК партии о начальной и средней школе на московском собрании просвещенцев-коммунистов и ленинградском общегородском собрании партийного, советского, профсоюзного и комсомольского актива.

¹⁾ «Правда», 5 сентября 1931 г.

в ряде мест своей книги с гордостью пишет об американской «демократии» и американской школе, но это не мешает ему изобразить американскую школу в своей книге такими красками, что мы видим доподлинное лицо этой школы, целиком и полностью поставленной на службу американского империализма.

Об основных принципах, на которых строится американская буржуазная школа, Каунтс говорит: «Нет ни одного принципа, который был бы более характерным для американской теории и уклада жизни и который играл бы большую роль в определении формы и развития американской системы образования, чем принцип индивидуального успеха». И тут же добавляет, что «для американцев мир — это арена, а жизнь — скачки». Говоря далее о новых методах «испытаний и отмечок», Каунтс подчеркивает: «подобного рода приемы, конечно, являются крайним выражением общей тенденции американского воспитания — поощрения индивида в отношении соблюдения своих собственных интересов, противопоставляя их интересам его ближних».

Каунтс отмечает в своей книге одно важное обстоятельство, а именно, что американская школа работает под контролем «деловых людей». Он говорит, что «с ростом индустриализма» контроль этот «перешел в руки влиятельных промышленных, финансовых и торговых кругов» и что «арбитром в педагогических начинаниях является в Соединенных штатах преуспевающий «бизнес-мен». Этот бизнес-мен в настоящее время уже не «преуспевает», так как период прославленного губернского «процветания» в Америке кончился и кризис вырывает основы из-под экономической системы американских бизнес-менов, но они еще в полной мере являются «арбитрами» и в педагогических «начинаниях». Эти капиталистические «арбитры» подчиняют своим интересам школу, добиваются того, чтобы школа фабриковала «исполнителей воли и рабов капитала». И Каунтс отмечает, что «арбитр» — капиталистический делец современной Америки — определяет сверху донизу всю систему народного образования: и положение учителя, и характер учеников, и весь дух американской буржуазной школы. При чем он довольно-таки откровенно заявляет, что «одним из естественных результатов управления делового человека является то относительно малое уважение, которое встречаются в Америке бескорыстные интеллектуальные достижения».

Каунтс говорит, что американская «народная» школа является школой религиозной. Он называет «теоретическим» отделение школы от церкви в Америке.

В школе находит свое отражение «национальная» политика американского империализма. Каунтс говорит, что «в бывших рабовладельческих южных штатах» существует дуалистическая система образования. Она заключается в том, что существуют «две параллельные школьные системы: одна для белых и другая — для негров». Каунтс заявляет, что негр «является объектом величайшей антипатии и несправедливости», и тут же иллюстрирует политику национальной розни в Америке примером с евреями. «Во многих частных школах, — пишет он, — даже таких, которые выдерживают стиль прогрессивных, прием евреев ограничен до нескольких процентов общего количества учащихся. И совсем еще недавно старейшие и влиятельнейшие университеты в стране публично обсуждали вопрос о применении «принципа ограничения».

Вот подлинное лицо американской демократии! Нельзя еще, наконец, не привести очень выразительных характеристик, которые дает в своей книге Каунтс американскому учебнику и положению учительства в Америке.

Издание учебников находится в руках частных фирм, которые, конечно, заинтересованы в том, чтобы своему изданию обеспечить возможно более широкое распространение. Для этого они, по словам Каунтса, «обычно оказывают на авторов соответствующее давление, заставляя их выбрасывать все,

что может быть неприемлемо для какой-либо авторитетной группы в стране», т.е. для того капиталистического дельца, который в Америке является «арбитром в педагогических начинаниях». «И в силу этого, — добавляет Каунтс, — во многих случаях благородное, несомненно, вынуждает и самих авторов выкидывать из своих произведений спорные моменты».

Какие же спорные моменты выкидываются из американских учебников? Каунтс перечисляет их под рубрикой — кого нельзя «оскорблять» в учебниках. Сюда попадает «множество» организаций, в том числе и разбойничья фашистская организация Ку-клукс-клан.

Об американском учителе Каунтс говорит, что он «не представляет активной силы в обществе». Эта оценка прикрывает такие факты, которые свидетельствуют о совершенно невыносимом положении учителя в Америке. Вот что пишет сам Каунтс об этом: «...на Среднем Западе и на Юге учитель не должен курить, танцевать и играть в карты, а если он редко бывает в церкви, то к нему создается подозрительное отношение. Случалось, что даже такие мелочи, как короткое платье, стриженные волосы и употребление тубной помады бывали причиной лишения женщины звания учительницы».

Вот фотография американской «демократической» школы. Мы показали ее для того, чтобы иллюстрировать то положение, в каком пребывает школа в важнейших капиталистических странах, ибо то, что имеет место в Америке, в полной мере характеризует положение школы в любой капиталистической стране.

Политехническая школа в пролетарском государстве.

Пролетарское государство строит принципиально иную, новую школу. Это признают и буржуазные педагоги. Целый ряд педагогов, которые были в Советском союзе, пишут по-разному о советской школе. Но громадное большинство из них увозит отсюда представление о том, что на территории Советского союза строится школа, принципиально совершенно отличная и по содержанию своей работы, и по целевым установкам, и по методам, работы от той школы, которая существует в буржуазных государствах.

Мы строим принципиально иную школу. Мы стремимся в нашей школе установить теснейшую связь между школой и жизнью, между теорией и практикой, между обучением и производительным трудом. Наша школа имеет основной целью подготовить сознательных, знающих строителей социализма. Мы — единственное в мире государство, которое к этому не только стремится, но которое на деле, фактически, в повседневной работе, создает именно такую школу.

Известно, как передовая школа в буржуазном государстве пытается ликвидировать разрыв между теорией и практикой, между школой и жизнью, и как ей это не удается. Да и не может это ей удастся, потому что основной преградой на этом пути является сам капитализм с его противоречиями, эксплуатацией, которые мешают созданию такой школы, которая теснейшим образом связывала бы обучение с трудом, школу — с жизнью, теорию — с практикой.

Мы строим школу совместного воспитания, школу, которая работает на родном языке, антирелигиозную, школу, воспитывающую ненависть к эксплуатации и социалистическое отношение к труду; мы строим школу интернациональную, школу политехническую. Наша программа ставит задачей полное осуществление принципов единой трудовой школы с преподаванием на родном языке, с совместным обучением детей обоего пола, безусловно светской, т.е. свободной от какого-либо религиозного влияния, проводящей тесную связь обучения с общественно-производительным трудом, подготовляющей всесторонне развитых членов коммунистического общества. Мы

имеем передовую революционную педагогическую теорию, основы которой заложены Марксом, Энгельсом и Лениным. И когда мы, хотя бы в нынешний период, продвигаемся вперед по пути строительства школы, то мы направляем все силы не только для того, чтобы в практике нашей работы заложить прочные основы доподлинно политехнической школы, но мы стремимся также и к тому, чтобы в теснейшей связи с этой педагогической практикой двигать дальше разработку нашей педагогической теории. И мы это делаем, потому что знаем, что без передовой революционной пролетарской педагогической теории не может успешно развертываться строительство передовой пролетарской политехнической школы.

Передовые буржуазные педагоги, которые приезжают к нам и знакомятся с нашим школьным строительством, выносят впечатление, что мы строим принципиально иную школу, отличную от той школы, которая работает и калечит подрастающее поколение в странах империализма.

Например, профессор Дьюи писал о том, что «самым характерным в советском воспитании является не то, что школьная деятельность тесно связана с общественной жизнью, а то, что впервые в истории воспитательная система официально организована на базе этого принципа».

А вот что писал о советской школе американский педагог, инспектор школ в Винетке Уошберн: «Ни одна страна в мире не относится к вопросам воспитания так серьезно и не сознает так ясно, что государство будущего зависит от того, каковы школы сегодня». И дальше он добавляет: «ни одна обширная страна не создала цельной школьной системы, которая бы воплощала в себе столько передовых элементов, как Россия». А вот вам мнение заведующей одной из филадельфийских школ, Вильсон: «В их школе, — пишет она, — многое заслуживает восхищения, как в наших школах имеется многое, заслуживающее сожаления. Мы не можем соглашаться со многими из их социальных предпосылок, но мы должны признать, что образовательная программа советской школы необыкновенно значительна, ни один педагог не может игнорировать ее существования». Так оценивают нашу советскую школу передовые педагогические круги капиталистических государств.

Можно сказать, что, строя политехническую школу в условиях пролетарской диктатуры, мы прокладываем новую дорогу в мировой педагогике. Мы начинаем совершенно новую главу педагогической истории, ибо наша школа является принципиально новой, ибо мы сейчас — единственное в мире государство, которое может построить политехническую школу и которое, в соответствии с марксистско-ленинской теорией, практически решает задачу воспитания поколения, «способного окончательно установить коммунизм».

II. «Ценные завоевания буржуазной эпохи» и строительство политехнической школы.

Разрешение громадной задачи построения политехнической школы встречает на своем пути значительные затруднения. Взять хотя бы данный период. Мы уже встретились с целым рядом крупных затруднений в деле школьного строительства, но не потому, что мы здесь переживаем упадок. Такое утверждение было бы достойно школьных реакционеров и правых оппортунистов. Мы встретились с этими затруднениями, мы обнаружили в своей работе крупнейшие недочеты именно потому, что добились уже определенных успехов в деле проведения всеобщего обучения и политехнической школы. Эти недочеты бьют в глаза особенно сильно именно потому, что мы имеем огромные успехи в строительстве социализма, которые предъявляют к школе все более и более повышенные требования. И наконец (на чем мы должны сосредоточить в настоящее время максимальное внимание) за

последние годы в процессе развертывания строительства школы имел место ряд недоступов, ошибок и даже антиленинских «леваков» искривлений, которые сделали эти недочеты явно нетерпимыми.

И вот в связи с нашей нынешней школьной практикой нам нужно подвернуть тщательному рассмотрению целый ряд таких вопросов, которые может быть и не новы для педагогов, которые не представляют какой-либо особенной новизны и для любого члена нашей большевистской партии, но которые приобретают с точки зрения школьной политики, с точки зрения важнейших вопросов строительства политехнической школы в нынешний период особенный интерес.

О старой и новой школе.

Мы разрушили старую школу. Мы за последние годы провели решительную борьбу с элементами «словесности» в школе, повернули ее на путь политехничесма. Эту борьбу мы будем продолжать и развертывать. В процессе ее мы должны беспощадно разгромить всякие попытки реакционеров и правых оппортунистов тянуть школу назад, к буржуазной школе. Но именно в данный момент, когда мы сделали значительные успехи на пути строительства новой политехнической школы, именно сейчас, на данном повороте в школьной работе, нам нужно посмотреть, что новая пролетарская политехническая школа может критически взять «из ценнейших завоеваний» старой культуры, из педагогики передовой буржуазной школы и поставить это на службу строительству политехнической школы в период социализма.

В связи с этим мы позволим себе напомнить эту сторону ленинского учения, ибо оно имеет практический интерес с точки зрения строительства советской школы на данном историческом этапе.

Ленин, как известно, говорил о том, что марксизм «отнюдь не отбросил ценнейших завоеваний буржуазной эпохи, а напротив, усвоил и переработал все, что было ценного в более чем в двухтысячелетнем развитии человеческой мысли и культуры». Ленин особо подчеркивает, что «столько дальнейшая работа на этой основе и в этом направлении, озабоченная практическим опытом диктатуры пролетариата...», приведет нас к развитию «действительно пролетарской культуры».

Эта установка целиком и полностью применима к вопросам школьного строительства. Ленин писал: «Нам не нужна зубрежка, но нам нужно развить и усовершенствовать память каждого обучающегося знанием основных фактов».

Ленин подчеркивал, что мы не должны «загромождать» ребячего ума тем хламом, которым была набита школа в царской России, и тем хламом, которым набита любая буржуазная школа в любой капиталистической стране; и тут же он указывал, что нам нужно «обогатить его знанием всех фактов, без которых не может быть современного образованного человека».

Значение приведенных ленинских цитат с точки зрения школьной работы в нынешний период особенно велико. Именно в нынешний момент (далее я скажу, почему это получилось) мы обнаружили одно слабое место в нашей школе, которое теснейшим образом связано как-раз с работой по обогащению памяти каждого обучающегося «знанием основных фактов». Именно здесь, в области общего образования, и обнаружился в нашей школе прорыв.

Ленин предостерегал нас от того верхоглядского отношения, которое и сейчас обнаруживается в отношении усвоения обучающимися в наших школах «основ наук».

Мы имеем примеры неправильного отношения и неправильных толкований всей суммы этих вопросов как среди педагогов-практиков, так в особен-

ности и среди наших педагогических теоретиков. Надо дать решительный отпор тем, кто попытается тянуть назад, к буржуазной школе с ее «муштрай», «зубрежкой» и «мертвыми знаниями».

Но Ленин срывал маску и с тех герояев «левой» фразы, которые вместе со старым буржуазным хламом (т.-е. с тем, что «являлось необходимым для капитализма») выбрасывали и «уменье взять себе всю сумму человеческих знаний» (т.-е. то, что «является необходимым для коммунизма»). Он говорил, что «коммунист будет только простым хвастуном, если не будут переработаны в его сознании все полученные знания».

Фронт школьного строительства, фронт практического строительства политехнической школы есть фронт классовой борьбы. А там, где есть классовая борьба, нам, большевикам, нужно особенно блюсти за тем, чтобы мы никогда не сбивались в нашей работе с правильной партийной линии. Поэтому борьба с неправильными толкованиями, с уклонами, сискажениями линии партии в школьной политике является важнейшим делом в нынешний исторический период в педагогической практике. И здесь нам нужно развернуть непримиримую борьбу на два фронта.

В постановлении ЦК о школе указывается, что успех борьбы с правым оппортунизмом в школьной политике, который является «главной опасностью», предполагает «усиление борьбы с «лево»-оппортунистическими извращениями»...

Мы разрушили старую школу, мы сейчас должны беспощадно изгнать из нашей школы все рецидивы этого старого, но мы должны взять «все то, что было накоплено человечеством необходимого для людей». И мы должны разгромить «левашкие» перегибы, которые мешают этому.

Что надо положить в основу всей работы школы?

Центральный комитет в своем постановлении говорит о том, что «в основу всей дальнейшей работы школы» мы должны положить указания Ленина, данные им в 1920 г. в заметке на тезисы Н. К. Крупской. Ленин в этих заметках, в начале их, особенно подчеркивал недопустимость абстрактного отношения к такому важнейшему вопросу, как политехническое образование. «Выходит абстрактно, — писал Ленин, — для далекого будущего, не учитывается «насущная», «теперешняя» действительность. Надо ставить эти вопросы конкретно, с точки зрения всех особенностей данного исторического периода, работы партии и тех задач, которые она ставит именно на данном историческом этапе.

Это замечание Ленина мы должны учесть и в современной школьной работе, ибо у нас есть немало людей, которые не умеют, не в состоянии, а иногда и не хотят, поставить практические вопросы борьбы за политехническую школу в конкретных условиях именно нынешнего исторического периода. А в силу этого они или твердят задачи, повторяют лозунги вчерашнего дня, т.-е. в сущности говоря, иногда, может быть, и не желая этого, тянут нас назад; или же, наоборот, перепрыгивают через «насущную, теперешнюю» действительность, не учитывая всего своеобразия этой конкретной нынешней действительности, и тем самым делают ошибки «левашкого» порядка, при чем свое фантазерство и свои проектировочные планы принимают за лозунги, которые могут быть практически реализованы.

Именно в «нынешней обстановке, когда мы вступили в период социализма, когда мы осуществляем развернутое социалистическое наступление, когда имеем обострение классовой борьбы, — именно в этот момент, как никогда, нам нужно такие важнейшие вопросы, как вопросы практики строительства политехнической школы, ставить в конкретной, живой, непосредственной связи со всем конкретным своеобразием современного этапа развития пролетарской революции».

Конечно, 1931 год — это не 1920 год. За эти десять лет страна прошла громадную работу по социалистическому строительству. За эти десять лет мы сумели строительство социализма поднять на гигантскую высоту, добились небывалого укрепления диктатуры пролетариата и добились того, что именно социалистический сектор в настоящее время, как говорил тов. Сталин, «держит в своих руках все рычаги народного хозяйства в нашей стране». Конечно, обстановка нынешнего периода совсем другая, чем она была десять лет тому назад, но если взять ту группу вопросов, которуюставил Ленин десять лет тому назад, то увидим, что есть много сходного в общей постановке вопросов в 1920 году и в 1931 году.

Ленин в конце 1920 г. выдвинул план электрификации и писал, что электрификация «нам нужна, как первый набросок, который перед всей Россией встанет, как великий хозяйствственный план, рассчитанный не меньше чем на 10 лет и показывающий, как перевести Россию на настоящую хозяйственную базу, необходимую для коммунизма».

Какие же вопросы он ставил в то время? Тогда он ставил вопросы — о производственно-технической пропаганде, об умении управлять, о пролетарских специалистах, о коммунистическом труде, о переделке масс и о пролетарской культуре. И тут же, в этой же связи он ставил вопрос о политехнической школе. И вот сейчас, когда мы имеем не «первый набросок» великого хозяйственного плана, а имеем уже великий хозяйственный план, когда мы осуществляя пятилетку в 4 года, — мы на новой фазе, следовательно по-новому, выдвигаем, в сущности говоря, ту же самую группу вопросов.

Мы имеем лозунг Сталина об овладении техникой, сыгравший уже такую громадную роль в строительстве социалистической индустрии в 1931 г. Вопрос о пролетарских специалистах, о подготовке наших пролетарских кадров для народного хозяйства, сейчас поставлен так остро, как не ставился он никогда до сих пор. Далее, вопрос о коммунистическом труде, о переделке масс и ряд других таких вопросов стоят на нынешнем этапе как практические очередные вопросы сегодняшнего дня, при чем стоят в масштабе, соответствующем нынешнему под'ему социалистического строительства.

И в связи с этим под'емом снова с чрезвычайной остротой выдвинулся вопрос о политехническом образовании. Вопросы политехнической школы выдвигаются сейчас нами так, как никогда не выдвигались, — уже около двух лет, органы народного образования под руководством партии и ее ЦК ведут упорную борьбу за создание политехнической школы.

Обстановка 1920 и 1931 годов — разная, расстояние, отделяющее период жесточайшей разрухи после гражданской войны от периода громадного экономического под'ема нынешнего времени, периода социализма, измеряется десятилетием, а программа, которую мы осуществляем, есть развитие тех тематических установок, которые даны Лениным в 1920—1921 г. И, конечно, вопросы политехничесма надо ставить не «абстрактно», а учитывая «конкретные задачи, стоящие перед партией», учитывая конкретные условия нынешнего исторического периода со всем их своеобразием, с громадными победами на фронте строительства социализма, с величайшим энтузиазмом рабочих и колхозных масс, с большими трудностями, которые рабочие и колхозники победоносно преодолевают под руководством нашей партии и ее ленинского ЦК.

Ленинская цитата, которая дана в постановлении ЦК о школе и которую мы должны положить в основу всей нашей дальнейшей школьной работы, имеет для нашей работы в области политехнического образования исключительное значение. Не останавливаясь подробно на анализе этой цитаты, нужно прежде всего отметить, что Ленин в этих «заметках» уже тогда, в 1920 г., говорил о том, что «без слов и заданием» надо по-

ставить «немедленное осуществление ряда доступных сейчас же шагов к политехническому образованию...» Этим самым он говорил о том, что проведение идей политехнизма требует от нас систематической, развернутой и напряженной борьбы, требует от нас боевой работы. Этим самым он отбрасывал в сторону ликвидаторское отношение к политехнизму, требовал борьбы за политехнизм в самых трудных условиях и в то же время в точном соответствии с данной обстановкой. Он давал практическую программу борьбы за политехническое образование. Ленин тут же совершенно конкретноставил определенную задачу перед II ступенью нашей школы. Он говорил о том, что нам нужно подготовлять в этих школах «ремесленника», добавляя, — чтобы этот «ремесленник» имел широкое общее образование (знал минимум основы таких-то и таких-то наук: указать точно каких); был бы коммунистом (точно указать, что должен знать), имел политехнический кругозор и начатки основ политехнического образования».

И вот когда мы будем по директиве ЦК пересматривать наши программы, мы обязаны в наших программах провести ту генеральную линию, которая дана в этих ленинских указаниях. Нам нужно суметь при просмотре наших учебных программ обеспечить в них «точно очерченный круг систематических знаний», обеспечить твердое усвоение учащимися «минимум основы таких-то и таких-то наук», и нужно построить так программы, чтобы это были программы политехнической школы, чтобы они давали возможность осуществления соединения обучения с производительным трудом, чтобы они увязывали теснейшим образом теорию и практику, чтобы они делали наших школьников участниками социалистического строительства.

Эта ленинская программа, данная в 1920 году, которую мы должны по директиве ЦК положить в основу всей нашей дальнейшей школьной работы, должна быть проведена нами в каждой детали нашей школьной работы, и особенно в такой важнейшей стороне ее, как учебная программа, учебник, учебное пособие.

Нам нужно суметь вскрыть и препятствия на этом пути, и те отклонения от основной линии нашей школьной политики, искажения ее, которые уже сейчас обнаруживаются в деле понимания политехнизма и практической реализации политехнической школы. Здесь надо развернуть решительную, непримиримую борьбу на два фронта — против правового оппортунизма, ликвидаторски относящегося к политехнизму, и против «левакского» проектировства в педагогике, выступающего с антиленинской теорией «отмирания школы», разрушающего политехническую школу и тем самым смыкающегося с правой опасностью. Надо разгромить и примиренческий «нейтралитизм» в школьной политике, «презренную партию середины» в педагогике.

Три стороны в вопросе о политехнизме.

В сентябре 1920 г. на III сессии ВЦИК 7-го созыва Ленин в связи с докладом Наркомпроса сделал запись, которая с важнейших сторон освещает вопрос о политехнизме.

Как ленинские «заметки», так и эту запись мы возьмем для рассмотрения трех сторон вопроса о политехнизме, которые имеют исключительное значение для практики строительства политехнической школы в современном этапе.

Остановимся прежде всего на первом из этих вопросов — о политехизме и специализации.

Ленин в этой записи пишет следующее:

«Политехнический принцип» не требует обучения всему (это Ленин подчеркнул. — А. Б.), но требует обучения основам (опять подчеркнул. — А. Б.) современной индустрии в общем (опять подчеркнул. — А. Б.).

Это положение направлено, прежде всего, против такого извращения «политехнического принципа», когда политехнизм подменяется универсализмом и схематизмом, т.-е. когда начинают обучать «всему», сваливают в кучу ознакомление с различными отраслями производства, или же обучаают «основам современной индустрии в общем» так, что отрывают эти «основы» от тех конкретных производств, в которых они заложены и в которых они имеют свое специфическое конкретное выражение.

Бывает так, что считают, что политехнизм и специализация чем-то взаимно друг другу противоречат. Это — неправильное понимание. Политехнизм не отрицает специализации. Мы добиваемся подготовки именно таких «ремесленников» и специалистов, которые бы имели политехническую подготовку. С другой стороны, политехнически подготовленное поколение, мы тем самым облегчаем ему возможность овладения любым «ремеслом», любой самой сложной специальностью. Такая постановка вопроса вытекает из того, что политехнический принцип, по Ленину, «не требует обучения в нем, но требует обучения основам современной индустрии в общем» и отбрасывает в сторону всякие попытки подмены политехнизма универсализмом и схематизмом.

Второй, связанный с политехнизмом, вопрос — о политехнике и общем образовании. Этот вопрос приобретает для нас сейчас особый интерес, ибо сейчас в нашей школе мы имеем прорыв именно на этом участке борьбы за политехническую школу.

«Коммунистом», — говорит Ленин, — стать можно лишь тогда, когда обогнать свою память знанием всех тех богатств, которые выработала человечество».

Надо ударить по рукам тех людей, которые отрывают политехнизм от усвоения «основы таких-то и таких-то наук», которые не понимают или не хотят понять того, что политехнизация школы без неустанного поиска общеобразовательного уровня есть совершенно искаженное, сугубо формальное, антиленинское толкование политехнизма. В резолюции Центрального комитета сказано: «попытка оторвать политехнизацию школы от систематического и прочного усвоения наук, особенно физики, химии и математики...», представляет собой грубейшее извращение идей политехнической школы».

А мы имеем, — что греха таить, — наплевательское отношение к этой стороне школьной работы. С этим нужно повести сейчас самую решительную борьбу. Нам сейчас нужно не только систематически бороться за повышение качества работы нашей школы вообще, но нам надо ухватиться за то основное для данного момента звено, где обнаружился явный прорыв, т.-е. в части общего образования. И недаром в постановлении ЦК сказано, что «коренной недостаток школы в данный момент заключается в том, что обучение в школе не дает достаточно обобщенного общеобразовательных знаний и неудовлетворительно разрешает задачу подготовки для техников и для высшей школы вполне грамотных людей, хорошо владеющих основами наук (физика, химия, математика, родной язык, география и др.)».

Возьмем эту сторону школьной работы еще с точки зрения лозунга «владея техникой». О каком «владеении техникой» можно говорить без «широкого общего образования»? Это будет пустышка, никчемное верхоглядство. Ленин прямо говорил, что коммунист, который не взял, не усвоил, не переработал в своем сознании «всей суммы человеческих знаний», будет только «простым хвастуном». Не понимать теснейшей органической связи политехнизма и общего образования, отрывать политехнизацию школы от систематического и прочного усвоения наук, — это значит грубейшим образом извращать марксистско-ленинское понимание политехнизма.

За последний период в школьном строительстве со стороны органов народного образования мы имели не только недооценку значения общего образования, но в ряде случаев имели попытки оторвать политехнизм от «усвоения наук», что смыкалось с теорией «отмирания школы». Об этом надо сказать со всей резкостью. Надо усвоить себе, что «коренной недостаток школы в данный момент» приобрел столь крупные размеры именно потому, что в теории и практике педагогической работы имели место эти ошибки и искривления.

В то же время за последние годы школой достигнуты столь значительные успехи, что они дают возможность, по-большевистски вскрыв все недочеты, ошибки и искривления в школьной работе, добиться в кратчайшие сроки перелома в деле ликвидации «коренного недостатка», отмеченного в постановлении Центрального комитета.

И третья сторона, т р е т и й общий вопрос, который связан с пониманием политехнизма, — это политехнизм и производственное обучение. Я не большой поклонник этого термина — и не потому, что этот термин был бы неправильным, а потому, что он не соответствует нынешней стадии в соединении обучения с общественно-производственным трудом. Надо сказать, что организация соединения обучения с производительным трудом налажена еще очень недостаточно, ибо прикрепление школы к предприятию нередко носит формальный характер. В силу этого говорить сейчас о производственном обучении в отношении ребят нашей массовой школы было бы преждевременно, по меньшей мере.

После этих замечаний перейдем к существу вопроса о политехнизме и производственном обучении. Мы имеем до сих пор еще значительные неувязки между теоретическим обучением и практикой. Они выражаются в том, что мы имеем довольно пестрый и еще плохо организованный учебный план школы. Дети и подростки в школе в настоящее время уже не только сидят в классе за партой, но они одновременно работают в рабочей комнате или в школьной мастерской, проходят производственные обучение на фабрике или заводе, посещают выставки, музеи, промышленные предприятия в порядке организованных экскурсий и т. д. В силу этого мы сейчас имеем в школе сложный учебный план, и он плохо организован; в нем нет еще надлежащего единства, все его части нередко слабо связаны одна с другой. Помимо этого учебный план отражает на себе те искривления, которые имеют место в организации производственного труда учащихся, в неправильных соотношениях между общим образованием, с одной стороны, производительным трудом и общественно-полезной работой, — с другой.

Здесь мы имеем в первую очередь искривления правооппортунистического порядка, которые выражаются в отказе (в той или иной форме) от соединения школьного обучения с производительным трудом. Одним из конкретных выражений этого является недооценка громадного значения прикрепления школ к фабрикам, заводам, МТС, совхозам и колхозам. Есть люди, которые явно или скрыто противодействуют перестройке школы на политехнических началах, они тащат назад, к старой словесной школе. В этом направлении мы должны нанести главный удар.

Подобным же искривлением политехнизма является подмена его ремесленничеством (в том или ином виде), сопровождающаяся отрывом техники от политики и экономики.

У Ленина имеется в уже цитированном нами документе (на III сессии ВЦИК) такая запись: «Соединение с производительным трудом» и здесь же в скобках записано «(не = мелкобуржуазной ремесленной школе)».

В настоящее время особое внимание должно быть сосредоточено на борьбе с искривлениями политехнизма, идущими по линии «левакских» перегибов. В постановлении ЦК сказано, что «соединение обучения с производи-

тельным трудом необходимо проводить на такой основе, чтобы весь общественно-производственный труд учащихся был подчинен учебным и воспитательным целям школы». По этой же линии идет и требование обеспечения в школе «точно очерченного круга систематизированных знаний». В школьной теории и практике имеются также и такие извращения, когда указанное выше соотношение переворачивается, т.е. когда учебные и воспитательные цели школы подчиняются общественно-производительному труду учащихся, когда общественно-полезная работа школы (скажем, борьба за профинпланы данного предприятия, к которому прикреплена школа) несколько выпячивается вперед, что сминает и уродует учебные программы и весь учебный план школы. Эти извращения находят свое отражение в недооценке (иной раз и прямом игнорировании) значения школьных мастерских и рабочих комнат.

Бывает так, что эти перегибы смыкаются с вытекающими из антиленинской теории «отмирания школы» попытками «положить в основу всей школьной работы так называемый метод проектов».

С этими «лево»-оппортунистическими извращениями политехнизма надо развернуть решительную борьбу, до конца разоблачить, что «левакские» перегибы и «левакции» педагогические «теории» смыкаются с правым оппортунизмом в педагогике, наносят громадный вред политехнической перестройке школы и помогают школьной реакции, ведущей борьбу против политехнизма и коммунистического воспитания. Борьба на два фронта является нашей важнейшей задачей, от которой всецело зависит успех борьбы за политехническую школу.

Вот те три стороны в вопросе о политехнизме, на которых мы хотели здесь остановиться.

Политехнизм — часть коммунистического воспитания. Мы работаем над тем, чтобы воспитывать поколение, «способное окончательно установить коммунизм».

Постановление ЦК о школе есть конкретная программа социалистического наступления в деле строительства политехнической школы. Наша советская, перестраивающаяся на политехнических началах школа должна давать «всесторонне развитых строителей социализма, увязывающих теорию с практикой и владеющих техникой».

III. Коренной недостаток школы и основное звено ее перестройки на нынешнем этапе.

Мы имеем в настоящее время уже значительные успехи в деле борьбы за политехническую школу. ЦК в своем постановлении пишет, что «наряду с решающими шагами по осуществлению обязательного обучения детей школьного возраста, школа значительно продвинулась вперед по пути соединения школьного обучения с производительным трудом и общественной работой, благодаря чему заложены основы перестройки школы на базе политехнизма».

В 1930/31 году был сделан первый поворот школьного руля. Он заключался в том, что мы круто повернули наше внимание к школе, а самую школу круто повернули лицом к производству. Сейчас осталось очень немного школ, которые не прикреплены к социалистическим предприятиям. Мы добились поворота школы в сторону политехнизма. Но именно в результате этого поворота с величайшей резкостью обнаружились важнейшие недостатки в работе советской школы.

В рапорте, который коллегия Наркомпроса РСФСР подала в июле нынешнего года ЦК партии т. Сталину, констатируется, что, «добившись значительного сдвига в деле политехнизации школы за истекший год, мы

все же далеко еще не осуществили директив партии о коренном и всестороннем улучшении качества работы школы, о надлежащей постановке производственного обучения, о повышении образовательного уровня учащихся и всенародного укрепления марксистско-ленинской и специально-педагогической подготовки учительских кадров».

И далее рапорт добавляет: «эта задача является главной и решающей на ближайший период деятельности Наркомпроса РСФСР».

Коренной недостаток школы.

В условиях под'ема всей школьной работы из всех имеющихся недостатков школы особенно резко обнаружилось отставание об'ема общеобразовательных знаний, даваемых массовой школой.

За последний период этому делу со стороны органов народного образования было уделено совершенно недостаточное внимание; помимо этого в ходе политической перестройки школы был сделан ряд ошибок, допущены искривления в области методов обучения и, наконец, «левакое» методическое проектирование нанесло значительный вред именно этой стороне школьной работы.

С этим связан второй поворот школьного руля, который мы должны сделать на протяжении 1931/32 учебного года. Этот год будет очень напряженным годом, потому что в связи с необходимостью всенародного обеспечения в школе надлежащего об'ема общеобразовательных знаний, надо поднять общий порядок в школе, укрепить школьную организацию, наладить единое управление школой и добиться правильного повседневного методического руководства школой.

Все эти задачи придется практически разрешать в условиях политической перестройки школы и дальнейшего развертывания об'ема школьной сети (завершение всеобщего четырехлетнего и ускоренное проведение всеобщего семилетнего). И от этого будет зависеть, насколько успешно справимся мы с той громадной задачей, которая поставлена перед нами директивой ЦК от 5 сентября нынешнего года.

Мы должны развернуть непримиримую борьбу на два фронта — против правых оппортунистов и против «леваков» в педагогике. Мы должны разоблачить и ликвидировать малейшие попытки сопротивления «повороту в работе школы», какими бы «лозунгами» они ни прикрывались — «левакской» фразой или правооппортунистическими увертками, ведущими к отказу от политизма.

Как определяет постановление ЦК коренной недостаток школы в данный момент?

ЦК прежде всего констатирует, что «советская школа далеко еще не соответствует тем огромным требованиям, какие предъявляются к ней современным этапом социалистического строительства». И, далее, ЦК указывает, что «коренной недостаток школы в данный момент заключается в том, что обучение в школе не дает достаточного об'ема общеобразовательных знаний и неудовлетворительно разрешает задачу подготовки для техников и для высшей школы вполне грамотных людей, хорошо владеющих основами наук (физика, химия, математика, родной язык, география и др.)».

Вот коренной недостаток, который мы имеем в школе, вот тот прорыв, который имеется в школьной работе; нам нужно добиться того, чтобы его ликвидировать как можно скорее. Для этого нужно добиться, чтобы все силы местных партийных организаций, все силы органов народного образования, все силы культурной армии, все силы массового культурного движения, все силы новой армии педагогического персонала были под руководством партии направлены на ликвидацию этого коренного недостатка.

Совершенно несомненно, что успехи в этой области создадут прочную базу для нового под'ема школы в направлении перестройки ее на основе педагогических принципов Маркса и Ленина.

В мае 1931 года Ленинградский обком по докладу зав. облОНО принял постановление «о ходе всеобщего и ликвидации неграмотности в Ленинградской области», в котором давал такую директиву облОНО и РОНО: «...обеспечить поднятие успеваемости учащихся в овладении всей суммой необходимых навыков и знаний». Этот вопрос в настоящее время приобретает исключительное значение, для его освещения я использую результаты одного обследования, которое было произведено в 3-х районах Донского округа в мае 1928 года и которым было охвачено 458 школьных групп, давших 14½ учен. бланков (см. И. С. Канаев и Ф. В. Быкодоров — «Уровень знаний и навыков сельского школьника», изд. «Раб. просвещения», 1930 г.). Чем занято было это обследование? Оно было занято выяснением того, как обстоит дело с двумя элементами в школе: во-первых, с комплексными знаниями, которые характеризуют общеполитический кругозор и общее развитие учеников, и, во-вторых, с формальными навыками в области орфографии, счета, арифметики, геометрии и т. д. Какие результаты в основном дало это обследование? Если мы посмотрим, как выглядят комплексные знания во всех 4-х группах, то надо сказать, что в основном, несмотря на целый ряд недостатков в этой области, эти знания выглядят в общем и целом удовлетворительно. Разбирая этот материал по группам, авторы этой книжки указывают, что в такой-то группе было слабо с усвоением обществоведческого материала, в такой-то группе было неважно с усвоением начатков естествознания и т. д., но в общем и целом, особенно в старших группах, дело обстояло удовлетворительно. А вот если мы возьмем положение дела с навыками, то тут уже надо прямо сказать, — положение из рук вон плохое.

Не приводя здесь всего обширного материала, имеющегося в книжке Канаева и Быкодорова, возьмем только знания по орфографии в 1-й и 4-й группах. В первой группе мы имеем такое положение, что из всего числа проверенных этим обследованием учеников 1-й группы только 21 человек, или 3,1% написали без ошибок. При написании 10 фраз с 24 словами школьники всех обследованных первых групп сделали 2.580 ошибок, по 4 ошибкам в среднем на ученика. По 4-й группе результаты такие: пишут хорошо, т.е. без ошибок, 4,1% всех учащихся, средне-нормально — 41,5%, остальные 54,4% — ниже среднего, слабо и очень слабо — 20,6%.

Авторы делают такой общий вывод, что «32% оканчивающих школу пишут безграмотно, делая от 11 до 41 ошибок».

В этой книжке приведена маленькая диаграмма, где одной чертой изображены знания и другой чертой — навыки, и получились «школьные ножницы»: комплексные знания идут вверх, формальные навыки падают вниз. Авторы этого обследования делают следующий общий вывод: «если обединить все формальные навыки в одну кривую и сопоставить ее с кривой знания, то получим школьные «ножницы», характеризующие значительное расхождение навыков от знаний».

Дальше авторы говорят, что «при таком низком уровне формальных навыков сельская школа не может давать полноценной продукции» и что «вопрос об увязке навыков и знаний до сих пор еще остается актуальным вопросом для сельской школы, а может быть, — добавляют авторы, — и для городской». Мои личные наблюдения говорят, что, пожалуй, в основном, эти выводы применимы и к городской школе.

Авторы цитированной книжки делают на основании материала обследования ряда методических замечаний. Приведем лишь общее замечание о «проблеме навыков в их отношении к комплексным знаниям». Вот оно: «пе-

дагоги часто жалуются на недостаток времени для закрепления навыков и все же стараются полностью проработать весь комплексный материал, тем самым жертвуя навыками в пользу знаний комплекса. Нужно по возможности гармонически сочетать эти элементы в начальной школе, которые у нас находятся в разрыве». Не касаясь вопроса по существу, необходимо подчеркнуть, что сама-то проблема представляет практический интерес и должна быть изучена и переведена на методический язык нашими методическими органами и научно-исследовательскими педагогическими институтами.

Ликвидация коренного недостатка школы в данный момент является важнейшей очередной задачей, без разрешения которой совершенно невозможно построение политехнической школы, без разрешения которой и сама политехнизация школы приобретает формальный характер.

Учебные планы и учебные программы.

С этим вопросом теснейшим образом связана целая группа проблем, касающихся учебных программ и учебных планов массовой школы. Я уже отмечал, что в резолюции ЦК указывается на необходимость пересмотра нынешних программ.

ГУС'ом и УМС'ом НКП уже разослана всем органам народного образования директива, что до пересмотра программ, к которому мы уже приступили, школы должны руководствоваться теми программами, которые выпущены на 1931/32 учебный год.

Мы должны наши программы перестроить. В каком направлении? – В направлении обеспечения в них «точно очерченного круга систематизированных знаний (родной язык, математика, физика, химия, география, история)». Учебные планы массовой школы за последние годы изменились в сторону того, что мы в значительном об'еме ввели в них труд. Известно, что труд появляется в программах 1927 г. Сейчас мы эту сторону обучения подняли на значительную высоту, хотя качество этой стороны школьной работы, повторяем, не может быть признано удовлетворительным. Мы значительно увеличили удельный вес целого ряда дисциплин в сельских и городских повышенных школах. Если взять по таблице распределения учебного времени ШКМ и ФЗС 1930/31 учебный год сравнительно с 1929/30 учебным годом, то в ФЗС увеличилось учебное время по русскому языку и литературе, по математике, физике, астрономии, по химии и по труду. В ШКМ повышение учебного времени, коснулось техники и организации коллективного хозяйства, физики, химии, математики, географии, литературы и родного языка, значительно возросло количество часов на производственное обучение.

Но надо сказать, что одно дело на бумаге, другое дело на практике. Дело заключается не только в том, чтобы поставить большее количество часов для данной дисциплины в учебном плане, а дело в том, чтобы добиться максимального усвоения программ и надлежащей организации учебного времени ребят. А эта сторона дела, безусловно, далеко еще не удовлетворительна. В учебных программах 1931 года мы сделали уже в известной степени упор на навыки. Это выразилось в том, что и в сельском и в городском вариантах программ начальной школы мы дали об'ем знаний (по годам) по математике и русскому языку, а для сельского варианта дополнительно по естествознанию, и об'ем знаний по сельскому хозяйству. Но этого совершенно недостаточно. И в ближайшее время, не дожидаясь новых программ, действующим программам будут даны об'емы знаний (по годам) по обществоведению (политграмота, история, география) и по технике (минимум технических знаний).

Школа на повороте.

Кроме этого учебно-методический сектор должен разослать по всем школам и органам народного образования в качестве дополнения ряд учебно-методических документов, которые идут в направлении того, чтобы уже в рамках существующих программ обеспечить усвоение точно очерченного круга систематизированных знаний по основным дисциплинам.

На школьный сектор НКП в настоящее время возложена текущая методическая работа. Он должен будет в первую очередь дать ряд методических писем и разослать специальных инструкторов-методистов по всем краям и областям.

Нам нужно уже сейчас начать подготовку к тому, чтобы новые программы были не только написаны, но и практически реализованы. Это потребует громадной подготовительной работы. Нужно немедленно провести большую работу среди учителяства. На местах надо будет собирать не только общие учительские конференции, но и специальные методические совещания учителей по отдельным дисциплинам и на них самым тщательным образом проработать целый ряд практических вопросов, связанных с частными методиками. Даже при беглом ознакомлении с работой Ленинградского отдела народного образования у меня создается впечатление, что здесь уже стали на этот путь.

Но сделанного недостаточно. Общим недостатком работы отделов народного образования является то, что еще очень слабо оперативное руководство школой.

Недавно мне пришлось столкнуться с таким фактом: приехав в один крупный областной центр, я тут же получил заверения, что школы начали работать аккуратно, в назначенное время. Это очень хорошо, так как в прошлом году в этом же крае школы начали работать с большим опозданием. Но когда я спросил этого же товарища, — какие школы действительно начали работать, он мне на это ответить не смог. Куда это годится? Люди, которые отвечают за школу, знают, что школа начала работать, и не удосужились поинтересоваться, — какие школы действительно приступили к занятиям. Это говорит о том, что оперативного руководства школами со стороны отделов народного образования еще очень мало. А думать, что мы можем коренным образом улучшить методическое руководство массовой школой без того, чтобы не изменить коренным образом повседневное руководство всем школьным делом, придав ему максимум оперативности и «предметности», — это сущие пустяки.

Методы обучения в политехнической школе.

В настоящее время со всей остротой встает вопрос о методах обучения в массовой школе. Вопрос о методах обучения является важнейшим вопросом.

Мы строим политехническую школу. Мы имеем новое содержание школьной работы, новые целевые установки, а следовательно, должны иметь и новые методы работы. Нельзя думать так, что можно целевую установку школы и содержание школьной работы изменить и остаться при старых методах обучения. Это — глубокое заблуждение. Из этого ничего хорошего не выйдет. Но, с другой стороны, ни в коей степени нельзя сказать и так, что есть новая школа, новые целевые установки, новое содержание и поэтому выкидывай целиком все старые методы обучения. Это — неправильная установка. Мы должны уметь ценные методы обучения старой школы применять в практике работы нашей новой школы, школы с новой целевой установкой, с новым содержанием работы и с новыми методами обучения. И здесь надо говорить не только об общей /методике, о методике обучения, но и о частных методиках, и об отдельных практических приемах учебно-методи-

ческого порядка. Возьмите хотя бы «показательные уроки» или «специальные упражнения по навыкам» или «контрольные задания».

Неужели все это не может быть применено в нашей советской школе? — Может быть применено; надо только уметь так эти приемы проработать, чтобы они соответствовали целевым установкам, содержанию и методам обучения нашей политехнической школы, вернее сказать, — школы, перестраивающейся на политехнической основе. У нас опытных специалистов-педагогов, обладающих педагогическим мастерством, не так уже много.

Но у нас, как известно, очень много педагогической молодежи, и посмотреть такому молодому педагогу на то, как работает опытный педагог в классе, в рабочей комнате, в школьной мастерской, как он ведет экскурсии ребят в музей, на фабрику, на завод, как организует работу старших групп на предприятии, — все это для такого педагога будет величайшим делом. Он будет на практике находить разрешение целого ряда недумений, которые у него, как у недостаточно опытного специалиста, безусловно есть. Здесь нужно развернуть надлежащую работу, нужно как следует поработать над целым рядом подобных практических учебных приемов в соответствии с задачами политехнической школы.

Недавно на одном учительском совещании (в г. Саратове) мне пришлось слышать о «специальных упражнениях» и «конкретных заданиях» в одной, повидимому, хорошей опорной школе. Что тут плохого, ежели от этого знания закрепляются, а школьное обучение не только не отрывается от практики, общественной работы и производительного труда, а наоборот, последние от этого выигрывают? Ничего, кроме хорошего, и нужно дать решительный отпор людям, которые, прикрываясь «левой» фразой, задумают помешать в такого рода методической работе. Надо беспощадно разгромить и тех, кто захочет протащить здесь «зубрежку», «муштру», «мертвые знания», извращать целевые установки и новое содержание политехнической школы, школы коммунистического воспитания, кто захочет помочь школьной реакции, тянуть назад — к буржуазной школе.

О применении новых методов обучения.

Перестройка школы на политехнической основе требует систематической работы над новой методикой массовой школы, которая находилась в полном соответствии с задачами политехнической школы и коммунистического воспитания подрастающих поколений.

Эту работу необходимо вести на основе методического опыта, накопленного органами народного образования за последнее десятилетие, в теснейшей связи с тем практическим педагогическим опытом, который ныне сосредоточивается в нашей массовой школе в процессе ее перестройки на политехнической основе, и, наконец, в этой области мы можем и должны использовать методический опыт передовой буржуазной педагогики, при том обязательном условии, что положительные завоевания буржуазной школы мы будем перерабатывать в соответствии с задачами политехнической школы в пролетарском государстве, выбрасывая из них то, «что является необходимым для капитализма», и внедряя в нашу практику то, «что является необходимым для коммунизма».

Школа, перестраивающаяся на политехнической основе, требует новых методов преподавания. В постановлении ЦК мы читаем: «применяя в советской школе различные новые методы обучения, могущие способствовать воспитанию инициативных и деятельных участников социалистического строительства, необходимо развернуть решительную борьбу против легкомысленного методического проектирования...».

Директива ЦК, говоря о применении новых методов обучения, обуславливает это прежде всего тем, чтобы эти новые методы могли «способствовать воспитанию инициативных и деятельных участников социалистического строительства». Критерий дан совершенно точный, нужно только уметь его правильно применить на практике.

Но в директиве ЦК также указано:

«Необходимо развернуть решительную борьбу против легкомысленного методического проектирования, насаждения в массовом масштабе методов, предварительно на практике непроверенных, что особенно ярко за последнее время обнаружилось в применении так называемого «метода проектов».

Мы должны сейчас развернуть решительную борьбу против «легкомысленного методического проектирования». Мы должны самым решительным образом ликвидировать практику «насаждения в массовом масштабе методов, предварительно на практике непроверенных». Мы должны провести это особенно в отношении метода проектов, так как в применении его в школе «особенно ярко» обнаружилось и «методическое проектирование» и «насаждение в массовом масштабе непроверенных методов».

Вот как должна быть понята нами эта часть директивы ЦК о новых методах и о методе проектов.

Мы имеем такие случаи, когда, скажем, за тот же «метод проектов» хватаются все, кто только может, совершенно не усвоив, что такое метод проектов, не проверив его предварительно на практике, не подготовив к этому как следует школу, не продумав тщательно ни методической, ни организационной стороны этого дела. И, конечно, от этого получаются самые пагубные результаты.

Мне, например, пришлось в Саратове собрать методическое совещание квалифицированных педагогов и инструкторов труда. Что там выяснилось? Там выяснилось, что некоторые школы на метод проектов переходили сразу, всей школой, без всякой подготовки, и, по заявлению самих этих людей, у них получился полный беспорядок и хаос в школе. Создавались сквозные фракции, ломалась вся школьная организация, предварительного опыта в применении этого метода никакого, руководства никакого, педагогическая подготовка учительства в школе явно недостаточная, и в итоге получились чрезвычайно плачевые результаты, которые в конце концов приводили к резкому снижению качества всей школьной работы, а в худших случаях — к полному развалу школы.

На саратовском совещании приводили и другие примеры, когда опыт с применением метода проектов удался (в опытно-показательной школе — в ФЗС № 5).

Но это лишь подчеркивало весь вред «легкомысленного методического проектирования» и всю недопустимость «насаждения в массовом масштабе непроверенных методов (особенно таких, как «метод проектов»). Это методическое проектирование выражалось и в других формах. Например, в мае было собрано совещание в Академии коммунистического воспитания всех наших педвузов, и там нашлись такие люди, которые говорили о том, что можно диалектический материализм целиком и полностью перевести на метод проектов: Вот — перлы методического проектирования! С ними нужно провести решительную борьбу, их надо изгнать из нашей школы, потому что от них ничего, кроме вреда для всей школьной работы, мы не получим.

Но было бы неправильным представлять себе дело так, что «проектировщики» сидели только в школах. Ничего подобного. Инициатива этого методического проектирования шла сверху — из ныне расформированного Института марксистско-ленинской педагогики.

Именно оттуда шла такая пропаганда метода проектов, которая сама была не чем иным, как «легкомысленным методическим прожектерством» и которая питала и методическое прожектерство в школе и массовое «насыщение» методов, «на практике непроверенных». Тем более, — это необходимо особо подчеркнуть, — что эта пропаганда в самом-то Институте базировалась на ликвидаторской теории «отмирания школы».

И вот здесь мы подходим к последней части директивы ЦК о применении в советской школе новых методов обучения:

«Вытекавшие, — читаем мы в постановлении ЦК, — из антиленинской теории «отмирания школы» попытки положить в основу всей школьной работы так называемый «метод проектов» вели фактически к «разрушению школы».

И в этих случаях мы имели уже не просто ошибки, а прямое грубейшее извращение большевистской школьной политики, ликвидаторскую школьную практику, вытекавшую из антиленинской «левацкой» теории «отмирания школы».

Когда в таком огульном виде применялся метод проектов, то это есть не что иное, как теория «отмирания школы» на практике, приводившая к разрушению школы. Мне уже приходилось говорить о «левацкой» теории отмирания школы, — и на II партийном совещании по народному образованию в апреле 1930 г., и на пленуме научно-пед. сессии ГУСа в 1931 году (и за последние месяцы на августовском совещании зав. ОНО, и на конференции ФЗС).

Эта теория довольно в'едливая. Мы видим, как целый ряд попыток применения метода проектов, в сущности говоря, были такими попытками, которые вытекали из «левацкой» теории «отмирания школы». Конечно, они не приводили ни к чему иному, как к разрушению школы — этого важнейшего орудия пролетарского государства в деле «воспитания поколения, способного окончательно установить коммунизм».

В отношении новых методов обучения можно сказать, что история повторяется. Но «история» с методом проектов повторяет подобные же «истории», которые уже были и прошли, но, к сожалению, она их повторяет в худшем виде. Наркомпрос РСФСР были подведены итоги того, как осуществлялась комплексность в нашей массовой школе. Что мы здесь видим? Доклад по этому вопросу отмечает, что «комплекс превращался в фетиш, заслонивший цель, смысл и сущность педагогической работы», и что в жертву этому фетишизированному комплексу приносилась «элементарная грамотность». Доклад особо отмечает попытку «безудержного комплексирования» учебного материала, при чем «комплексировалось» то, что комплексированию совершенно не поддавалось. Имели место явные курьезы. В докладе имеется общий вывод, имеющий значение и для нашего времени. Там говорится следующее: «логика организации и методики работы по комплексным темам столкнулась с логикой организации и методикой работы по языку и математике».

В докладе указывалось, что в 1925/26 году вопрос об увязке комплексных знаний и навыков по языку и математике «был чрезвычайно острым вопросом». Почему? — Потому, что учитель или совсем отказывался от работы по комплексной системе, уделяя почти все время обучению детей знаниям и навыкам по родному языку, математике и пр. и, таким образом, переходил к старой предметной системе обучения, или, наоборот, в попытках все связать доходил до курьезов.

То же самое, примерно, мы имели с дальтон-планом. То же самое, только в значительно худшей форме мы имеем и с «методом проектов». История повторяется. Нужно все-таки сказать, что в отношении «метода

проектов» значительно больше скверных вещей наговорено и наболтано, чем сделано. Хотя наделано и напутано тоже порядочно.

Постановление Центрального комитета дает нам в руки могучее орудие для борьбы за генеральную большевистскую линию в школьной политике, обеспечивает нам успех в борьбе с ошибками и извращениями в области методики массовой школы. Оно сыграет громадную роль и в исправлении тех ошибок и искривлений, которые имеют место и в высшей школе, в первую очередь — в наших педагогических вузах.

В отношении массовой школы методическая линия совершенно ясна. Мы должны, применяя «различные новые методы обучения», решительно отказаться от массового применения метода проектов, ограничившись сохранением его лишь в тех отдельных школах, где он дал безусловно положительные результаты с точки зрения тех задач, которые поставлены постановлением ЦК партии, организовав опытное изучение применения этого метода в условиях советской школы.

Опытное изучение надлежит организовать в настоящее время и в отношении других методов обучения, применительно к условиям школы, перестраивающейся на политехнической основе. Это даст нам возможность не только коренным образом исправить имеющиеся в школьной практике ошибки, перегибы и искривления в применении различных новых методов обучения, но и, проверив на опыте различные методы преподавания, тем самым обеспечить необходимые условия для развертывания новой методики в условиях политехнической школы.

В теснейшей связи с этими методическими задачами должна быть развернута методическая работа наших научно-исследовательских институтов.

В этой области нам предстоит проделать очень большую работу, ибо она крайне засорена «прожектерами» и «леваками». Этим людям памятник следовало бы водрузить и на памятнике написать: «Вот люди, которыешли в одну дверь, а попали в совершенно другую», хотели провозгласить архи-революционную педагогику, а на деле самым теснейшим образом сомкнулись с либеральной меньшевистской политикой. Эти методические прожектеры, «леваки», авторы и распространители антиленинской теории «отмирания школы» затруднили нам сейчас проведение в школе новых методов обучения. Они возмутительно навредили в деле проведения новой методики. Благодаря им методическое поле крайне засорено. И нам придется сейчас взяться вплютую за то, чтобы по-большевистски очистить его от всего этого «левацкого» хлама. Этую борьбу мы будем вести под знаменем теории Маркса и Ленина.

Один из примеров некритического усвоения методики буржуазной школы.

Чем больше вдумываешься во всю эту «историю» с методом проектов, главными деятелями которой были тт. Шульгин и Крупинина, возглавлявшие бывший Институт методов школьной работы, тем яснее понимаешь, что, в сущности говоря, в шульгинском «левом» прожектерстве с методом проектов мы имеем типичный пример некритического усвоения методики буржуазной школы, имеем образчик прямого некритического перенесения такого метода, который характерен для американской школы. Может ли мы заимствовать методы обучения из передовых буржуазных школ? Безусловно, можем. Но как? Перерабатывая их, выбрасывая и разоблачая все, что являлось «необходимым для капитализма», беря и критически усваивая то, что является «необходимым для коммунизма». Таким образом должны мы действовать в отношении применения методов преподавания, практикующихся в буржуазной школе.

В отношении американского метода проектов «леваки» сделали совершенно обратное.

Для того, чтобы наглядно показать это, придется прежде всего заняться американскими теоретиками и практиками метода проектов.

Прежде всего остановимся на том, какие основные принципиальные установки имеются у теоретиков американского метода проектов, а затем возьмем пример того, как этот метод проектов на практике применяет профессор Коллингс в своей опытной школе. Теоретик передовой американской педагогической мысли Кильпатрик исходит из «идеала демократической гражданственности». Мы знаем, что из себя этот «идеал» представляет. Мы уже цитировали книгу профессора Каунтса, который показывает, конечно далеко неполно и далеко не в настоящем виде, эту американскую «демократическую гражданственность». Кильпатрик говорит так: «Раз мы установили, что целевой акт есть типичная черта, достойная жизни демократического общества, то его следовало бы сделать типичной чертой педагогической практики».

Здесь уже закладывается основа метода проектов. «Целевой акт» («проект») надо положить в основу, сделать его типичной чертой «педагогической практики», т.-е. работы школы. И тут же Кильпатрик заявляет: «Весь мой философский взгляд привил мне недоверие ко всяким общим принципам. Это настоящая философия беспринципного делячества, столь характерная для эпохи империализма. И, наконец, вот третий тезис профессора Кильпатрика, который надо знать, чтобы понять и его педагогические взгляды: «мы презираем человека», — пишет Кильпатрик, — который пассивно применяет то, что ему называет судьба или простой случай. Мы преклоняемся перед человеком, который является господином своей судьбы, который внимательно и осмотрительно, принимая во внимание общее положение, составляет определенные, далеко хватающие задачи, кто заботливо разрабатывает и исполняет проекты, им самим составленные».

Тут мы имеем совершенно точное отражение американского империализма, с его бешеною конкуренцией, с его беззастенчивым рвачеством, с его узким практицизмом и с беспринципным делячеством. Педагогическая философия Кильпатрика есть не что иное, как отражение сущности американского империализма. Буржуазия рассматривает школу как средство «натаскать» для себя «покорных и расторопных слуг», «исполнителей воли и рабов капитала». Для этого она лицемерно обявляет ее вне политики и тем самым делает ее орудием своей политики, политики капиталистической эксплуатации и капиталистического гнета. Для этого она «загромождает» ее средневековым и буржуазным хламом, строит школу «зубрежки», «муштры» и «мертвых знаний». Это один путь, которым буржуазия стремится достичь своих целей, т.-е. «натаскать» в школе «покорных и расторопных прислужников». Но имеется и другой путь, который ведет к той же цели, это путь Кильпатриков и Коллингсов, которые по существу-то дела говорят настоящей империалистической прозой, так как школа, построенная по их рецепту, дает людей, которые именно нужны буржуазии. Их школа имеет одну задачу — дать возможность детям и подросткам «практиковаться» в выборе и успешном осуществлении целей, т.-е. «натаскать» узкобойки практиков капиталистического дела. Школа Кильпатриков и Коллингсов, — это не школа «зубрежки», «муштры» и «мертвых знаний», это — передовая буржуазная школа; она другим путем, но выполняет ту же самую задачу, т.-е. задачу, поставленную школе американским империализмом.

Кильпатрик говорит, что он питает «недоверие ко всяким общим принципам». Школа Кильпатриков и Коллингсов построена на этом

«принципе», она проникнута узким практицизмом, она не дает места «общим принципам» и тем самым воспитывает людей, которые беспринципность возводят в принцип, т.-е. с таким «мировоззрением», которое как раз и нужно для капитализма. Недаром проф. Каунтс говорит, что «принцип индивидуального успеха» играет такую определяющую роль в развитии «американской системы образования». Если спросить, — что же можем мы взять из такой буржуазной школы? Само собой разумеется, не то, что мы подвергли здесь критике и разоблачению. И даже далеко не все то, что является в этой школе ценным, скажем, новые методы обучения, так как это было бы образчиком некритического усвоения буржуазных достижений. Ценное в методике такой школы надо взять таким образом, чтобы переработать его с точки зрения интересов пролетарской диктатуры и социализма, отбросив все, что «являлось необходимым для капитализма», и усвоив то, что «является необходимым для коммунизма».

Практик американского метода проектов профессор Коллингс в 1917 г. организовал опытную школу. При чем он взял две традиционных американских школы в качестве контрольных школ. В течение четырех лет применялся он в своей школе опыт метода проектов. В изданной им книжке («Опыт работы американской школы по методу проектов») он подводит итоги этой работы и дает анализ всей организации школы и школьной работы.

«Метод проектов», — говорит Коллингс, — по своему существу предполагает огромное разнообразие проектов, создаваемых самими детьми в процессе работы, а следовательно, совершенно исключает возможность применения какого бы то ни было заранее выработанного курса». Коллингс отмечает, что «почти все проекты носили индивидуальный характер».

Мы уже цитировали Каунтса, который говорит, что в основу американского метода воспитания положен принцип крайнего индивидуализма. В школе Коллингса американские ребята практикуются в «делах». Один делает гладильную доску для своей мамаши, другой занимается тем, что изучает, как варить кофе и т. д. О программе такой школы Коллингс говорит следующее: программа опытной школы «была выбрана непосредственно из целей, поставленных себе детьми, и беспрерывно перестраивалась по мере дальнейшего развития опыта совместными усилиями инспектора, учителей и учеников школы».

О расписании занятий в школе он сообщает такие сведения: «дневное расписание занятий было чрезвычайно гибким, подчас оно позволяло всей школе в целом одновременно отдаваться одному и тому же проекту, подчас предоставляло каждому ученику, или группе учеников, или комбинации учебнических групп, работать отдельно».

Место учебника в опытной школе он характеризует так: «никаких учебников как таковых в опытной школе не применялось, хотя некоторые имелись в библиотеке в качестве справочных материалов».

Если спросить: вот этот метод, который так философски обосновывается и так применяется практически, он подходит к нашей советской школе, или нет?

Когда я в Саратове беседовал с группой учителей, между прочим с учителями из школы, в которой вся работа шла по методу проектов, то одна учительница этой школы, очень хороший и опытный педагог, на мой вопрос — «как вы относитесь к американскому методу проектов» — отвечала: «американский метод проектов неприемлем на 80%». В процентах тут всего не определишь, но ответ должен быть признан безусловно правильным, так как в нем заложена/правильная оценка американского метода проектов.

Американская школа, работающая по методу проектов, в сущности говоря, совершенно выкидывает теоретическое образование, выкидывает элементы мировоззренческие. «Основы наук» она целиком и полностью связывает с «проектами». Она ликвидирует обычные учебные программы, расписания, учебники и т. д. Такой организацией школы в полной мере разрешается задача — дать возможность ученикам «практиковаться в выборе и успешном осуществлении целей». Всякая попытка без соответствующей критической переработки перенести этот метод в советскую школу будет означать проникновение влияния буржуазной педагогики. «Леваки» в советской педагогике смыкаются с этими архебуржуазными философами и практиками школы, работающей по методу проектов, когда они некритически переносят опыт американской школы к нам. Это приводит их даже и к «общим принципам» явно американского происхождения.

Что говорит о воспитании т. Шульгин? Приведем очень короткую, но выразительную цитату: «Нам нужно из наших ребят, — пишет т. Шульгин, — сделать таких людей, которые, как говорил Джек Лондон, смотрели бы на препятствия, как на спорт: нужно преодолеть!» Вот вам «цель» воспитания подрастающих поколений в пролетарском государстве в формулировке архи-«левого» т. Шульгина. Комментарий излишний! Но у т. Шульгина можно найти и явное отражение идей мелкобуржуазной педагогики «свободного воспитания». О школе он нередко говорит, как об организации «самовоспитания» детей. Так «леваки» в советской педагогике отражают и в своей теории и в своей практике влияние буржуазной педагогики, прикрываемое «революционной» фразой. И надо удивляться, что эта сама дилетантская, эклектическая окраска, изрядно сдобренная «левакским» прожекторством, столь продолжительное время могла иметь хождение в качестве «теории» революционной педагогики! В настоящее время надо ее разоблачить до конца перед всем учительством, так как она является одним из наиболее тяжелых «наследств», полученных нами, является тормозом в борьбе за политехническую школу, борьбе, требующей напряжения всех сил и последовательного проведения ленинской линии в школьной политике пролетарского государства.

Где корни этих «левакских» теорий? Эти корни лежат в неправильном, антиленинском понимании соотношения между политикой и педагогикой, эти корни лежат в совершенно неправильной трактовке соотношения между «стихийным» и «организованным» педагогическим процессом. И здесь и там наши теоретики «левакской» педагогики скатываются к меньшевизму. И не случайно именно из возглавляемого т. Шульгиным института вышла не только ликвидаторская теория «отмирания школы», не только огульная проповедь американского метода проектов, как «системы», определяющей собой весь строй школы сверху донизу, выбрасывающей из педагогического процесса учебные программы, учебники и учителя, но и такая пропаганда исследовательского метода коллизий (институт выпустил по этому вопросу специальную книжку), где, ведь, дискуссию по какому-нибудь оструму вопросу рекомендовалось не руководить этой дискуссией, а ее развязывать, т.е. предоставлялась возможность взять руководство этой дискуссией кому угодно, в том числе и классовому врагу.

Следует еще раз остановиться на одном чрезвычайно важном месте постановления ЦК о школе. Там сказано, на какой основе мы должны проводить соединение обучения с производительным трудом. Там сказано о том, что «весь общественно-производительный труд учащихся» должен быть подчинен «учебным и воспитательным целям школы». Я обращаю внимание на это место постановления ЦК, так как оно направлено против теории «школа — культурно-производственный цех завода» и имеет исключительно важное значение для всей нашей школьной работы.

Нам нужно так устанавливать об'ем и направление общественно-полезной работы, так устанавливать об'ем и направление занятий общественно-полезным трудом детей и подростков, чтобы это целиком и полностью было подчинено учебным и воспитательным задачам политехнической школы. В школах бывает так, что ребята отлично борются за промфинплан на заводе и совершенно не выполняют «промфинплана» школы, бывает так, что учебный план школы уродуется в угоду теории, по которой «школа — цех завода», в силу чего учебные программы снимаются, «основы наук» проходят отрывками, не систематизированно, в урезанном об'еме, т.е. происходит грубейшее извращение идеи политехнической школы.

И теоретикам, и практикам школьной работы нужно в этом году очень много над этим делом поработать, руководствуясь директивой ЦК о том, что «общественно-производительный труд учащихся» должен быть подчинен «учебным и воспитательным целям школы». Москва уже ведет работу в этом направлении. Надеемся, что и ленинградцы не отстанут от москвичей. Надо развернуть здесь соцсоревнование. Это будет в интересах борьбы за политизм и коммунистическое воспитание.

IV. О некоторых практических вопросах строительства политехнической школы.

О методическом руководстве. Мы говорили уже относительно того, что задача методического руководства стоит перед нами как одна из важнейших задач. Нам приходилось не раз слышать, что школа работает «без руля и без ветрила». И Государственный учений совет и учебно-методический сектор ни в какой степени не овладели еще методическим учебным руководством. Наши местные органы еще очень слабо осуществляют задачи методического руководства. И пединституты неудовлетворительно осуществляют свои обязанности по отношению к массовой школе, хотя за последний год здесь имеется несомненное движение вперед. В прошлом году мне пришлоось быть в Саратовском пединституте. Я интересовался постановкой кафедры педагогики. Эта кафедра год тому назад занимала одну комнату. В нынешнем году кафедра развернула политехнический кабинет, где стоят предметы, которые являются результатом работы аспирантуры и студентов в школе, на фабриках и заводах. Это шаг вперед. Но от этого шага еще очень далеко до того, чтобы связаться с массовой школой и с педагогиками в крае и по-настоящему организовать помощь методическому руководству массовой школой, а затем и всей сетью учреждений народного просвещения. На службу методическому руководству надо поставить и научно-исследовательские институты. Нужно организовать сеть опытно-показательных учреждений, которые бы помогали школе перестраиваться на началах новой методики. Мы должны методическое руководство строить на настоящей научной марксистской базе. Наши научно-исследовательские институты оторваны от педагогической практики и далеко еще не выполняют своих обязанностей перед школой и педагогикой. На одном московском собрании имело место выступление одного директора, который заявил, что Наркомпрос научно-исследовательскими институтами не руководит. Дело тут не в руководстве, а главным образом в том, что институты практической школьной работе ничего не дали. А некоторые из них, например, ныне расформированный Институт марксистско-ленинской педагогики наделал столько путаницы своими «леваковскими» теориями и легкомысленным методическим прожекторством, что нам придется развернуть решительную борьбу и разоблачение, чтобы с корнем вырвать из педагогической практики последствия «плодотворной» теоретической деятельности шульгинского института. Нам нужно

Американская школа, работающая по методу проектов, в сущности говоря, совершенно выкидывает теоретическое образование, выкидывает элементы мировоззренческие. «Основы наук» она целиком и полностью связывает с «проектами». Она ликвидирует обычные учебные программы, расписания, учебники и т. д. Такой организацией школы в полной мере разрешается задача — дать возможность ученикам «практиковаться в выборе и успешном осуществлении целей». Всякая попытка без соответствующей критической переработки перенести этот метод в советскую школу будет означать проникновение влияния буржуазной педагогики. «Леваки» в советской педагогике смыкаются с этими архибуржуазными философами и практиками школы, работающей по методу проектов, когда они некритически переносят опыт американской школы к нам. Это приводит их даже к «общим принципам» явно американского происхождения.

Что говорит о воспитании т. Шульгин? Приведем очень короткую, но выразительную цитату: «Нам нужно из наших ребят, — пишет т. Шульгин, — сделать таких людей, которые, как говорил Джек Лондон, смотрели бы на препятствия, как на спорт: нужно преодолеть». Вот вам «цель» воспитания подрастающих поколений в пролетарском государстве формулировке архивного «левого» т. Шульгина. Комментарий излишний! Но у т. Шульгина можно найти и явное отражение идей мелкобуржуазной педагогики «свободного воспитания». О школе он нередко говорит, как об организации «самовоспитания» детей. Так «леваки» в советской педагогике отражают и в своей теории и в своей практике влияние буржуазной педагогики, прикрываемое «революционной» фразой. И надо удивляться, что эта самая дилетантская, эклектическая окраска, изрядно сдобренная «левакским» прожекторством, столь продолжительное время могла иметь хождение в качестве «теории» революционной педагогики! В настоящее время надо ее разоблачить до конца перед всем учительством, так как она является одним из наиболее тяжелых «наследств», полученных нами, являясь тормозом в борьбе за политехническую школу, борьбе, требующей напряжения всех сил и последовательного проведения ленинской линии в школьной политике пролетарского государства.

Где корни этих «левакских» теорий? Эти корни лежат в неправильном, антиленинском понимании соотношения между политикой и педагогикой, эти корни лежат в совершенно неправильной трактовке соотношения между «стихийным» и «организованным» педагогическим процессом. И здесь и там наши теоретики «левакской» педагогики скатываются к меньшевизму. И не случайно именно из возглавляемого т. Шульгиным института вышла не только ликвидаторская теория «отмирания школы», не только огульная проповедь американского метода проектов, как «системы», определяющей собой весь строй школы сверху донизу, выбрасывающей из педагогического процесса учебные программы, учебники и учителя, но и такая пропаганда исследовательского метода коллизий (институт выпустил по этому вопросу специальную книжку), где вела дискуссию по какому-нибудь оструму вопросу, рекомендовалось не руководить этой дискуссией, а ее развязывать, т. е. предоставлялась возможность взять руководство этой дискуссией кому-угодно, в том числе и классовому врагу.

Следует еще раз остановиться на одном чрезвычайно важном месте постановления ЦК о школе. Там сказано, на какой основе мы должны проводить соединение обучения с производительным трудом. Там сказано о том, что «весь общественно-производственный труд учащихся» должен быть подчинен «учебным и воспитательным целям школы». Я обращаю внимание на это место постановления ЦК, так как оно направлено против теории «школа — культурно-производственный цех завода» и имеет исключительно важное значение для всей нашей школьной работы.

Нам нужно так устанавливать об'ем и направление общественно-полезной работы, так устанавливать об'ем и направление занятий общественно-полезным трудом детей и подростков, чтобы это целиком и полностью было подчинено учебным и воспитательным задачам политехнической школы. В школах бывает так, что ребята отлично борются за промфинплан на заводе и совершенно не выполняют «промфинплана» школы, бывает так, что учебный план школы уродуется в угоду теории, по которой «школа — цех завода», в силу чего учебные программы снимаются, «основы наук» проходят отрывками, не систематизированно, в урезанном об'еме, т. е. происходит грубейшее извращение идеи политехнической школы.

И теоретикам, и практикам школьной работы нужно в этом году очень много над этим делом поработать, руководствуясь директивой ЦК о том, что «общественно-производственный труд учащихся» должен быть подчинен «учебным и воспитательным целям школы». Москва уже ведет работу в этом направлении. Надеемся, что и ленинградцы не отстанут от москвичей. Надо развернуть здесь соцсоревнование. Это будет в интересах борьбы за политизм и коммунистическое воспитание.

IV. О некоторых практических вопросах строительства политехнической школы.

О методическом руководстве. Мы говорили уже относительно того, что задача методического руководства стоит перед нами как одна из важнейших задач. Нам приходилось не раз слышать, что школа работает «без руля и без ветрила». И Государственный научный совет и учебно-методический сектор ни в какой степени не овладели еще методическим учебным руководством. Наши местные органы еще очень слабо осуществляют задачи методического руководства. И пединституты неудовлетворительно осуществляют свои обязанности по отношению к массовой школе, хотя за последний год здесь имеется несомненное движение вперед. В прошлом году мне пришлоось быть в Саратовском пединституте. Я интересовался постановкой кафедры педагогики. Эта кафедра год тому назад занимала одну комнату. В нынешнем году кафедра развернула политехнический кабинет, где стоят предметы, которые являются результатом работы аспирантуры и студентов в школе, на фабриках и заводах. Это шаг вперед. Но от этого шага еще очень далеко до того, чтобы связаться с массовой школой и с педагогиками в крае и по-настоящему организовать помощь методическому руководству массовой школой, а затем и всей сетью учреждений народного просвещения. На службу методическому руководству надо поставить и научно-исследовательские институты. Нужно организовать сеть опытно-показательных учреждений, которые бы помогали школе перестраиваться на началах новой методики. Мы должны методическое руководство строить на настоящей научной марксистской базе. Наши научно-исследовательские институты оторваны от педагогической практики и далеко еще не выполняют своих обязанностей перед школой и педагогикой. На одном московском собрании имело место выступление одного директора, который заявил, что Наркомпрос научно-исследовательскими институтами не руководит. Дело тут не в руководстве, а главным образом в том, что институты практической школьной работе ничего не дали. А некоторые из них, например, ныне расформированный Институт марксистско-ленинской педагогики наделал столько путаницы своими «левакскими» теориями и легкомысленным методическим прожекторством, что нам придется развернуть решительную борьбу и разоблачение, чтобы с корнем вырвать из педагогической практики последствия «плодотворной» теоретической деятельности шульгинского института. Нам нужно

иметь доподлинно научную педагогическую базу для того, чтобы по-настоящему, на марксистско-ленинской основе развертывать методическое руководство школой. В связи с этими задачами мы должны будем по-новому перестроить всю работу ГУСа и УМСа. До сих пор они занимались главным образом разработкой учебных планов и учебных программ, и не только для наркомпросовской сети школ (всех степеней), но и для вненаркомпросовской сети техникумов, вузов, втузов и т. д. Это чрезвычайно и совершенно излишне загромождало их работу. Для разработки вопросов педагогики, в том числе и вопросов, связанных с методами обучения, не оставалось времени. В настоящее время работу ГУСа и УМСа надо круто повернуть в ту сторону. Это их главная важнейшая задача на данном этапе в развитии народного образования в стране.

Методические и инструкторские кадры. Перед нами стоит задача подготовки и переподготовки наших методических кадров (в научно-исследовательских институтах, педагогических институтах и т. д.). Эти кадры частично воспитывались в «школе» Пинкевича и Пистрака, а частью в «леваком» институте Шульгина. Конечно, среди них мы имеем хорошую партийную молодежь. Эта молодежь много сделала для разоблачения теории «отмирания школы» в самом институте. Но этого очень мало. Подготовка методических кадров—это важнейшая задача сегодняшнего дня. Мы должны опереться на крепкое партийное ядро научных сотрудников и аспирантов в институтах, в АКВ, опереться на опытных практиков-педагогов, на тех энтузиастов-ударников из многотысячной массы учителяства, которые на территории нашей страны ведут напряженнейшую работу по созданию политехнической школы. Мы должны выполнить директиву ЦК и создать инструкторов в районах. Это решение должно дать нам в руки живой методический инструмент для руководства массовой школой. До сих пор наши инструкторы в районах плохо или даже совсем не выполняли своих методических обязанностей. Сейчас это должно быть первой задачей районных инструкторов.

Надо добиться того, чтобы, проверяя школы, инструктор имел авторитет. Для этого надо тщательно подобрать и подготовить кадры районных инструкторов. Мы должны выполнить решение ЦК о том, что все коммунисты-педагоги должны овладеть методической стороной школьной работы. На педагогов-коммунистов возлагается в этом деле огромная задача. Коммунисты должны быть передовиками в деле проведения решений ЦК, они должны быть передовиками в деле борьбы с различными разновидностями оппортунизма в педагогике, на фронте строительства политехнической школы.

Учительские кадры. В решениях ЦК мы имеем программу мероприятий по развертыванию работы по педагогическим кадрам. Эту программу мы должны осуществить. Нам нужно добиться того, чтобы наши учителя были активными строителями социализма, чтобы они были активными организаторами масс на фронте культурной революции, чтобы они в полной мере овладели методикой новой политехнической школы и чтобы они были образованными специалистами, мастерами своего педагогического дела. Таких педагогов требует политехническая школа. Таких педагогов мы должны иметь и таких педагогов мы будем иметь. ЦК поручил Госплану, Наркомфину, ЦК Рабпроса и наркомпросам разработать мероприятия по повышению зарплаты учителяства. ЦК указал в своем решении, что снабжение учителей продовольствием и промтоварами должно быть приравнено к снабжению промышленных рабочих. В специальном разделе постановления о школе намечена конкретная программа мероприятий по снабжению учителей продуктами и промтоварами. Этим мы проводим в жизнь завет Ленина об учителе в советском государстве.

Материальная база школы. ЦК дает целую программу мероприятий по основным элементам материальной базы массовой школы. Я не буду на этом вопросе останавливаться подробно. Эта часть постановления касается школьных зданий, оборудования, рабочих комнат, школьных мастерских и т. д. Мы лишь укажем, что очень плохо обстоит дело со строительством новых школ. Надо,—чтобы местные партийные организации вплотную подошли к этому вопросу. Без нового школьного строительства нам не разрешить успешно и быстро ряда задач, связанных с организацией политехнической школы.

Плохо обстоит дело и со школьным оборудованием,—надо на местах заняться организацией производства учебного оборудования для массовой школы. Отделы народного образования обязаны в этом деле проявить максимум инициативы.

О некоторых внутришкольных вопросах. В управление школой необходимо провести единоначалие. Заведующих школами, выдвиженцев-рабочих надо провести через специальные педагогические курсы. Заведующие учебной частью в школах должны заниматься своими делами, т. е. учебно-методической стороной школьной работы. Надо разгрузить их от тех обязанностей, которые мешают их основной работе. Нам нужно провести работу среди ребят, ввести в школе гостяющую, сознательную, крепкую пионерскую дисциплину. Нужно повернуть детское самоуправление и пионер-организацию к вопросу повышения качества учебы и дисциплины. Нужно провести борьбу с неравномерным распределением среди ребят общественных обязанностей и с перегрузкой ребят. Полгода тому назад мне в Москве пришло специально вызвать человек 15 ребят и выяснить совместно с ними — какая у них имеется нагрузка. Оказалось, у некоторых из них общественная нагрузка в два раза превышает их учебную нагрузку. Мы должны добиться того, чтобы школа заботилась о здоровье ребенка, чтобы школа по-настоящему занималась вопросами физкультуры. Это дело поставлено у нас в школах еще очень слабо.

Необходимо, чтобы школа начала заниматься художественным воспитанием ребенка. Пора этим заняться. Нам нужно воспитывать всесторонне развитых членов коммунистического общества. Здесь можно пойти на целый ряд мероприятий и финансового порядка, чтобы заинтересовать работников искусства этим делом в массовой школе.

Нам нужно по-настоящему наладить руководство школой. Нужно прекратить «обезличку», которая царит в этом деле. Нам нужно осуществить поворот в работе школы. Для этого нужно руководить школой по-новому. В этой области мы должны добиться того, чтобы директивы т. Сталина были практически реализованы. Без этого нельзя осуществить этого поворота в школьной работе, о котором говорит постановление ЦК о школе.

Местные партийные организации и местное партийное руководство должны взять на себя инициативу в этом деле и установить самый тщательный контроль.

Рабочие комнаты, школьные мастерские и прикрепление школ к предприятиям. В 1930/31 году громадную массу школ мы прикрепили к промышленным предприятиям, совхозам, МТС и колхозам. Возросла в школах и сеть рабочих комнат и школьных мастерских.

В нынешнем году надо организовать и упорядочить прикрепление школ к предприятиям. С этой точки зрения кампания по пересмотру договоров между школой и предприятием принимает исключительно важное значение.

Одновременно органам народного образования надо вплотную подойти к делу организации в школах рабочих комнат и школьных мастерских. Материально и технически это дело поставлено неудовлетворительно. При этом необходимо работать по школьным мастерским сочетать «с прикреплением школ к предприятиям, совхозам, МТС и колхозам на основе договоров».

Эта директива ЦК должна быть взята нами под особое наблюдение.

О начальном и семилетнем всеобщему обучению. — В своем постановлении ЦК подтвердил необходимость выполнения «в срок» решения ЦК о всеобщем начальном обязательном обучении (25/VII—30 г.). Этим дан решительный отпор всем оппортунистам, которые уже начинали плакаться по поводу быстрых темпов, взятых органами народного образования под руководством партии в деле развертывания всеобщего обучения.

Постановление о школе практически ставит вопрос о «скорейшем осуществлении» требования программы партии об общем и политехническом образовании всех детей и подростков — до 17 лет. В связи с этим ЦК предлагает СНК СССР «разработать план всеобщего обязательного семилетнего обучения».

Эта важнейшая задача, без разрешения которой нам не ликвидировать того количественного разрыва, который имеется между массовой школой, с одной стороны, и потребностью в подростковых контингентах фабзавучей и техникумов,— с другой. Надо понять, что это есть одно из важнейших звеньев в успешном разрешении всей проблемы кадров. И надо повести решительную борьбу против тех правых оппортунистов, нынеков и колеблющихся, которые пытаются мешать развертыванию всеобщего обязательного семилетнего обучения.

Здесь нужна организованная, систематическая и упорная работа. Под руководством партии мы сумеем успешно разрешить и эту最难ную задачу.

Общие задачи. Школа на повороте. Нам нужно взяться за важнейшее звено, указанное в решениях ЦК и построить политехническую школу, которая так необходима пролетариату.

Борьба за политехнизм есть фронт классовой борьбы.

В школе мы имели антипролетарские влияния, — попытки «привить» детям советской школы элементы антипролетарской идеологии». Нужно всей массе советских педагогов проявить бдительность, твердость и умение видеть происки классового врага в школе и жестоко бить по малейшим попыткам привить детям «элементы антипролетарской идеологии». С этой точки зрения нам необходима величайшая непримиримость и гранитная твердость в проведении генеральной линии партии в области школьной политики.

Нам нужно беспощадно наносить удары направо, нам нужно усиление борьбы с «левако»-оппортунистическими извращениями в области школьной политики. При этом условии мы сумеем повести решительную борьбу и против тех элементов в органах народного образования, которые будут сопротивляться нынешнему повороту в школьной работе. Мы должны разбить на голову примиречество к оппортунистам.

Это одно из важнейших условий в деле успешной перестройки школы на политехнических началах.

Поставим школу на службу развернутому социалистическому наступлению. Под руководством партии большевиков и ее ленинского Центрального комитета построим политехническую школу как мощную организацию пролетарского государства по коммунистическому воспитанию подрастающего поколения и тем самым одержим решающую победу на фронте культурной революции.

РАБОТА СЕМИНАРОВ ФИЛОСОФСКОГО ИНСТИТУТА — КРАСНОЙ ПРОФЕССУРЫ

от РЕДАКЦИИ

Редакция приступает к систематическому печатанию обработанных докладов, выступлений, статей и др. материалов слушателей Философского института красной профессуры, чтобы отразить на страницах ПЗМ работу, которая происходит в семинарах Ин-та.

Отдавая себе полный отчет в том, насколько такие работы могут быть отрывочны, иногда несовершенны, иметь те или другие недостатки — редакция все же считает, что это один из очень важных путей выявления наших растущих партийных кадров на философском участке теоретического фронта и обединения вокруг журнала молодого теоретического актива.

Редакция обращается к слушателям Фил. ИКП, к слушателям других институтов кр. профессуры, к аспирантуре местных отделений Комакадемии принять активное участие в этом отделе журнала.

Закономерности общественного развития (Критика буржуазного и ревизионистского понимания закономерности общества).

Г. Габриэлян.

I.

При воспроизведстве своей материальной жизни человек стоит не только перед необходимостью познания законов природы, но и перед необходимостью вскрыть законы развития общественных явлений, которые целиком обусловлены его производственной деятельностью. Ведь недаром Маркс говорит, что в этой производственной деятельности человек, «подчиняя игру этих (природных) сил своей собственной власти», тем самым «осуществляет в то же время и свою сознательную цель, которая, как закон, определяет способ, характер его действия и которой он должен подчинить свою волю» (Капитал, т. I, стр. 119 — 20). Нет и не может быть сомнения в том, что человеку, чтобы подчинить себе «игру этих сил» и «осуществлять свою сознательную цель», необходимо знать закон «игры этих сил», необходимо «видеть, выступающее на поверхность движение — свести к действительному внутреннему движению» (Маркс), иначе говоря, установить необходимые, объективные закономерные внутренние связи между явлениями, вскрыть внутренние законы их существования и движения. В самом деле: когда возможно осуществить планомерное воздействие человека на природу? Очевидно, тогда, когда нам в той или иной мере известны законы существования и изменения природы или тех объектов, которые находятся под нашим воздействием. А когда нам могут быть известны эти законы? Очевидно только в процессе производственной деятельности, в практике изменения вещей. В процессе производственной деятельности, мы, воздействуя на пред-

меты, на вещи, подчиняя себе слепые силы природы. В этом процессе изменения внешнего мира мы изменяем и свою собственную природу, мы познаем внутренние закономерности. Но это познание не есть самоцель; оно целиком и полностью исходит из необходимости осуществления вполне определенных, конкретных задач определенного общественного класса: Поэтому «беспартийные» буржуазные мыслители всегда были партийны, об'ективизм никогда не выходил из субъективных рамок своего класса. Ленин писал, что «об'ективист говорит о необходимости данного исторического процесса; материалист констатирует с точностью данной общественно-экономическую формацию и порождаемые ею антагонистические отношения. Об'ективист, доказывая необходимость данного ряда фактов, всегда рискует сбиться на точку зрения апологета этих фактов; материалист вскрывает классовые противоречия и тем самым определяет свою точку зрения. Об'ективист говорит о «неопределенных исторических тенденциях»; материалист говорит о том классе, который «заведует» данным экономическим порядком, создавая такие-то формы противодействия других классов. Таким образом материалист, с одной стороны, последовательнее об'ективиста и глубже, более проводит свой об'ективизм. Он не ограничивается указанием на необходимость процесса, а выявляет, какая именно общественно-экономическая формация дает содержание этому процессу, какой именно класс определяет эту необходимость». С другой стороны, материализм включает в себя, так сказать, партийность, обязывая при всякой оценке события прямо открыто становиться на точку зрения определенной общественной группы» (Соч., т. I, изд. 2-е, стр. 275—6). Боязнь открыто выявить свое политическое партийное лицо является основным свойством буржуазного об'ективиста. Не о конкретных, определенных общественных формациях и отношениях говорит об'ективист, а рассуждает об общих принципах, о процессе вообще. Поэтому он никогда не может научно познать действительность. Даже передовые буржуазные мыслители думали, что «единственная основа всех человеческих действий и общественных отношений находится в «человеческой голове и придуманных ею теоретических положениях» (Анти-Дюринг, стр. 12). Цель борьбы буржуазии заключалась вовсе не в том, чтобы устранить частную собственность и создать социальное равенство, а в окончательном укреплении собственнических отношений, доведении их до предельного конца, т.е. до установления буржуазного господства. Задачи буржуазных мыслителей всегда вытекали из сущности борьбы их класса против феодализма и заключались в теоретическом осмыслении складывающихся общественных отношений, в доказательстве и установлении «царства разума», которое «было не чем иным, как идеализированным царством буржуазии» (там же, стр. 12). Отсюда и их половинчатость, идеализм в их учениях и т. д.

Кризис современной буржуазной социологии заключается не в том, что она отказалась от своих прежних позиций или от основных теоретических принципов. Вовсе нет. «Человеческая голова и придуманные ею теоретические положения» как раньше, так и теперь, по глубокому убеждению буржуазных мыслителей, являются «единственным основанием всех человеческих действий и общественных отношений». Эти теоретические предпосылки в основном и сейчас являются отправным пунктом для буржуазных теоретиков. Изменилась форма применения этих положений. Изменилась историческая роль буржуазии в общем ходе общественного развития. Изменились социально-общественные условия, которые когда-то сделали эти теоретические предпосылки буржуазии революционными, вернее придали им революционное значение. Поэтому всякая попытка превратить Маркса в простого систематизатора якобы до него высказанных теоретических положений является разновидностью ревизии марксизма и имеет определенный политич-

ский смысл — стремление унизить марксизм до уровня обыкновенной буржуазной теории. Собственно говоря, так именно и критиковали Маркса все буржуазные ученые, обвиняя его в литературном журнальчестве, в том, что он свою теорию якобы заимствовал у Смита, Рикардо, Родбертуса и др. На этих позициях по существу стоят все социал-фашисты, во главе с Каутским, который марксизм подменил социал-дарвинизмом. Так же начали свою ревизию и меньшевистственные идеалисты, считая, что все основные вопросы диалектического материализма были якобы разрешены еще Гегелем. Такая постановка вопроса не есть простое непонимание, а уродование марксизма-ленинизма. Мы не намерены здесь дать систематическую критику этого рода ревизионизма. Наша задача более скромна. Она заключается в изложении закономерности общественного развития и критике ревизионизма, только в отношении данного вопроса.

II.

Познание действительности возможно лишь тогда, когда мы вскрываем внутренние закономерности этой действительности, когда мы осмысливаем действительные формы ее существования. Познать какое-нибудь биологическое существо — значит вскрыть законы его развития и движения. Ведь задача науки заключается именно в том, «чтобы видимое, выступающее на поверхность движение, свести к действительному внутреннему движению» (Маркс). Создать какую-нибудь науку о физическом мире — прежде всего означает установить определенные, необходимые, закономерные внутренние связи между отдельными физическими явлениями. Это общеизвестный и даже со стороны буржуазных естественников не споримый факт. Но буржуазные мыслители протестуют против применения этого принципа в общественных науках. Даже больше, они всячески пытаются доказать, что смешно говорить об исторических закономерностях, так как в обществе нет никакого исторического закона (Э. Мейер).

Мы знаем, что общество — это часть природы. Природа является средой для общества. Элементы общества представляют собой в основном не что иное, как силы природы, втянутые в процесс общественного производства. Человек, которого Маркс считает первой предпосылкой общества, одновременно является частью природы. Как таковой и как материальное существо вообще, он подчинен всем основным законам изменения материи. По крайней мере, до сих пор ни один разумный человек не попытался отрицать этот общеизвестный факт. Природа также изменяется определенным образом, в ней также действует определенная закономерность. Как будто и это в учении Маркса не спорится. Следовательно, как часть целого, общество тоже должно иметь определенные законы и изменяться определенным закономерным образом, потому что, как правильно указывает тов. Покровский, «нельзя себе представить вне законной части закономерного целого» («Правда», 1924 г., февраль). Однако существуют все же ученые, которые всячески пытаются отрицать закономерность общественного развития, указывая на склонность общественных явлений и, главное, на то, что исторические факты являются якобы единичными, не повторяющимися фактами и поэтому их обобщить, а следовательно, установить какой-нибудь закон, невозможно.

Еще в начале прошлого столетия французский социолог О. Конт высказал ту мысль, что существует «два класса естественных наук»: один класс, который занимается установлением законов, следовательно и закономерностей, и другой класс, — «науки конкретные, частные», которые занимаются исключительно «описанием» и «приложением» этих законов к истории различных существующих тел» (Курс «позитивной философии», т. I, стр. 30, 1900 г.). Конечно, Конт не говорит о том, что установление законов невоз-

можно именно в общественных науках. Как позитивиста Канта в данном случае интересует другой вопрос — показать, что так как «общее» и «индивидуальное» являются отдельными признаками вещей, то наука должна «репрезентировать в одной своей части одни признаки, в другой другие» (Покровский). Но в данном случае нас интересует не это, а то, что Кант, разграничивая описательные науки от наук, занимающихся установлением законов, тем самым расчистил уже дорогу для Виндельбанда, Риккетса и других. В дальнейшем эти отдельные положения, которые мы находим еще и у Канта, были более детально разработаны Риккеттом и другими.

Говоря о невозможности установления законов и закономерности в какой-нибудь области, нужно конкретно указать на человеческую историю, потому что там все имеет место лишь как единичные, несвязанные факты, — заявляют они.

Но прежде чем перейти к рассмотрению возможности установления закономерности общественного развития и характера этих закономерностей, необходимо выяснить, что такое закон и как можно установить его — вопрос, который не мало запутан и в нашей литературе.

«Закон, — говорит Монтескье, — в самом обширном значении слова, суть необходимые отношения, происходящие из натуры вещей, в сем смысле все существа имеют свои законы» (Дух законов, т. I, пер. Карнеева, 1839 г., стр. 1). Таким образом, по Монтескье, закон — это не субъективное понятие, выдуманное человеком, а вполне реальное отношение, вытекающее из натуры вещей. Закон имеет свои материальные основы, вытекающие из необходимости отношений вещей и основывается на материальных предпосылках. Эту обективную сторону, как мы увидим дальше, Монтескье особенно подчеркивает, что несомненно представляет положительное явление.

«Законы, — писал Кант, — существуют не в явлениях, а только в отношении к субъекту, которому принадлежат явления» (Критика чистого разума, 113). И эту мысль повторяет большинство буржуазных теоретиков. Не в явлениях нужно искать законы, не в обективных отношениях вещей, а в субъекте, в его отношениях к вещам. Против этой, чисто субъективной постановки вопроса, Монтескье выдвигает понимание закона как отношения реальных вещей. «Закон, — говорит Монтескье, — суть отношения между ее principio и разными существами, и отношения сих разных существ между собою» (там же, стр. 2). Обективно существующие вещи находятся в постоянном процессе изменения. Эти изменения происходят определенным образом и в определенном порядке. Порядок этот не есть сверх установленный принцип, а вполне обективный процесс, происходящий между вещами. Могут спросить, возможны ли какие-нибудь изменения без определения отношений между вещами и общественными явлениями. Конечно, нет, потому что относиться к чему-нибудь, само собой означает установить определенные связи, определенные законы и взаимоотношения между вещами. Следовательно, когда Монтескье говорит, что закон — это отношение, вытекающее из самих вещей, он, в противовес субъективистам в лице Канта, подчеркивает обективность закона и его достоверность человеческому познанию. Но можно ли это считать научным ответом на интересующий нас вопрос?

Аксельрод пишет, что «сущность закона сформулирована на мой взгляд вполне правильно одним из выдающихся политических мыслителей XVIII столетия, Монтескье», и дальше она приводит уже знакомые нам цитаты (Критика основы бурж. общества и ист. мат., стр. 7, 1925 г.). И это вполне понятно. В формулировке Монтескье отражена вся механическо-метафизическая концепция XVIII века. Аксельрод могла только целиком солидаризироваться с Монтескье, потому что в формулировке этого выдающегося политического мыслителя отражена и вся ее методология. И в самом деле,

закон «суть необходимые отношения, происходящие из натуры вещей», говорит Монтескье. Но ведь можно по-разному понять «натуру вещей», а следовательно различное содержание вложить в понятие тех отношений, которые происходят из этих вещей. Например, метафизические мыслители XVIII столетия, в том числе и Монтескье, думали, что природа дана от вечности как неизменная категория и, следовательно, все те отношения, которые вытекают из нее, также постоянны и являются вечными законами природы и общества. На мир они смотрели не как на единый диалектический процесс, а как на совокупность отдельных, отличных друг от друга неизменных вещей. Ничего не изменяется, ничего не течет, поэтому все законы суть сверхестественные отношения. От такого понимания вопроса скатиться к религиозному фанатизму довольно легко, путь к этому короток. Кант, не менее знаменитый мыслитель того же столетия, сделал именно такое заключение. «Историю, — пишет он, — в целом можно рассматривать, как выполнение тайного плана природы» («Родоначальники позитивизма», кн. I, стр. 11, 1910 г.). Аксельрод не могла этого понять, потому что она сама стоит по существу на позициях Монтескье. Марксист-ленинец на мир смотрит не как на совокупность несвязанных, единичных фактов, а как на единый диалектический процесс — поэтому все законы для него суть исторически-изменяющиеся законы. Вещи находятся в постоянном движении, поэтому все отношения вещей также преходящи, конкретны и историчны. Как mechanist Монтескье не мог этого понять. Для него достаточно было подчеркнуть обективность законов. Выступая против феодализма, буржуазии необходимо было доказать законность своих требований. Надо было теоретически обосновать, что новые складывающиеся общественные отношения являются вполне естественными и закономерными. Вот почему Монтескье не мог рассматривать вещи в процессе изменения и познать законы как исторически развивающиеся категории. Только у мыслителей пролетариата возникла потребность в таком научно-историческом подходе к вопросам. Маркс и Энгельс первыми стали применять этот единственный научный метод не только при изучении общественных, но и естественных явлений и поставили его на должную высоту. Марксизм смотрит на законы не только как на обективные, но и как на исторические категории. Законы изменяются всегда с изменением того, законами чего они являются. Каждая конкретная форма материи имеет свои особые законы существования. Поэтому нельзя законы одного исторического явления механически перенести на другие явления. Если закон есть присущее явлению движение, если он отражает в себе тенденции развития явления или есть его тенденция, то вообще его перенести нельзя, и каждое явление должно иметь свои законы. А так как все явления изменчивы, преходящи, то, следовательно, все законы историчны. Энгельс по этому поводу писал: «вечные законы природы превращаются все более и более в исторические законы. Что вода от 0 до 100°C жидкa, это — вечный закон природы, но, чтобы он мог иметь силу, должны быть: 1) вода, 2) данная температура, 3) нормальное давление». Но не всегда и не везде эти условия были налицо. Из истории земли мы знаем, что было время, когда их не существовало, когда наша земля еще не образовалась и потому нынешние законы воды не могли действовать тогда. И сейчас также этот закон действует не везде. «На луне, — продолжает Энгельс, — нет вовсе воды, на солнце имеются только элементы ее, и к этим небесным телам наш закон неприменим». «Каждая ступень» развития имеет «другие законы», говорит Энгельс (Архив, т. II, стр. 85).

Но пойдем дальше. Определяя закон, как отношение, существующее между вещами, Монтескье теоретически обосновывает свою механистическую позицию. Выдвинув теорию географической среды, он между явлениями видит

лишь внешние отношения, отношения, которые не вытекают из внутренних движений вещей, а как бы механически увязаны с отдельными самостоятельными вещами. Для Монтескье природа и общество существовали как отдельные сущности и основной закон развития общества заключался в том, что природа постоянно влияла на общество, т.е. между ними установилась непрерывная связь отношений. Климат определяет характер людей, характер государств и вообще характер общества, потому что Монтескье отрицает свойственный обществу какой-либо специфический закон, как внутреннюю основу его существования, как движущую силу общественного развития. Понимая закон как внешнее отношение вещей, понятно, что Монтескье определяющим законом общества должен был считать влияние природы на общество, т.е. отношение между обществом и природой. По сути дела такое же непонимание вопроса проявляет и тов. Бухарин, когда пишет, что «отношение между системой и средой есть решающая величина, ибо все положения системы, основные формы ее движения (упадок, развитие и застой определяются именно этим отношением». В данном случае Бухарин, так же как Аксельрод и Монтескье, не понимает, что общество как особая сущность имеет свои законы, которые являются определяющими для него, что каждое явление подчинено не только внешней среде, но одновременно и тем законам, которые свойственны ему и вытекают из его внутреннего движения. Определяющим для данного явления — общества являются те внутренние законы, которые ему присущи. Этого нельзя понять, стоя на механистических позициях. Идя по стопам Монтескье, Аксельрод и Бухарин как механисты ищут общие законы общества, законы, присущие всем временам и периодам общественного развития. Такой закон является отношением между обществом и природой. Поскольку существует общество, оно находится в непрерывном отношении с природой. Так как отношение это постоянно, то законы, основанные на нем или вытекающие из него, принимают абстрактный характер и не имеют конкретистического значения. Кроме того, отношение между обществом и природой — это лишь частный момент общественного развития, который не включает в себя все то многообразие и богатство общественных явлений, которое является основным для общественного развития. Универсализация этого частного момента неизбежно приводит к абстрактному, неисторическому взгляду на общество. Бухарин именно так и делает: причиной упадка, застоя и развития общества он считает влияние природы на общество. Исходя из этого основного положения, он делает уже дальнейшие выводы. Поскольку определяющим законом развития общества является влияние природы, то, следовательно, главная задача заключается в установлении равновесия между обществом и природой, равновесия, которое обеспечивало бы дальнейшее развитие общества.

При установлении общественных законов мы должны исходить из того, что: 1) общество является лишь частью природы. Как часть оно не есть целое и не равняется ей. Законы движения и изменения целого свойственны части, но законы последней, в данном случае общества, не обязательны для природы. Например, законы развития производительных сил, как основной движущей силы общества не действуют в природе. 2) Общество есть продукт взаимодействия людей, говорит Маркс. Человек как первая основа общества производит средства производства и от других животных отличается тем, что устанавливает известные отношения, во-первых, между самими людьми, во-вторых — между людьми и природой. Последний род отношений есть то, что мы называем трудом. Маркс говорит, что труд есть прежде всего процесс, совершающийся между человеком и природой, процес-

в котором человек своей собственной деятельностью обуславливает, регулирует и контролирует обмен веществ между собой и природой (Капитал, т. I, стр. 148). Труд есть то, что соединяет людей, устанавливает между ними известную связь отношений, и потому труд есть основной р е м е нь общества. 3) Хотя труд является основным ремнем общества, но он не может быть исходным пунктом для социологического анализа, ибо труд как затрата известной человеческой энергии свойственен всем формациям. Маркс говорит, что поскольку труд есть процесс, совершающийся между человеком и природой и свойственный всем формам общественного развития (там же, стр. 442), то основой социологического анализа являются отношения первого рода, т.е. отношения, происходящие между людьми, иначе говоря, производственные отношения. Но эти отношения всегда выступают как социальные формы производительных сил, поэтому мы не можем отделить их от последних. Диалектическое единство производительных сил и производственных отношений является единственным исходным пунктом для научного понимания общественного развития. 4) Если основой социологического анализа являются производственные отношения, то решающим в классовом обществе являются классовые отношения. Буржуазные мыслители этого никогда не понимали и затушевывали, и потому движущую силу общества они искали или в сознании людей или в отношениях между природой и обществом. Люди, имеющие себя марксистами, как Аксельрод, Бухарин и др., вместо того, чтобы исходить из вышеуказанных марксистских положений и изучения внутренней связи явлений, основные законы общества ищут во внешних отношениях, в отношениях между обществом и природой.

Считая, что определение закона Монтескье «вполне правильно», Аксельрод не понимает и другого основного вопроса. Ведь отношение проявляется и тогда, когда мы для сравнения отдельных вещей противопоставляем их друг другу, описываем их отдельные черты и поверхность различаем одну вещь от другой. Например, я могу Аксельрод противопоставить моей бабушке и описать отличающие их черты. Но является ли это вскрытием законов явлений? Конечно, нет. Каждое описание дает некоторое представление о предмете, но оно не вскрывает существенного в явлении, на что указывал еще Гегель, не говоря уже о том, что внутренние основы существования явлений остаются при этом для нас неизвестными. Риккерт тоже считает, что общественные науки должны заниматься чистым описанием. Но он более «причины-апелен». Исходя из такой же постановки вопроса, он заключает, что в общественных науках устанавливать законы невозможно. Аксельрод, конечно, не так глупа и отлично понимает, какие выводы можно сделать из определения закона Монтескье. Если же, несмотря на это, она приводит его как «вполне правильное определение», то именно для того, чтобы на основе такого механистически-метафизического определения закона прийти к отрицанию общественной закономерности в понимании Маркса, Энгельса и Ленина.

Итак, определение закона Монтескье не удовлетворяет нас. Хотя по сравнению с кантовским пониманием закона оно значительно выше, но и оно также метафизически-механистично. Поэтому, как уже указано, оно не отграничено от идеализма и всякого рода поповщины. В этом отношении, в отношении правильного понимания вопроса, гораздо дальшешел Гегель. В «Науке логики» он писал, что «существование возвращается в закон, как в свое основание; явление содержит в себе то и другое, простое основание и разлагающее движение являющейся вселенной, существенность которого он составляет». Закон есть таким образом «существенное явление» (цитируем по Ленину). В противовес метафизическому пониманию закона как отношения, Гегель выдвигает новую постановку вопроса: он

закон определяет как «существенное явление». Каждое явление имеет существенное, то, что является основным для него. Каждое явление имеет много свойств и находится в различных отношениях с другими явлениями, но не каждое из них является существенным для данного явления. Например, в обществе действуют различные факторы, на него влияет природа, но существенной движущей силой общества является развитие производительных сил. Если это так, то, значит, «закон есть отражение существенного в движении универсума», замечает Ленин (149). Движение универсума многообразно и многогранно, а закон — лишь существенное в этом многообразии. Причины гибели капиталистических отношений могут быть многочисленны, как у нас (см. ст. тов. Сталина об Октябре), но одна из них является ведущей, основной. В данном случае — это противоречие между производительными силами и производственными отношениями, что подчеркивает тов. Сталин. «Поэтому явление есть относительно законов полнота, ибо оно содержит в себе закон и еще более, именно, момент само-движущейся формы», говорит Гегель. «Явление богаче закона» (149), говорит Ленин. «Закон есть прочное (остающееся) в явлении» (147), т.е. он имеет некоторую относительную устойчивость. Закон не изменяется каждое мгновение. Поскольку существует данное явление, его закон должен быть одним и тем же. Не может быть, чтобы при господстве капиталистических отношений закон ценности, как основной регулятор буржуазной хозяйственной жизни, уступил бы свое место социалистическому планированию. Именно так обманывают рабочих все социал-реформисты, и из этих источников питается теория «организованного капитализма» тов. Бухарина. В самом деле, если при капитализме возможно организованное хозяйство без уничтожения буржуазных отношений, без установления пролетарской диктатуры, возможен пятилетний план и вообще социалистическое планирование, то теоретически это значит, что закон одного явления можно механически перенести на другое, что нет законов, которые свойственны только данному явлению, а не любому и в любое время. По Ленину, закон явления всегда имеет некоторую относительную устойчивость. Но эта устойчивость не есть отрицание самодвижения, как хочет прописать Гегель Карев. Нет. В этой устойчивости одновременно отражаются многообразность и самодвижение явлений. Например, закон стоимости, как клеточка, которая в себе заключает все многообразие капиталистических общественных отношений, есть отражение не только покойного состояния явлений, но и их постоянного движения, потому что сама стоимость есть стоимость только в движении, в процессе капиталистического воспроизведения, и когда Гегель пишет, что «царьство законов есть по ко ѹ и съ (разрядка Гегеля) образ осуществляющегося или являющегося мира», то он вовсе не отрицает самодвижения явлений. Нет. Этим он лишь указывает на различия между явлением и законом, на то, что эти два понятия не тождественны, а второе как присущее первому одновременно отлично от него. Именно такставил вопрос Гегель. Приводя вышеуказанное место из Гегеля, Ленин пишет: «это замечательно материалистическое и замечательно меткое (слово «спокойное») определение. Закон берет спокойное, и потому закон, всякий закон узок, не полон, приближителен» (147). И поэтому, когда тов. Карев такое понимание закона считает «не полной истиной» или «статистическим» (см. его статью «Истмат как наука»), то этим он извращает не только Гегеля, но и Ленина, потому что, как мы видим, Ленин такую постановку вопроса считает «замечательно материалистической» постановкой.

Итак, закон есть то, что присуще явлению, он есть существенное явление. Закон отражает в себе сущность явлений, и поэтому Ленин пишет, что «закон и сущность — понятия однородные (однопорядковые), или вер-

нее, одностепенные, выражающие углубление познания человеком явлений мира etc.» (147). Вскрыть закон данного явления — значит познать его сущность, потому что последняя, как характерное для данного явления, существенна именно для него, а не для других. Каждое явление имеет свою сущность. Познать эту сущность — одновременно значит вскрыть ее законы, потому что без выявления законов существования явлений сущности познать нельзя. Познать сущность капиталистических отношений — означает вскрыть основные движущие законы этого общества, и наоборот. Поэтому Ленин говорит, что «закон и сущность однородны». Именно однородны, а не тождественны, потому что закон есть лишь существенное в сущности. Дальше, закон есть конкретно исторический закон. Эта конкретность проявляется не только в том, что каждое явление имеет свой закон, но и в том, что каждая ступень в развитии явления создает свои новые законы. Например, общество как особое явление имеет свои законы. Эта особенность проявляется в его «качественной отличности от природы, и на основании этого законы общества не только историчны, как законы природы, но и являются своеобразно историческими законами. Этюю своеобразностью является социальное содержание этих законов, которого не понял не только Монтескье, но и остальные буржуазные мыслители. А та часть буржуазных социологов, которая так или иначе пытается понять общество, как отличное от природы особое качество, фактически превратила его в чистый дух, или целиком логизировала, отрицая всякое об'ективное существование общества. Но об этом более подробно ниже. Пока же отметим, что интересующий нас общественный закон не есть какая-то абстрактная и вечная категория. Он не есть принцип разума субъекта и не вытекает из психических переживаний человека.

Но как установить эти общественные законы? В естественных науках вопрос как будто более ясен. Мы говорим это потому, что максим делает неустойчивым «прочное» положение буржуазных естествоиспытателей и в этих вопросах. В общественных же вопросах буржуаза, никогда по вышеуказанным причинам не подходившие к их научному разрешению, более ярко начинают проявлять свое неумение понять природу общественных законов.

Если социолог древнего мира — Аристотель, который историю человечества сводил к истории государств, установление законов представлял частью как акт естественный, а частью — как дело человеческих рук, включая в последнее чисто юридическое понятие («Политика», стр. 449), если средневековые христианские мыслители все представляли как творение бога, то буржуазные социологи наших времен мистифицируют историю «путем отрицания всяких закономерностей». Выдающийся представитель этого направления Риккерт, свою теорию отрицания общественных закономерностей мотивирует так: существующая историография, — говорит он, — которая до сих пор пытается, путем установления определенных законов общественного развития, дать историю человечества, неправлялась со своими задачами. Она не дала нам такую историю, которая выяснила бы «дух времени». Тут Риккерт и прав и не прав. Он прав, поскольку буржуазные историки действительно не дали нам «духа времени» и вся написанная ими история есть история знаменитых людей или в лучшем случае история государств. Он не прав потому, что эти историки не вскрыли действительных законов общества и их метод изучения истории всегда, в конечном счете, был в основном субъективным, т.е. именно таким, какой предлагает и сам Риккерт. Ясно, что Риккерт критикует этих историков, конечно, не за их субъективизм, не за то, что они, на словах считая возможным установление общественных законов, но сводя их к сознанию человека, фактически отрицали об'ективную закономерность и стояли на чисто субъективных позициях, а за то, что они «половинчаты», «непоследовательны», фактически отрицают признаваемые

на словах законы. Риккерт требует, чтобы они без всяких словесных деклараций о законах прямо начали с субъективной «оценки», с «описания» общественных явлений и т. д. Он считает это единственным правильным потому, что история должна дать нам возможность познать «дух времени». А для того, «чтобы понять дух времени, история должна прежде всего исследовать индивидуальность «руководящих умов» и показать, как чисто индивидуальное мало-помалу переходит в «массы» (Границы ест.-научн. обр. понят., пер. А. Водена, 1903 г., стр. 422). Продолжая теоретическое обоснование своего чисто субъективного, описательного метода, он пишет: «понятие наше об истории должно быть настолько обширным... чтобы оно обнимало собой и «новейшие тенденции», «именно поэтому, по существу дела, невозможно, чтобы мы пришли к установлению логических норм, неприменимых к такой истории, как ее писал Ранке или другие представители «прежнего направления» (там же, стр. 287). Как ни странно, но факт остается фактом: приводимое место является одним из основных аргументов Риккерта для доказательства невозможности установления общественных законов. Но мы можем спросить, — разве наше понятие о естественных явлениях не «должно быть обширно»? Разве человек не стремится к познанию различных форм движения природы, законов ее изменения, чтобы более целесообразно организовать свое воздействие на природу, чтобы подчинить себе «стихийные силы природы», как говорит Маркс. Почему же тогда в естественных науках установление законов возможно, — что Риккерт не отрицает (хотя законы его и здесь субъективны), а в общественных науках — нет? Да потому, — отвечает Риккерт, — что «всегда и всюду историк стремится понять исторический предмет... как единое целе в его единственности (Einzmaligkeit) и никогда не повторяющейся индивидуальности и изобразить его таким, каким никакая другая действительность не может заменить его» («Философия истории», пер. С. Гессена, 1908 г., стр. 27 — 28). Странная аргументация — историк так хочет, поэтому так должно быть. Но это не новость для буржуазных мыслителей; для них важно, чтобы не логика вещей доказала их правоту, а чисто субъективная формальная логика. Но мы с полным правом можем спросить, почему же естествоиспытателю воспрещено иметь такое «стремление»? Потому, — отвечает Риккерт, — что в истории развитие ведь всегда означает возникновение чего-то нового, до сих пор еще ни где не бывалого. А разве развитие природных явлений, развитие органического мира не есть возникновение новых форм движения, которых «до сих пор не было»? Разве Дарвин с многочисленными фактами в руках не доказал, что различные животные организации являются продуктом исторического развития органического мира, что когда-то их не существовало? Почему и при изучении природных явлений нам не заниматься простым описанием отдельных, единичных фактов? Но наш мыслитель продолжает: «так как в понятии закона входит лишь только то, что всегда можно рассматривать, таким образом, как будто бы оно повторялось любое число раз, то поэтому понятие исторического развития и понятие закона взаимно исключают друг друга» (там же, стр. 36). Получается, если в естественных науках установление законов возможно, то лишь потому, что там нет исторического развития, а вот в обществе, где существует развитие — законов нет. Но такая постановка вопроса свидетельствует лишь о тупоголовости Риккерта, потому что, начиная с Дарвина, большинство из виднейших естествоиспытателей не отрицают, что в природе существует развитие. Кроме того, само развитие не отрицает, а необходимым образом предполагает свои законы, потому что закон, как мы знаем, «есть существенное в движении универсума». Например, развитие капиталистического общества немыслимо без тех законов, которые

заложены в основе его развития. И если, несмотря на это, Риккерт продолжает повторять те же мысли, то его главная задача заключается в доказательстве неповторяемости общественных явлений; а так как законы можно установить при наличии известного числа повторных фактов, говорит Риккерт, то, следовательно, в обществе законы установить невозможно. Но действительно ли это так? Конечно, нет. Все теоретическое оружие Риккерта направлено не против закона общества, понимаемого чисто субъективно, а против марксизма, против мировоззрения революционного пролетариата, который день за днем делает новые достижения не только в общественных, но и в естественных науках, что является угрожающим для буржуазии. И Риккерт откровенно об этом заявляет. В предисловии цитированной уже нами книги Риккерт жалуется, что марксисты его «прозвали философом буржуазии» потому что он оспаривал так называемое материалистическое понимание истории Маркса и Энгельса, якобы исходя из «чисто-логических соображений».

Исходя из этих соображений он «одной из задач своей «философии» считает «борьбу с историцизмом, как мировоззрением» (Фил. ист., стр. 13), в данном случае с марксизмом, потому что только марксизм является последовательным проводником историзма не только в общественных, но и в естественных науках.

Однако вернемся к первому вопросу — действительно ли в обществе явления не повторяются и как понять вообще повторяемость? Возражая Риккерту, Аксельрод в уже известной нам работе доказывает, что исторические явления тоже повторяются, что Риккерт не прав. Конечно, Риккерт не прав, но весь вопрос заключается в том, — как понять повторяемость. Аксельрод обясняет: вот, например, феодализм как особая экономическая формация повторялся почти что во всех странах, буржуазная революция имела место в XVII веке в Англии, и в XVIII веке во Франции, и в XIX веке в Германии, и, наконец, в XX веке в России, Китае и других странах. Материализм как мировоззрение, начиная с Демокрита до наших времен, повторялся несколько раз и т. д. Верно это? Конечно, верно. Но для доказательства общественных законов это ничего не говорит ни уму, ни сердцу. И в самом деле, при таком понимании повторяемости установить какой-нибудь общественный закон невозможно. Ленин установил закон империализма, однако эта форма капитализма никогда еще ранее не существовала в истории человечества, хотя Чернышев уверяет нас, что в Древней Греции империализм существовал и софисты были его идеологами («Софисты», стр. 87). Неужели Аксельрод возьмет на себя смелость доказать, что колхозное движение как социалистический тип организации труда где бы то ни было повторялось. Скорее всего она согласится с социал-фашистами, с Каутским и другими, считая это лишь случайным, незаконным явлением, потому что ее теоретическая позиция не позволяет ей вскрыть законы колхозного движения или считать его одним из основных форм в социалистической переделке нашей деревни. Но от этого дело не меняется, колхозное движение существует, и без знания его законов, без вскрытия основного в нем мы не могли бы его сделать массовым движением и охватить им многомиллионные массы крестьянства: Итак, мы можем без конца перечислять примеры, доказывающие, что аксельродовское понимание повторяемости не только не помогает, но на деле отрицает всякую возможность установить какой-нибудь общественный закон. Как механистка Аксельрод отрывает частный момент от общего и настолько обобщает и универсализирует его, что вместо конкретно-исторического подхода к явлениям устанавливается абстрактно-созерцательный взгляд на мир. И в самом деле: если все формы повторяемости свести лишь к количественному, к тому, что явления в истории повторяются несколько

раз, то этим, в лучшем случае, мы можем установить лишь общие, абстрактные законы, законы пригодные для всех времен, а не конкретно-исторические законы общественного развития. Собственно говоря, односторонность и поспешное обобщение частных явлений является органическим недостатком не только механистов, но и меньшевистующих идеалистов. Именно такой подход к вопросам привел последних к модернизации Гегеля, к отрыву диалектики Гегеля от его философских взглядов, общего мировоззрения и т. д. Марксистам чужд такой подход к явлениям. Явление они рассматривают и оценивают лишь в процессе, конкретно и всесторонне. В данном случае количественное повторение или повторение в аксельродовском смысле есть лишь частный момент, одна из форм остальных видов повторения. Но это еще не все. Этот вид повторения не является основным для установления общественных законов.

Ленин говорил, что повторяемость является общенаучным критерием и заслуга Маркса и Энгельса заключалась и в том, что они доказали применимость повторяемости и при изучении общественных явлений («Что такое друзья народа», 1923 г., стр. 12). Повторяемость в постановке Аксельрод как раз исключает всякую возможность применить этот общенаучный критерий к общественным явлениям. И поэтому не случайно, что, возражая против Риккера, Аксельрод сама стоит на его точке зрения в понимании повторяемости. Как мы видели, именно Риккерт повторение понимает как «повторение любое число раз», т.-е. чисто механистическое количественное повторение. Но Риккерт, как и Аксельрод, не понимает повторяемости как внутреннего состояния явления. Они не понимают, что явления повторяются не только количественно, т.-е. появляются в истории несколько раз, но что, главное, они повторяются в каждое мгновение своего существования, что существование самого явления есть одновременно и его повторение, ибо без повторения явление не может существовать. Но было бы бессмыслицей существование явления свести к повторяемости, ибо существовать — означает находиться в постоянном диалектическом движении, а повторение — это лишь одна из тех многочисленных форм, в которых проявляется существование явлений. Именно так понимал и оценил роль и значение повторяемости Маркс, когда доказал, что капитал как известное общественное отношение существует постоянно постольку, поскольку он воспроизводится, т.-е. непрерывно повторяется. Прекратите превращение прибавочной стоимости в капитал, — и капитал сейчас же как общественная категория перестанет существовать. «Для того, чтобы накоплять, необходимо часть прибавочного продукта превращать в капитал». Для этого же необходимо иметь прибавочный продукт, превращаемый потом в капитал. Прибавочный продукт производит рабочий, следовательно, необходимо все время «воспроизводить и рабочий класс как класс», чтобы иметь возможность производить прибавочную стоимость и превращать их в капитал (Капитал, т. I, 1923 г., стр. 565). Таким образом для сохранения и расширения капиталистических общественных отношений происходит непрерывное повторение явлений. Одна форма существования материи переходит в другую, эта последняя повторяется непрерывно, чтобы воспроизводиться на различных основах, чтобы не только обеспечить свое бытие, но и в более развернутом виде проявить себя. «Накопление капитала, — говорит Маркс, — рассматриваемое конкретно, сходит к воспроизведению его в расширяющемся масштабе. Круговорот простого воспроизведения изменяется и превращается, по выражению Сисмонди, в спираль» (там же, стр. 566). И это спиральное движение есть одна из основных форм развития общества. Что же такое спиральное движение в пределах одного общества, если не повторение по форме одного и того же?

ления, но на совершенно новых основах? Как мы видели, Маркс говорит, что «накопление капитала» мы имели лишь тогда, когда «круговорот простого воспроизведения изменяется и превращается... в спираль», т.-е. когда мы имеем расширенное воспроизведение, когда те же капиталистические отношения повторяются на новых, расширенных основах. Таким образом это спиральное движение капиталистического общества есть повторение, воспроизведение капиталистических отношений все время на новых, расширенных основах. Но это спиральное движение имеет известный предел. Когда воспроизведение одних и тех же отношений становится невозможным, когда противоречия между производительными силами и производственными отношениями усиливаются, нарастает социальная революция как отрицание прежних общественных отношений.

«Во времена Фурье во всяком случае невозможно было еще видеть, что этот (закодированный круг капиталистического производства) круг постоянно суживается, что движение производства идет по спирали и, подобно движению планет, должно закончиться столкновением с центром», — говорит Энгельс (Анти-Дюоринг, 1928 г., стр. 258). Но прекращается ли здесь спиральное движение? Конечно, нет. Новая экономическая формация, как совершенно новое содержание, не отрывается от всего предшествующего, а устанавливает с ним некоторую связь. Социализм, как качественно новое содержание, одновременно имеет некоторую связь с предшествующими формациями. Ведь социализм не упал с неба, он есть результат развития производительных сил в прежних формациях, и тем самым он связан с ними. Ведь недаром Маркс в своем письме к Анненкову говорит, что в «человеческой истории» существует «связь», и эту связь он видит в том, что «каждое последующее поколение находит производительные силы, добытые прежними поколениями, и эти производительные силы служат ему сырьем материалом для нового производства...» (Письма, стр. 7). Троцкист Ваганян в своей книге «О пролетарской культуре», говорит, что «вся наша культура представляет собой существо, подытоживание классовой борьбы, результат борьбы рабочего класса с буржуазией за уничтожение классов» (стр. 11) и только. Ваганян отрицает какую-либо связь с человеческой историей, круги, спирали; он не знает, что человеческая история не является каким-то прямолинейным процессом. Благодаря тому, что одно положение исходит из другого, одно явление есть следствие изменения другого, при чем это изменение всегда является зигзагообразной кривой — образуются различные круги, спирали. Гегель в своих лекциях по истории философии сравнивает этот процесс с кругом. «У этого круга по краям огромное количество «кругов», говорит Гегель, а Ленин на это замечает: «очень глубокое, верное сравнение!! Каждый оттенок мысли — круг на великом круге (спирале) развития человеческой мысли» (Лен. об. XII, стр. 171). Троцкист Ваганян открывает пролетарскую культуру от всей человеческой культуры, между предшествующей и новой культурой он видит абсолютный разрыв, наконец, пролетарскую культуру он противопоставляет предшествующим, как их полное и абсолютное отрицание. Несомненно, этим он «отрывает кусочек от кривой линии», в данном случае — пролетарскую культуру от всего того, что было достигнуто человеком в течение тысячелетий и этот «кусочек» он «превращает в самостоятельную прямую линию», которая «ведет в болото, в поповщину» (Ленин).

Итак, цепь данных форм повторения никогда не прекращается, поскольку существует данное явление. Прекратить повторение или, выражаясь языком политической экономии, воспроизведение капитала, значит прекратить существование капитала вообще. Когда Маркс установил законы капиталистического общества, он исходил из его наличного существования, в ко-

тором проявлялось и его повторение. Как известно, народники обвиняли марксистов в том, что, исходя из теории повторяемости, они якобы утверждают о неизбежности развития капитализма в России, так как он существовал на Западе. Ленин доказывал им, что никогда никто из марксистов такого вздора не говорил, ибо «никогда они не видели в теории Маркса какой-нибудь общеобязательной философско-исторической схемы, чего-нибудь больше, чем объяснение такой-то общественно-экономической формации» («Что такое друзья народа», стр. 64). Неизбежность развития капитализма в России марксисты установили, исходя именно из тех капиталистических отношений, которые уже существовали в России и все время повторялись и развивались дальше.

Таким образом, повторяемость есть внутреннее состояние, форма, в которой проявляется существование явлений. Поскольку явление существует, оно непрерывно повторяется, воспроизводит свое существование и т. д. Только такое понимание повторяемости делает возможным научное познание явлений, при чем не только общественных, но и естественных явлений. Если исходить из того понимания повторяемости, которое предлагает Аксельрод, как же быть тогда с геологическими явлениями, существовавшими лишь раз? Необходимо признать, что или Аксельрод, вместе с Риккертом, не прав, и повторяемость нужно понимать так, как мы выше излагали, или что не прав Ленин, когда считает повторяемость общеученым критерием. Но мы доказали, что прав Ленин, и повторяемость является общеученым критерием не только для естественных, но и для общественных наук.

Выступая против марксизма, Бернштейн в свое время писал, что «изом обозначается миросозерцание, тенденция, система мыслей или требований, а вовсе не наука. Основа всякой истинной науки есть опыт, она строит свое здание на накопленном знании. Социализм же есть учение о будущем общественном порядке, именно потому его наиболее характерная черта не может быть установлена научно».

Бернштейн говорит совсем языком Риккера. Ведь и Риккерт всячески старается доказать, что общественные науки, собственно говоря, не науки, так как они не основаны на законах. Следовательно, исторический материализм, как наука об обществе, не является наукой. Как мы видели, Риккерт прямо об этом заявляет. Задачей своей философии он считает борьбу против исторического материализма и марксизма вообще. Разница между ними и Бернштейном только в приемах для доказательства одной и той же мысли.

Одрица повторяемость в общественных явлениях, Риккерт тем самым пытался отрицать всякую историческую закономерность, следовательно и научный социализм, который основан на «научном предвидении общественных явлений». Научное же предвидение возможно лишь в том случае, если мы «на основе опыта» строим известное обобщение, «устанавливаем известный закон, который делает возможным научно предвидеть ход развития истории» (Плеханов, т. XI, стр. 67). А Бернштейн стремится доказать невозможность такого обобщения и тем самым подтвердить тезис Риккера.

Непонимание природы общественных явлений, отрицание их повторяемости, полное непонимание того, что такое повторяемость, приводят всех этих мыслителей к общему результату, к отрицанию конкретности, к полному уходу от действительности, к субъективному идеализму.

Действительно, понять повторяемость как непрерывное существование явлений и, исходя из этого, установить законы явлений, — означает вскрыть конкретную сущность их, выявить исторические формы их существования, познать явления в конкретном процессе их развития. При таком изучении мы не сваливаем в одну кучу различные явления и не абстрагируемся от их

конкретной сущности. Мы берем каждое явление и вскрываем те законы, которые ему присущи. Маркс говорит, что «каждый исторический период имеет свои законы». Но эти законы нельзя установить, если не принять теоретическое положение, согласно которому повторение есть одновременно и существование явлений. Если бы мы стояли на теоретических позициях Аксельрод, Риккера и других, мы не могли бы говорить о конкретных законах каждой формации. Даже больше: мы не могли бы говорить о каких-нибудь законах данной формации, так как для установления их необходимо было бы ждать того, чтобы данная формация повторилась еще раз, не в отдельных странах, а вообще. Но мы знаем, что до сих пор такого случая еще не было. Следовательно, лучшее, что нам оставалось бы делать, это рассуждать об общих законах общества вообще. Так и поступает Аксельрод, а за него и тов. Бухарин.

«Возможно ли найти и установить такие (как в природе. — Г.) общие и общезначимые законы в исторической области», спрашивает Аксельрод и отвечает на это утвердительно. Сложны (на что жалуется Риккерт) не только общественные, но и естественные явления, повторяются не только природные, но и общественные явления, объективный подход возможен не только в естественных, но и в общественных науках и, наконец, не только природа, но и «история также полна экспериментов и в известном смысле она представляет собою лабораторию, в которой производится опыт» (Критика и т. д., стр. 7—15), поэтому и в обществе возможно установить «общезначимые» законы. По сути дела по ее столам идет тов. Бухарин. Задача марксистской социологии заключается в том, чтобы «выяснить общие законы человеческого развития», «установить общие положения» (Ист. мат., 1925 г., стр. 12). В то время как Ленин пишет: «гигантский шаг вперед, сделанный в этом отношении Марксом, в том и состоял, что он бросил все эти рассуждения об обществе и прогрессе вообще и зато дал «научный» анализ «одного общества и одного «прогресса» — капиталистического» («Друзья народа», стр. 17), Бухарин рассуждает об «общих законах» и «положениях».

Из сказанного вытекает, что для установления какого-нибудь закона необходимо известное обобщение, систематизация повторяющихся явлений, известная абстракция. А так как абстракция, по ученному мнению Деборина, есть «лишь формальное тождество» или «общий признак», следовательно и общественные законы должны быть обще-абстрактными законами, законами, которые не имеют конкретного применения и значения вообще. Даже больше: только исходя из таких абстрактных законов мы можем познать общество. Ученник Деборина Тымянский так и пишет: «Прежде чем решить вопрос об определенном конкретном общественном явлении, мы должны, отвлекаясь от конкретности отдельных явлений, рассмотреть закономерность общества вообще, общество, взятое в абстракции» («Проблемы марксизма», 1930 г., № 2). А что такое общество вообще или абстрактное общество? Кто для познания конкретного отвлекается «от конкретности отдельных явлений»? Наконец, кто, вместо изучения определенного общества или отдельных экономических формаций, рассуждает об обществе вообще, об абстрактно-всесообщих законах общества? Всезнавший Тымянский должен был бы знать, что так рассуждали Спенсер, Конт, неоконтианцы, русские субъективисты и вообще патентованные буржуазные социологи. Ленин в свое время смеялся над Михайловским за то, что он, следя Спенсеру и его ученикам, вместо конкретного изучения «какой-нибудь общественной формации и конкретных общественных отношений, рассуждал о прогрессе вообще, о том, что такое общество вообще. И когда меньшевистствующий идеалист Тымянский пишет, что «логически познать общественные процессы, значит — познать их общие связи, а это прежде всего значит — познать закономерность абстрактного

общества и потом уже, исходя из него, притти к познанию «конкретных общественных формаций» (там же), он ничего нового не говорит, кроме повторения уже общеизвестной буржуазной ереси об абстрактном обществе и закономерности вообще. Но чем же об'яснять это бегство от действительности, от конкретного изучения ее, от такого «исследования», которое «освоилось с материалом, проанализировало различные формы его развития, проследило их внутреннюю связь (Маркса, послесловие к «Капиталу»). Мы думаем, что ответ довольно ясен. При загнивающем капитализме, при усилении противоречий в буржуазном обществе, при сильном нарастании пролетарской революции не только буржуазный мыслитель не способен об'ективно познать действительность, которая восстает против его собственного класса, но и мелкобуржуазный теоретик; реакционному мелкому буржуа ничего не остается делать, как абстрагироваться от проклятой действительности и заниматься самообманом. В таких случаях абстракция понимается как «ход от действительности. При помощи таких абстракций установленные законы становятся пустыми, не отражающими основного в явлениях. С такой постановкой вопроса Риккерт вполне согласен, но только он делает из этого соответствующие выводы для своей теории. Он говорит: при абстракции мы отвлекаемся от характерного и действительного и создаем для себя лишь «общие понятия», абстрактные законы, а так как задача общественных наук заключается в познании особенного, индивидуального, то, следовательно, там абстрагироваться нельзя» (Фил. ист., стр. 39). Оставляя в стороне то, что под «действительностью» Риккерт подразумевает чистое мышление, «общее, безыменное, безличное сознание», отметим, что здесь заключается и доля истины. Действительно, при таком абстрагировании, какое мы находим у буржуазных социологов, от конкретного мира ничего не остается и все превращается в чистую мысль. Фактически на этих позициях стоит и представитель меньшевистского идеализма Деборин, когда пишет, что «абстрактное понятие это «только тождество», это «отвлечённое, разделенное от особенного и единичного» и наконец, «это формальная всеобщность явлений, имеющих «лишь общий признак» (Естествознание и диалектика, 1929 г., стр. 116—17). Но дело в том, что марксистское понимание абстракции ничего общего не имеет ни с риккертовской постановкой вопроса, ни с деборинской трактовкой. Абстрагироваться от многообразности, по Марксу, означает найти то общее, что связывает все эти многообразные явления, что, хотя бы в зародыше, включает в себя все многообразие. Критикуя позицию об'ективистов в этом вопросе, Ленин писал, что они «до сих пор не могли опуститься до простейших и таких первоначальных отношений, как производственные, и потому вместо конкретного изучения определенного общества и экономической формации, рассуждали об обществе вообще. Для конкретного изучения общества необходимо, чтобы наша абстракция была абстракцией конкретного и включала в себе это конкретное. Даже больше. «Абстракция», говорит Маркс, должна быть «исторической абстракцией, которую можно произвести только на основании определенного экономического развития общества» (Письма, 1923 г., стр. 161). Такое понимание абстракции не только не «отвлечено», не «разделено от особенного и единичного», оно не только не есть «формальное тождество», как уверяет нас Деборин, а гораздо «глубже отражает природу, вернее, по линии», как говорит Ленин (Ленб. IX, стр. 183). Риккерт во всех отношениях не способен к такому пониманию абстракции, поэтому в его глазах абстракция является злейшим врагом для познания общественных явлений.

Отрицая возможность абстрагирования от социальных явлений, Риккерт считает, что в истории законы установить невозможно; задача истории заключается в том, чтобы «изобразить какой-нибудь единичный об'ект».

обладающий индивидуальным содержанием» (Фил. ист., стр. 28). Предположим, что это так; но ведь и для этого нужно иметь какой-нибудь принцип подхода к вопросам, какой-то отправной пункт. Сам Риккерт чувствует, что при всем желании ни один гениальный историк не может «изобразить» все факты. Нужно иметь общий принцип для подбора материалов. Потому он говорит, что «индивидуализирующий метод нуждается в общих понятиях как обходных путях для изображения и связывания об'ектов между собою» (там же, стр. 73). Без этих «общих понятий», без «какой-нибудь оценки» обойтись невозможно. «Лишь под углом зрения какой-нибудь ценности индивидуальное может стать существенным, и поэтому уничтожение всякой связи с ценностями означало бы также и уничтожение исторического интереса и самой истории» (там же, стр. 52). Но, спрашивается, откуда получается этот прогноз ценности? Оказывается, он изначально дан суб'екту как априорный принцип познания.

«Культурная ценность, — говорит Риккерт, — либо фактически пользуется всемобщим признанием, либо более чем чисто индивидуальное значение постулируется, по крайней мере культурным человеком». (Культурoved. и естествовед., стр. 13). Таким образом, история фактически логизируется. Ценность, говорит Риккерт, «образует совершенно самостоятельное царство, лежащее по ту сторону суб'екта-об'екта» (Логос, 1910 г., книга 1-я, стр. 31—32). Вся человеческая история изучается на основе этих логических категорий. Даже больше: так как об'екты, которые мы приводим в порядок, «связываются» этими категориями, являются не чем иным, как отображением этих логических категорий, то можно свободно сказать, что история делается собственно общим понятием. И другой представитель неокантинской школы, Г. Зиммель, откровенно заявляет, что «о культуре мы имеем право говорить лишь в том случае, когда воспринятое душою сверхличное содержание развертывает в ней, как бы втайне гармонии, лишь то, что уже раньше было заложено в ней как ее собственное влечение и как внутренняя предназначность для суб'ективного совершенствования». И дальше. Говорить о развитии истории, все равно, что говорить о «развитии явлений, уже заложенных в потенциальном ядре личности, как эскизах идеального плана» (Логос, 1911 г., кн. 2—3, стр. 3). Таким образом, начиная с отрицания возможности установить какой-нибудь общественный закон, Риккерт и его единомышленники фактически устанавливают суб'ективно-логическую «закономерность» общественного развития, вернее сказать, логизируют всю человеческую историю. Ленин говорит, что «суб'ективисты, признавая закономерность исторических явлений, не в состоянии, однако, были взглянуть на их эволюцию, как на естественно-исторический процесс, именно потому, что останавливались на общественных идеях и целях человека, не умея свести этих идей и целей к материальным общественным отношениям» (Друзья народа, стр. 12—13). До сих пор распространяется легенда о том, что якобы Риккерт отрицает всякую закономерность. Мы думаем, что этот вывод сделан лишь на основе внешней оболочки учения Риккерта.

Отрицая всякую об'ективную закономерность, он всячески старается установить новую суб'ективную закономерность. Ведь Ленин говорит, что суб'ективист не отрицает, а подменяет об'ективные закономерности субъективными закономерностями. Выступая против закономерности общественного развития, Риккерт одновременно говорит: «история должна предполагать, что каждый ее об'ект есть необходимое действие предшествовавших ему событий, и поэтому она должна искать причины связей» (Фил. ист., стр. 39). Но какой характер должны иметь эти «причинные связи»? Несомненно, они должны обладать лишь «эмпирической реальностью», так как причинная связь существует лишь в суб'екте и сам суб'ект поэтому предписывает

ее об'ективному миру. На этих позициях стоит и неомахист А. Богданов. Он пишет: «когда элементы опыта выступают для нас в об'ективной общезнаной закономерности, мы называем комплексы этих элементов «физическими телами», когда закономерность иная, не об'ективная, не общезнанная (именно ассоциативная), мы называем комплексы «психическими» (Эмпирионизм, 1904, т. I, стр. 92—93). Сравните эти мысли Богданова с известными уже нам мыслями Риккера. Риккер говорит о закономерностях, как об «общих понятиях», как о «ценностях», которые образуют совершенно самостоятельное царство» и т. д. Богданов не прибавляет к этому ничего нового, когда под об'ективной закономерностью понимает «общезнаное», под человеком, которого Маркс считал «первой предпосылкой истории», лишь восприятие, слагающееся из зрительных, тактильных, акустических и иных элементов», а под предметом, т. е. реальным миром — лишь «результат группировки и систематизации в спириту, сначала индивидуальной, затем колективной» (Эмпирионизм, т. II, 1906 г., стр. 20—21), и наконец, когда внутреннюю связь об'ективных явлений подменяет «функциональной зависимостью» этих психических «фактов» и вместо вскрытия об'ективных закономерностей ищет «параллелизм» явлений и т. д. (там же, стр. 16—17). Мы повторяем, принципиально здесь ничего нового нет, та же суб'ективная ересь, изложенная языком неомахиста. Подменить об'ективную причинно-зависимость суб'ективными восприятиями, действительно реальные связи — функциональной зависимостью, является признанным приемом всех буржуазных мыслителей. Против чего направлен этот взгляд? Несомненно, против об'ективно-научного понимания закономерности. Какой бы то ни было закон можно установить только тогда, когда вскрывается об'ективная причинно-зависимость между явлениями. Каждое явление имеет свои причины, каждое изменение причинно-обусловлено. Переход от одной экономической формации к другой есть следствие противоречия между производственными силами и производственными отношениями, выражаящейся в классовой борьбе, в революции. Для установления закономерности общественного развития необходимо вскрыть эти причинно-зависимости, установить между явлениями внутренние связи. Выступая против такого понимания причинности, Риккер, Богданов и другие фактически выступают против научного понимания закономерности, против марксизма, против единственной научной теории, против мировоззрения пролетариата. Но, повторяем, ничего нового они не говорят. Еще Кант писал, что «порядок и закономерность вносятся нами самими в явления, называемые нами природой, и не могли быть найдены в явлениях, если бы не были вложены в них первоначально нами самими или природой нашей души» (Критика чистого разума, пер. Лосского, 1915 г., стр. 99). Еще механисты-материалисты доказывали несостоятельность суб'ективизма Канта и других. Проводя «строго» детерминизм, они, с одной стороны, пришли к абстрактно-механическому пониманию причинности, противопоставив случайность необходимости, с другой стороны, — отрицали роль и значение об'ективной случайности в истории. Случайность, по их мнению, есть непознанная необходимость. Как выступление против суб'ективизма и всяческого произвола в истории, это несомненно является некоторым прогрессом. Но в то же время здесь нет действительно научного понимания истории. Основным недостатком механистов в данном вопросе является, во-первых, абстрактно-механический подход к явлениям, во-вторых, такой детерминизм, который приводит к фатализму в истории. И когда Бухарин или Аксельрод, уклоняясь от марксизма, забывая о конкретных, ищут всеобщие законы истории, они выходят именно из механистического понимания причинности и непризнания об'ективного характера случайности.

Исходя из такого понимания, Гегель случайность определяет как «единство возможности и действительности» (Наука логики, 1929 г., ч. 1-я, кн. II, стр. 128). Каждая действительность содержит в себе возможность, во-первых, потому, что она, как действительность, создает в себе новые возможности. Например, наша революция как совершившая возможность в действительности создала новые возможности и для окончательной победы пролетариата. Наряду с многочисленными средствами для укрепления позиции рабочего класса наша революция создала всесильные условия для проявления и развития различных способностей трудящихся масс, для расцвета трудового героизма и т. д. Умение использовать указанные возможности — одно из основных условий для окончательной победы пролетарской революции. Эти возможности мы уже используем для социалистической переделки, например, сельского хозяйства.

Риккертское понимание причинности, как небо от земли, далеко от марксистского разрешения вопроса, оно не включает в себя случайность как момент, как частный случай в общем развитии. Как кантианец Риккер противопоставляет случайность необходимости, поэтому случайность никакой положительной роли не играет для установления закономерности общественного развития. Риккер думает, что вся история человечества есть история единичных фактов или событий. Причинная связь явлений — это суб'ективное понятие. Нет и не может быть об'ективной причины зависимости между историческими событиями, поэтому говорить об исторических закономерностях не приходится. Как мы видели, на этих же позициях стоит и Богданов. Задача обоих (Риккера и Богданова), а также их единомышленников, одна и та же. Подменяя об'ективные закономерности общественного развития чистым суб'ективизмом, они имеют цель помочь буржуазии в ее борьбе против пролетариата. Но удастся ли им приостановить или даже ослабить новые завоевания марксизма? Конечно, нет. Развитие классовой борьбы и науки день за днем вскрывает всю реакционную сущность этих теорий. Применение марксизма-ленинизма и в общественных науках сделало последние действительными науками, а следовательно и орудием для преобразования мира. В наши дни смешно говорить о невозможности осознания общественных закономерностей. Смешно потому, что мы сами сейчас являемся участниками того, как пролетариат, вскрывая конкретные, исторические законы, успешно организует борьбу против капитализма, против всякого угнетения, за новое социалистическое общество.

Мы эти законы осознаем, исходя:

- 1) Из диалектического единства и различия природы и общества. Риккер же, как кантианец, между природой и обществом видит лишь противоположность.
- 2) Из об'ективного подхода к общественным явлениям. Общество и темночесленные общественные отношения, которые являются об'ектом изучения, существуют так же реально, как явления природы. Изучение этих материальных отношений возможно лишь при об'ективном подходе, при изучении действительных процессов. Законы этих явлений мы должны искать в самих этих явлениях, а не предписывать им наши суб'ективные стремления или выдуманные нами законы. Риккер и все суб'ективисты отрицают такой подход к общественным явлениям.
- 3) Из правильного понимания повторяемости. Общественные явления повторяются не только количественно, но и качественно, поэтому повторение есть форма проявления существования явлений, оно есть материальный процесс развития общественных явлений, включающий формы спиралевидного и скачкообразного движения.
- 4) Из возможности обобщать повторяющиеся общественные явления, что тоже является одним из важнейших условий для установления обществен-

ных законов. Без обобщения нельзя установить между явлениями каких-либо внутренних связей или вскрыть эти связи. А без этого установления законов невозможно предвидение, поскольку закон есть существенное в явлении, а без предвидения нет науки. Кроме того без обобщения невозможно предвидение, а без предвидения нет науки. Поэтому неслучайно, что Бернштейн, критикуя марксизм, всячески старался доказать, что в общественных науках обобщение невозможно.

5) Из точного определения соотношения конкретного и абстрактного. Как известно, Маркс считал, что абстракция в общественных науках играет как бы роль эксперимента. Риккерт и его единомышленники считают, что в общественных науках абстракция неприменима. Механисты и деборинцы противопоставляют абстрактное понятие конкретному. Абстракция в их понимании теряет жизненное значение, превращается в голую абстракцию. Маркс и Ленин же считали, что абстракция есть абстракция конкретного. Абстрактное понятие, «соответствующее сути дела», вернее и точнее изображает явления, говорит Ленин.

6) Из необходимости при изучении общественных явлений правильно учитывать роль и значение обективной случайности. Без такого учета многие явления остаются непонятными.

7) Наконец, понимание истории как истории борьбы классов. Это последнее по счету положение является важнейшим для марксистско-ленинского подхода к изучению, осознанию, пониманию закономерностей общественного развития.

III.

Выяснение вопроса об общественной закономерности необходимо не только для исторически правильной оценки различных буржуазных течений, но, главным образом, для доказательства того, что марксистская постановка вопроса не есть результат суммирования отдельных высказываний различных буржуазных мыслителей, как в этом уверяют нас ревизионисты разного калибра, а диалектическое преодоление этих мыслителей и с ов е р ш е н н о новое разрешение вопроса.

Один из первых идеологов буржуазии И. Макиавелли писал: «Изучая события настоящего и прошедшего времени, мы находим, что во всех государствах и у всех народов существовали и существуют одни и те же стремления и страсти. Не трудно поэтому выводить из внимательного исследования прошедших событий о том, что предстоит в будущем...» («Госуд. рассуждения на Тита Ливия», стр. 215, пер. И. Курочкина, 1869). Макиавелли далек от той мысли, что в обществе не существует никакой закономерности и что установить законы общественного развития невозможно. Наоборот, он утверждает: «Чтобы знать, что должно случиться, достаточно проследить, что было, потому что все происшествия мира имеют соответствующие отношения с теми, которые уже прошли» (там же, стр. 492). На основании прошедшего, на основании того, что уже было, мы можем установить то, что будет, или, как Полибий говорит, «предсказать будущее» («Всеобщая история», т. II, стр. 6, 1895 г.). Конечно, все эти мысли еще звучат полутоологически. Полибий, Макиавелли и другие еще не освободились от метафизической формы мышления, они говорят еще об отношениях как лишь внешних отношениях, законы устанавливают лишь путем внешнего сопоставления отдельных, единичных фактов, они не могут смотреть на явление в самом процессе, им неизвестна внутренняя связь в явлениях и т. д., но они уже говорят о реальных «событиях», о «фактах», они рассуждают о законах, которые вытекают из этих событий и т. д., а это уже большой шаг вперед по сравнению с христианской философией. Развивая свою теорию географической среды, Монтескье в известной своей работе писал, что причину существующих до сих

пор различных государственных форм нужно искать в том климатическом различии, которое существует между отдельными частями света. Если, например, «в Азии всегда была великая империя», то это потому, что «известная нам Азия имеет гораздо большие равнины, пересекаются морями на гораздо большие пространства; и так как она лежит ближе к югу, то источники удобнее там изыскивать, горы менее покрыты снегами, и реки, разливаясь менее, не составляют огромных преград». Поэтому «в Азии власть всегда должна быть деспотическая» (стр. 112—13). Религия в течение многих веков учila, что власть — божественного происхождения, что царь — наместник бога. Бог «создал нас для себя», никто не смеет нарушить божественный закон. «Если бы даже все народы совершили подобные преступления, то все они подлежали бы уголовнойвине перед божественным законом», — говорит Августин («Творение», т. I, 1901 г., стр. 1, 58, 59). Пуанкаре может без всяких изменений повторить эти строки в своих статьях как свои собственные мысли. Святой Августин предвосхитил «святого» Пуанкаре. Итак, насколько бы консервативно ни звучали сейчас мысли Монтескье, когда мы его оцениваем исторически (а другой оценки не может быть), когда мы противопоставляем воззрению Августина, то нельзя не отметить прогрессивного значения, которое имело учение Монтескье в свое время. С высоты неба он спускается на землю. Таким образом Монтескье не только не отрицает, но даже устанавливает законы общественного развития. По его мнению, основы этих законов нужно искать в климате. Если в Англии роскоши много, а во Франции нет, то причины этого заключаются в различной плодородности земли этих стран (т. I, стр. 179—80). «Индия была, Индия будет такова, как есть, и во все времена торгающие с нею народы будут привозить к ней деньги, а не вывозить из нее», потому что это обусловлено природными климатическими условиями Индии (т. II, стр. 27). Несомненно доля истины здесь есть. Ни один марксист не станет отрицать, что природа не влияет на общество. «Являясь первоначальной кладовой его (человека — Г.) пищи, земля является также и первоначальным арсеналом его средств труда», говорит Маркс. (Капитал, том. I, стр. 150). Как мы видим, и Маркс подчеркивает этот момент. Вопрос только в том, является ли влияние природы на общество основным определяющим законом общественного развития? Маркс отвечает — нет. Несомненно «плодородие почвы» влияет на «величину прибавочного труда», однако отсюда не вытекает обратного положения, что наиболее плодородная почва является наиболее подходящей для роста капиталистического способа производства», говорит Маркс (там же, стр. 494). Таким образом Маркс не отрицал влияния природы на общество. Но, во-первых, при установлении общественной закономерности Маркс доказывал специфичность общества, и потому движущими силами общественного развития он считал не влияние природы, а имманентное развитие производительных сил. Во-вторых, говоря о влиянии природы на общество, он видел между ними не функциональное соотношение, как это представляет себе Монтескье и все буржуазные мыслители, а диалектическое единство. В-третьих, Маркс говорит о влиянии природы на общество не вообще, а о конкретных формах ее влияния, о влиянии, которое всегда изменяет свои формы и размеры с развитием производительных сил. Приведенная цитата ясно говорит об этом. По Марксу, влияние природы на общество относительно уменьшается с развитием производительных сил общества. Представитель меньшевистского идеализма Витторе считает недопустимым говорить об относительной эманципации общества, но Маркс ясно заявляет о том, что «естественная границадвигается назад в той мере, в какой прогрессирует промышленность» (там же, стр. 496).

Выступая в защиту теории географической среды Бокль, идеолог английской буржуазии, ставил себе задачей уже не борьбу против феодальных

предрассудков, а борьбу за право на землю, укрепление гегемонии английской буржуазии в Индии и других странах. По Боклю, законы общества сообразны с законами природы не потому, что первые так же обективны и имеют свои реальные основания, с изменением которых изменяются и эти законы, а потому, что они так же вечны и неизменны, как законы природы. Как видим, одним ударом Боклю убивает двух зайцев — для того, чтобы утверждать капиталистические отношения, он сперва обявляет неизменными законы природы, а потом уже первое ставит исключительно в зависимость от второго. И мы думаем, прав Каутский, когда пишет, что «с точки зрения» Боклю «общественный прогресс заключается в том, чтобы, все с большей ясностью познавая естественные законы общественного развития, устроить общество сходно этим вечным истинам» (Истмат, сб. 1922 г., стр. 151—152).

В этом духе попытался разрешить закономерность общественного развития и другой английский мыслитель Г. Спенсер. Вся органическая школа во главе со Спенсером, рассматривая общество как биологический организм, имела одну задачу — доказать и оправдать эксплуатацию пролетариата со стороны буржуазии. Действительно, если общество такой же организм, как любое биологическое существо, где каждый орган имеет свои заранее установленные функции, то не вытекает ли отсюда, что пролетариат, как один из органов общества, осужден на вечное рабство? Философия Спенсера есть чистейшая реакция, она есть идеология самодовольной промышленной буржуазии. Несмотря на свою внешнюю оболочку — это идеалистическая реакция против диалектического материализма. И такая реакция против марксизма-денинизма развивалась и продолжает развиваться не только по линии натурализации закономерности общественного развития, но и из того течения буржуазной социологии, которое уже с самого начала подходило к изучению общества, как особого своеобразного качества.

Еще Макиавелли писал, «что человеческие дела делаются людьми» (Государ, стр. 492). Не боги или ангелы делают историю, а сам человек. Но человек — это существо, обладающее сознанием. От остального животного мира он отличается тем, что имеет сознание и сознательно организует свою жизнь, говорили мыслители XVII и XVIII веков. Исходя из этого, на вопрос, что является движущей силой истории человечества, не только Макиавелли, но и французские материалисты XVIII века отвечали — сознание или разум.

Такой идеализм в свое время был оружием революционной буржуазии, когда она пытаясь доказать, что не сознание бога, а сознание человека — государя, руководителя, закононаделя — делает историю. «Разум с помощью человеческих страсти организует общественный порядок, позволяющий людям жить в человеческом обществе», говорит Вико. «Человек — сознательный двигатель истории», говорит Лафарт по адресу Вико. Никто не приводит историю в движение и «никто не организует» новый общественный порядок, кроме «реального» человека». Когда мы изучаем политику, например, «политику первобытных времен», то в качестве исходной точки «берем слуг того времени, т.-е. людей, которые делают историю, которые своим экономическим действием, тем, что они являются основным производительным классом, влияют на политику» («Эконом. детер. Маркса», 1923 г., стр. 61). Маркс считает правильным положение Ежко, что «человеческая история тем отличается от естественной истории, что первая сделана нами, а вторая сделана не нами» (Капитал, т. I, стр. 349). Однако Вико не дошел до действительно научного понимания активности человека. Для него человек постольку творец своей истории, поскольку он исполняет «каким-то божественным разумом» «предначертанный» «план». Маркс в предисловии к первому тому «Капитала» также пишет, что «страна, промышленно более развитая, показывает менее развитой стране лишь картину ее собственного будущего». Но этот «план» не есть какой-то божественный «план», а план, установлен-

ный общественно конкретным человеком, творцом своей истории. Поэтому совершенно не прав тов. Максимовский, когда пишет, что «взгляды Маркса... на роль человеческой деятельности в истории и назначение человеческой практики как критерия истины» «совпадают со взглядами Вико», что второй тезис о Фейербахе звучит совершенно, как выражаются итальянцы, «по-виковски» (Архив М. и Э., т. IV, стр. 61). Деборин гораздо мягче выражает и гораздо «радикальнее» в этом вопросе, чем т. Максимовский. Деборин сравнивает взгляды Маркса на роль практики со взглядами Фейербаха (Ленин как мыслитель. 1929 г., стр. 25), а тов. Максимовский идет дальше и не видит никакой разницы между революционным пониманием практики Маркса и политеологическими взглядами Вико по этому поводу. Несомненно это немарксистская, вредная постановка вопроса. Не только Вико, но ни один из буржуазных мыслителей не понял и не мог понять роли человеческой практики так, как это ставил и разрешил Маркс.

Буржуазные мыслители XIX века не только ничего нового не прибавили к тому, что уже было высказано их предшественниками, но и значительно отошли назад по сравнению с Гельвецием, Руссо и другими. Гегель попытался доказать, что основной движущей силой человеческого развития является абсолютная идея и установленные ею законы. Обективный мир существует только в сознании абсолютного духа. И так как мир — это лишь мысль о нем, то, следовательно, законы общественного развития суть законы, установленные разумом. Другой мыслитель того же времени, О. Конту, прогресс человеческого общества представлял как прогресс от религиозного мышления к метафизике и, наконец, к позитивному мышлению как высшей стадии развития человечества. Умственное движение, по Конту, всегда идет впереди. Буржуазные мыслители не могут смотреть на общество обективно, как на исторически развивающееся конкретное существо. Они рассуждают об обществе вообще, говорят Ленин, и потому для них существует не конкретный, исторический прогресс, прогресс какого-нибудь тела или экономической формации, а прогресс вообще, прогресс как мыслительный, при чем даже прямолинейный процесс. Ленин, критикуя такую постановку вопроса, писал, что «машинная индустрия является гигантским прогрессом в капиталистическом обществе не только потому, что она в громадной степени повышает производительные силы, обобществляет труд во всем обществе, но также потому, что она разрушает мануфактурное разделение труда, делает необходимостью переход рабочих от одних занятий к другим, разрушает окончательно отсталые патриархальные отношения, в особенности в деревне, дает сильнейший толчок прогрессивному движению общества как по указанным причинам, так и вследствие концентрации индустриального населения. Прогресс этот сопровождается, как и все другие прогрессы капитализма, также и «прогрессом» противоречий, т.-е. обострением и расширением их» (т. II, изд. 2-е, стр. 52).

Не существует прогресса вообще, пропресса вне материального мира, или прогресса как такового, как чистого мыслительного процесса. Прогресс всегда имеет место в чем-нибудь, в обществе или в природе, поэтому он всегда обективен и конкретен. Мы не можем рассуждать о прогрессе как Кант рассуждает об априорных категориях; если речь идет об общественном развитии, то мы можем говорить только о прогрессе данной экономической формации, о конкретном прогрессе. Во-вторых, как уже было сказано, прогресс не есть какой-то прямолинейный сдвиг вперед, а диалектический процесс. Никто из буржуазных мыслителей не дошел до глубины такого понимания вопроса, потому что ни один из них не мог прогресс общества представить как конкретно-обективный прогресс. Выступая против материалистического понимания прогресса общества, они начали обвинять марксистов в том, что, говоря об обективных законах общества, о материальных

основах его движения, последние якобы забывают о роли субъективного фактора и, главное, о роли личности в истории. Русский народник Лавров, именно с этой точки зрения подходя к установлению закономерности общественного развития, писал, что историю делает «критически мыслящая личность». «Задача истории цивилизации» заключается в том, чтобы «показать, как критическая мысль личностей перерабатывала культуру общества, стремясь внести в цивилизацию их более истины и справедливости» (Исторические письма, 1905 г., стр. 352). Эта чисто субъективно-идеалистическая постановка вопроса в сущности есть своеобразное применение или выявление уже известного нам основного тезиса Канта, согласно которому между обществом и природой существует абсолютный разрыв. Нравственные категории Канта, как вечные законы человеческого общества, в сущности были уже тем субъективным разрешением вопроса общественного развития, которое сейчас так сильно выдвигают Виндельбанд, Риккерт, Зиммель и другие. Постановка вопроса Лаврова по существу исходит из тех же теоретических положений. Общество опирается на сознание субъекта. «Прогресс опирается на общественное сознание», говорит он (там же, стр. 339). На «создание личности» (333). Мы не будем говорить о роли личности в истории. Это особая тема. Интересующий нас в данном случае вопрос более широк и сводится к роли субъективного фактора вообще.

Плеханов, пытаясь разрешить и разъяснить диалектическое единство объекта-субъекта, дал такую схему: сперва производительные силы, потом производственные отношения, потом социально-политический строй, потом психика общественного человека и, наконец, идеология.

Но с таким решением вопроса соглашаться нельзя. Пятичленка Плеханова — это прежде всего схема. Нигде мы не найдем, что Маркс давал общеобязательные схемы. Он дает лишь общие принципы, а Плеханов — схемы, против чего так сильно возражал Ленин (см. «Что такое друзья народа»). Во-вторых, из пятичленки Плеханова выпала роль классовой борьбы. Плеханов с большим удовлетворением и вниманием рисует роль психики, но почему-то забывает о роли и значении классовой борьбы, которая является ведущей в классовом обществе. И, в-третьих, пятичленка Плеханова недостаточно материалистична. Предупреждая своих критиков, Плеханов пишет, что «этот монистическая формула насквозь пропитана материализмом» (т. XVIII, стр. 231—2). Мы думаем, что это не совсем соответствует действительности. И вот почему. Определение идеологии у Плеханова несомненно имеет некоторую связь с его теорией иероглифов. И в самом деле, в чем заключается сущность этой теории? Маркс, критикуя теорию иероглифов в политической экономии, писал, что буржуазные мыслители, «объявляя простыми знаками те общественные черты, которые получают вещи, и те вещные черты, которые получают общественные определения труда на основе определенного способа производства, объявляют их вместе с тем продуктом произвольных человеческих мнений и, так сказать, санкционируют всеобщим согласием человечества. Такова была излюбленная манера просветителей XVIII века устраивать, хотя бы временно, по меньшей мере видимость удивительного в тех или иных загадочных формах человеческих отношений, процесса возникновения которых еще не сумели расшифровать. Так как еще не умели выяснить возникновения и развития загадочных форм общественных отношений, то старались отнять у них непонятный характер, заявляя, что они — человеческое изобретение, не свалились с неба» (Капитал, т. I, стр. 58—59). Так именно делает и Плеханов. Вместо того, чтобы попытаться объяснить, как идеология отражает в себе общественную действительность, борьбу классов и т. д., он объявляет ее свойством психики человека, т. е. фактически отнимает от нее ее материальную основу, ибо сам Плеханов в другом месте признает, что психика общественного человека есть категория субъективная (т. XVII, стр. 124). Если

это так (а это действительно так), то следовательно, об'являя идеологию свойством психики человека, Плеханов тем самым отходит от диалектико-материалистического понимания идеологии. Говорят, что в этой формулировке Плеханов подчеркивает специфику идеологии. Возможно, что субъективное намерение Плеханова действительно было таково, но об'ективный результат получился иной. В самом деле, как разрешается специфичность идеологии и в чем ошибка Плеханова? Специфичность идеологии заключается именно в том, что она есть переработанное отражение действительности, не механическое копирование, а обработанное, своеобразное отражение социального бытия в голове человека. Энгельс говорит, что идеология есть одновременно и мыслительный процесс (Письма, стр. 309). Конечно, процесс, связанный с общественными явлениями. Своеобразие идеологии заключается в том, что оно как отражение действительности одновременно включает в себя и некоторые субъективные понимания, стремления, чувства и т. д. Тот факт, что идеология есть одновременно и мыслительный процесс, т. е. познание действительности при помощи мыслительного аппарата, что это познание происходит своеобразно, познающий субъект познает сообразно своей социальной психике, социальным стремлениям, отражая при этом и свою социальную психику, является специфичностью идеологии. Ошибка Плеханова, как указано уже, заключается в том, что он одну сторону явления отождествляет с явлением, психику, как момент в идеологии, отождествляет со всей идеологией. Плеханов забывает, что существенным в идеологии является социальное бытие, которое отражается в нем, что эта форма, в которой проявляется содержание, не отделима от него и без содержания не имеет никакого смысла, ибо еще Маркс писал, что «сознание никогда не может быть чем-то иным как только сознанием бытия (bewusstes Sein), а бытие людей — это реальный процесс их жизни» (Архив, т. I, стр. 216). Что такое, например, юридическая наука? Маркс говорит, что она есть идеология. А что такое идеология? Маркс отвечает, что не только юридическая наука, но и искусство, религия, философия, одним словом, идеология вообще есть «сознание конфликтов, форма познания материальной деятельности человека, они являются формами, в которых люди сознают социальные конфликты и в которых ведут борьбу» (Крит. полит. эк., стр. 55, 1929 г.). На этой точке зрения стоит и Энгельс, считая, что юридическая наука как идеология есть отражение реальных отношений людей. (Письма, стр. 284).

Другой пример: что такое религия? Следуя формулировке Плеханова, мы должны были бы ответить, что она как идеология есть лишь свойство психики человека. Христианство — одно свойство, магометанство — другое, буддизм — третье и т. д. На самом же деле это не так. «Каждая религия — говорит Энгельс, — является не чем иным, как фантастическим отражением в головах людей тех внешних сил, которые господствуют над ними, отражением, в котором земные силы принимают форму сверхъестественных» (Анти-Дюринг, 1928 г., стр. 301). Религия как идеология не есть лишь свойство психики человека, но одновременно и уродливое отражение действительности, как правый оппортунизм или троцкизм не являются лишь свойством психики правых уклонистов или троцкистов, а отражением классовых интересов капиталистических элементов у нас.

Ревизионисты для обоснования ошибочного понимания Плеханова иногда ссылаются на искусство. Что такое искусство? Плеханов говорит, что художник в своем произведении выражает не только чувства, но и мысли людей данного класса и т. д. Но что такое мысль, если не мысль о действительности? То же и относительно чувств. Прежде чем чувствовать, должно иметь объект чувства, и потому чувство как элемент искусства есть не только психическое, но одновременно и чувство конкретно действительного, оно есть своеобразное отражение объекта чувства. Такое понимание искусства

исходит из тех основных положений, которые мы имеем у Маркса. Известно, что греческая мифология составляла не только арсенал греческого искусства, но и его почву. Это был его материал (Критика полит. экономии, стр. 48—49). А что такое мифология? Во всяком случае, не одно лишь свойство психики человека, а «особый взгляд на природу и общественные отношения». Она есть «природа общественной формы, уже получившая бессознательную художественную обработку в народной фантазии» (там же, стр. 48—49). Таким образом, греческое искусство является своеобразным представлением, отражением общественного бытия тогданих греков. Нам могут возразить, что это было детство человечества. Плеханов не раз обяснял, что танцы дикарей нельзя сравнивать с танцами буржуазных салонов. В первых непосредственно проявляются трудовые процессы людей, в то время как в последних этого нет. Это верно. Но следует ли из этого, что вальсы или фокстрот являются выражением психики салонных дам? Конечно, нет. Здесь мы имеем своеобразную форму отражения общественного бытия.

Следовательно, идеология не оторвана от своего базиса, а является «реальным или иллюзорным сознательным выражением их (людей—Г.), реальных отношений и деятельности, их производства, их сношений, их общественной и политической практики», как говорит Маркс (Архив, т. I, стр. 215). Никакой отделяющей преграды между идеологией и ее материальным базисом общественным бытием, не существует. Основная ошибка Плеханова заключается в том, что он, вместо диалектического единства материальных и духовных «факторов» общественного развития, вместо материалистического обоснования и обяснения роли и значения надстройки общества, фактически оторвал последнее от его материального базиса и тем самым стал на путь идеалистического извращения основных категорий исторического материализма. И, конечно, это не случайно. Ведь мы уже знаем, что сознание людей «является реальным или иллюзорным сознательным выражением их общественной и политической практики». Следовательно, теоретические ошибки Плеханова можно понимать только как теоретические обоснования его политического оппортунизма. Вот почему борьба против повторения или углубления этих ошибок является борьбой за марксистско-ленинскую теорию, за революционное мировоззрение пролетариата.

Углубляя теоретические ошибки Плеханова и идеалистически извращая основные положения диалектического материализма, деборинская школа в понимании закономерности общественного развития вообще и закономерности переходного периода в частности встала на антимарксистский, антиленинский путь. Действительно, Ленин конкретно, марксистским исследованием доказал, что империализм есть последняя фаза капитализма, есть затихающий, умирающий капитализм, а Деборин пишет, что «империалистический капитализм представляет собою в сравнении со старым капитализмом... огромный шаг вперед...» («Ленин как мыслитель», 1929 г., стр. 86). Эта мысль т. Деборина целиком совпадает с мыслями Каутского, который пишет, что капитализм сейчас является более жизненным, чем полвека тому назад (т. II, стр. 623). И это неизбежно для всех тех, кто пытается марксистско-ленинскую теорию классовой борьбы подменить меньшевистствующим идеализмом. Так случилось не только с Дебориным, но и с его учениками. Вот как, например, понимает Карев закономерность переходного периода: «К этим вопросам (учение об империализме и т. д.) т. Бухарин присоединяет также и те, которые только намечены были В. И. и которые нуждаются в действительной разработке, о врастании в социализм после победоносной рабочей революции... о теоретическом анализе двухклассового общества при рабочей диктатуре» («ПЗМ», 1924 г., № 10—11).

Теория «двухклассового общества» Бухарина есть практическое применение его теории равновесия, его непонимания природы классов, коре-

говоря, его незнания диалектики, в чем неоднократно обвинял его Ленин. Солидаризируясь с Бухариным, Карев лишний раз доказывает свое формально-меньшевистское понимание сущности диалектики. Революционный марксизм не знает всеобще-абстрактных законов. Ему враждебна также теория классового мира, допускающая мирное врастание буржуазии в социализм. Теория же «двухклассового общества» Бухарина есть вывод из его абстрактно-механического понимания закономерности общества и одновременно теоретическое обоснование его лозунга о «врастании кулача в социализм».

В своей полемике против Преображенского Бухарин писал, что при наличии советской системы закон трудовых затрат скидывает «фетишистский костюм» закона ценности. Он не понимает, что категории капиталистического общества не только не переходят в социалистическое общество, но и не имеют своих аналогов в нем. Поэтому для установления закономерности переходного периода обязаны, во-первых, вскрыть классовой сущности каждого закона. Подходя к вопросу именно так, мы должны сказать, что основной закон переходного периода — это революционное переустройство капиталистического общества в коммунистическое, это революционное уничтожение капиталистических законов и закономерности и возникновение качественно новых законов, социалистическое планирование, усиление роли партии. Побеждая буржуазию и создавая новые общественные отношения, мы еще окончательно и до конца не уничтожили всех остатков буржуазии. Эта «новая», высшая форма борьбы с буржуазией «стояла на очереди дня» (Ленин, т. XV, стр. 183) в тот период, в который мы вступили на последнем этапе эпохи, в лице широкой реконструкции промышленности и колlettivизации сельского хозяйства. Это говорит о том, что революционное переустройство общества в коммунистическое, как основной закон переходного периода, происходит в обстановке обостренной классовой борьбы, что с социалистическим планированием, как ведущим фактором в нашем хозяйстве, имеются еще остатки капитализма, день за днем уничтожаемые, уступающие место социалистическому планированию. Забыть об этом, значит забыть о классовой борьбе у нас, о том сопротивлении, которое умирающий класс оказывает пролетарскому переустройству мира. Но мы сказали уже, что это сопротивление ломается, уничтожается каждый день, каждый момент. Вместо стихийных, слепых законов вырастает, укрепляется, усиливается и окончательно побеждает закон социалистического планирования, т. е. сознательного, планомерного переустройства общества. Короче говоря, из царства необходимости человечество переходит в царство свободы. Таким образом, субъективный фактор получает у нас исключительное значение, поскольку от стихийности мы идем к сознательной организации истории, из предistorии вступаем в действительную историю. Но этим еще не исчерпывается своеобразие, качественное отличие закономерности переходного периода. Здесь особенно нужно подчеркнуть исключительную роль класса (пролетариата) и его партии у нас.

Характерной чертой буржуазной революции было то, что в своей борьбе за гегемонию буржуазия использовывала трудящиеся массы, вернее сказать, действительную революцию делали последние, буржуазия же только руководила, точнее, использовывала результаты борьбы. Кроме того, борьба буржуазии всегда в той или иной мере была компромиссной, буржуазия никогда не была последовательным революционным классом. Пролетариат отличается от буржуазии, во-первых, тем, что как класс он борется не за утверждение своего господства, а через диктатуру подготовляет уничтожение всякого господства, во-вторых, тем, что интересы пролетариата совпадают, вернее, являются интересами трудящихся масс, т. е. большинства человечества, поэтому пролетариат не нуждается в ком промисах. Он не сог-

лашательский, а самый последовательный и действительно революционный класс. Тот союз, который пролетариат заключил и заключает с трудящимся крестьянством, не есть классовый компромисс, а последовательное проведение основных идей пролетариата. В-третьих, пролетариат является наиболее монолитным классом, поэтому различные партии не могут выражать его интересов. Пролетариат имеет только одну партию, которая неуклонно проводит и руководит борьбой рабочего класса. Отсюда — огромная роль партии в установлении закономерности переходного периода. Класс и партия не только руководят страной, но и сознательно и планомерно переустраивают общество, поэтому нельзя установить и познать закономерность переходного периода без точно установленной роли класса и партии у нас.

И, наконец, последний вопрос — это роль вождя и личности вообще. Личность в буржуазном обществе является рабом стихийности, она подчинена слепой стихийности и не может свободно проявить все свои способности, быть сознательным строителем своей жизни. У нас же личность является сознательным строителем нового общества. Роль вождя и личности, как стихийно-случайного явления, уменьшается у нас, но увеличивается и принимает совершенно новый характер их роль как сознательных организаторов и строителей социализма. Кроме того в буржуазном обществе выдвижение одной личности закрывает дорогу для других. Плеханов по этому поводу писал, что, «выступив в роли «хорошей шпаги», спасающей общественный порядок, Наполеон тем самым устранил от этой роли всех других генералов, из которых иные может быть сыграли бы ее так же или почти так же, как и он». Раз общественная потребность в энергичном военном правителе была увлечена, общественная организация загордила всем другим военным талантам дорогу к месту военного правителя. Его сила стала неблагоприятной для проявления других талантов этого рода» (т. VIII, стр. 298). Иначе и не могло быть при господстве частной собственности и конкуренции. Но у нас, где частная собственность и конкуренция уничтожаются, выдвижение одной личности не только не приостанавливает, наоборот, только способствует и должно способствовать полному проявлению способностей других личностей. Действительно, хорошим директором у нас считается тот, который в своей повседневной работе подготавливает и выдвигает новые кадры для руководящей работы, создает новых директоров. При установлении закономерности переходного периода нельзя не учитывать соответствующим образом этого существенного различия между ролью личности у нас и в буржуазном обществе. Нужно иметь в виду, что история делается людьми, и нельзя при познании общественных закономерностей пройти мимо этого марксистского тезиса, который может быть правильно понят лишь с точки зрения диалектического материализма.

Вот вкратце те положения, которые, по нашему мнению, должны явиться исходным пунктом при анализе закономерностей переходного периода. Мы должны неуклонно и решительно проводить борьбу на фронте — против меньшевистского идеализма и механицизма, как главной опасности, не только при исследовании закономерности общественного развития, но и при анализе закономерностей переходного периода в особенности.

К вопросу о философской эволюции Маркса*)

(Заметки).

А. Макаров.

Идеализм в лице гегелевской философии в конце 30-х гг. прошлого столетия был господствующим философским направлением Германии. «Система Гегеля, в основных своих чертах, была готова еще в 1810 г. К 1820 г. мироизречение Гегеля уже сложилось окончательно. Его политические взгляды, его учение о государстве, складывавшиеся под влиянием английских учреждений, носят явный отпечаток реставрации»¹⁾. Но система Гегеля, его выводы о законченности процесса, выразившиеся в освящении им Прусской монархии, стояли в явном противоречии с методом, не мирившимся с консерватизмом системы. Метод и система Гегеля для конца 30-х годов и были теми полюсами, вокруг которых скрещивались теоретические бои.

«Принципы гегелевской философии всегда носят печать независимости и свободомыслия, выводы же... нередко умеренны и даже консервативны», писал Энгельс еще в период увлечения Гегелем в 1841 г. Против выводов, против системы в основном и направлены были удары левых гегельянцев на рубеже 40-х годов прошлого столетия.

«Мышление Гегеля отличалось от мышления всех других философов громадным историческим смыслом, лежавшим в его основе. Хотя форма была крайне абстрактной и отвлеченной, все же ход его двигался постоянно параллельно с развитием всемирной истории и последняя в сущности должна была быть проверкой первого. И если благодаря этому правильное соотношение было перевернуто и поставлено на голову, то все же в философии повсюду вошло реальное содержание»²⁾. Это положительное содержание гегелевской философии и попыталась использовать буржуазия в конце 30-х годов.

Но обострение классовой борьбы, самостоятельное выступление пролетариата вскоре привело к такому соотношению классовых сил, когда эта прогрессивная сторона гегелевской философии оказалась для буржуазии слишком революционной, и Гегель был заброшен. Лишь часть бывших левых гегельянцев, в лице Маркса и Энгельса, ставшая на позиции пролетариата, смогла последовательно и до конца «воспользоваться громадным историческим смыслом гегелевской философии, подвергнув ее окончательной критике, переработав то ценное, что заключалось в гегелевском методе».

Пионеры лево-гегельянского крыла Штраус и Баэр, стремившиеся прорваться за пределы ортодоксального гегельянства, оставшись на позициях

¹⁾ Часть из доклада в семинаре II курса ИКПФ за 1930—1931 уч. г.

²⁾ Маркс-Энгельс, т. II, стр. 117.

³⁾ Из рецензии Энгельса на «Критику политэкономии» Маркса.

буржуазии, не смогли выйти из круга «гегелевского умозрения»; дальше борьбы с теологией они не пошли.

Из младо-гегельянцев «первого призыва», обративших свое критическое оружие против реакционных, консервативных сторон философии Гегеля, наиболее совершенным оказалось оружие Фейербаха. Фейербах нанес первый решительный удар и теологии и философии абсолютного духа. Своими блестящими работами он положил начало материалистическому освоению и преодолению Гегеля.

Фейербах, по выражению Ленина, взявший природу без всякой подстановки, оказал очень сильное влияние на развитие материалистических взглядов Маркса-Энгельса.

Маркс и Энгельс пришли к выработке диалектического материализма от идеализма Гегеля через философию Фейербаха — это бесспорная истиня. Но какова сила влияния Гегеля и Фейербаха на Маркса, как шел процесс преодоления их Маркском, — эти вопросы выяснены недостаточно, а отчасти явно извращены.

* * *

Активное, систематическое участие Маркса в печати начинается с работы в «Рейнской газете» в качестве сотрудника и редактора. Период работы в газете явился временем перелома в мировоззрении Маркса-идеалиста.

В предисловии к «Критике политической экономии» Маркс пишет по этому вопросу: «Моей специальностью была юриспруденция, которую однако, я проходил как подчиненную науку наряду с изучением философии и истории. В 1842—43 г.г., состоя редактором «Рейнской газеты», я впервые поставлен был в затруднение, так как должен был высказать суждение о так называемых материальных интересах. Постановление Рейнского Ландтага по поводу лесных порубок и разделения земельной собственности, официальная полемика по вопросу о положении Мозельских крестьян, наконец, дела о свободной торговле и покровительственных пошлинах, послужили первым толчком для моих занятий экономическими вопросами».

Идеализм Маркса в трактовке социально-политических проблем в этот период наиболее ярко выявляется в понимании им сущности государства. Маркс видел в государстве — учреждение, стоящее над обществом, над большой сословий. В статьях по поводу прений в Ландтаге о лесных порубках, пытаясь оказать влияние на исход прений в пользу бедноты, Маркс указывал, что государство, соответствующее своей идее, не должно и не может «так низко опуститься, чтобы разрешать вопросы сообразно с требованиями частной собственности».

«Если, — пишет Маркс, — частный интерес пытается низвести государство до уровня своего средства, то само собой разумеется... всякое современное государство как бы мало оно ни соотносилось идей государства (разрядка моя.—А. М.), при первой же практической попытке законодательной власти принуждено будет громко заявить: твои пути — не мои пути, твои идеи — не мои идеи»¹⁾.

Специфически-гегельянские воззрения Маркса здесь выражены в полной мере; они потерпели крах при первой же попытке их реализации. Ландтаг в своих решениях исходил не из гегелевского понятия государства, а из реальных интересов лесовладельцев. Под влиянием подобных фактов Маркс все чаще и чаще приходит в выводу, что он не в состоянии последовательно решать социально-экономические и политические проблемы, что действительность не укладывается в формулы, навязываемые ей гегелевской

философией. Усиление процессов классовой борьбы в капиталистических странах, появление самостоятельного пролетарского движения выдвинули, в качестве важнейшей проблемы, ставшей в центре внимания теоретической мысли, — коммунизм. Борьба пролетариата с буржуазией в начале 40-х годов, по свидетельству Маркса, «всякому бросалась в глаза на улицах Манчестера, Парижа и Лиона».

Задача теоретического осмысливания этой борьбы стала в порядок дня; стала она и перед Маркском. В полемике с Аугсбургской газетой он впервые вынужден был высказать свою точку зрения на коммунизм и коммунистическое учение. Впоследствии, указывая на этот момент, Маркс писал: «Я откровенно признался, что мои тогдашние знания не позволяли мне составить самому себе определенное суждение о французских направлениях». Так уже в 1842 г. в поле зрения Маркса — идеалиста и революционного демократа, наряду с вопросами, выдвигавшимися борьбой между буржуазией, дворянством и крестьянством, оказываются и проблемы, связанные с самостоятельным движением рабочего класса.

Статьи Маркса в «Рейнской газете», являющиеся образцом публицистики, представляют также яркое свидетельство того, как даже при желании или вперед, при радикализме взглядов, отсутствие диалектико-материалистического метода не дает возможности обосновать часто правильно нащупанные проблемы. В этих статьях Маркс, в основном, выступает еще с позиций идеализма, но в них же можно проследить, как в мировоззрении Маркса-идеалиста все чаще и чаще начинают сквозить материалистические ноты. Разрыв с берлинской группой «свободных» в этот период, попытки изобразить преня в Ландтаге как преня сословий, стремление оттенить факты эксплуатации, утверждение, что «правильная теория должна быть разъяснена и развита на примере конкретных обстоятельств и данного положения вещей» — все это указывает на перелом во взглядах Маркса в сторону материализма уже в 1842 г.

* * *

В марте 1843 г. «Рейнская газета» была закрыта прусским правительством.

«В закрытии «Рейнской газеты», — писал Маркс, — я вижу прогресс политического сознания и поэтому смиряюсь. Кроме того, обстановка стала для меня слишком невыносимой. Даже для свободы противно отбывать барщину и противно драться вместо дубин, иголками. Мне надоели лицемерие, глупость, грубый авторитет и наше подлаживание, поклоны, изворачивание, клевещение. Словом, правительство снова дало мне свободу»²⁾. Освободившись от цензурных цепей, Маркс целиком отдается делу разрешения своих сомнений, уходит в изучение экономических вопросов, истории, теории и практики революционных движений. Период деятельности Маркса, охватывающий собой 1843—1844 гг., наиболее интересен как период становления Маркса на позиции пролетариата, решительной, активной критики гегелевской философии и преодоления слабых сторон философии Фейербаха. Годы 1843—1844 были годами наиболее сильного влияния работ Фейербаха на Маркса и в то же время периодом формирования и разработки основ диалектико-материалистического мировоззрения.

Плеханов, указывая на знакомство Маркса с философией Фейербаха как на поворотный пункт, с которого Маркс вступает в период решительной борьбы с традиционным гегельянством, рассматривает взгляды Маркса в течение этого периода, как чисто фейербахианские. «В немецко-французских ежегодниках, — пишет Плеханов, — они (Маркс и Энгельс) стоят на точке

¹⁾ Маркс-Энгельс, т. I, стр. 238.

²⁾ Маркс-Энгельс, т. I, стр. 530.

зрения Фейербахова гуманизма¹⁾, а в «Святом семействе» делают лишь несколько значительных шагов в смысле дальнейшей разработки философии Фейербаха».

Плеханов рассматривает борьбу Маркса с гегелевской философией, как борьбу с фейербахианскими позициями.

Он не видит, как Маркс уже в «Критике гегелевской философи» прав одновременно с критикой Гегеля по ряду вопросов идет значительно дальше философии Фейербаха. В процессе критики Гегеля Маркс перерабатывал ее диалектико-идеалистический метод, закладывал основы материалистической диалектики, преодолевая метафизику Фейербаха. С позиций фейербахизма Маркс не смог бы дать окончательной критики гегелевской философии. Он осуществлял эту задачу по мере того, как освобождался от слабостей философии Фейербаха.

Работы Маркса, помещенные в «Немецко-французских летописях», показывают, что уже в конце 1843 и начале 1844 г. критическое преодоление Марксом Гегеля и Фейербаха было процессом единовременным.

Область социологии являлась самым слабым звеном философии Фейербаха; в трактовке проблем истории, государства, морали и т. д. он остался идеалистом. Маркс, став вначале материалистом и коммунистом в основном фейербахианского типа, очень рано, однако, замечает наиболее уязвимые места фейербахианства. На односторонность философии Фейербаха Маркс указывал уже в марте 1843 г. В письме к Руте, после ознакомления с фейербаховским «Предварительными тезисами к реформе философии» он писал: «афоризмы Фейербаха страдают, на мой взгляд, в том отношении, что он слишком много напирает на природу и слишком мало на политику. Между тем это единственный союз, благодаря которому теперешняя философия может стать идейной».

Таким образом, еще на пути к материализму, Маркс нашупывал уже одно из наиболее слабых звеньев в философии Фейербаха. Это обнаруживалось при изучении философской эволюции Маркса не ограничиваться устремлением простой схемы, как это имеет место у Плеханова, а распознавать собственные взгляды Маркса и в ранних его работах. Призыв в «Рейнской газете» свою некомпетентность в вопросах социализма, Маркс вполне берется за их изучение. Плоды этого быстроказываются в его взглядах на перспективы и задачи коммунистической критики. Он обнаруживает в общих чертах недостатки утопического социализма и предшествующей философии и уже осенью 1843 г. приходит к заключению о необходимости выработки нового учения на основе конкретного изучения действительности. «До сих пор, — пишет Маркс, — философи имели в своем портфеле разрешение всех загадок, и глупому, непосвященному уму оставалось только раскрыть рот, чтобы ловить жареных рыбчиков абсолютной науки». Преимущество нового направления как раз в том, что оно не стремится догматическими построениями предвосхитить будущее, а желает посредством критики старого мира найти новый мир²⁾. В этих строках Маркс в общем виде уже намечает задачи, разрешенные им в последующих работах. Не догматическое предвосхищение будущего, а критическое изучение действительного мира, вскрытие закономерностей общественного развития, обоснование путей реального движения к коммунизму. Маркс не выходит здесь еще за пределы эзотерики.

¹⁾ Между прочим, в предисловии к 1-му тому сочинений Маркса и Энгельса (стр. 22) Рязанов целиком идет по пути Плеханова, заявляя, что в период написания «Святого семейства» и «Положения рабочего класса в Англии» «коммунизм Маркса и Энгельса все еще базируется на философии «реального гуманизма», оба остаются еще фейербахианцами» (разрядка моя — А. М.).

²⁾ Маркс-Энгельс, том I, стр. 364.

познания и теоретической критики, находится в основном под влиянием Фейербаха, но эти общие положения показывают, в какую сторону направлено было внимание Маркса, насколько в постановке вопросов уже в этот период «ученик» шел дальше своего «учителя».

Еще работая в «Рейнской газете», Маркс сталкивался с необходимостью пересмотра многих своих взглядов, последующее же, с осени 1843 г., пребывание его в Париже, необычайно ускорило реализацию этой необходимости, обусловлено направление и характер выработки Марксом нового мировоззрения. Оказалась в центре революционного движения, активно участвуя в деятельности рабочих революционных организаций, усиленно занимаясь историей социализма и революционного движения, — Маркс уже в 1843—44 гг. переходит на позиции пролетариата. Это было необходимым и важнейшим шагом в эволюции Маркса.

Становясь на сторону пролетариата, Маркс освобождался от остатков буржуазной идеологии, от ограниченности исторического кругозора, приобретая способность и возможность видеть глубже и дальше дворянско-буржуазных и мелкобуржуазных идеологов. И именно здесь, в 1843—44 гг. в своей работе «К критике философии права Гегеля», преодолевая Гегеля, проявляясь через антропологические воззрения Фейербаха, Маркс закладывает основы теории исторического материализма.

Работая в «Рейнской газете», Маркс был на полпути от идеализма и революционного демократизма к материализму и коммунизму; в «Немецко-французских летописях», на рубеже 1843—1844 гг., он выступает уже, как материалист и коммунист, правда, материалист в основном фейербахианского толка и коммунист, лишь еще намечаящий путь реального движения к коммунизму. В «Немецко-французских летописях» помещены были две работы Маркса: «К еврейскому вопросу» и «К критике философии права Гегеля». Статья «К еврейскому вопросу» интересна тем, что в ней влияние философии Фейербаха на Маркса достигло наивысшего напряжения. Она является поворотным пунктом в философской эволюции Маркса, от которого нарастающая с 1841 г. сила влияния Фейербаха идет на убыль, окончательно сходя на нет по существу уже в «Святом семействе». Маркс критикует в этой работе Бруно Бауэра за непонимание им различия между политической и человеческой эманципацией. Быть политически эмансионированным еще не значит быть эмансионированным в человеческом смысле.

Подлинной эманципацией еврейства может быть лишь эманципация человечества от еврейства, от торгащего духа буржуазного общества. Граждане откажутся от своей религиозной ограниченности, как «только уничтожат свои светские ограниченности». Бауэр не понимает, что религия не основание, а только феномен светской ограниченности, поэтому он оставляет «светские ограниченности нетронутыми, когда polemizирует против их религиозного выражения».

Поднятый Бауэром вопрос, как вопрос чисто религиозный, Маркс возвышает до общего социального вопроса об отношении религии к современному государству. Позднее в «Святом семействе» Маркс охарактеризовал трактовку, данную им в этой статье. Он отмечал, что в ней «старому еврейскому вопросу» не была дана так называемая истинная постановка, но зато еврейский вопрос был рассмотрен в той постановке, которую новейшее время дает всем старым вопросам...». Бауэр показало было, что он понимает лишь религиозную сущность еврейства, но не светскую реальную основу этой религиозной сущности, он борется против религиозного сознания как против самостоятельной сущности³⁾.

³⁾ Маркс-Энгельс, том III, стр. 136.

Нетрудно видеть, что учение Фейербаха о человеке, как о родовом существе, принимается Марксом. Он не может еще покинуть ни «родового человека», ни человечества вообще. Противопоставляя политической эманципации эмансиацию человеческую, Маркс не возвышается здесь до понимания эмансиации человечества через эмансиацию пролетариата.

Проводя различие между общественными отношениями, как основанием, и религией, как идеологией, зависимой от них, Маркс не вскрывает существа этих отношений, не дифференцирует человечества; не проводит в нем классовых различий. Он не идет здесь дальше фейербаховской «родовой сущности человека», «гражданского общества», дальше его реального гуманизма.

Но, несмотря на это, Маркс в данной работе многое сделал для выполнения той задачи, на которую он указывал в марте 1843 года. В письме к Руте он писал: «как мне ни противна религия, но взгляд Бауэра мне кажется слишком абстрактным. Надо сделать в христианском государстве столько добра, сколько можно, и контрабандой всунуть максимум рационального, сколько от нас зависит». В эту статью Маркс действительно вложил столько рационального, что и по настоящее время она представляет по ряду вопросов большую ценность.

В этом своем первом выступлении против Бруно Бауэра Маркс уже нащупывает реальную основу идеологии, материалистически трактует вопрос о соотношении религии и политики, в общих контурах вскрывает основу религии в современном обществе.

* * *

Становясь на позиции материализма, Маркс выдвигает перед философией задачу перехода от критики вообще к критике конкретной, к критике как орудию классовой борьбы. «Ничто не мешает нам,—писал он Руте еще в сентябре 1843 г.,—связать нашу критику с критикой политики, с интересами определенной политической партии, а стало быть связать и отождествить нашу критику с действительной борьбой»¹⁾.

В этих строках нет еще конкретизации классовых взглядов Маркса, но в них уже чувствуется перелом в развитии его мировоззрения от общих принципов Гегеля к конкретным задачам дня, от фейербахианского гуманизма и антропологии к практике классовой борьбы.

В «Критике философии права Гегеля» Маркс идет значительно дальше в разработке многих вопросов, в том числе и тех, которые в общих чертах были им набросаны в статье «К еврейскому вопросу».

«Для Германии,—говорит он,—kritика религии по существу окончена, а критика религии предпосылка всякой другой критики». От человека как биологической единицы, от абстрактного человека Фейербаха Маркс вполне подходит к вскрытию социальной сущности человека. «Человек,— пишет Маркс,— не абстрактное, вне мира витающее существо, человек это живой человек, государство, общество»²⁾.

В отличие от Фейербаха, не понимавшего во всей полноте значения гегелевской диалектики, Маркс, став на позиции материализма, критически использовал, перерабатывал метод Гегеля уже в этих первых своих материалистических работах. Удержав «мысль Гегеля о вечном процессе развития», Маркс вскрывает закономерности движения самой действительности, пытается показать развитие идей, как отражение развития вещей, превращая «гениально угаданное» Гегелем в принцип науки, вскрывая его реальную материальную основу.

¹⁾ Маркс-Энгельс, т. I, стр. 366.

²⁾ Там же.

Маркс далек в этой работе от той трактовки государства, которую он давал в «Рейнской газете». Там он исходил в своих статьях из гегелевской концепции государства, здесь он дает уже ее развернутую критику. «Гегель,— пишет Маркс,— растворил понятие политического устройства в общей идее организма, для поверхностного же взгляда и по его собственному мнению, он из более идеи развел конкретную. Он сделал продуктом, предикатом идеи то, что является ее субъектом. Он развивает свою мысль не из предмета, а конструирует свой предмет по образцу завершившего, именно в абстрактной сфере логики завершившего свой круг мышления»³⁾.

Маркс приближается в этой работе к вскрытию подлинной, реальной основы государства; критикуя государственно-правовые взгляды Гегеля, он преодолевает его диалектико-идеалистическую методологию, намечает принципиально отличные задачи материалистической критики. «Философская критика современного государственного строя,— пишет Маркс,— не только вскрывает существующие противоречия, но и объясняет их; она понимает их генезис, их необходимость. Она берет государственный строй в его специфическом значении. Это понимание состоит, однако, не в том, чтобы, как это представляют себе Гегель, везде находить определение логического понятия, а в том, чтобы постигнуть своеобразную логику своеобразного предмета».

Маркс прослеживает шаг за шагом гегелевскую мистификацию, устанавливая, как действительные реальные субъекты превращаются Гегелем в предикаты. Указывая на определение правительственный власти, данное Гегелем, Маркс формулирует существо гегелевских вымученных конструкций. Гегель держится, говорит Маркс, «лишь за одну категорию и дает своей логике политическое тело, но он не дает нам логики политического тела».

Критикуя гегелевские примеры постепенного изменения конституции, указывая вопреки Гегелю, что «категория постепенного перехода, по-первой, исторически неверна и, кроме того, ничего не объясняет... для установления новой конституции,— говорит он,— требовалась всегда настоящая революция». Так Маркс уже в конце 1843 г. методологически правильно разрешал этот вопрос; в трактовке роли революции, как необходимой причины радикальных изменений конституции, он шел дальше Гегеля и Фейербаха.

Маркс на различных примерах показывает элементы дуализма в работе Гегеля.

Гегель исходит не из реального, действительно существующего объекта, он не считает действительное существо «подлинным субъектом бесконечного», его исходным пунктом являются предикаты, всеобщие определения, а в качестве их необходимого носителя выступает мистическая идея. Отсюда дуализм логики Гегеля, который Маркс видит в том, что в ней всеобщее и единичное трактуются как крайности.

Маркс с присущей ему глубиной ставит проблемы сущности и существования, внешних и внутренних противоречий. Он указывает на необходимо видеть различия между противоположными определениями в пределах одной и той же сущности — противоположностями по существованию, и действительными крайностями, как противоположностями по сущности. Север и юг — противоположные определения одной и той же сущности... Истинными и действительными крайностями были бы полюс и неполюс, человеческий и нечеловеческий пол. Здесь различие есть различие существования, там — различие сущностей, различие двух сущностей».

³⁾ Маркс-Энгельс, т. I, стр. 569.

⁴⁾ Там же.

Это ценнейшее методологическое указание Маркса почти не освоено в нашей философской литературе, а между тем оно дает очень много для понимания проблемы внешних и внутренних противоречий, для разработки закона единства противоположностей.

Ленин блестяще владел диалектическим методом, теоретически его развивал, и это выразилось в частности в понимании им моментов, когда противоположности, в пределах одной сущности явлений, необходимо должны перерастать в крайности, в противоположности между явлениями, различными по сущности. Большевизм и меньшевизм уже в 1903, 1904, 1905 гг. перерастали из различных течений в пределах одной пролетарской партии в крайности, в противоположности по самой своей природе. Ленин уже тогда вскрыл непролетарскую природу меньшевизма, в то время как многие еще полагали, что между большевизмом и меньшевизмом имеется лишь несущественное различие, и нужен был опыт мировой войны и пролетарской революции, чтобы это раскрылось в полной мере.

Наконец, характеристика троцкизма тов. Стalinым на различных этапах борьбы с ним является лучшим образом понимания диалектики процесса, умения видеть звено перерастания противоположностей на основе в пределах одной партии в существенные противоположности, в крайности.

Маркс предостерегает против забвения различий между противоположностями по существованию и крайностями. Это забвение часто приводит к тому, пишет Маркс, что «резкость действительных противоположностей считается чем-то вредным или считаются нужны по возможности помешать превращению этих противоположностей в крайности, между тем как это превращение означает не что иное как, с одной стороны, их самопознание, так, с другой стороны, их воодушевление к решительной взаимной борьбе». Маркс не дает здесь развернутой трактовки закона единства противоположностей, он касается лишь одной из его сторон. Но эти замечания показывают, что уже в первой своей критической работе направленной против Гегеля, он не только вскрывает ложность исходного пункта идеализма, но и критически преодолевает гегелевский диалектико-идеалистический метод; перерабатывая рациональное этого метода, он закрывает основы материалистической диалектики. В своей критике гегелевской философии права и государства Маркс не просто применяет метод Фейербаха, как это представляется Рязанову, а во многом уже превосходит его.

В статье «К еврейскому вопросу» Маркс нешел дальше формулирования задачи о необходимости эманципации человечества вообще; классы еще были в поле его зрения. Здесь он уже более конкретизирует свое понимание проблемы преобразования общества; в фокусе его внимания становится пролетариат. В отличие от братьев Баузров и так называемых «истинных» социалистов, которые еще в 1845—1846 гг. игнорировали революционную роль масс, считая пролетариат реакционной силой, Маркс ставит философию на службу пролетариату, стремится провести органическую связь между борьбой пролетариата и теорией в лице философии. «Подобно тому, как философия находит в пролетариате свое материальное оружие, так и пролетариат находит в философии свое духовное оружие...» «Оружие критики, — говорит Маркс, — не может заменить критики оружия. Материальная сила должна быть опрокинута материальной же силой; но и теория становится материальной силой как только она овладевает массами»¹⁾). Так в процессе критики гегелевских взглядов Маркс по многим вопросам преодолевает и Фейербаха, вплотную подходит к диалектико-материалистическим, историческим взглядам

¹⁾ Маркс-Энгельс, т. I, стр. 406 и 412.

на человека, на государство и общество, на пути социального преобразования закладывает первые кирпичи в основу теории исторического материализма.

Работа Маркса «К критике философии права Гегеля» является яркой иллюстрацией того, как Маркс, наряду с критикой Гегеля, преодолевал метафизику и антропологические воззрения Фейербаха. Маркс, ставший на позицию материализма, пользуясь фейербаховской критикой гегелевского исходного пункта, не отбросил метод Гегеля, а давая окончательную критику философии Гегеля, перерабатывал рациональное его метода. Годы 1843, 1844, 1845 и были начальным, наиболее интенсивным периодом формирования диалектического материализма, критики гегелевской философии, гуманизма и метафизики Фейербаха.

* * *

Плеханов недооценивал сложности эволюции взглядов Маркса. Этого процесс он представлял в виде прямой, на определенном отрезке которой, до 1841—42 гг., Маркс был гегельянцем, всю первую половину 40-х годов, включающую и такую работу Маркса, как «Святое семейство», был только фейербахианцем и на третьем стал диалектическим материалистом, понимавшим, наконец, значение и ценные стороны гегелевской диалектики.

Фейербах, как известно, не понимал ценности метода Гегеля. А так как, согласно схеме Плеханова, Маркс всю первую половину 40-х годов был фейербахианцем, то он присыпывает Марксу многие качества Фейербаха, в том числе и непонимание значения диалектики Гегеля. Плеханов пишет: «на расстоянии более 20-ти листов «Святое семейство» мы ни разу не встречаем оценки положительного значения гегелевской философии. Нам остается заключить, что в 40-е годы Маркс и Энгельс под влиянием борьбы с реакцией, прокрывающейся гегелевской философией...»

Абсолютно отрицательно относились к Гегелю, не думая тогда отделять зерна от плевел, диалектический метод от абсолютного духа²⁾ (Разрядка моя.—А. М.).

После всего вышеотмеченного нами нет надобности, при характеристике даже такой ранней, по сравнению со «Святым семейством», работы Маркса, как «К критике философии права Гегеля», доказывать ошибочность этого заключения Плеханова. Проблемы, затрагиваемые и разрешаемые Марксом не только в «Святом семействе», но и в ранних работах, показывают, что Маркс прекрасно понимал рациональное гегелевского метода уже в 1843—1844 гг. и в значительной степени благодаря этому не только смог дать окончательную критику Гегеля, но и сумел очень скоро раскусить реакционные стороны философии Фейербаха и преодолеть его гуманизм.

Отсутствие дифирамбов гегелевской философии в «Святом семействе», так смущавшее Плеханова, было не следствием непонимания Марксом значения диалектики Гегеля, а следствием необходимости заострения борьбы с главной опасностью этого периода, с реставрацией худших сторон гегельянства группой Бр. Баузера. Только отрываясь работы Маркса от практики и задач классовой борьбы, не понимая того, что борьба Маркса с Баузером и др. имела не только «чисто теоретический» характер, но и сугубо политический, можно притти к такому выводу.

Бруно Баузер, сначала правый гегельянец, в 40-х годах ставший крайним «левым», возглавил группу, вышедшую из кружка младо-гегельянцев, которая в своей теоретической деятельности совершенно изолировалась от конкретных задач революционного движения, считала теорию центром всего, отрицала роль масс в историческом процессе, более того, видела в пролетариате реакционную силу. Маркс, уже на заре формирования своего учения

²⁾ Г. Плеханов, т. XVIII, стр. 332.

ния ставивший теорию на службу практике классовой борьбы, видевший в ней не самоцель, а средство в борьбе за преобразование мира, не мог пройти мимо течения, восстанавливавшего худшие стороны гегелевской философии, увидевшего наличные теоретические кадры от практики классовой борьбы в область абстрактной фразеологии, и со всей силой обрушился против него.

Плеханов, отмечая борьбу Маркса с реакцией, прикрывавшейся гегелевской философией, не подчеркивает, что именно эта борьба заставила Маркса вместо выпичивания положительного содержания философии Гегеля сосредоточивать весь огонь своей критики против ее реакционных сторон. Он приходит к совершенно противоположному выводу, обвиняя Маркса «в крайне несправедливом отношении к философии Гегеля».

Сила и острота полемики Маркса и Энгельса с Бруно Баузером становится понятной лишь в свете задач, стоявших перед ними в тот период. Энгельс в письмах из Германии писал по этому поводу: «объявлены были войны, — указывает он, — тем из германских философов, которые отказываются делать практические выводы из своей чистой теории и которые утверждают, что человеку только тем и надлежит заниматься, что спекулятивным мышлением о метафизических вопросах. Г. Маркс и Энгельс опубликовали подробные опровержения принципов, отстаиваемых Бруно Баузером, а гг. Гесс и Бюргерс заняты сейчас работой над опровержением теории Штирнера. Эти работы необходимы потому, что Баузер и Штирнер являются представителями наиболее крайних выводов германской абстрактной философии, а следовательно и единственно серьезными противниками социализма или вернее коммунизма». «Таким образом, основной задачей, которую ставили себе Маркс и Энгельс в «Святом семействе», была задача разгрома наиболее серьезных противников коммунизма «слева». В борьбе с представителями крайних выводов абстрактной философии Марксставил себе задачей подчеркивание положительного содержания философии Гегеля, тем более, что через посредство критики работ Баузера и др. он подвергал уничтожающей критике худшие стороны гегельянства как теоретической основы «критической критики». Плеханов, формально упоминая о ней, по существу упускает из виду эту главную опасность, в борьбе с которой Маркс обрушивался на философию Гегеля. Указывая на резкие отзывы Маркса в «Святом семействе» о философии Гегеля, Плеханов заключает, что «Маркс не мог бы так безусловно резко и без всяких оговорок отзоваться о философии Гегеля, если бы он в то время придавал ей то значение, которое он и Энгельс придавали ей в свой окончательный, 3-й период развития, когда они выработали основу научного социализма»¹⁾.

Плеханов, придерживаясь «чистой логики» при анализе работ Маркса, упускает из поля зрения конкретную обстановку, в условиях которой Маркс писал ту или иную свою работу, он не видит действительных причин, которыми руководствовался Маркс в своем отношении к работам Гегеля в различные периоды. Плеханов впадает в путаницу, когда он по существу указывает, что Маркс не понимал значения гегелевской диалектики именно в тех работах, в которых он вскрывал ее мистифицирующую сторону. Согласно логике Плеханова, Маркс понял значение гегелевской диалектики несколько лет спустя после того, как он ее раскритиковал, понял лишь тогда, когда он выработал основы научного социализма и диалектического материализма. Плеханов не учитывает, что положение вещей на теоретическом фронте, соотношение классовых сил играли для Маркса не последнюю роль в его отношении к той или иной теории и в частности к гегелевской философии. Маркс подчеркивал это и в предисловии ко 2-му изданию 1-го тома «Капита-

ала», где он писал: «мистифицирующую сторону гегелевской диалектики я подверг критике почти 30 лет назад, в то время, когда она была еще модной. Но как раз в то время, когда я разрабатывал 1-й том «Капитала», крикливы претенциозные и ограниченные эпигоны, задающие тон в современной Германии, с особенным удовольствием третировали Гегеля, как некогда во время Лессинга доблестный Мойзей Мендельсон третировал Спинозу, а именно — как «дохлую собаку». Я поэтому открыто заявил себя учеником этого великого мыслителя и в главе о теории стоимости даже несколько кокетничал гегельянством, употребляя там и сям его характерную терминологию».

Методология Плеханова, во многих отношениях являющаяся истоком методологии меньшевистующих идеалистов наших дней, сыграла с ним, при анализе философской эволюции Маркса, скверную шутку. Она привела к тому, что Маркса и Энгельса периода «Святого семейства», когда они заложили основы диалектического материализма, он охарактеризовал как людей, *не* отдавших в философии Гегеля «зерна от плевел, диалектического метода от абсолютного духа».

* * *

Ранние работы Маркса и Энгельса показывают, что и в период наибольшего увлечения философией Фейербаха в 1843—1844 гг. они не были, однако, правоверными фейербахианами. Фейербах оказывал на них влияние лишь отдельными сторонами своего учения, ускоряя процесс выработки ими диалектического материализма, в направлении которого уже развивалось их мировоззрение. Энгельс в 80-х годах считал нужным подчеркнуть эту крупнейшую роль Фейербаха на рубеже 40-х годов XIX века. «Зданием остается долг чести, — писал он, — полное признание того влияния, которое имел на нас, больше, чем какой-либо другой философ послегегельской эпохи, Фейербах в наш период бурных стремлений». Ленин в своей статье «Карл Маркс» отмечал, что «всемирно-историческое», составляющее эпоху «значение Фейербаха, Маркс видел именно в решительном разрыве с идеализмом Гегеля и в провозглашении материализма». Но дал ли Фейербах, разорвав с идеализмом Гегеля, его окончательную критику? Далеко нет.

Фейербах в своей философии положил лишь блестящее начало делу критики и преодоления гегелевского учения, но он не преодолел и не мог его преодолеть, поскольку не стал на позицию пролетариата, не сумел изжечь метафизических, а в области социологии и идеалистических воззрений. Казалось бы, это ясно, а между тем в философской литературе имеет место значительная «нечеткость» по вопросу о роли Фейербаха и Маркса в преодолении Гегеля, встречающаяся преимущественно в работах Плеханова и Деборина. Плеханов, указывая, что Маркс «начал выработку своего материалистического обяснения истории с критики гегелевской философии права, заявляет, что критика спекулятивной философии Гегеля была закончена еще Фейербахом»²⁾ (разрядка моя). — А. М.).

Можно полагать, что здесь имеет место случайная формулировка, но эта «случайность» наводит на большие сомнения, если принять во внимание, что Плеханов в разработке многих вопросов философии явно преувеличивает роль Фейербаха, заявляя, что понятие единства об'екта и суб'екта прочно выработано Фейербахом, что гносеология Маркса лишь углубленная гносеология Фейербаха и т. д.

Мы не затрагивали бы этого, казалось, давно решенного вопроса, если бы такие «формулировки» встречались у одного автора. К сожалению, это не так. Деборин в своей книге «Людвиг Фейербах», указывая на блестящую

¹⁾ Г. Плеханов, т. XVIII, стр. 332.

²⁾ Плеханов, т. XVIII, стр. 189.

работу, проделанную Фейербахом по выяснению связи между спекулятивной философией и теологией, заключает, что «его (Фейербаха) критику идеализма следует признать самой сокрушительной и, с нашей точки зрения, окончательной» (разрядка моя. — А. М.).

Утверждение Деборина о том, что Фейербах дал окончательную критику идеализма Гегеля, вытекает из других его установок, идущих по линии подмены марксизма фейербахианством. Историческую роль Маркса в развитии материализма Деборин видит исключительно в поправках к философии Фейербаха. Он пишет: «Маркс углубляет свое мировоззрение и становится творцом научного социализма, но остается в общем верен фейербаховскому материализму, в который вносит лишь известные поправки»¹⁾. Исходя из своей практики отождествления при трактовке важнейших проблем диалектики Гегеля с диалектикой Маркса, Деборин очевидно полагает, что дать окончательную критику Гегеля, значит показать ложный исходный пункт идеализма. Но это глубоко неверная установка. Преодолеть гегелевскую философию, дать ее окончательную критику, это значит преодолеть ее наиболее сильную сторону — диалектико-идеалистический метод. И как бы субъективно ни расценивали данные авторы свои вышеназванные выводы, обективно они вносят ими путаницу, приписывая философии Фейербаха роль, исторически выполненную марксизмом.

«Гегель, — говорил Ленин, — бьет всякий материализм, кроме диалектического», — и это целиком подтверждается на примере философии Фейербаха.

Методологическое бессилие Фейербаха обнаружилось не только в его подходе к общественным явлениям, но и в трактовке им ряда конкретных вопросов естествознания. И в этой области Фейербах не смог преодолеть метафизики в своих суждениях. «Когда он касается вопросов естествознания, — пишет Энгельс, — то за исключением отдельных гениальных обобщений, он должен довольствоваться беллетристическими фразами». «Фейербах ударяется в бесплодные и бесцельные спекуляции на счет отношений мышления к мыслящему мозгу и т. п.». И это было в 40—50-х гг., в период ряда блестящих открытий во всех областях естествознания, которые подтверждали материализм и которые нужно было использовать для его дальнейшей разработки. Но они не были поняты не только Фохтом, Бюхнером, но и Фейербахом. Для теоретического развития Фейербаха не прошло бесследно то, что вместе с гегелевской системой он отбросил и рациональное его метода.

В разработке ряда вопросов Фейербах ушел вперед от материалистов XVIII века, но он оказался, однако, бессильным увязать современные ему достижения научной мысли в единое целое, понять их значение, вскрыть диалектику процесса и двинуть материализм вперед. В разработке материализма он остановился не только перед рвом, отделяющим область естествознания от исторического материализма, но и перед диалектикой природы, которая не была им понята, несмотря на отдельные гениальные высказывания, ибо он не смог окончательно освободиться от метафизического метода, не сумел критически переработать гегелевскую философию и использовать ее достижения.

В работах Гегеля, впервые в истории теоретической мысли, «идея универсального движения и изменения угадана до ее применения в жизни и в обществу». Задача преодоления Гегеля, задача его окончательной критики заключалась в преодолении диалектического идеализма и, правильным образом, в критике и переработке подлинного открытия Гегеля — и на-

¹⁾ Деборин, Людвиг Фейербах, стр. 81.

дектико-идеалистического метода. С этой центральной задачей, вопреки мнению Плеханова и Деборина, Фейербах не справился, ибо сам был «идеалистом сверху» и метафизическим материалистом «снизу».

«Фейербах только порвал и отбросил систему, но об'явить данную философию ошибочной еще не значит справиться с нею... ее надо было «снять» в ее собственном смысле, т.-е. критика должна была уничтожить ее форму, сохранив добытое ее содержание»¹⁾. Но эта подлинная, окончательная критика Гегеля представляла колossalные трудности. Гегель был одной «из ученейших голов всех эпох» и только гений первого ранга, по выражению молодого Энгельса, мог бы справиться с такой задачей. Но для этого нужно было нечто большее, чем личная гениальность: необходимо было проникнуться идеологией пролетариата. Только с позицией пролетариата могла быть плодотворной эта критика.

Маркс, уже в 1843—1844 гг. активно участвовавший в классовой борьбе, с первых шагов своей научно-политической деятельности становился на сторону рабочего класса и с его позиций подвергает окончательной критике гегелевскую философию. «Маркс был и остается единственным человеком, который мог справиться с этой работой — высвобождения из логики Гегеля того ядра, которое заключает в себе истинное открытие Гегеля в этой области, и восстановить диалектический метод в его простой форме, освободив его от идеалистической оболочки, выставить в такой форме, которая является единственно правильной формой развития мышления». В этом и состояла задача подлинной и окончательной критики гегелевской философии. Фейербах, блестяще начавший ее решение, оставил ее на барьером классовой борьбы пролетариата, не изжил своих метафизических воззрений, не смог плодотворно продолжать и закончить начатую им критику философии Гегеля. Эта задача была решена лишь Марксом и Энгельсом. Только Маркс и Энгельс как идеологи пролетариата смогли дать окончательную критику Гегеля; выработав в борьбе с идеализмом, метафизическими материализмом, с буржуазными и мелкобуржуазными теориями — диалектический материализм.

¹⁾ Ф. Энгельс, Людвиг Фейербах.

Геохимия и витализм.

(О „Научном мировоззрении“ акад. В. И. Вернадского).

Д. Новогрудский.

«Необходима еще неустанная работа по искоренению существующих и возникающих в различных научных областях теорий, отражающих буржуазное и социал-демократическое влияние». (Из пост. ЦК ВКП(б) от 15/III 1931 г. по докладу президиума Комакадемии).

Биогеохимия — молодая научная дисциплина. Она разрабатывает проблемы, смежные химии, геологии и биологии. Один из крупнейших представителей этой науки — акад. В. И. Вернадский.

Геохимия — это наука об истории химических элементов в земной коре; ее можно назвать геологической наукой об атомах¹⁾. Рассматривая земную кору с точки зрения свойств и перемещений составляющих ее элементов, геохимии удалось установить новые факты, ускользавшие из кругозора геологов. Рассматривая мир организмов в качестве одного из геологических факторов, эта новая научная дисциплина вскрывает некоторые интересные положения, до сих пор недостаточно учитываемые в работе биолога.

Геохимия имеет большое значение для социалистического строительства в нашей огромной и еще мало изведенной стране. Она дает научные критерии для предсказания возможных залеганий полезных ископаемых. Она позволяет «путем геохимических предсказаний предугадать, где что надо искать» и объединяет единой научной мыслью бесчисленные поисковые работы, которые до сих пор шли довольно случайно и бессистемно.

Один из виднейших представителей этой науки в нашем Союзе акад. А. Е. Ферсман посвятил общему значению геохимии следующие слова:

«Геохимия — наука о распределении и перемещении химических элементов земли, но в рамках определенных территорий она вырастает в науку о той сырьевый и отчасти энергетической базе, на которой строится хозяйство. Геохимические проблемы Союза поэтому не проблемы отвлеченной теории или узко-практических задач,—это проблемы того и другого вместе, проблемы культурного строительства страны на основе научного анализа природы и ее производительных сил²⁾.

Но геохимия, как и все прочие области естествознания, является примером не только того, каким могучим оружием может стать наука, поставленная на службу величайшей исторической задаче человечества — строительству социализма. Эта же наука служит для некоторых ученых основой для разви-

тывания самых реакционных идей и теорий. Таковы биогеохимические идеи акад. В. И. Вернадского.

Геохимические идеи Вернадского, якобы основанные на фактическом материале наблюдений и опытов, приводят их автора к виталистическому — фидеистическому мировоззрению. По мнению Вернадского, выводы геохимии подтверждают истинность витализма.

Виталистические воззрения Вернадского не носят характера случайных высказываний. Это не невольная дань буржуазному мировоззрению, которую платят немало крупных естествоиспытателей, не дающих себе труда разобраться в теоретических предпосылках своей собственной специальности и поэтому попадающих в плен самой «скверной философии».

Идеи Вернадского из года в год развиваются, дополняются и вырастают в законченную виталистическую систему взглядов.

Когда обобщение или теории, установленные в одной области наук, получают подтверждение со стороны других, смежных наук, в основу которых положены иные объекты и иные методы исследования, то подобное совпадение делает такие теории в огромной степени достоверными. Так, например, подтверждение выводов из теории эволюции данными палеонтологии, сравнительной анатомии, эмбриологии, зоо- и фитогеографии, наконец, биохимии возводит теорию эволюции до достоверности факта. Вот почему утверждение, что данные новой науки — геохимии — подтверждают учение витализма, приобретает исключительный интерес.

Между тем научное мировоззрение акад. Вернадского почти не подвергалось марксистской критике¹⁾. Это тем более необходимо, что, постепенно развиваясь в законченную систему виталистических взглядов, оно становится знаменем реакционных сил в области теоретического естествознания и тормозом в реконструкции науки и техники на службе строительства социализма.

I.

Наука и религия.

Знакомство с мировоззрением академика Вернадского удобно начать с изложения его общих философских взглядов.

Начнем с вопроса о взаимоотношениях между наукой и религией.

По мнению академика Вернадского, наука и религия — это различные стороны деятельности человеческого духа, которые выполняют одинаковую функцию — искание истины.

«Научное мировоззрение, — говорит Вернадский, — не является синонимом истины точно так, как не являются ею религиозные или философские системы. Все они представляют лишь подходы к ней, различные проявления человеческого духа²⁾.

Чем отличаются эти разные подходы к истине? Что такое научное мировоззрение? Академик Вернадский дает на это следующий ответ: это «совокупность представлений о явлениях, доступных научному изучению, которое дается наукой»³⁾.

¹⁾ В Большой советской энциклопедии мы находим всего две строки, посвященные философским взглядам Вернадского. Там сказано: «В. широко интересуется также историческими, философскими и общественными науками». (Б. С. Э., X, 307). Это все, что прежнее руководство Б. С. Э. нашло необходимым сообщить советскому читателю о религиозно-виталистическом мировоззрении В. И. Вернадского.

²⁾ В. И. Вернадский, Очерки и речи, 1929, т. II, «О научном мировоззрении», стр. 13.

³⁾ Там же, стр. 14.

¹⁾ Вернадский. Геохимия в СССР. 1928.

²⁾ А. Е. Ферсман. Геохимические проблемы Союза.—Очерк первый. А. Н. 1931. См. также А. Е. Ферсман. Геохимические проблемы Сибири. 1931.

В этом определении акад. Вернадский обходит вопрос о том, как относятся наши представления к действительному миру. Но зато он подчеркивает, что научному изучению доступны не все явления; на долю науки приходится только часть явлений вселенной. Все то, что недоступно научному изучению, составляет объект религии и философии.

Для более точного понимания воззрений акад. Вернадского необходимо иметь в виду, что последний весьма своеобразно понимает также и сущность философии.

«...нет философии без рационалистического самоуглубления в человеческую природу или в мышление, без логически обоснованного языка и без положительного или отрицательного введения в мироизречение мистического элемента...»¹⁾.

«...В истории развития человечества значение мистического настроения — вдохновения — никогда не может быть оценено слишком высоко. В той или иной форме оно проникает всю душевную жизнь человека, является основным элементом жизни»²⁾.

«Мистика является одной из самых глубоких сторон человеческой жизни»³⁾.

Под философией акад. Вернадский понимает метафизические философские системы, «философию иррационального», мистику, которая является по его мнению, основным элементом жизни и одной из самых глубоких сторон человеческой души.

Очевидно, кто мыслит подобным образом, тот принимает, что религия и мистика не могут противоречить науке, а наоборот, последняя может только выиграть от сотрудничества и помощи со стороны религии и мистики. Акад. Вернадский действительно полагает, что научное мировоззрение не противоречит религиозному или философскому (мистическому).

«Среди течений научного мировоззрения существуют направления, которые предполагают, что научное мировоззрение может заменить собою мировоззрения религиозное или философское; иногда приходится слышать, что роль философского мировоззрения и даже созидательная и живительная роль философии для человечества кончена и в будущем должна быть заменена наукой. Но такое мнение само представляет не что иное, как отолосок одной из философских схем и едва ли может выдержать пробу научной проверки»⁴⁾.

«Как христианство не одолело науки в ее области, но в этой борьбе глубже определило свою сущность, так и наука в чуждой ей области не сможет сломить христианскую или иную религию, но ближе определить и уяснить форму своего ведения»⁵⁾.

Акад. Вернадский разделяет сферы влияния науки, религии и мистики. Он полагает, что через всю духовную историю человечества проходит процесс не только питания науки идеями и понятиями, возникшими в области религии, «но и обратный процесс». «Рост науки неизбежно вызывает в свою очередь необычайное расширение границ философского и религиозного сознания человеческого духа, религия и наука, восприняв достигнутые научным мировоззрением данные, все дальше и дальше расширяют глубокие тайники человеческого сознания»⁶⁾.

Все приведенные здесь образцы поповской мудрости представляют собой отрывки из лекций проф. Вернадского по истории развития физико-хи-

¹⁾ В. И. Вернадский, Очерки и речи, 1929 г., т. II, «О научном мировоззрении», стр. 14.

²⁾ Там же, стр. 27.

³⁾ Там же, стр. 96.

⁴⁾ Вернадский, О научном мировоззрении, стр. 20.

⁵⁾ Там же, стр. 21.

⁶⁾ Там же, стр. 23.

мических и геологических наук, читанных в Московском университете в 1902/1903 акад. году и вновь опубликованных без каких-либо изменений в 1922 г.

Ученейший естествоиспытатель заявляет, что наука питается религиозными идеями, что религия расширяет глубокие тайники человеческого сознания, что мистика — одна из самых глубоких сторон человеческой жизни. Все, что наука в состоянии об'яснить, должно находиться в ведении науки. Все, что наука еще не об'яснила, может стать объектом религиозной веры или мистического вдохновения.

Нет надобности доказывать, что вся эта идиллическая картина мирного сожительства науки и религии глубоко противоречит всем историческим фактам. Это, повидимому, учитывает и Вернадский. И он находит весьма простой выход из этого противоречия. Тем хуже для исторических фактов, полагает он. Они, по его мнению, не отражают действительной сущности взаимоотношений между религией и наукой, подобно тому, как северно-мистический экстаз шамана не дает действительной картины глубокого значения мистики для человеческой души.

Согласно Вернадскому, в историческом процессе искажаются идеальные соотношения между наукой и религией, на них наслаждается ряд других моментов (социально-политических), не вытекающих из их природы.

Поэтому акад. Вернадский настойчиво подчеркивает, что говоря о религии, он не имеет в виду какое-либо конкретное религиозное учение, а религию в общем понимании, как определенную «сторону духовной деятельности человека».

Сущность этих и подобных им воззрений достаточно проста. Это более тонкая, более рафинированная религиозная апологетика.

В наше время несложно ученому естествоиспытателю пропагандировать какое-либо одно определенное религиозное учение. Но бороться за религию «общее» — входит в функции многих буржуазных ученых. Академик Вернадский уверяет своих читателей, что религия есть «сторона духовной деятельности человека», она, значит, дана самой человеческой природой. Социально определены лишь конкретные формы «религиозного сознания».

В другом месте, говоря о могучем расцвете научных знаний и исканий переживаемой нами эпохи, академик Вернадский об'ясняет этот расцвет тем, что он обусловлен не социальными причинами, а коренится в природе человека, «связан с глубочайшими биологическими особенностями Homo sapiens». Далее акад. Вернадский подчеркивает, что с этим величайшим движением научной мысли неизбежно связан новый рост философской мысли и религиозного творчества⁷⁾.

Таким образом, напрашивается вывод, что как философское, так и религиозное творчество коренятся в биологической природе человечества. А ведь только это и требуется «доказать» всем воинствующим и ученым религиозникам.

Акад. Вернадский не оставляет, впрочем, без внимания и некоторые конкретные исторические факты. Известно, например, какую жуткую главу вписала в историю борьбы науки с религией борьба за учение Коперника. И вот академик Вернадский подходит к вопросу о научно-установленном факте вращения земли вокруг солнца. После общих рассуждений мы приближаемся, наконец, как будто к разбору конкретного исторического события.

Академик Вернадский ставит вопрос: обязаны ли считаться религиозные, мистические и магические течения с этим фактом? Обязаны, — отвечает он, — хотя могут и не считаться. «Даже мистические и магические течения.

⁷⁾ Вернадский, Мысли о современном значении истории знаний. Лнгр., 1927 г.

должны считаться с этим положением, хотя они могут, придав иной смысл понятию времени, совершенно уничтожить значение этого факта в общем миросозерцании¹⁾.

Оказывается, все очень просто. Стоит придать «иной смысл» понятию времени и для нашего миросозерцания факт вращения земли теряет всякое значение. Не только религия и мистика, но и магия не оставлена без благосклонного внимания.

Воззрения акад. Вернадского — это попытка якобы научного обоснования несостоимости материализма и защиты идеализма, поглощавшего религию. Эти воззрения являются составной частью буржуазного антиматериалистического фронта. Напрасно он умолял, против кого направлены его выводы. Вместо глухого намека на существование направления, полагающего, что научное мировоззрение может заменить с о б о ю мировоззрение религиозное, акад. Вернадский должен был открыто назвать это якобы антинаучное направление, которое, по его мнению, «едва ли может выдержать пробу научной проверки²⁾. Это течение, столь не нравящееся акад. Вернадскому, есть диалектический материализм³⁾.

В основе воззрений акад. Вернадского лежит кантовское представление о мире феноменов, в котором господствует принцип причинности (материально-познаваемый, или научно-построимый мир, то терминологии Вернадского), и мире ноуменов, к которому категория причинности не применима — область религии, мистики, магии — по Вернадскому.

Эти воззрения давно похоронены истинным развитием философии и науки. Практика классовой борьбы вскрыла реакционную сущность религии и ее эксплоататорскую роль в обществе.

Взгляды акад. Вернадского на взаимоотношения между наукой и религией характерны для реакционной части буржуазных ученых, идеологии которых отражает присущее современному капитализму, основанному на самой жестокой эксплуатации рабочего класса и трудящихся, глубочайшее противоречие между огромным расцветом техники с широким размахом научно-исследовательских работ и необходимостью поддерживать мистические учения и религию во всевозможных ее проявлениях в целях подчинения рабочего класса идейному влиянию буржуазии.

Поэтому всякие теории, проповедующие мирное сосуществование науки и религии, являются по сути дела составной частью идеологического буржуазного фронта, направленного против страны социализма и трудящихся всего мира.

* * *

Известно, какое глубокое родство существует между религией и идеалистической философией. То, что религия выражает на языке чувств, переживаний, то идеализм переводит на язык понятий.

Всякая идеалистическая философия есть в конечном итоге поддержка религиозного мировоззрения.

В какие философские силлогизмы облек академик Вернадский свою религиозную представление?

Академик Вернадский — решительный и рьяный противник материалистической философии. Материализм, по его словам, это не выдерживающий проверки научной критики «детский лепет»; материалистическая философия — мертвата; «живого материалистического учения» в настоящее время

¹⁾ Вернадский, О научном мировоззрении, стр. 28.

²⁾ Вернадский, О научном мировоззрении, стр. 20.

³⁾ Л. М. Лопатин, — философ-спиритуалист, которого Ленин называл философским черносотенцем, — охотно опирался в борьбе против материализма на воззрения Вернадского, направленные в защиту религии. См. Ленин, З-е изд., т. XIII, стр. 245.

нет. Материалистические учения всегда были чужды сознанию «человечества» и «человечество» не могло с ними мириться, — заявляет Вернадский. «За все прошедшие века нет никакого успеха в объяснении жизни в схемах господствующего научного миропонимания¹⁾). «Кругом идет огромная творческая и во многом плодотворная работа человечества в других духовных областях — в религии и особенно в философии, коренным образом противоречащей научному миропониманию, созданному в последние столетия²⁾. «Сейчас, повидимому, мы подходим к новым дерзаниям, может быть, не менее коренным образом меняющим наше мышление. Мы подходим к построению мира без материи³⁾.

Таковы, вкратце, исходные положения «философии» акад. Вернадского. Как видно, эти «новые дерзания» имеют уже порядочную давность. Они сводятся к голословным заклинаниям, что материализм мертв и что мы подходим к построению мира без материи. Другого труда ожидать от естествоиспытателя, идущего в поход против науки с развернутыми религиозно-виталистическими знаменами.

Что же акад. Вернадский противопоставляет «мертвому» материализму?

Послушаем академика Вернадского: «...Вселенная, все охватывающая, не является логическим изображением окружающего или нас самих. Она отражает в себе всю человеческую личность, а не только логическую ее способность рассудочности⁴⁾.

Можно сколько угодно недоумевать: как может «всё охватывать» Вселенная являться «изображением окружающего»? Мы этого не знаем; но смысл всего этого достаточно ясен. Для акад. Вернадского не подлежит, очевидно, сомнению, что вселенная является отражением нас самих. Спорят он лишь против тех, кто утверждает, что вселенная является отображением только логической способности, рассудочности человеческой личности, а не всей человеческой личности. Если вселенная отражает всю человеческую личность, то понятно, что религия и наука не противоречат друг другу. Перед нами несущественный спор внутри лагеря идеализма. Существенно одно — вселенная есть отображение человеческой личности.

Ту же мысль автор высказывает в другом месте. «Под именем дуалистического научного мировоззрения я подразумеваю тот своеобразный дуализм, до сих пор наблюдаемый среди людей науки, когда ученый исследователь противопоставляет себя — сознательно или бессознательно — исследуемому миру. Исходя из чисто объективного отношения к отдельным частным вопросам научного исследования, работая в этих случаях в определенных рамках, он переносит ту же привычную точку зрения и на всю совокупность знания — на весь мир. Получается фантазия строгого наблюдения ученым исследователем совершающихся в нём процессов природы, как целого⁵⁾.

Упрекать автора этих строк в отсутствии ясности нельзя. Реальный мир, наблюдение в нём нас совершающиеся процессы природы обявляется фантазией. Зато мистика и религия признаются орудиями познания истины.

¹⁾ Вернадский, Изучение явлений жизни и новая физика, Изв. Ак. Наук. ОМЕН, № 3, 1931, стр. 407.

²⁾ Там же, стр. 412.

³⁾ Вернадский, Мысли о современном значении истории знаний, Лнгр., 1927, стр. 9.

⁴⁾ Вернадский, Очерки и речи, т. I, стр. 36.

⁵⁾ «О научном мировоззрении», стр. 10. (Подчеркнуто акад. Вернадским).

Сущность науки заключается, по мнению Вернадского, в том, что мы построим в форме моделей космос. Этот последний, построенный из моделей-гипотез есть абстрактный космос; он составляет наш «научный мир материи и энергии»¹⁾. Итак в качестве отражения рассудочной, т.е. логической деятельности человека вселенная представляет «научный мир материи и энергии». Но этот научный мир не исчерпывает существа вселенной, подобно тому, как одною рассудочностью не исчерпывается душевная жизнь человека. Значит, столь же законным, как научный мир материи и энергии, являются и другие подходы, религиозные и мистические.

Обратимся к вопросу о том, каково отношение между построенными наукой «абстрактным космосом» и вне нас, независимо от нас существующим бытием. В этом основном вопросе акад. Вернадский стоит целиком на идеалистических позициях.

«Научное мировоззрение не дает нам картины мира в действительном его состоянии»²⁾. В чем заключается задача естествоиспытателя? По возможности полно описать изучаемое явление. «Об'яснить» явление, значит, по мнению акад. Вернадского, дать место этому явлению в нашем абстрактном космосе, построенном из моделей-гипотез³⁾. Таким путем приходит к теории «формальной действительности». Под именем формальной действительности пишет акад. Вернадский, — я подразумеваю то представление об окружающем, которое вытекает — в конце концов — из исследования его научными приемами, в связи с критической работой логики и теории познания». «Употребляя этот термин, мы не предрешаем, каковы окажется представление о мире при дальнейшем росте науки, насколько оно изменится при переработке его на почве теории познания, или каков мир сам по себе»⁴⁾.

Повторяется старая картина. Ученый естествоиспытатель призывает отказаться от материализма, чтобы заменить его «дешевой софистикой» махизма.

Идеалисты и церковники всех толков охотно пользуются следующим доводом против материализма. Материалисты, — говорят они, — хотят свести весь мир к некоей фикции, к материи. Этот довод, уж столько раз опровергнутый, опять всплывает в аргументации академика Вернадского. Оказывается, и для естествоиспытателя Вернадского мир атомов или электронов есть мир отвлеченных форм нашего мышления.

«Сведение всего окружающего», — пишет акад. Вернадский, — на стройный или хаотический мир атомов или электронов было бы сведением мира к отвлеченным формам нашего мышления. — Это никогда не могло бы удовлетворить человеческое сознание, ибо в мире нам ценно и дорого не то, что охватывается разумом; и чем ближе к нам картина мира, тем дальше отходит научная ценность абстрактного объяснения»⁵⁾.

Это ценное признание! Акад. Вернадский заявляет: в мире нам цено и дорого не то, что охватывается разумом. Что же ценно и дорого сердцу виталиста? Очевидно, все неохватываемое разумом, сверхчувственное, спиритостигаемое. Что находится в ведении науки, то не ценно; а вот все вненаучное приобретает великую ценность. Недаром ведь Вернадский заявляет, что мистика является самой глубокой стороной человеческой жизни.

Подведем итоги.

¹⁾ Вернадский, Биосфера, 1926, стр. 20.

²⁾ Вернадский, Очерки и речи, т. II, стр. 40.

³⁾ Вернадский, Биосфера, стр. 20.

⁴⁾ Вернадский, Очерки и речи, т. II, стр. 10.

⁵⁾ «Задачи дня в области радиа», стр. 36.

Мировоззрение акад. Вернадского — это эклектическое сочетание различных идей, направленных против материализма. Основной фон философских воззрений акад. Вернадского, это признание положительной роли религии и мистики, сочетающееся с элементами махизма в области естествознания. В целом, воззрения акад. Вернадского представляют собою одну из бесчисленных и не оригинальных реакционных попыток похода против естествознания и защиты религии под прикрытием того же естествознания.

Неудивительно, что такие философские воззрения оказали серьезное влияние на естественно-исторические труды их автора. Акад. Вернадский убежден, что исследуя природу, он нашел в ней, на основании многих «эмпирических обобщений», доказательства ценности религиозных подходов и практики витализма.

II.

Эмпиризм академика Вернадского.

Академик Вернадский любит называть себя эмпириком, а свои теории и взгляды эмпирическими обобщениями.

Познакомимся ближе с этим эмпиризмом.

В «Биосфере» акад. Вернадский следующим образом характеризует свой «метод».

«В этих очерках автор попытался иначе посмотреть на геологическое значение явлений жизни».

«Он не делает никаких гипотез. Он пытается стоять на прочной и незыблей почве — на эмпирических обобщениях. Он, основываясь на точных и бесспорных фактах, пытается описать геологическое проявление жизни, дать картину совершающегося вокруг нас планетного процесса»⁶⁾.

«Таким образом, эмпирическое обобщение, раз оно точно выведено из фактов, не требует проверки».

«Оно может существовать и быть положено в основу научной работы даже если оно является непонятным и противоречит господствующим теориям и представлениям».

«Только такие эмпирические обобщения, основанные на всей совокупности известных фактов, а не гипотез и теории, положены мною в основу дальнейшего изложения»⁷⁾.

Изложенный здесь «метод» акад. Вернадского состоит, как видим, в следующем. Во-первых, никаких гипотез; во-вторых, факты и эмпирические обобщения фактов, «не требующие проверки».

Начнем с вопроса о фактах. Почему факты не требуют проверки? И тем более — почему не требуют таковой так называемые эмпирические обобщения?

Потому, — поясняет акад. Вернадский, — что между эмпирическими обобщениями и научными гипотезами существует огромное различие. Оно заключается в том, что эмпирическое обобщение опирается на факты, индуктивным путем собранные, не выходя за их пределы.

«Научная гипотеза всегда выходит за пределы фактов, послуживших основой для ее построения, и поэтому для необходимой прочности она неизбежно должна связываться по возможности со всеми господствующими теоретическими построениями о природе, им не противоречить»⁸⁾.

⁶⁾ Вернадский, Биосфера, стр. 3—4.

⁷⁾ Там же, стр. 22—23.

⁸⁾ Там же, стр. 21—22.

Такое рассуждение в корне неверно и метафизично. Оно основано на ложном представлении, будто метод индукции обязательно ведет к безошибочным выводам и поэтому он является единственным научным методом. Оно построено на неверной предпосылке, будто эмпирическое обобщение не выходит за пределы фактов. «По мнению индуктивистов,—писал Энгельс¹⁾—индукция является непогрешимым методом. Это настолько неверно, что якобы надежнейшие результаты ежедневно опровергаются новыми открытиями. Световые тельца, теплороды были плодами индукции. Где они теперь? Индукция учила нас, что все позвоночные животные обладают дифференцированной на головной и спинной мозг центральной нервной системой и что спинной мозг заключен в хрящевых или костных позвонках — оттуда заимствовано даже название этих животных; но вот появляется амфионк — это позвоночное животное с недифференцированным центрально-нервным канатиком и без позвонков... Если бы индукция была действительно столь непогрешимой, то откуда взялись бы эти бесконечные перевороты в классификации представителей органического мира. Они являются самыми подлинными продуктом индукции и, однако, они уничтожают друг друга».

Всякое эмпирическое обобщение является возможным в силу заранее проделанной теоретической работы. Думать, что эмпирическое обобщение «не выходит за пределы фактов», совершенно нет оснований. Раз оно есть обобщение, то тем самым оно покидает пределы фактов. Более того, не только обобщения или выводы, но и самые факты естествознания весьма и весьма нуждаются в проверке. Обратимся к примеру, приводному акад. Вернадским. В качестве образца великого эмпирического обобщения он приводит работы Менделеева по открытию периодического закона. Но не кто иной, как сам Менделеев не уставал бороться и писать против «покорной доверчивости так называемым фактам» и призывал к «победе действительного знания над фактом»²⁾. «Только после конца средних веков,—писал Менделеев,—как говорили мне, смысл слов factum est стал двояким,—то делом рук человеческих, то чем-то абсолютным, вне человека существующим. Сперва же понимали только в первом смысле. Ныне понимают факт только во втором смысле и фактам покоряются. Между тем всякий факт — дело людского восприятия, а следовательно и людских ошибок в том или другом смысле. Естествоиспытателю это должно быть ясно. В грубом примере это понятно из того, что «факт» ежедневного движения солнца не подлежит сомнению. А между тем солнце относительно неподвижно. Вращается только ежедневно человек около оси своей земли по окружности сложившихся понятий, лишь изредка и понемногу проникая во внутреннее существо дела».

«Душой науки» Менделеев считал «ее законы, гипотезы и теории». Только «в строгом критическом отношении — как к приемам опыта, так и способам их расмотрения — должно видеть исход из лабиринта сплетающихся фактов и их обяснений»³⁾.

Попытка акад. Вернадского метафизически оторвать факты науки от научных теорий и гипотез антинаучна и реакционна. Это попытка, под прикрытием своего эмпиризма, выкинуть за борт научные теории, чтобы заменить их религиозными представлениями. «Сохрани бог, — говорят буржуазные естествоиспытатели, — мы не против фактов естествознания. Мы полностью принимаем все факты. Но позвольте нам не принимать существующие

¹⁾ Энгельс, Диалектика природы, изд. 1-е, стр. 59.

²⁾ Менделеев, Исследование водных растворов по удельному весу. Сб., 1887, стр. 5—6.

³⁾ Там же, стр. 106.

в естествознании теории». Другими словами: позвольте нам отвергнуть материализм и быть идеалистами и фидеистами.

Вопрос о взаимоотношениях между научными теориями и практикой, между законами и фактами давно уже получил четкую формулировку со стороны диалектического материализма.

«Формой развития естествознания, поскольку оно мыслит, является гипотеза. Открывается новый факт, делающий непригодным прежний способ обяснения относящихся к той же самой группе фактов. С этого момента возникает потребность в новых способах обяснений, опирающихся только на ограниченное количество фактов и наблюдений.

Дальнейший опытный материал приводит к очищению этих гипотез, устраняет одни из них, исправляет другие, пока, наконец, не будет установлен в чистом виде закон. Если бы мы захотели ждать, пока созреет материал для закона, то пришлось бы до того момента отложить теоретическое исследование и уже по одному тому мы не получили бы никогда этого закона»⁴⁾.

Обратимся к вопросу о том, какие же именно «гипотезы и теории», какие «предвзятые идеи», «противоречащие существующим в науке эмпирическим обобщениям», акад. Вернадский считает необходимым исключить из научного мировоззрения.

Читатель, неискушенный в тонкостях бесчисленных приемов «опровергивания материализма», сможет подумать, что акад. Вернадский собирается изъять из науки пресловутые этелехии, души импульсов, доминанты, жизненные порывы, жизненные силы, имманентные цели и проч. необозримый идеалистически-религиозный хлам, заполняющий буржуазное естествознание.

Но не эти прелести мракобесия в науке возмущают ученого естествоиспытателя. Акад. Вернадский об'являет в первую очередь поход против трех «предвзятых идей».

Первая — это «идея о геологических явлениях, как о случайных совпадениях причин, или слепых по самому существу своему, или живущих такими по их сложности и множественности, не разложимой в данную эпоху научной мыслью».

Вторая: идея о «логически неизбежном существовании на чала жизни, ее возникновения в ту или другую стадию геологического прошлого земли».

Наконец, третья: идея об огненно-жидкой или горячей газообразной стадии земли.

Все эти идеи акад. Вернадский считает противоречащими эмпирическим обобщениям науки, проникшим в нее из области философско-религиозных течений. Он полагает, что так как в доступном изучению эмпирическом материале не находят даже следа перечисленных трех факторов, то они должны быть выброшены из круга зрения естествоиспытателей, как ненужные надстройки, чуждые имеющимся крутым и прочным эмпирическим обобщениям.

Обратим внимание на первую идею, которую акад. Вернадский рекомендует выбросить из научного мировоззрения. Нетрудно видеть, что идея эта есть материалистическое понимание природы. Именно оно достигло величайшего торжества, сумев об'яснить неорганическую и органическую природу из действия «слепых по существу причин». Слепые по существу причины, действующие в природе, возмущают религиозно-идеалистическое сознание буржуазного ученого, они противоречат, по заявле-

⁴⁾ Энгельс, Диалектика природы, стр. 11.

нию Вернадского, всему, что так близко и дорого его сознанию. Вместо того чтобы открыто заявить, что научное обяснение явлений природы из действий слепых по существу причин несовместимо с религиозно-идеалистической философией, проповедуемой многими буржуазными естествоиспытателями, акад. Вернадский заявляет, что единственно научное обяснение явлений природы противоречит самому естествознанию. Он не находит подтверждения действий слепых причин в эмпирических фактах; материалистическое понимание природы, по его мнению, фактам противоречит. Зато божественность жизни легко укладывается в его мировоззрении естествоиспытателя. Лайль и Дарвин — это предвзятые идеи; зато Плотин — великий «учитель жизни».

Вот каков эмпиризм акад. Вернадского. Необходимо, — заявляет он, очищать научное мировоззрение от всякого рода предвзятых идей. Опажемся, в первую очередь, во славу эмпиризма, от материалистического понимания природы. Неважно, что тут же широко открываются двери для религиозной мистики, для идеализма, для поповщины. Зато мы придерживаемся эмпирических обобщений, которые не требуют проверки, если даже они противоречат материалистической теории.

Весь пресловутый эмпиризм акад. Вернадского — это дешевая декорация, значение которой — прикрыть и приукрасить якобы научной аргументацией возмущение религиозного сознания буржуазного естествоиспытателя материалистической методологией естествознания. Под защитным цветом такого эмпиризма совершается поход религии против науки. Тысячу раз прошел Энгельс, указавший, как эмпиризм, плоский эмпиризм — ведет от естествознания к мистицизму.

Любопытно, что академик Вернадский и сам серьезно не относится к заявлениям о своем эмпиризме. Это видно хотя бы из того, что он сам опровергает эти свои утверждения. Остановимся несколько подробнее на последнем моменте.

Касаясь вопроса о механистическом и виталистическом понимании явлений жизни, акад. Вернадский указывает, что оба эти представления являются не выводом из научных фактов, а отражением философских и религиозных идей; оба эти представления оказывают тормозящее влияние на научную мысль, так как они «запутывают эмпирические обобщения». Каков же выход?

«В стремлении, все более и более преобладающем в научных исканиях, оставить в стороне оба типа обяснений жизни, подходить к изучению явлений чисто эмпирически»¹⁾.

Допустим, что естествознание отказывается от достижений теоретической мысли и решает подходить к явлениям жизни «чисто эмпирически». Какой успех ожидает его на этом пути? Акад. Вернадский полагает, что такой подход может, с одной стороны, расширить область физико-химических сил, известных науке и, с другой стороны, ввести «новые принципы или аксиому в науку, новое недоказуемое и целиком невыводимое из известных аксиом и принципов понятие — наряду с теми, которые строят наш научный мир материи и энергии».

Удивительно непоследователен акад. Вернадский. Ведь на предыдущих страницах он доказывал нам, что эмпирическое обобщение не выходит за пределы фактов. Каким же путем оно способно ввести в науку «новые принципы» или «новое понятие» или «аксиому»? Не очевидно ли, что там, где мы вводим новый принцип или новое понятие мы неминимо выходим за пределы узкого эмпирического наблюдения?

¹⁾ «Биосфера», стр. 19—20.

На следующих страницах опровержения акад. Вернадским же продолжаются. Все рассуждения по поводу незыблевой почвы фактов разлетаются, как пыль, когда мы узнаем от автора «Биосферы», что после эмпирических обобщений следует серьезная переработка нашего научного мировоззрения.

«Придается только вместо господствующих космогонических гипотез построить новые, применить к некоторым из оставленных научной мыслью в стороне философских или религиозных построений иную, чем теперь, математическую или научную обработку, как это и было сделано для других философских и религиозных исканий при выработке современных научных космогоний»²⁾.

Не ясно ли, что дело не в отказе от теории вообще, а именно от материалистической теории. Акад. Вернадский не против всяких гипотез, а против гипотез, вытекающих из материалистического понимания природы. Вот почему весь эмпиризм акад. Вернадского — это словесная мишуря и декорация, которую акад. Вернадский сам не единажды разрушает.

При чтении трудов акад. Вернадского приходится не раз поражаться таким непоследовательностям и противоречиям.

Но оставим это и последуем в область естественно-исторических исканий акад. Вернадского. Посмотрим, каким образом на основе эмпирических обобщений, «не требующих проверки», был утвержден во славу религии витализм.

III.

Земля как планетный механизм и роль жизни.

Для дальнейшего необходимо знакомство с некоторыми идеями геохимии, как их развивает акад. Вернадский³⁾.

История химических элементов в земной коре может быть сведена к их разнообразнейшим перемещениям, которые Вернадский называет миграциями. В результате миграций в земной коре создаются различные системы химических равновесий.

Можно отличить в истории химических элементов земной коры несколько групп систем равновесия. Эти группы более или менее независимы, и химический элемент, включенный в них, подчинен в каждой группе различным физико-химическим законам. Акад. Вернадский называет эти различные группы систем равновесия формами нахождения химических элементов. Каждая из них отличается особым состоянием в ней атомов. В земной коре он различает следующие различные формы нахождения химических элементов: 1) молекулы и их соединения в минералах (горные породы, жидкости и газообразные земные массы); 2) химические состояния живых организмов (живого вещества); 3) кремневые магмы (сложные, вечно изменчивые системы, более или менее вязкие, обладающие высокой температурой и высоким давлением, переполненные газами); 4) наконец, состояния рассеяния химических элементов.

Формы нахождения химических элементов — магмы, рассеяния, минералы, живые вещества, — не могут быть сведены ни к фазам, ни к химическому элементарному составу вещества; они характеризуют различные земные оболочки, представляющие особые системы динамических равновесий. Формы нахождения элементов являются переменными природных динамических равновесий, которые распределяются в форме оболочек.

¹⁾ «Биосфера», стр. 24.

²⁾ Вернадский, Очерки геохимии.

Химические элементы обнаруживаются в различных оболочках нашей планеты известные закономерные свойства. Наиболее важны из них следующие:

1) Химические элементы находятся в устойчивых динамических равновесиях, различных для каждой земной оболочки.

2) Они переходят в течение геологического времени из одной оболочки в другую.

3) Состояние элементов — отвечающие им равновесия — изменяются, когда химические элементы переходят из одной оболочки в другую.

Это изменение происходит медленно или внезапно, но оно всегда однаково, идет всегда в одну и ту же сторону и постоянно возобновляется, если наблюдать процесс в течение достаточного времени.

История большинства химических элементов, охватывающих не менее 99% всего вещества земной коры, характеризуется замкнутыми круговыми процессами. Эти круговые процессы соответствуют изменениям равновесия химических элементов в различных земных оболочках в течение достаточно продолжительного геологического времени. Акад. Вернадский отличает первичные круговые процессы, соответствующие нескольким термодинамическим оболочкам, и вторичные круговые процессы, происходящие в пределах одной термодинамической оболочки.

Если задать себе вопрос, чем обусловлена миграция химических элементов, какие силы поддерживают в постоянном круговороте замкнутые круговые циклы превращений химических элементов, — то необходимо обратить особое внимание на поверхность земной коры.

Поверхностная наружная оболочка земной коры ограничивает ее от космической среды и одновременно связывает ее с последней при посредстве космических излучений¹⁾. Наиболее своеобразной особенностью ее является жизнь.

При помощи мощных потоков космической энергии «жизнь захватывает значительную часть атомов составляющей земную поверхность материи. Под ее влиянием эти атомы находятся в непрерывном, интенсивном движении. Из них все время создаются миллионы разнообразнейших соединений».

«На земной поверхности нет химической силы, более постоянно действующей, а потому и более могущественной по своим конечным последствиям, чем живые организмы, взятые в целом».

Более того — становится ясным, — пишет Вернадский, — что прекращение жизни было бы неизбежно связано с прекращением химических изменений, если не всей земной коры, то во всяком случае ее поверхности — или земли, биосфера. Все минералы верхних частей земной коры — свободные алюмоокисевые кислоты (глины), карбонаты (известняки и доломиты), гидраты окиси железа и алюминия (бурьи железняки и бокситы) и многие сотни других непрерывно создаются в ней только под влиянием жизни. Если бы жизнь прекратилась — их элементы быстро приняли бы новые химические группировки, отвечающие новым условиям, старые, нам известные тела, безвозвратно исчезли бы. С исчезновением жизни не оказалось бы на земной поверхности силы, которая могла бы давать непрерывно начало новым химическим изменениям. С исчезновением жизни на земной поверхности шли бы лишь медленные, от нас скрытые изменения, связанные с земной тектоникой.

¹⁾ «Излучениями нематериальной среды, — пишет акад. Вернадский, — определена не только биосфера, но все доступное, все мыслимое пространство» (Биосфера, стр. 7). Остается секретом, как может нематериальная среда излучать

Таким образом биосфера есть не только результат действия беспорядочных, случайных и единичных геологических явлений. Биосфера — это сложный механизм, все части которого согласованы в единое целое; это механизм, поддерживающий в беспрестанном циклическом движении огромное большинство химических элементов, составляющих более 99% массы вещества нашей планеты. В этом сложно-действующем механизме живому принадлежит исключительная роль. Без живых организмов механизм нашей планеты невозможно себе мыслить. «Живое вещество» — это наиболее активный, наиболее действенный из всех геологических факторов. Оно непрерывно и постоянно переводит химические элементы из одной термодинамической оболочки в другую, оно является могущественнейшим фактором осуществления круговых обратимых процессов в миграциях химических элементов. Без жизни биосфера имела бы совершенно иной геологический характер, и все химические превращения замерли бы. Явления жизни должны быть рассматриваемы, как части механизма биосферы; косное вещество есть в значительной мере создание жизни.

Исходя из этих положений, акад. Вернадский приходит далее к выводам, имеющим огромное методологическое значение.

«Твари земли являются созданием сложного космического процесса, необходимой и закономерной частью стройного космического механизма, в котором, как мы знаем, нет случайности»¹⁾.

«Жизнь является, таким образом, не внешним, случайным явлением на земной поверхности. Она теснейшим образом связана со строением земной коры, входит в ее механизм и в этом механизме исполняет величайшей важности функции, без которых он не мог бы существовать»²⁾.

Отсюда следует вывод: необходимо отказаться от представления о начале жизни.

«...Принимается, — пишет академик Вернадский, — логически неизбежным существование начала жизни, ее возникновение в ту или в другую стадию геологического прошлого земли. Эти идеи вошли в науку из религиозно-философских исканий».

Акад. Вернадский считает представление о начале жизни ненужной надстройкой, чуждой имеющимся прочным эмпирическим обобщениям. Эти представления не имеют под собою эмпирической основы, логическая обязательность их является иллюзией и принятие их во внимание «в текущей геологической работе в данный момент развития геологии вредным, тормозящим и ограничивающим научную работу обстоятельством»³⁾.

«...Все нам известные точно установленные факты ни в чем не изменяются, если даже все эти проблемы получат отрицательное решение, т.е. если бы мы признали, что жизнь всегда была и не имела начала, что живой организм — никогда и нигде не происходил из косной материи, и, что в истории земли не было вообще геологических эпох, лишенных жизни»⁴⁾.

«...Признавая биогенез, согласно научному наблюдению за единственную форму зарождения живого, неизбежно приходится допустить, что начало жизни в том космосе, какой мы наблюдаем, не было, поскольку не было начала этого космоса. Жизнь вечна постольку, поскольку вечен космос, и передавалась всегда биогенезом. То, что верно для десятков и сотен миллионов лет, протекших от архейской эры до наших дней, верно и для всего

¹⁾ Биосфера, стр. 10.

²⁾ Там же, стр. 27.

³⁾ Биосфера, стр. 4.

⁴⁾ Там же, стр. 24.

бесчисленного хода времени космических периодов истории земли. Верно для всей Вселенной¹⁾.

В этом вопросе наука, по мнению Вернадского, бессильна:

«И прав был другой великий философ древности и великий учитель жизни, живший через полтысячелетия после Аристотеля, Плотин (204—269), который видел в биогенезе, непрерывном зарождении организма от других организмов — и так на протяжении всего доступного для нашей мысли времени — величайшую тайну природы, самое глубокое проявление в ней божественности²⁾.

Итак, допущение начала жизни — заблуждение. Жизнь вечна и божественна. Таков первый вывод, якобы вытекающий из данных геохимии.

Но это не все. Представление о нашей планете, как об упорядоченном механизме наносит, по мнению акад. Вернадского, решающий удар материализму. Для доказательства последнего, вытаскивается из философского архива метафизическое противопоставление случайности и необходимости. «Слепой или бессмыслицейский случай, столкновение ничем не связанных частиц и неправильных их движений, построение мира без оставления места в нем явлениям, которые для нас так близки в нашем разуме и в нашем сознании, с каждым годом и с каждым научным достижением все больше бледнеют, все больше кажутся детскими, не отвечающим реальности научным лепетом».

«На каждом шагу мы наблюдаем соотношения, которые приводят нас к необходимости аналогии с механизмом, а не с слепым столкновением случайностей».

«Одним из частных проявлений этого нового является то проникновение во все уголки космоса представление о числовой и симметричной согласованности частей целого, о порядке природы, одним из проявлений которого является представление о живых организмах, как частях механизма земной коры. Они вполне согласованы планете, неразрывную часть которой они составляют, и планета согласована им».

«Объяснение этого явления явно выходит сейчас за рамки научной мысли, но мне кажется, что самое важное — факт его бытия, — все точнее его устанавливается и неизбежно должен быть воспринят и пережит»³⁾.

* * *

Необходимо разобраться в этом обширном материале.

При этом нужно тщательно отличать в воззрениях акад. Вернадского фактическую сторону выдвигаемых им положений от философских выводов и общих теорий. Необходимо помнить слова В. И. Ленина: «Ни единому из этих профессоров способных давать самые ценные работы в специальных областях химии, истории, физики, нельзя верить в едином слове, раз речь заходит о философии».

В чем заключается фактическая сторона изложенных воззрений? Огромное большинство химических элементов, составляющих более 99% земной коры, находится в состоянии циклических круговоротов. Жизнь, т. е. органический мир, принимает самое тесное участие в осуществлении этих круговоротов или циклов. Таковы факты.

Перейдем к теориям, которые построены на основе этих фактов. Первый вывод, который делает акад. Вернадский, заключается в том, что неорганический мир, мир химических элементов и жизнь согласованы

¹⁾ «Начало и вечность жизни», стр. 45—46.
²⁾ Там же, стр. 11—12.

³⁾ Вернадский, О размножении организмов и его значения в механике биосферы. Статья вторая. Известия Академии Наук, 12. 1926, стр. 1059—1060.

друг с другом, что неорганический мир никогда не существовал без жизни, так как они образуют единый механизм. Жизнь является частью этого механизма, без которой весь механизм не был бы в состоянии действовать.

На первый взгляд может показаться, что в этих утверждениях нет никаких двумысленностей. Пусть наша планета — механизм, космос — механизм и жизнь — часть космического механизма.

Но понятие механизм взято из человеческой практики. Механизм тем отличается от всякого другого предмета природы, что он создан человеком. Следовательно, идея, цель механизма в сознании его создателя может существовать ранее и задолго до самого механизма. Поэтому необходимо помнить, что когда естествоиспытатель пользуется понятием механизм, он имеет в виду лишь одно свойство механизма: согласованность частей целого. Одним из величайших вопросов естествознания являлся вопрос о происхождении этой согласованности: возникла ли она в силу действия слепых по существу причин, заключающихся в свойствах самих предметов, или же она возникла в силу некоего творческого, сознательного, направляющего действия. XIX век разрешил вопрос в первом смысле, нанеся смертельные удары идеализму и религии.

Само по себе понятие «механизм» метафизично и ничего не говорит. Коренний вопрос естествознания — происхождение «механизма». Является ли он историческим продуктом естественного развития природы, или создан волею творца по образу творений человека?

После этих замечаний вернемся к положению, выдвигаемому акад. Вернадским. Построение мира, — говорит он, — из ничем не связанных частиц, без оставления места в нем явлениям, которые так близки и так дороги нашему разуму и сознанию, с каждым новым научным достижением все больше бледнеют, все больше кажутся детскими, не отвечающим реальности научным лепетом. Мир — не слепое столкновение случайностей, а механизм. Живые организмы — части механизма земной коры. Они вполне согласованы планете, планета согласована им.

Совершенно ясная точка зрения. Механизм не возникает из случайных причин. Наоборот, — механизм противопоставляется случайности для вящего посрамления «не отвечающего реальности научного лепета» материализма. Механизм, в понимании акад. Вернадского, исключает материалистическое объяснение его. Такое понимание механизма есть виталистическое, религиозное понимание, противостоящее научному и материалистическому объяснению.

Остановимся теперь на другой стороне этих утверждений.

Живые организмы вполне согласованы планете и планета согласована им, — говорит акад. Вернадский. Другими словами: жизнь вполне приспособлена к окружающей среде, и окружающая среда приспособлена к жизни. Подобные утверждения не новы. Многие виталисты и религиозники в естествознании охотно и с большой любовью возвращались к идеи о том, что наша планета и весь космос приспособлены для жизни. Причину приверженности к этой идеи мы скоро узнаем. Очень подробно она разработана в известном сочинении Гендерсона: «Среда жизни». «Свойства окружающего мира, — говорит Гендерсон, — с биологической точки зрения обнаруживают такие же «целесообразные» особенности, как и сама жизнь». «Явления космического развития неразрывно связаны с характерными признаками организма и что, следовательно, пока еще необъяснимым образом космическое и биологическое развитие образуют нечто целое». «Весьма очевидно, что имеется достаточно оснований для введения в науку понятия о «всеобщей гармонии между органической и неорганической природой». Существует не-

что, доказывающее, что природа сама по себе есть некоторая цель. «Вместе с тем, я признаюсь,— продолжает Дриш,— что я совершил не в состоянии рассматривать эту цель иначе, как с антропоморфной точки зрения».

Почему виталисты различных направлений относятся столь благожелательно к идеи о приспособленности неорганического мира к жизни? Не трудно это понять. Для естественника материалиста жизнь возникла на определенной ступени развития неорганизованной материи. Живые организмы возникают позднее их среды. И приспособление живых организмов к среде есть результат исторического развития. Другое дело, если считать, что и среда приспособлена к живым организмам. Тогда единственное научное, материалистическое обяснение приспособлений получает брешь, разгадка отодвигается куда-то вдали, на сцену выступает опять таинственное, неуловимое нечто. Тогда нужно допустить, как это делает Гендерсон, что «в нашей солнечной системе приспособленность внешнего мира находилась в потенциале еще задолго до возникновения живых организмов»¹), или, как это делает В. И. Вернадский, допустить, что жизнь столь же вечна, как и матери. Но и то и другое ведет прочь от науки в обятия божественности. Поэтому совершенно прав был Э. Вильсон, который в президентской речи 1915 г. в Американской ассоциации следующим образом характеризовал метафизическую сущность такой постановки проблемы: «Говорят также, что приспособления обусловлены: организмов к окружающей среде и среды к организмам. Может быть оно и так для метафизиков, но для нас, натуралистов, это вопрос исторический, и организмы появляются, несомненно, позднее их среды»².

Для акад. Вернадского не существует вопроса: как «возник этот механизм? Как он развивался?» «Объяснение этого явления явно выходит сейчас за рамки научной мысли»,— говорит он. Выходит, что достаточно назвать планету механизмом, чтобы узреть над ним витающую тень божественного архитектора. Раз дан механизм, следовательно, он вечен. Раз доказано, что в этом механизме существует органический мир, следовательно, и жизнь вечна. Но эта логическая последовательность тезисов и следствий столь же «логична», как онтологическое доказательство бытия бога. Все это сплошная метафизика.

Для виталистов и метафизиков особенно трудно приемлема эволюционная точка зрения. В этом отношении акад. Вернадский продолжает в своей специальной области традиции витализма. Эволюционное развитие, историзм, не занимают почти никакого места в воззрениях В. И. Вернадского. Химические элементы даны в природе в различных формах нахождения, они могут лишь мигрировать из одной формы нахождения в другую, проходя вечно неизменные циклы превращений; минералогический состав земной коры оставался во все геологические времена одинаковым. Живые организмы менялись лишь морфологически, но не менялось на всем протяжении геологических эпох совокупное биохимическое действие органического мира. Все, что мы находим в природе, дано и оставалось тем же в течение всей геологической истории земли. Никакого развития, никакой эволюции. Изменения в природе происходят лишь постольку, поскольку химические элементы и тела попадают из области с одними термодинамическими условиями в область других условий. Новообразованиям, появлению новых качеств нет места в концепции акад. Вернадского. Природа есть некоторое дарование равновесие, некоторый механизм, все части которого существуют от века и обяснение чего выходит сейчас за рамки научной мысли.

¹⁾ «Среда жизни», стр. 172.

²⁾ Цитир. по К. А. Тимирязеву: «Из летописи науки за ужасный год».

Метафизическое мышление мешает акад. Вернадскому правильно поставить вопрос о взаимоотношении между случайностью и необходимостью, между слепым действием причин и согласованностью механизма.

Одним из наиболее убедительных доводов против материализма акад. Вернадский считает невозможность понять явления мира, как имеющие в основе своей также и случайные причины. Как может «слепой случай» создать согласованный механизм космоса, планеты, органического мира?

«Слепой случай» и «порядок природы» — вот те две противоположности, которые, по мнению акад. Вернадского, решают вековую проблему в пользу идеализма и религии. Стоит показать, что в природе господствует «порядок», и материализм погиб. Но... «этая песня стара и поется она не талантливо». История борьбы идеализма с материализмом знает многократные попытки применить подобную аргументацию для уничтожения безбожного материализма. Вспомним Дриша, который писал, что дарвинизм, — это учение о том, каким образом из беспорядочного бросания камней можно построить стройное здание. Вспомним Руссо: «Если мне придут сказать, что случайно рассыпавшийся шрифт расположился в Энеиде, я шага не сделаю, чтобы проверить эту ложь». Но, если в XVIII веке логика Руссо была, быть может, неотразима, то что сказать о натуралистах, которые и по сие время стоят на том же? Подобные выступления в настоящее время показывают лишь то, что авторы их не понимают постановки этой проблемы современным, диалектическим материализмом.

Диалектический материализм считает, что случайность и необходимость не являются противоположностями, исключающими друг друга. Случайность и необходимость — это два полюса, каждый из которых лишь момент единого, развивающегося на основе противоречия. Случайность нельзя противопоставить причинности, так как случайное не обходится. С другой стороны, необходимость определяет себя как случайность. С этой точки зрения необходимость составляет из случайностей, а эти случайности представляют собою форму, за которой скрывается необходимость. Случайное не определяет основной закономерности явления, но оно входит как отдельный момент в его действительное развитие. Основная закономерность явления, его необходимость, проявляет себя и прокладывает себе дорогу через целый ряд случайностей. Так осуществляется историческая необходимость, пробивая себе дорогу через многие случайности. В процессе эволюции органического мира мы имеем практическое доказательство внутренней связи между необходимостью и случайностью. То же относится к любому явлению, либо это отношение между необходимостью и случайностью имеет общее значение.

Механисты вместо того, чтобы разрешить вопрос о связи между случайностью и необходимостью, просто устраняют случайность, объявляя ее результатом нашего неведения; идеалисты объявляют случайность беспричинной и стоят в недоумении, подобно акад. Вернадскому, перед вопросом, как же можно беспричинную случайность связать с необходимостью.

В свое время К. А. Тимирязев пытался подробно пояснить антидарвинистам ошибку, лежащую в основе метафизического противопоставления случайности и необходимости. Его рассуждения весьма любопытны и мы приведем их довольно полно.

«Но мне кажется,— писал К. А. Тимирязев,— что все это только парадоксальная игра словами. Найдется ли какой-нибудь сложный механический процесс, дающий вполне определенный, вперед вычисляемый результат, и не представляющий при более глубоком анализе, при рассмотрении в другом масштабе целого хаоса случайностей. Когда сельский хозяин в своей

сортировке отделяет одни семена от других, пользуется ли он определенным механизмом или только игрой случайностей? Когда химик отделяет в фильтре твердый осадок от жидкости, пользуется ли он механизмом или случайным явлением? Конечно, и да и нет. Каждый из этих процессов является и определенным механизмом и хаосом случайностей, смотря по тому, с какой точки зрения мы себе представим явление. Последите, что происходит с каждым мелким зернышком в сортировке, какой путь оно опишет, пока дойдет до отверстия в сетке, сколько раз проскользнет мимо, а может быть, так и ухитрится уйти, спрятавшись за крупными. Или эта частица раствора, которая должна пройти через фильтр и упорно засела в осадке, не доказывает ли она, что вся операция фильтрования основана на случайности? Но попытайтесь убедить химика, что все его анализы основаны на случае, и он, конечно, только встретит смехом такое философское возражение. Или еще лучше убедите человека, садящегося в поезд Николаевской железной дороги, с расчетом быть завтра в Петербурге,—убедите его, что эта уверенность основана на целом хаосе нелепейших случайностей. А между тем с философской точки зрения — это верно. Какая сила движет паровоз? Упрогусть пара. Но физика нас учит, что это только результат несметных случайных ударов несметного числа частиц, носящихся по всем направлениям, сталкивающихся и отскакивающих и т. д. Но это далеко не все. Есть еще другой хаос случайных явлений, который называют трением. Вооружимся микроскопом; даже не апохроматом, а идеальным микроскопом, который показал бы нам, что творится с частицами железа там, где колесо локомотива прильнуло к рельсу. Вот одна частица зацепилась за другую, как зубец шестерни, а рядом две, может быть, так прильнули, что их не разорвать, вот третья оторвалась от колес, а вон четвертая — от рельса, а пятая, быть может, соединилась с кислородом, и, накалившись, улетела. Это ли не хаос? И однако из этих двух хаосов, а сколько бы их еще набралось, если бы подсчитать, — слагается, может быть, и тривиальный, но вполне определенный результат, что завтра я буду в Петербурге¹⁾.

Так отвечал К. А. Тимирязев на истерические вопли Данилевского о том, что материализм убивает все то, что так дорого нашему сердцу и сознанию.

Отметим, что К. А. Тимирязев был, понятно, неправ, считая с случайностью необходиомость лишь двумя «масштабами» рассмотрения явлений, двумя «точками зрения», а противопоставление этих двух категорий — «парадоксальной игрой словами». В этом вопросе старик Тимирязев стоял целиком на позициях механицизма, который отрицает случайность. С этих позиций невозможно опровергнуть религиозное «кликушество» естествоиспытателей, недоумевающих, каким образом необходимость «может возникнуть из случайности», так как для механицизма существует одна сплошная необходимость. «С необходимостью же этого рода мы все еще не выходим из границ теологического взгляда на природу» (Энгельс).

Только материалистическая диалектика дает решение этого вопроса.

IV.

Начало и вечность жизни.

«Какое торжество, милостивые государи, какое торжество для материализма, если бы он мог утверждать, что материя действительно организуется и оживляется сама собой; материя, которая уже заключает в себе все известные силы... Ах, если бы мы еще могли придать ей ту силу, которая

¹⁾ К. А. Тимирязев, Опровергнут ли дарвинизм?

называется жизнью, если бы мы могли придать ей такую жизнь, которая видоизменилась бы в своих проявлениях вместе с условиями наших опытов, то естественным образом мы должны были бы притти к обоготовлению этой самой материи. К чему тогда допускать первобытное творение, перед тайной которого мы поневоле должны преклониться. К чему тогда идея бога — создателя».

Эти слова из публичной лекции (1864) знаменитого Пастера могут послужить иллюстрацией того, как тесно представление о начале жизни, о происхождении живого из неживого, связано с материалистическим воззрением на природу.

Допущение вечности жизни заключает в скрытом виде признание того, что жизнь есть не только свойство определенным образом организованной материи, но нечто надматериальное. Такое признание непосредственно связано с виталистическими воззрениями на жизнь.

Рассмотрим аргументы, приводимые акад. Вернадским в пользу того, что жизнь не имела начала.

Первый из них — порядка философского.

Воззрения на происхождение жизни из косной материи тесно связаны с материалистическим пониманием природы. Но материалистическое истолкование природы, — как утверждает Вернадский, — потерпело крушение. Поэтому «возрождение разных форм виталистических и энергетических гипотез жизни является здоровым проявлением научного критицизма. Оно является реакцией против незаконно охватившего науку философского представления, ему чуждого. К тому же это философское построение связано с материализмом, тем философским течением, которое было живым в конце XVIII, середине XIX века, и которое в тех проявлениях, в каких оно выражается в науке, является историческим пережитком в современной философии. Живого материалистического течения мысли в современной философии, находящейся сейчас в бурном движении, нет»¹⁾.

Если материалистическая философия потерпела крушение, если она представляет собою «умирающее и чуждое науке представление», то ясно, какое малое значение может иметь для натуралиста логическая неизбежность признания abiogenesis, то есть происхождения живого от неживого.

Так рассуждает акад. Вернадский.

Читая эти строки нашего ученого академика, становится очевидно, что в нем менее всего говорит естествоиспытатель: эти строки написаны фанатичным религиозником, во что бы то ни стало стремящимся очернить и разбить ненавистный ему материализм.

Кем и когда доказано, что материализм чужд науке? Кто доказал, что материализм в науке является только историческим пережитком?

Такая характеристика материализма может исходить только от человека или совершенно ослепленного ненавистью к этому мировоззрению, или его совершенно не знающего и не понимающего.

В одном академик Вернадский прав. Действительно, материализм конца XVIII столетия имел существенные недостатки. Прежде всего это был механический материализм, не знаящий законов диалектики, не понимавший мира в его движении. Но все недостатки старого материализма были превзойдены в диалектическом материализме Маркса, Энгельса и Ленина. Между тем акад. Вернадский утверждает, что живого материалистического течения мысли в настоящее время нет. Это утверждается тогда, когда диалектический материализм накладывает все большую печать на развитие не только общественных наук, но и наук о природе.

¹⁾ Вернадский. Начало и вечность жизни.

Достаточно продумать тот неоспоримый факт, что революционная теорияialectического материализма лежала в основе революционной практики пролетариата, совершившего Октябрьскую революцию; что и сейчас же теория является основой всего строительства социализма в нашей стране и надежнейшим компасом мирового пролетариата в его великой борьбе за освобождение от капиталистического рабства,— достаточно только продумать эти факты, чтобы понять, чью враждебную рабочему классу и трудающимся идеологию отражает «научное мировоззрение» нашего академика.

На этом закончим обсуждение первого «аргумента» акад. Вернадского в пользу вечности жизни.

Второй довод — из области геологии.

Историю земли делят на геологическую и космическую. Геологическая история земли охватывает те периоды ее существования, начиная с архейской эры, в течение которых образовались земные слои. Эта история доступна изучению методами геологии. Но до геологического периода земли проделала огромной длительности историю, которая не может изучаться методами геологии. Это — космические периоды существования земли.

Академик Вернадский считает доказанным, что в геологические времена зарождения жизни не было. В пользу этого представления говорят, по его мнению, следующие доводы. Первые прямые указания на существование жизни на земле мы находим в древних до-кембрийских отложениях. Ниже их идут азойные (безжизненные) слои. Но уже в до-кембрийских слоях жизнь имеет такое развитие, которое свидетельствует о том, что ей предшествовали бесчисленные века более древних организмов. С другой стороны, изучение азойных (архейских) слоев показало, что они представляют собою всецело метаморфизованные горные породы и поэтому древние следы организмов всецело уничтожены.

Наконец, «строение архейских горных пород, нахождение среди них конгломератов, песчаников, известняков, углистых соединений, глин и т. д. явно указывают на широко развитые в это время процессы выветривания, т.-е. воздействие атмосферы — кислорода, углекислоты и воды — на складовые массивные породы. Мы знаем, что все процессы выветривания идут сейчас при самом энергичном и непрерывном участии жизни, переполнены биохимическими реакциями. Если бы жизни не было, они шли бы иначе. Но никакого различия этих древнейших отложений, связанных с процессами выветривания, от аналогичных современных пород мы уловить не можем. И мы должны признать, что процессы выветривания и тогда, как и теперь, регулировались жизнью, игравшей в ней ту же самую роль, какую она играет в них в нашу эпоху. Неизменность продуктов этих реакций и их количественных соотношений служит едва ли опровергаемым указанием на существование жизни на всем протяжении альгонской и архейской эры»¹⁾.

Посмотрим, какую убедительность имеют эти доводы.

Богатство фауны докембрийских слоев свидетельствует о том, что им предшествовали «бесчисленные века более древних организмов». Это безусловно верно. Последнее, однако, ни в коей степени не может служить аргументом в пользу вечности жизни. Есть все основания полагать, что докембрийская эра истории земли была более продолжительной, чем все последующие эры. Один только альгонский период не менее продолжителен, чем вся палеозойская эра. «И тогда становится понятной возможность развития такой фауны, какую мы встречаем уже в кембрии»²⁾.

С другой стороны, нахождение в архейских породах известняков,

¹⁾ Вернадский, Начало и вечность жизни.

²⁾ Павлова, Палеоантропология, ч. 1, 1927, стр. 11.

конгломератов, углистых соединений и продуктов выветривания может быть объяснено просто тем, что эти породы не являются столь древними, как это когда-то принималось. «Кристаллические сланцы, — пишет Haug, — прежде считались самыми древними породами и потому назывались архейскими. В настоящее же время известно, что они произошли из осадочных пород различного возраста, преимущественно палеозойских, но иногда и мезозойских (напр. в Калифорнии), и даже может быть кенозойских. Правильность этого положения не может больше вызывать никаких сомнений, так как среди кристаллических сланцев часто встречаются настоящие конгломераты из окатанных галек более древних осадочных, изверженных и метаморфических пород»³⁾.

Именно поэтому некоторые исследователи предлагали применять название архейской эры только к осадочным до-кембрийским породам, а ниже лежащие слои называть первичными, или каким-нибудь другим именем.

Факты, приводимые Вернадским, давно известны. Они не препятствуют специалистам-геологам (назовем, напр., Неймайера) быть убежденными сторонниками дарвинизма и abiogenеза. Таким образом, геологические данные хотя отодвигают начало жизни к более древним временам, чем это могло казаться несколько десятилетий тому назад, но ни с какой стороны не заставляют принимать положение о вечности жизни.

Геологические данные, приводимые акад. Вернадским, не вносят ничего принципиально нового, ничего ранее неизвестного или недостаточно учтываемого. Поэтому со стороны геологии нет решительно никаких предпосылок подвергать сомнению материалистический взгляд на происхождение жизни из неорганической природы в течение геологического развития нашей планеты.

Обратимся теперь к третьей группе аргументов, основанных на данных геохимии.

«Из того факта, что минералогический состав нашей планеты тесно связан с живым веществом и остается неизменным в течение всего геологического времени, следует, что организмы-концентраторы одинаковых химических элементов, но разных морфологических форм, должны были существовать в течение всего геологического времени»⁴⁾.

«Совершенно несомненно, что минералы, образующиеся в течение геологического времени, всегда одинаковы. Всюду и всегда, не только со временем кембрийской эры, но и со временем архейских эр, образуются те же минералы; нет никакого изменения. Не только нет изменения в самих минералах, но и их парагенезис остается тот же и их взаимные количества во все времена кажутся тождественными».

«Отсюда необходимо заключить, что геохимические явления не изменились заметным образом со временем архейских эр».

«Из этого также следует, что средние количества и состав живого вещества остались приблизительно одинаковыми в течение всего этого непостижимого по длительности времени. Иначе, в виду значения организмов в геохимической истории всех химических элементов, ни минералы, ни их соединения не могли бы оставаться все время тождественными»⁵⁾.

«В этой области выводы геохимической науки находятся в противоречии с данными биологических наук и палеонтологическими фактами»⁶⁾.

Начнем с последнего положения. Академик Вернадский заявляет, что

³⁾ От. Э. Геология, т. I, изд. 3-е, стр. 168—169. Haug. *Traité de géologie*, II, 1908—1911, стр. 565—570.

⁴⁾ «Очерки геохимии», стр. 202.

⁵⁾ Там же, стр. 193—194.

⁶⁾ Там же, стр. 196.

выводы геохимии пришли в противоречие с данными биологических наук и палеонтологии.

Основа всех биологических наук, это—учение об эволюции органического мира. Выводы Вернадского противоречат теории эволюции. Последняя рассматривает органический мир, как находящийся в постоянном изменении. Геохимическая наука в лице академика Вернадского пришла к заключению о неизменности органического мира; органический мир не имел начала, он, следовательно, вечен; средние количества и средний состав живого вещества тоже вечно, так как оставались приблизительно одинаковыми в течение необозримых геологических периодов.

Какой выход из этого противоречия находит академик Вернадский? Прежде всего это противоречие обявляется только «кажущимся»¹⁾.

Далее для обяснения его акад. Вернадский вынужден прибегнуть к весьма сомнительной гипотезе. Сущность ее заключается в следующем.

Вся эволюция органического мира есть только эволюция форм, исключительно морфологическая эволюция, которая не касается химического состава организмов. Правда, каждому морфологическому изменению сопутствует изменение химическое; но химические изменения живых организмов совершаются в «химически неизменных рамках различного живого вещества». Согласно этому допущению, общий химический состав живого вещества и, следовательно, геохимическая деятельность органического мира остается в течение геологического времени всегда одинаковой.

Гипотеза акад. Вернадского молчаливо предполагает еще одно допущение. Именно, если какой-нибудь вид в ходе эволюции претерпевает известные химические изменения, то другой вид будет изменяться в обратном направлении. Но кто и каким путем регулирует подобные процессы?

Такова цепь гипотез, выдвигаемых акад. Вернадским. Автор этих смелых гипотез считает их эмпирически установленными фактами или эмпирическими обобщениями. На каком основании? Кто и когда устанавливал, что средний химический состав организмов оставался неизменным в течение геологического времени? Кто и когда эмпирически устанавливал, что морфологические изменения организмов происходят в химически неизменных рамках живого вещества? Если все это эмпирические факты, то каким именем назвать научные догадки?

Нетрудно заметить, что воззрения акад. Вернадского по этим вопросам фактически совпадают с взглядами Лотси на эволюцию органического мира. Согласно воззрениям последнего — в ходе эволюции не имеют места новообразования. Все развитие органического мира представляет перепрограммирование уже существующих свойств и качеств. Воззрения акад. Вернадского являются повторением на химическом языке взглядов Лотси, изложенных на языке биологическом. Таким образом акад. Вернадский, подобно Лотси, фактически отрицают эволюцию органического мира, ибо он считает, что химический состав органического мира дан заранее и не может быть изменен. Академик Вернадский вышел из указанного выше противоречия; но этот выход оплачен дорогой ценой отрицания органической эволюции.

Посмотрим теперь, в каком виде представляется гипотеза о постоянстве химического состава органического мира со стороны известных нам данных биологии и палеонтологии. В замечательном докладе покойного Я. В. Самойлова «Эволюция минерального состава скелетов организмов»²⁾, мы находим ряд интересных данных и соображений, касающихся интересующего нас вопроса.

¹⁾ Очерки геохимии, стр. 197.

²⁾ Самойлов, Биология, 1929 г.

Древнейшие ископаемые животные организмы из всех доныне известных — это радиолярии. Они найдены в кремнистых породах (фтанитах) северной Бретани до кембрийского возраста. Радиолярии выделяют скелет, состоящий из иголочек кремнезема. Представители другого класса, типа корненожек, более просто организованные, чем радиолярии — фораминиферы выделяют скелет, состоящий из карбоната кальция. Они редко встречаются в кембрийских слоях, силуре и девоне и начинают изобиловать в верхних каменноугольных отложениях. Обратимся к другим представителям животного мира, имеющим кремневый скелет — кремневым губкам. Кремневые губки находятся уже в раннем кембрии; известковые губки (вообще более простые и несравненно менее разнообразные, чем кремневые) встречаются в весьма небольшом количестве только со средним девоном. В соответствии с этим, — полагает Я. В. Самойлов, — надо принять замкнутый цикл кремневых животных (и растений) за древнейшую группу организмов. «Кремневая группа не пошла далеко в своем развитии. На лестнице животных организмов она не продвинулась дальше типа кишечнополостных. На дрезе развития организмов древнейшая кремневая группа представляет отдельную самостоятельную ветвь, скоро остановившуюся в своем дальнейшем развитии».

«Господство организмов с кремневым скелетом в первоначальном море находится в согласии с высказывавшимся предположением о недостатке кальция в первичном море».

Обратимся теперь к другим классам животного мира. Среди беспозвоночных более высоко развитых, чем корненожки и кремневые губки (кишечнополостные — известковые губки, кораллы; моллюски образные — мшанки, плеченогие; иглокожие; моллюски) исключительную роль в построении скелета играет углекислый кальций.

«В построении скелета всех некремневых организмов совершенно исключительную роль играет кальций — пятый по распространенности после отмеченных нами выше элементов. Скелет беспозвоночных животных главным образом сложен из углекислого кальция. Можно отметить, что и в минеральной природе углекислый кальций имеет распространенность, много превышающую распространенность всех других карбонатов».

«Наконец мы переходим к высшему типу животных организмов — к позвоночным с их внутренним скелетом. То, что для состава скелетов беспозвоночных является исключительным, как бы предуказывающим дальнейшее развитие скелетного материала, для позвоночных представляет общий фон: скелет последних сложен из фосфата кальция. Только отдельные, незначительные по массе образования, как напр. отолиты рыб, сложены из карбоната кальция; из него же состоит скорлупа яиц».

«В скелете позвоночных исключительную роль играет именно фосфор-элемент, как отмечалось, относительно менее распространенный. Для построения скелета позвоночных — не пригодны карбонаты щелочных земель, которыми удовлетворяются ниже организованные типы животных: для позвоночных требуются фосфаты».

Остановимся на этом. Будь гипотеза Вернадского об одинаковости среднего химического состава органического мира верна, мы должны были бы ожидать в каждую геологическую эпоху одинаковых количественных взаимоотношений между организмами «кремневыми», «карбонатными» и «фосфатными». Ничего подобного в палеонтологических данных мы не находим. Наоборот, с усложнением организации организмов новые вещества вовлекаются в построение их скелетов и тем самым в биохимические циклы.

Мы намерено остановились более подробно на воззрениях Я. В. Самойлова. Они показывают, что против тех положений, которые обявляются

«эмпирическими фактами», могут быть выдвигаемы весьма веские возражения и что они не разделяются другими исследователями¹⁾.

Воззрения Я. В. Самойлова, также основанные на данных геохимии, могут служить примером подхода к геохимическим проблемам, в корне отличного от подхода акад. Вернадского. Акад. Вернадский принимает жизнь изначально, вечной и неизменяющейся. Я. В. Самойлов принимает жизнь постоянно развивающейся, изменяющейся в ходе эволюции не только морфологически, но и химически. Первый полагает, что жизнь определяет минеральный состав поверхности нашей планеты, который оставался неизменным во всю геологическую историю земли. Второй считает, что условия окружающей среды (первичного моря) наложили своеобразный отпечаток на развитие жизни; но с другой стороны жизнь в свою очередь воздействует на минеральную среду, изменив ее сообразно своим био-химическим действиям. Короче говоря, у акад. Вернадского — метафизический подход, опирающийся на гипотетические допущения. У Я. В. Самойлова — подход естественноиспытателя материалиста, вскрывающего глубину и сложность наблюдаемых явлений²⁾.

V.

Жизнь и второй принцип термодинамики.

Виталисты стремятся проложить непроходимую грань между органическим миром и неорганическим. Для виталиста эти два мира явлений абсолютно различны. Огромное большинство виталистов поэтому придает особое значение характеру энергетических процессов в живых организмах. Особое место удалено этому вопросу и в трудах В. И. Вернадского³⁾.

«Природные явления, выраженные энергетически, обыкновенно сводятся к принципу Карно. Мы видим, что они всегда связаны с деградацией энергии; количество деятельной энергии, способной производить работу, падает с каждым природным явлением. — Энергия рассеивается в виде тепла, энтропия мира, как говорил Клаузус, увеличивается, и уровень тепла выравнивается».

«Проявления жизни являются эмпирическим фактом, с трудом входящим в рамки других природных явлений — в аспекте принципа Карно. Уменьшение энергии, ее рассеяние в виде тепла не имеет места в жизни такой, как мы ее понимаем (зеленых хлорофильных растений или автотрофных микробов). Наоборот, в силу факта существования этих организмов, количество энергии, способной производить работу, очевидным образом увеличивается к концу жизни в окружающей природе».

Другими словами: в неорганическом мире господствует второй принцип термодинамики; только живые организмы не подчинены этому принципу.

¹⁾ В другой работе Я. В. Самойлов писал: «И если мы примем, что различные организмы, особенно с необычными биохимическими свойствами, организмы, численность которых, в современную геологическую эпоху совершенно незначительна (потому-то их свойства и кажутся нам необычными), что такие организмы в какой-либо прежний период истории земли могли быть весьма многочисленными и распространенными, то мы поймем, какую важность должно представлять детальное освещение этих вопросов для выяснения генезиса различных минералов, встречающихся в осадочных породах». — Я. В. Самойлов. Палеофизиология (палеобиохимия) и ее геологическое значение, «Биолиты», 1929.

²⁾ Наши знания об эволюции органического мира не только как об эволюции форм, но и как эволюция биохимического состава организмов, все более расширяются. Интересны работы А. В. Благовещенского (*Biologia generalis*, V, 1929) по линии ботаники и сводка Р. Крюгера, *Abstammung und Biochemie* (*Biologia generalis*, VI, 1930) — по линии зоологии.

³⁾ «Очерки геохимии», стр. 226.

Энергетический характер явлений жизни противоположен характеру явлений в неорганической природе.

Среди виталистов подобные взгляды имеют большое распространение. Л. С. Берг, например, считает, что каждое отдельное живое существо, «поскольку оно представляет собою совокупность материальных молекул», подчинено тому же закону рассеяния энергии, или наименьшей работы. Но этот путь вовсе не характерен для процесса развития отдельной особи, вида или всего органического мира. «В противоположность неорганическому миру, в органическом — развитие идет в сторону создания таких организмов, которые были бы в состоянии производить не минимум работы, а максимум». «Жизнь идет как раз в сторону наименее вероятного»^{1).}

«Мертвая материя», — говорит Л. С. Берг, — стремится к такому положению, в каком она осуществляет минимум работы, онтогенетическое же и филогенетическое развитие живых существ идет в сторону выработки организмов, способных превратить максимум тепла в работу»^{2).}

Другой виталист — Д. Соболев разделяет все процессы, протекающие в организмах на летальные или энтропические и витальные или просергатические. Первые рассеивают энергию; вторые концентрируют ее^{3).}

Такие воззрения, сущность которых сводится к тому, что жизненные явления признаются исключением, не подчиняющимся второму началу термодинамики, имеют среди виталистов большое число приверженцев.

Академик Вернадский не приводит ни одного факта в подтверждение этой огромной важности предпосылки (если не считать упоминания о деятельности хлорофиллоносных растений и автотрофных бактерий). Посмотрим, насколько подобные утверждения основаны на каких-либо научных данных.

По мнению Вернадского рассеяние энергии в виде тепла «не имеет места в жизни (такой, как мы ее понимаем) зеленых хлорофильных растений и автотрофных микроорганизмов».

Все известные данные и факты позволяют утверждать как раз обратное. Науке неизвестен ни один организм и ни одно проявление жизнедеятельности, которое стояло бы в противоречии со вторым законом термодинамики.

«Было бы открытием огромной важности», — говорит известный французский исследователь Ф. Донаи, — если бы было обнаружено, что растения и животные составляют исключение из этого правила».

«Было бы великим событием, если бы кто-либо из исследователей открыл хоть один случай, где второй закон термодинамики не подтвердился бы»^{4).}

«Ни один организм, — пишет О. Мейергоф, автор специальной работы, посвященной применению термодинамики к жизненным процессам, — не обладает способностью уменьшать энтропию мира. В каждом случае явления протекают в направлении уменьшения свободной энергии»^{5).}

¹⁾ Берг, Л. С. Взгляды Дидро на эволюцию. — Природа, 1927.

²⁾ Берг стоит полностью на почве аналогии организма с тепловой машиной. Эволюция, онтогенез и филогенез идут в сторону выработки организмов, способных превратить максимум тепла в работу. Эти взгляды, основанные на аналогии организма с паровой машиной, давно устарели. — Организм не производит работу за счет тепла, а за счет лучистой или химической энергии. — Выделение теплоты, как правило, является побочным явлением в энергетике организмов. — Организмы не тепловые машины, а хемодинамические. — См. Оппенheimer. *Der Mensch als Kraftmaschine*, 1921.

³⁾ Соболев, Эволюция, как органический рост. Природа, 5, 1929.

⁴⁾ Scientia, v. XLV, NCCV—5, 1929 (Русск. пер.: Природа, 12, 1929).
⁵⁾ O. Meyerhof, *Thermodynamik des Lebensprozesses*, Handbuch der Physik, Bd. XI, 1926, стр. 242.

Естественно, возникает вопрос, почему же виталисты, и в том числе акад. Вернадский, считают вопрос решенным? Каким образом обосновывают они столь огромной важности открытие?

В основе подобных рассуждений мы часто находим вульгарное представление о втором принципе термодинамики.

Согласно второму принципу термодинамики, если мы наблюдаем процесс, идущий с уменьшением энтропии, то он сопровождается безусловно другим процессом, идущим с увеличением энтропии, т. е. с рассеянием энергии. Совокупная свободная энергия системы уменьшается.

Что же делают наши виталисты? Они берут живой организм вне всякой связи с окружающей его средой. Они изолируют одну часть связанной системы, и находя в этой изолированной части системы накопление энергии с ликующим видом воскликнут: вот видите, живой организм не подчиняется второму началу термодинамики!

Они берут зеленое растение. Из углекислоты и воды оно образует ульвы и кислород. Безусловно, этот процесс, взятый сам по себе, идет с увеличением запасов энергии. Но оно возможно лишь постольку, поскольку в другом полюсе системы идет другой компенсирующий процесс деградации или падения энергии, основанный на разнице температур поверхности солнца и земли. Виталисты приводят в пример нитрифицирующих бактерий. Эти микробы ассимилируют углекислоту и превращают ее в органические вещества своего тела. Без сомнения, — в теле бактерий имеет место увеличение свободной энергии. Но оно возможно только потому, что в другой части системы, в окружающей среде, аммиак окисляется до нитритов или нитриты окисляются до нитратов, и это уменьшение свободной энергии компенсирует увеличение ее в другом месте. «Живая клетка», — говорит Дональд, — действует как трансформатор энергии, снижая часть свободной энергии окружающей среды до более низкого уровня потенциала и, одновременно, повышая некоторую часть ее до более высокого уровня». Есть ли тут малейшее противоречие со вторым принципом термодинамики? ¹⁾

Во всех этих попытках поражает тот низкий уровень, на котором наши виталисты ведут обсуждение этих вопросов. Необходимо отметить, что из западе постановка тех же проблем уточненнее.

Некоторые естествоиспытатели пытались с точки зрения теории вероятностей подойти к вопросу об особом характере энергетических процессов в живых организмах. Они допускали (например, Хилл), что в живом белке второе начало может быть неприменимо, так как малые размеры клеточных структур не дают возможности осуществляться закону, основанному на теории больших чисел. По выражению Мейергофа, они, стало быть, допускали, что «демоны Максвелла, которые наподобие клапана пропускают через перегородку радионагреватель приемников только с одной стороны, более быстро движущиеся молекулы, — играют роль в жизненных явлениях и тем самым вызывают изменения против состояния вероятности в направлении прогрессивного дифференцирования и целесообразного формообразования» ²⁾. Интересно, что в этом вопросе Гельмгольц также отдал известную дань витализму.

¹⁾ Насколько наши виталисты вульгарно толкуют второй принцип термодинамики, можно уяснить из известной книги Л. С. Берга «Номогенез или эволюция на основе закономерностей». 1922. Автор этой книги считает, что живая материя способна систематически переводить тепло в работу (стр. 1), в чем он усматривает одно из принципиальных, отличий неживой природы от живой. Так как в настичшее время даже школьнику известно, что в неживой природе наблюдается постоянное превращение теплоты в работу (энергия ветра, падающей воды и т. п.), то прав был А. К. Тимирязев, назвав, в свое время, вышеприведенное утверждение Л. С. Берга воплощенной безграмотностью (Философия науки, 1, Физика, 1922, стр. 55).

²⁾ Meyerhof, там же, стр. 240.

лизму. «Вопрос о том, возможно ли такое превращение (неупорядоченной энергии в упорядоченную) в тонких структурах живых органических тканей — остается для меня открытым» ¹⁾.

Эти воззрения, однако, остались изолированными. Произвольность таких рассуждений очевидна. Если мы даже допустим, что тонкие клеточные структуры состоят из небольшого числа частиц, то почему это должно увеличить реальную вероятность энергетических процессов в клетке, направленных в сторону уменьшения энтропии? Теоретически этот вопрос разработан Смолуховским, который показал, что существование подобных микросистем столь мало вероятно, что практически их можно принять невозможными. Поэтому, — заканчивает Мейергоф раздел, посвященный этому вопросу, — «упорядочение неупорядоченных молекулярных движений без потери энергии в структурах каких угодно малых размеров невозможно» ²⁾.

Примером другого типа рассуждений о применимости второго начала термодинамики к жизненным процессам может служить работа Вахтеля ³⁾. Автор исходит из положения, что важным признаком, характеризующим жизненные явления, является их необратимость. Но раз это так, рассуждает Вахтель, то что собственно остается для доказательства действительности второго начала? Ибо ведь ясно, что ведь процесс необратимо, нельзя полностью перевести в работу даже упорядоченную энергию. Поэтому Вахтель приходит к заключению, что применимость второго начала к животным организмам формально доказана.

Понятно, что подобные формалистические рассуждения не могут нас удовлетворить. Не всякий естествоиспытатель, стоящий на точке зрения применимости физико-химических закономерностей к явлениям жизни, тем самым является уже материалистом. Иллюстрацией этого может служить уже цитированный выше Мейергоф, который считает, что не могут существовать натурфилософские принципы, которые не были бы применимы и в биологии, так как «высшие принципы естествознания вытекают из человеческой познавательной способности» ⁴⁾. С таких позиций кантианец Мейергоф критикует виталиста Дриша. Другой яркий пример — это американский исследователь Лотка, идеалист, который механически отождествляет закон эволюции органического мира со вторым законом термодинамики ⁵⁾. Вывод тот, что не всякое признание применимости физико-химических закономерностей к жизненным явлениям свидетельствует о материализме.

В то время как виталисты таинственно шептали о том, что жизнь настолько загадочное явление, что оно не подчиняется законам термодинамики и оставалось поставить на этом точку и закончить исследование энергетики жизненных процессов, в это время в биологические науки проникли новые приемы исследования из области физической химии, целиком основанные на втором начале термодинамики. Вопреки пророчествам виталистов, наука, на основе применения к жизненным процессам основных положений второго начала термодинамики, достигла серьезных успехов в сторону понимания механизма обратимых окислительно-восстановительных процессов в клетке; она нашла способы измерения незначительных концентраций ионов, долгое остававшихся неуловимыми; она выяснила поразительные закономерности прохождения ионов через полупроницаемые перепонки. Если вопрос об истинности теоретического воззрения решает практика человеческой деятельности,

¹⁾ Helmholtz, Thermodynamik chem Vorgange. Ostwalds Klassiker, № 124, S. 30.

²⁾ Meyerhof, там же, стр. 240.

³⁾ Wachtel. Ueber die Anwendbarkeit des zweiten Hauptsatzes der Thermodynamik auf Vorgänge im tierischen Organismus. Pflügers Archiv, 171, 1918.

⁴⁾ Meyerhof, там же, стр. 238.

⁵⁾ Lotka, Elements of physical biology. Baltimore, 1925, S. 26.

ности, если уменьшить вызвать то или иное явление свидетельствует о том, что мы владеем причинами его, то практика определения концентрации водородных ионов и окислительно-восстановительного потенциала, основанная на приложении второго начала к жизненным процессам, и многочисленные предвидения хода биологических процессов, сделанные на основе учета этих данных¹⁾, лучшим образом свидетельствует о бесплодности виталистических умствований насчет второго начала.

Перейдем теперь к другой стороне вопроса о приложимости второго принципа к явлениям жизни. Наши виталисты (напр., Л. С. Берг) утверждают, что каждое отдельное живое существо подчиняется законам термодинамики, но эволюция в целом, эволюция особы, вида и всего органического мира противоречит второму началу, т. к. развитие в органическом мире идет в сторону создания организмов, способных производить максимум работы, т. е. жизнь идет в сторону менее вероятного.

Достаточно продумать эти положения, чтобы убедиться, насколько они противоречивы.

Виталисты принимают, что каждое отдельное живое существо подчиняется законам тепла. Это означает, что все процессы жизни индивидуума подчиняются этим законам. Итак, питание, дыхание, рост, размножение и пр. — подчиняются законам термодинамики. Но развитие особы и заключается в этих и только этих процессах. Почему же развитие в целом должно составлять исключение из второго принципа? Мы знаем, что энергетические явления обладают свойством аддитивности. Какие же основания считать, что в случае, когда все отдельные единичные процессы подчиняются второму началу термодинамики, совокупность этих процессов будет противоречить этому началу? Пусть сторонники Берга вместо общих рассуждений покажут какой-нибудь выход из нагроможденных ими противоречий.

В чем же действительное различие между характером энергетических процессов мира неорганического и органического?

Среди явлений окружающей нас природы мы замечаем двойного равновесия: статические и динамические. Тела, находящиеся в статическом равновесии, отличаются тем, что они неспособны производить работу.

Живые организмы — это системы динамического равновесия. Этим сказано, что живые организмы способны производить работу и что работоспособность эта поддерживается за счет притока энергии извне. Тем самым живые организмы включаются в общую цепь закономерностей природы, охватываемую законами термодинамики.

Наши виталисты не хотят видеть того, что эти основные черты характеризуют не только неживые динамические системы, но и все вообще динамические системы, включая живые организмы. В другую крайность впадают биологи — механисты. Они не идут дальше сравнения живого организма с доподлинно или с племенем²⁾. Для них не существует вопроса о том, имеется ли различие между живыми организмами и неживыми динамическими системами.

Между тем в этом именно различии заключается своеобразие энергетики жизненных процессов³⁾.

¹⁾ Michaelis, Oxydations—Reductions—Potentiale mit besonderer Berücksichtigung ihrer physiologischer Bedeutung, 1929.

²⁾ Höber. Physikalische Chemie der Zelle und Gewebe. 5 Aufl., Н., 1924, стр. 89.

³⁾ Вопросу о выяснении этого различия посвящена работа т. Бауэра «Физические основы в биологии», 1930. С рядом положений, высказанных тов. Бауэром мы не можем согласиться, но обсуждение их вышло бы за рамки настоящей статьи. Тов. Бауэр в основном правильно разрешает вопрос об отличии энергетики живых организмов от энергетики неорганизованных динамических систем.

В чем же заключается это своеобразие?

Живые организмы имеют многочисленные механизмы, с помощью которых они используют энергию, поступающую к ним извне, для производства работы. Структура этих механизмов имеет существенное значение для определения степени использования энергии и работоспособности системы. Живые организмы отличаются от неживых динамических систем тем, что свою работоспособность, другими словами — свою свободную энергию, они затрачивают на изменение структуры своих механизмов, и тем самым меняют степень своей работоспособности. Работоспособность живых организмов меняется в ходе развития организма, так как свободная энергия организма используется для изменения самого уровня свободной энергии. В живых организмах мы имеем своеобразные динамические системы, в которых сама работоспособность их включена в цикл развития.

Одно из отличий живых организмов от неживых динамических систем заключается, стало быть, в том, что в неживых динамических системах затраты свободной энергии не влияют на процесс притока энергии извне. Другое дело — в организмах. Здесь затраты энергии приводят через изменение структур к изменениям в самом процессе притока энергии извне и возможностей ее использования.

Вернемся теперь к основному положению, которое выдвигает академ. Вернадский.

Правильно ли, что «в результате жизни происходит не уменьшение свободной энергии в космической среде, а ее увеличение»? Что «в этом отношении жизнь действует обратно правилу энтропии»⁴⁾.

Ясно, что подобные утверждения не имеют под собою никакой почвы. Живые организмы увеличивают свою работоспособность за счет притока свободной энергии извне. Этим сказано, что под воздействием жизни свободная энергия в космической среде уменьшается.

К такому в корне неправильному представлению о явлениях жизни, как действующих обратно правилу энтропии, ведет часто неверное понимание своеобразных черт энергетики жизненных процессов хлорофилосодержащих растений. Последние поглощают лучистую энергию окружающей их среды и незначительную часть этой энергии консервируют в органическом веществе. Не будь на поверхности земли растений, эта лучистая энергия рассеялась бы. Но благодаря особым механизмам, в данном случае благодаря хлорофильному аппарату часть лучистой энергии задержана. Таким образом, растительный мир помогает рассеяние энергии. Это замедление процесса рассеяния энергии виталисты нередко принимают за уменьшение рассеяния. Изменение скорости процесса они заменяют изменением направления этого процесса. Но очевидно, что это два разных явления. Второй закон термодинамики тут не при чем, ибо он трактуется не о скорости реакций, а об их направлении.

VI.

Конфликт физики и витализм.

Кризис, переживаемый буржуазной наукой, в частности — кризис физики имеет в своей основе резкое несоответствие между огромным эмпирическим материалом, накопленным современным естествознанием и «методологией» буржуазной науки, задыхающейся в узких рамках механизма или идеализма. Современный кризис буржуазного естествознания рождает на одном полюсе стихийный диалектический материализм, а на другом — идеализм.

⁴⁾ Вернадский, Изучение явлений жизни и новая физика, Изв. Ак. Наук ОМЕН, 3, 1931 г., стр. 420.

лизм, мистику и поповщину. Глубокий кризис буржуазной науки — это одно из проявлений процесса загнивания и распада капиталистической системы.

Современный «кризис физики» и установление отступлений от механической причинности для микромира движения ионов вызвало радостное возбуждение в лагере витализма.

Одним из первых забил в литературу австрийский теоретик витализма Берталанфи¹⁾. В кризисе физики он усматривает огромное потрясение для механицизма и «усиление позиций витализма». Он упрекает биологов в том, что они продолжают догматически придерживаться физики, уже отошедшей в древность и ставшей проблематичной. Вместо принципа причинности он предлагает «позитивистическую телевицию», согласно которой в данный момент существующее A зависит от будущего B. Подобно тому, что мы видим и у Вернадского, Берталанфи сочетает свои научные воззрения с мистицизмом. «Вместо строгой причинности природы,— пишет он,— выступает недетерминированная картина мира, которая столь же похожа на ранние, примитивные представления, как современный психизм и особенно учение о сверхиндивидуальной душе совпадает с мистическим чувством донаучного человеческого состояния».

Из этих кратких высказываний австрийского теоретика становится совершенно очевидным, что именно так волнует ученых-виталистов, специализировавшихся в погоне за чудом.

Неудовлетворительность механического понимания причинности она толкают как отказ от причинности вообще. Ограниченностю механической формы материализма они представляют как всеобщее крушение материализма. Вместо материализма — недетерминированная картина мира; вместо научного исследования природы — разговорчики о сверхиндивидуальной душе.

Виталисты вынуждены заниматься неблагодарнейшей работой. И удел — использовать всякое затруднение научного исследования мира для обоснования возможности чуда или сверхиндивидуальной души или проявления поповщины. Они подхватывают всякое затруднение в научной работе для того, чтобы торжествующе заявить: вот видите, к чему ведет наука! Они с восторгом хватаются за все неясные и недостаточно изученные явления для того, чтобы напустить на них еще больше неясности и тумана. И понятие какое ликование наступило в лагере витализма по случаю «кризиса физики»!

И Берталанфи не одинок. Все его основные положения разделяет акад. Вернадский.

Ньютоново мироздание, — заявляет акад. Вернадский, — низводит человека со всеми его интересами и достижениями на положение ничтожной подробности в космосе. Но этот Ньютоновский мир, построенный на всемирном тяготении, на бесконечности времени и пространства, мир материи и энергии, был «чужд живому, человеческой личности и его жизни»²⁾. Это был мир, — продолжает он, — «стихиально непонятный человеку». Это противоречие продолжалось по мнению акад. Вернадского с XVI по XIX столетие, противоречие между тем, что там дорого сознанию и сердцу человека в миром науки³⁾. Такова общая картина старого мировоззрения в представлении акад. Вернадского.

¹⁾ Bertalanffy, Ueber die Bedeutung der Umwälzungen in der Physik für die Biologie. Biol. Zentralbl., 47, 1927.

²⁾ Вернадский, Изучение явлений жизни и новая физика, Изв. Ак. НАН ОМЕН, 3, 1931, стр. 404.

³⁾ Вернадский, Изучение явлений жизни и новая физика, Изв. Ак. НАН ОМЕН, 3, 1931 г., стр. 417.

Академик Вернадский любит говорить о «человеке» и о «человечестве». Ради ясности отметим, что человечеством акад. Вернадский считает ту реакционную часть буржуазного ученого мира, которая стоит на позициях витализма. Приведем один только пример. Известно, что капитализм переживает глубочайшее потрясение; что буржуазная наука переживает кризис. Академик Вернадский воспринимает этот кризис капитализма, как «неустойчивость научной организации человечества»; он с грустью отмечает, что «результаты научной работы все более и более расходятся с ее содержанием»; он указывает что «во многом плодотворная работа человечества в области религии приходит в коренное противоречие с научным миропониманием. Так изображает Вернадский картину буржуазной науки. Но при чем тут «человечество» вообще?

Нарисовав такую картину четырехсотлетнего кризиса господствующего научного миропонимания, акад. Вернадский естественно переходит к проблеме выхода из кризиса.

Мы знаем единственный выход из кризиса буржуазной науки. Это — реконструкция науки на основах диалектического материализма Маркса, Энгельса, Ленина. Это выход, осуществляемый в нашем Союзе, в нетримпимом борьбе с идеализмом, витализмом и религией, с одной стороны, и преодолении и борьбе с механистическими извращениями марксизма и с меньшевистско-идеалистической ревизией его — с другой. Марксистско-ленинская методология указывает единственный путь разрешения буржуазного кризиса науки, путь овладения и перестройки науки и подчинения ее задачам построения социалистического общества, путь, который поднимает саму науку на высшую ступень и создает невиданные ранее возможности для ее развития.

Другой выход, который считает необходимым акад. Вернадский, это — всеобщий витализм, проникновение витализма в науки о неживой природе. Идеи «универсального витализма», которые проповедывали в свое время философские «черносотенцы» — Карпов, Лосский и др., — становятся ныне знаменем ученой реакции.

Академик Вернадский, рассматривая человеческую деятельность как геологический фактор, пишет: «Человеческая мысль резко и коренным образом меняет ход естественных процессов». В чем сущность этих изменений? В том, что они идут под влиянием не форм энергии, а человеческой мысли». Странно! Но автор и сам понимает необычайность этих строк и поэтому ставит следующий вопрос: «Как же может сознание действовать на ход процессов, как будто целиком сводимых на материю и энергию? Ответ гласит: «Повидимому мы не можем подойти к решению этой проблемы без коренного изменения наших основных физических представлений, которые только что пережили и переживают небывалое, но быстрое в истории мысли изменение. Перед нами стоит новое, не меньшее. Оно неизбежно связано с проникновением основных явлений жизни в построения физических теорий»⁴⁾.

Это означает, что витализм, т.е. религиозно-божественное объяснение явлений, должен занять место и в области физики.

«Элементы космоса, — заявляет в другом месте акад. Вернадский, — строящие его бытие в микроскопическом разрезе, могут быть, имеют глубокие аналогии с индивидуумами — организмами — жизни».

«Индивидуальное входит в мир физических явлений»⁵⁾.

⁴⁾ Вернадский, Эволюция видов и живое вещество. Природа, 3, 1928.

⁵⁾ Вернадский, Изучение явлений жизни и новая физика, стр. 416.

«В физику выдвигаются новые понятия, которые неизбежно обращают внимание физиков на явления жизни. Ибо оказывается, что в явлениях жизни последствия этих понятий выражены яснее и разче, чем в обычных объектах физических исследований»¹).

«В природе нет великого и малого. Допустив в одном месте отклонение от применения закона причинности, невозможно выразить все в законах движения, — неизбежно придет к тому же допущению в других случаях»²).

Так акад. Вернадский обосновывает всеобщий витализм. Надо ли доказывать, что все подобные рассуждения покоятся на замене кризиса механического понимания причинности крушением причинности вообще?

Стремление витализма опереться на все непонятное показывает еще и следующий пример. Известно, что в новейшее время некоторые физики, исходя из определенных предпосылок о строении галактики, о плотности материи и пр., пришли на основе теории относительности к выводу о конечности космоса. Известно, что этот вывод привел их к ряду противоречий. Таковы факты... А академик Вернадский торжественно заявляет в виде неоспоримой истины, что «мы становимся ближе к миропониманию средневековья, к Данте, к его конечной Вселенной, чем к безграничному пространству ученых XVI—XIX столетий»³.

Кажется, что дальше итии некуда в некритическом отношении к материалам современного естествознания.

Мы видели, как некоторые биологи воспринимают последствия кризиса физики.

В заключении остановимся несколько на том, как выдающиеся физики думают о биологии.

Вот мнение Планка:

«...и все-таки биология всегда работает на основе принципа строгой причинности. Я думаю, что без преувеличения можно утверждать, что в биологии собственно там начинается наука, где в нее вводят закон причинности»⁴.

Таково мнение лица, обвинять которое в приверженности к старой физике нет оснований.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ.

Работы и мировоззрение акад. Вернадского в целом являются собой поучительный пример того жалкого состояния, в которое повергается наука, находящаяся в пленах буржуазной идеологии.

С одной стороны, ряд экспериментальных работ, представляющих краеугольный научный и практический интерес. Здесь имеются в виду геологические работы, выясняющие закономерности миграции минералов в земной коре; выяснение роли органического мира как геологического фактора; установление значения организмов как концентраторов некоторых элементов, например, исследования, освещающие с новых точек зрения генезис некоторых минералов биосфера.

Но, с другой стороны, во всех работах и исследованиях акад. Вернадского поражает тот низкий теоретический уровень, на котором ведут обсуждение принципиальных вопросов методологии научного познания.

Поражает то безмерное блуждание между механицизмом и ничем не прикрытой мистикой, поражает полнейшее непонимание и игнорирование диалектического материализма.

Но таков удел буржуазной науки: сочетать выдающиеся экспериментальные исследования с жалким электическим и реакционным бредом в об-

¹) Там же, стр. 412.

²) Там же,

³) Там же.

⁴) Sitzungsber. preuss. Akad. Wiss. Oeff. Sitzung v. Juli, 1929.

ласти теории. Буржуазная наука бьется в рамках этого противоречия. И лучшие представители ее начинают отходить от основ буржуазной методологии, ищут понимания и контакта с наукой СССР, перестраиваемой на основах диалектического материализма.

Работы академика Вернадского — яркий пример и тех блестящих достижений буржуазной науки, которые мы обязаны усвоить и переработать, и того обездоленного ее теоретического состояния, сумятицы и идеологического разброда, которые в ней господствуют.

Виталистические проповеди акад. Вернадского — это в настоящее время самый заметный и выдающийся голос витализма в СССР, это воинствующее знамя религиозного мировоззрения.

И на этом теоретическом участке фронта классовой борьбы против буржуазии мы обязаны победить и разбить витализм и расчистить путь для реконструкции естествознания на основе марксистско-ленинской методологии.

Воззрения академика Вернадского подлежат жестокой критике не только потому, что они представляют разновидность реакционных буржуазных теорий, но и потому еще, что они не могут не отражаться на практике работ этого крупного исследователя, его учеников, его школы. Они не могут не оказывать влияния на направление его исследований, на тематику их, на их организацию.

Для иллюстрации сказанного приведем несколько примеров.

Известно, что Академия наук в последнее время произвела перестройку своей работы, приблизив ее к задачам социалистического строительства. Особенно неудовлетворяла потребности, выдвигаемые строительством социализма, работа комиссии по изучению естественных производительных сил Союза (КЕПС). Все эти факты знакомы советской общественности. И любопытно, что как раз теоретические воззрения акад. Вернадского оказались одним из тормозов, препятствующих быстрой перестройке работы КЕПС.

«Логика жизни и логика разума различны»⁵), заявлял акад. Вернадский. Логика жизни — это требования практики; логика разума — это теория. «В теоретической научной области роль личности в постановке новых проблем стоит на первом месте; она нигде в других областях знания не повторяется»⁶). «Выдвигание на первое место той или иной новой проблемы зависит только от человеческой личности...»⁷) Совсем другое в области прикладной науки: «здесь проблемы ставят не свободная человеческая личность или их ассоциация, а ставят жизнь своими требованиями»⁸). Эта теория «науки для науки», теория, открывающая научную работу от прикладной, превращающая первую в какую-то высшую и самодовлеющую категорию, вполне понятно, привела акад. Вернадского к постановке вопроса о том, что «представляется совершенно непонятным, — по сути дела, — чем может быть вызван такой лихорадочно-спешный пересмотр структуры Академии, который сейчас так неожиданно выдвинут»⁹).

Приведем еще один пример, иллюстрирующий глубочайший разрыв между теорией акад. Вернадского и нашей практикой. Мы ведем героическую борьбу за скорейшую индустриализацию нашей страны, за насыщение ее машинами, за овладение наукой и техникой. Но стоит почитать акад. Вернадского, и мы узнаем, что собственно все эти задачи не зависят от воли

¹) Вернадский, О задачах и организации прикладной научной работы Академии наук СССР, 1928, стр. 25.

²) Там же, стр. 5.

³) Там же, стр. 4.

⁴) Там же, стр. 5—6.

⁵) Там же, стр. 18.

людей. «Созданные человеческим гением машины... растут в своем значении в «геометрической прогрессии, вне воли человека». К ним, оказывается, вполне приложимы «законы размножения организмов в биосфере»¹). Стало быть, «машины размножаются» по тем же биологическим законам, которые лежат в основе размножения организмов.

Мы ведем борьбу за кадры, за создание своей собственной производственно-технической интелигенции. Наша социалистическая страна не только требует мощного развития всех областей науки, которые должны теоретически освещать пути нашего строительства, но и создает невиданные в мире предпосылки для мощного творческого развития научной мысли, для огромного расширения культуры на многомиллионные трудящиеся массы, для рождения новых ученых и исследователей. Но послушаем академика Вернадского.

«В мире реально существуют только личности, создающие и высказывающие научную мысль, проявляющие научное творчество — духовную энергию».

«Их рождение есть реальный факт, теснейшим образом связанный со структурой человека, выраженной в аспекте природного явления. Социальные и политические условия, позволяющие проявление их духовного содержания, получают значение только при его наличии»²).

«Мы не знаем пока, почему, как и отчего происходит рождение талантливых людей, орудий научной мысли и их скопление в близких поколениях, отсутствие их в других. Мы должны принимать их за свойства нашей расы, проявление ее природы»³.

Академик Вернадский выражает здесь старую реакционную мысль усердно проповедуемую апологетами эксплоататорских классов о том, что социальные условия бессильны и не имеют никакого значения, если заранее не «нарождены» ученые личности,двигающие вперед науку. Но последний процесс природный, биологический; скопление таких личностей в определенные исторические эпохи есть проявление биологических особенностей человечества, свойств расы.

«Новая полоса взрыва научного творчества неизбежно должна дойти до своего естественного предела, так же неизбежно, как движется к нему комета».

«Эти величайшие движения научной мысли неизбежно отражаются уже сейчас на всей духовной структуре человечества. Они отражаются и на ее жизни, на его идеалах, на его быте. С ним неизбежно связан новый рост философской мысли, который некоторыми уже указывается как начавшийся и новый подъем религиозного творчества»⁴.

Так рисуются, по академику Вернадскому, перспективы культурной революции, перспективы развития научной мысли. В итоге: прогноз «естественного предела» и «нового подъема религиозного творчества».

Мы уже говорили выше, что когда академик Вернадский говорит о «человечестве», он фактически имеет в виду буржуазию; когда он пишет о «духовной структуре человечества», следует подразумевать буржуазную идеологию. Соответственно этому все его ученые прогнозы о естественном конце, о новом подъеме религиозного творчества, о бессилии человеческой воли влиять на «размножение машин», о незначимости социальных и политических условий для развития научной мысли, — все это является прямыми

¹⁾ Вернадский, О задачах и организации прикладной научной работы Академии наук СССР, 1928, стр. 11.

²⁾ Вернадский, Мысли о современном значении истории знаний, Труды ком. по истории знаний, Ленинград, 1927, стр. 6.

³⁾ Там же, стр. 8.

⁴⁾ Там же, стр. 16.

проявлением кризисного, безвыходного состояния «буржуазного человечества».

Нескольких приведенных выше примеров достаточно, чтобы уяснить как шаг за шагом витализм непосредственно приводит к реакционнейшим выводам в области практики нашего строительства.

Виталистические воззрения в биологии логически развиваются до универсального витализма в подходах ко всем явлениям мира и до признания творческой роли религии; они связываются с извращенными, фантастическими представлениями о соотношениях между материей и сознанием, между практикой и теорией, с реакционнейшими представлениями о законах общественного развития.

В наших условиях, когда во всем мире гудят раскаты величайшей в истории человечества борьбы капитализма и социализма, когда в СССР пролетарская диктатура строит новый мир и завершает построение фундамента социалистической экономики, в этих условиях невиданной в истории человечества техническо-экономической реконструкции страны, — «теории» и прогнозы академика Вернадского имеют один лишь обективный смысл. Объективно они отражают и укрепляют позиции классовых врагов, позиции международной буржуазии, с ненавистью стремящейся выбить из рук пролетариата основные рычаги науки, необходимые для социалистического преобразования общества.

Необходимо до конца бороться со всеми подобными теориями, необходимо разбить их и обезвредить, ибо без этого мы не можем двигаться вперед по пути реконструкции науки и техники, в соответствии с требованиями строительства социализма.

И чем талантливее и крупнее ученый, который подобные теории разывает, чем полезнее отдельные его экспериментальные работы, тем настоятельнее необходимость вскрыть всю реакционную сущность его теоретических воззрений и вред их для практики нашего строительства.

КРИТИКА и БИБЛИОГРАФИЯ

Современное гегельянство на Западе.

«Verhandlungen des ersten Hegelkongresses vom 22 bis 25 April, 1930, im Hause
Im Auftrag des Internationalen Hegelbundes herausgegeben von B. Wigersma, Tübingen,
Mohr, 1931». S. 243.

Реформирование книги:

(Труды первого гегелевского конгресса с 22 по 25 апреля 1930 г. в Гааге. По поручению Международного гегелевского союза изданы Б. Вигерсмой. Тюбинген, книгоиздательство Мора, 1931 г., стр. 243).

В одном немецком книгоиздательском проспекте, рекламирующем только что вышедшие в 1931 г. философские книги, говорится по поводу книги Мартина Буссе «Гегелевская феноменология духа и государства», что эта книга имеет особенно важное значение по той причине, что «на Гегеля ссылаются, с одной стороны, марксизм, а с другой стороны, фашизм. Это последнее замечание по существу неправильно. Представители революционного марксизма-ленинизма никогда не «ссылались» на идеализм Гегеля. Маркс и Энгельс своей критикой гегелевского идеализма раз навсегда похоронили и уничтожили всякий идеализм и метафизику, так что все позднейшие попытки буржуазных мракобесов откопать идеалистов в той или иной форме неизбежно кончались позорным крахом. Не за мистицизм идеализма, а лишь за рациональное зерно, скрытое под мистической философской оболочкой, ценили Гегеля Маркс, Энгельс и Ленин. Заслугой основоположников марксизма является то, что они спасли от буржуазного разгрома рациональную диалектику Гегеля и, подвергнув ее мистифицированную форму уничтожающей материалистической критике, в полную противоположность диалектике Гегеля развили материалистическую диалектику — это непревзойденное революционное оружие пролетариата для действенной критики и уничтожения капиталистического рабства.

И совершенно противоположными причинами вызван теперешний возврат к Гегелю со стороны реакционной буржуазии, после того, как она почти в течение целого столетия травила гениального мыслителя, как «мертвую собаку». Современный национал-фашизм и социал-фашизм хватаются за реакционную сторону гегелевской системы, ссылаются на идеализм и мистику, чтобы пойти в них духовное оправдание безудержному разгулу империалистической реакции, оправдание режиму кровавой фашистской диктатуры финансового капитала, чтобы найти идеологическое прикрытие для зверских расправ со стороны фашистских банд над организациями революционного пролетариата и над революционными элементами в угнетаемых империализмом колониальных и полуколониальных странах.

Именно этими причинами вызывается в последнее время рост увлечения Гегелем в капиталистических странах.

Это выражалось в частности в созыве Первого международного гегелевского конгресса, заседавшего в Гааге с 22 по 25 апреля 1930 г. Этот конгресс положил начало архи国民党ному Международному гегелевскому союзу, выработав правовую и устав этого союза и выбрал правление и председателей. Реферируемыми книгами представляют собою первое печатное произведение Международного гегелевского союза.

Открывается эта книга «Введением издателя», т.е. Вигерсмы. Вигерсма — голландский философ, член «Общества чистого разума имени Болланда». В своем «Введении» Вигерсма указывает на тот «трагизм культуры», который по его мнению переживается современным человечеством и который выражается в том, что все отрасли культуры (наука, искусство, религия, политика, — об экономике даже и совсем ничего не говорится), — все больше и больше распадаются на множество специальных областей и отделов и все больше и больше теряют связь между собой. При этом каждая частная наука стремится распространить свои частные методы на все остальные области науки и тем самым еще усугубляет то «аваилонское столпотворение», которое характерно для современного состояния науки и всей вообще культуры. Отсюда та тоска по единой всеохватывающей философской «науке наук», которую Вигерсма видит у представителей обособившихся друг от друга частных дисциплин. Вигерсма ищет диалектического разрешения противоречия между всеобщим, особым и индивидуальным, но кроме высокопарных общих фраз о таком диалектическом разрешении, притом фразы сугубо идеалистических (с уклоном к субъективному идеализму), он в своем «Введении» ничего не дает. «Знание науки» он отождествляет со «знанием действительности», а человека он обявляет «разумным субъектом всех объективных процессов» (стр. 11).

Вигерсма утверждает, что со временем Гегеля никто еще не достиг «внутреннего, существенного, истинно-философского обединения всех направлений», всех наук и всех областей культуры. И вот важнейшей задачей Международного гегелевского союза этот реакционер считает разработку такого рода метафизической философии, как «науки всех наук нашего времени» (стр. 9).

За «Введением» Вигерсмы следует «Приветственная речь» голландца Киндермана, председателя голландского философского «Общества чистого разума имени Болланда». Общество это основано учениками известного голландского гегелевца Болланда (1854—1922), с 1896 по 1920 г. бывшего профессором философии в Лейденском университете. Целью общества является «разработка философии в духе Гегеля». Это общество и явилось инициатором созыва Первого международного гегелевского конгресса. В сугубо выспренных выражениях, выдержаных в стиле гегелевской «мистики идей», Киндерман приветствует, собравшихся на конгрессе буржуазных философов различных стран Европы, распространяясь об абсолютном духе, который, мол, возвышается над всеми национальными и политическими различиями, над всеми частностями и особенностями. В своем «пафосе» абсолютного идеализма Киндерман доходит до таких утверждений, которые ярко показывают, как плохо он понял глубокий историзм, лежащий в основе гегелевской философии. Киндерман декларирует: «Искусство, религия и философия существенно возвышаются над теми событиями, которые образуют судьбу народов и государств. Они не затрагиваются ходом всемирной истории. События политической жизни совершенно безразличны для более высокой духовной жизни» (стр. 15). Эта неизуитская манера прикрывать гнусности капитализма фразами о «высокой духовной жизни» весьма характерна для представителей современной упадочной буржуазии. Не менее характерно и то, что свою приветственную речь идеолог империалистической буржуазии Киндерман заканчивает цитатой из гегелевского предисловия к «Философии права», где говорится о даваемом философией «примирении с действительностью».

Вступительную речь при открытии конгресса произнес Рихард Кронер, профессор философии Кильского университета (Германия), автор целого ряда известных книг, избранный на заключительном заседании Конгресса первым председателем Международного гегелевского союза. Указав на то обстоятельство, что скорее после смерти Гегеля в Германии наступил длительный упадок философии, сопровождавшийся резко отрицательным отношением к Гегелю (о философии марксизма — ни слова!), тогда как в Италии, Англии и Голландии возникло мощное философское движение под знаменем гегельянства, — Кронер благодарит голланд-

КРИТИКА и БИБЛИОГРАФИЯ

Современное гегельянство на Западе.

«Verhandlungen des ersten Hegelkongresses vom 22 bis 25 April, 1930, im Hause
Im Auftrag des Internationalen Hegelbundes herausgegeben von B. Wigersma, Tübingen,
Mohr, 1931». S. 243.

Реформирование книги:

(Труды первого гегелевского конгресса с 22 по 25 апреля 1930 г. в Гааге. По поручению Международного гегелевского союза изданы Б. Вигерсмой. Тюбинген, книгоиздательство Мора, 1931 г., стр. 243).

В одном немецком книгоиздательском проспекте, рекламирующем только что вышедшие в 1931 г. философские книги, говорится по поводу книги Мартина Буссе «Гегелевская феноменология духа и государства», что эта книга имеет особенно важное значение по той причине, что «на Гегеля ссылаются, с одной стороны, марксизм, а с другой стороны, фашизм. Это последнее замечание по существу неправильно. Представители революционного марксизма-ленинизма никогда не «ссылались» на идеализм Гегеля. Маркс и Энгельс своей критикой гегелевского идеализма раз навсегда похоронили и уничтожили всякий идеализм и метафизику, так что все позднейшие попытки буржуазных мракобесов откопать идеалистов в той или иной форме неизбежно кончались позорным крахом. Не за мистицизм идеализма, а лишь за рациональное зерно, скрытое под мистической философской оболочкой, ценили Гегеля Маркс, Энгельс и Ленин. Заслугой основоположников марксизма является то, что они спасли от буржуазного разгрома рациональную диалектику Гегеля и, подвергнув ее мистифицированную форму уничтожающей материалистической критике, в полную противоположность диалектике Гегеля развили материалистическую диалектику — это непревзойденное революционное оружие пролетариата для действенной критики и уничтожения капиталистического рабства.

И совершенно противоположными причинами вызван теперешний возврат к Гегелю со стороны реакционной буржуазии, после того, как она почти в течение целого столетия травила гениального мыслителя, как «мертвую собаку». Современный национал-фашизм и социал-фашизм хватаются за реакционную сторону гегелевской системы, ссылаются на идеализм и мистику, чтобы пойти в них духовное оправдание безудержному разгулу империалистической реакции, оправдание режиму кровавой фашистской диктатуры финансового капитала, чтобы найти идеологическое прикрытие для зверских расправ со стороны фашистских банд над организациями революционного пролетариата и над революционными элементами в угнетаемых империализмом колониальных и полуколониальных странах.

Именно этими причинами вызывается в последнее время рост увлечения Гегелем в капиталистических странах.

Это выражалось в частности в созыве Первого международного гегелевского конгресса, заседавшего в Гааге с 22 по 25 апреля 1930 г. Этот конгресс положил начало архи国民党ному Международному гегелевскому союзу, выработав правовую и устав этого союза и выбрал правление и председателей. Реферируемыми книгами представляют собою первое печатное произведение Международного гегелевского союза.

Открывается эта книга «Введением издателя», т.е. Вигерсмы. Вигерсма — голландский философ, член «Общества чистого разума имени Болланда». В своем «Введении» Вигерсма указывает на тот «трагизм культуры», который по его мнению переживается современным человечеством и который выражается в том, что все отрасли культуры (наука, искусство, религия, политика, — об экономике даже и совсем ничего не говорится), — все больше и больше распадаются на множество специальных областей и отделов и все больше и больше теряют связь между собой. При этом каждая частная наука стремится распространить свои частные методы на все остальные области науки и тем самым еще усугубляет то «аваилонское столпотворение», которое характерно для современного состояния науки и всей вообще культуры. Отсюда та тоска по единой всеохватывающей философской «науке наук», которую Вигерсма видит у представителей обособившихся друг от друга частных дисциплин. Вигерсма ищет диалектического разрешения противоречия между всеобщим, особым и индивидуальным, но кроме высокопарных общих фраз о таком диалектическом разрешении, притом фразы сугубо идеалистических (с уклоном к субъективному идеализму), он в своем «Введении» ничего не дает. «Знание науки» он отождествляет со «знанием действительности», а человека он обявляет «разумным субъектом всех объективных процессов» (стр. 11).

Вигерсма утверждает, что со временем Гегеля никто еще не достиг «внутреннего, существенного, истинно-философского обединения всех направлений», всех наук и всех областей культуры. И вот важнейшей задачей Международного гегелевского союза этот реакционер считает разработку такого рода метафизической философии, как «науки всех наук нашего времени» (стр. 9).

За «Введением» Вигерсмы следует «Приветственная речь» голландца Киндермана, председателя голландского философского «Общества чистого разума имени Болланда». Общество это основано учениками известного голландского гегелевца Болланда (1854—1922), с 1896 по 1920 г. бывшего профессором философии в Лейденском университете. Целью общества является «разработка философии в духе Гегеля». Это общество и явилось инициатором созыва Первого международного гегелевского конгресса. В сугубо выспренных выражениях, выдержаных в стиле гегелевской «мистики идей», Киндерман приветствует, собравшихся на конгрессе буржуазных философов различных стран Европы, распространяясь об абсолютном духе, который, мол, возвышается над всеми национальными и политическими различиями, над всеми частностями и особенностями. В своем «пафосе» абсолютного идеализма Киндерман доходит до таких утверждений, которые ярко показывают, как плохо он понял глубокий историзм, лежащий в основе гегелевской философии. Киндерман декларирует: «Искусство, религия и философия существенно возвышаются над теми событиями, которые образуют судьбу народов и государств. Они не затрагиваются ходом всемирной истории. События политической жизни совершенно безразличны для более высокой духовной жизни» (стр. 15). Эта неизуитская манера прикрывать гнусности капитализма фразами о «высокой духовной жизни» весьма характерна для представителей современной упадочной буржуазии. Не менее характерно и то, что свою приветственную речь идеолог империалистической буржуазии Киндерман заканчивает цитатой из гегелевского предисловия к «Философии права», где говорится о даваемом философией «примирении с действительностью».

Вступительную речь при открытии конгресса произнес Рихард Кронер, профессор философии Кильского университета (Германия), автор целого ряда известных книг, избранный на заключительном заседании Конгресса первым председателем Международного гегелевского союза. Указав на то обстоятельство, что скорее после смерти Гегеля в Германии наступил длительный упадок философии, сопровождавшийся резко отрицательным отношением к Гегелю (о философии марксизма — ни слова!), тогда как в Италии, Англии и Голландии возникло мощное философское движение под знаменем гегельянства, — Кронер благодарит голланд-

ское «Общество чистого разума имени Болланда» за организацию международного гегелевского конгресса. Этот ученый поп открыто и ярко высказывает ту же мысль, которая проводится и во «введении» Вигерсмы и в «приветственной речи» Киндермана, — мысль о том, что гегелевскую философию собравшиеся на конгресс «высокочтенные лады и господа» понимают, как «снятие различия между знанием и верой» (стр. 20), т.-е. превращают ее в своеобразную, философскую терминологией завуалированную, уточненную религию. В этом «снятии различий между знанием и верой» они видят основную сущность гегелевской философии, выбрасывая все то действительно ценное, что в ней содержится, а именно «алгебру революции», как выражался Герцен, «исчерпывающую и сознательную картину общих форм диалектического движения», как выражался Маркс. Кронер превозносит ту философскую «общину веры» (*philosophische Glaubensgemeinde*), которую представляет собою голландское общество имени Болланда, и сравнивает это общество с одним религиозным братством XIV столетия, считая такое сравнение в высшей степени лестным для «болландианцев». Кронер считает, что «Общество чистого разума имени Болланда» должно служить образцом для всего конгресса, ибо в нем налицо все философские (т.-е. религиозно-мистические) добродетели.

Собственной темой своей вступительной речи Кронер делает обзор противников Гегеля в современной немецкой философии. Кронер считает, что основные противники Гегеля в современной немецкой философии являются, с одной стороны, «критицисты» (т.-е. неокантинцы), а с другой стороны, «феноменологи» (т.-е. гуссерианцы). Хотя эти два философских направления и веют друг с другом, но между ними, по мнению Кронера, при всем их различии, ищется немало общего, и именно это общее и делает их противники гегелевской «диалектической метафизики» (как весьма характерно выражается Кронер). Оба эти антидиалектические направления современной немецкой философии страдают односторонностью и «догматизмом». По мнению Кронера, задача заключается в том, чтобы каждое из этих направлений осознало свою односторонность и корректировало себя при помощи своего «другого». Путем внутреннего слияния обоих направлений они, по мнению Кронера, неизбежно должны будут притк к «диалектической метафизике».

Кронер берет по два представителя каждого из упомянутых философских течений и показывает на основании отдельных высказываний этих представителей, что они движутся в указанном им направлении. Со стороны «критицистов» берут Эрнст Каасирер и Николай Гартман; со стороны «феноменологов» — Мария Гайдеггер и Теодор Литт (из неокантинцев Кронер берет представителей одной только Марбургской школы по той причине, что представители Баденской школы — Рихтер, Ионас Кон, Бруно Баух и сам Кронер — пришли к Гегелю, как он заряжается, не путем внутреннего слияния с феноменологией, а путем, проторенный самой историей философии, т. е. от Канта через Фихте и Шеллинга).

Рассмотрение новейших произведений Каасирера, Гартмана, Гайдеггера и Литта приводят Кронера к тому заключению, что, «чем больше современные противники Гегеля приходят к взаимному пониманию друг друга, чем больше каждые из этих партий корректируют и отрицают себя на другой, превращая себя тем самым в момент некоторого высшего целого, — тем более они теряют свой характер противников Гегеля и начинают превращаться в его последователей». Так что разговоры о возрождении Гегеля, которые все громче и громче раздаются в Германии, имеют под собой глубокое основание» (стр. 31).

Заканчивает Кронер опять-таки указанием на то, что только то понимание гегелевской системы правильно, которое видят в ней грандиозное мыслительное оформление глубочайшего религиозного чувства мира, жизни и человеческого¹⁾ (*des tiefsten religiösen Welt-, Lebens- und Ichgefühls*).

Таково гегельянство одного из виднейших лидеров современной, насквозь

прогнившей буржуазной философии, ярко отражающей глубочайший кризис капиталистической системы.

За вступительной речью Кронера следуют доклады представителей различных европейских стран о состоянии гегельянского движения в этих странах.

Первым идет доклад римского профессора Гвидо Калоджеро «О состоянии и понимании гегельянской философии в Италии». Калоджеро начинает предупреждением о том, что он не будет останавливаться на истории итальянского гегельянства. Он хочет изложить лишь те «достижения» в истолковании Гегеля и те новые точки зрения, испытавшие на себе влияние Гегеля, которые относятся к «новому философскому расцвету» (*Wiederaufblühen*) Италии XX столетия.

Современное итальянское гегельянство, указывает Калоджеро, представлено двумя фигурами, имеющими общеевропейское значение: Бенедетто Кроче и Джованни Джентилье. Излагая основные моменты, связывающие этих идеологов фашинизма с философией Гегеля, Калоджеро ставит перед собой задачу выяснить, в каком смысле и в какой мере эти мыслители могут считаться гегельянцами.

Что касается Кроче, то Калоджеро берет почти исключительно его старую работу 1907 г. о «Живом и мертвом в философии Гегеля». Эта работа сама указывает меру крочевского гегельянства». Для Кроче ценным и «живым» в философии Гегеля представляется прежде всего гегелевская теория диалектики. «Бессмертным достижением Гегеля является утверждение единства противоположностей», понимаемое у Кроче как «диалектическое примирение существенных дуализмов действительности: добра и зла, истины и лжи, конечного и бесконечного» (стр. 38). Учение Гегеля о тождестве разумного и действительного составляет, по Кроче, глубочайшую основу и манитизма. С этим связан третий момент, который Кроче также ставит в особую заслугу Гегеля, — а именно его историзм. В отношении этих трех моментов (диалектики, имманентизма, историзма) Кроче считает себя последователем и продолжателем Гегеля²⁾.

Однако, наряду с указанными «заслугами» Гегеля, Кроче усматривает в его философии существенные недостатки, Кореной порок Гегеля состоит, по Кроче, в том, что Гегель не проводит достодолжного различия между «диалектикой противоположностей» и «диалектикой различного». По Кроче, в «диалектике противоположностей» каждой «ценности» (*Wert*) противостоит «отрицательная ценность» (*Unwert*), в вечном полагании и отрицании которой и заключается «диалектический процесс». В отличие от этого, в «диалектике различного» каждая следующая ступень не отрицает предыдущую, а лишь ее дополняет в некотором новом синтезе. Так, хотя философия и следует за искусством, однако она не отрицает его, но «заново переживает интуитивность искусства в своей логической стихии». Это новое истолкование диалектики и составляет основу крочевской системы философии, устанавливающей круговорот четырех различных «духовых форм»: искусство, философия, экономика и этика.

Все остальные недостатки гегелевской философии Кроче выводит из гегелевского смешения «диалектики противоположностей» с «диалектикой различия» — смешения, которое обычно проводится у Гегеля в форме подведения «диалектики различия» под всеобщую схему «диалектики противоположностей». Отсюда, по Кроче, и происходит то «диалектизированное» в области философии природы и философии истории, которое приводит к карикатуре на диалектический метод и которое в значительной степени уничтожает бессмертные заслуги Гегеля. Чтобы спасти «наиболее ценное и наибольшее глубокое» у Гегеля (его имманентизм и исто-

¹⁾ Имманент Кроче видит, конечно, заслуги Гегеля лишь в идеалистической трактовке диалектики и мистическом понимании истории, а вовсе не в рациональном ядре диалектики Гегеля и не в гениальных его замыслах на действительный историзм.

физм). Кроче считает необходимым «упростить» гегелевскую систему путем сведения ее к обновленной «философии духа».

Калоджеро не дает критики крочевского «гегельянства». Он только указывает, что неправы те критики Кроче, которые упрекают его в чисто внешнем разграничении «живого» и «мертвого» в философии Гегеля. В основном же идеи фашизма Калоджеро согласен с субъективной диалектикой «духа» или «духовных ценностей» у Кроче.

Прежде, чем перейти к изложению «гегельянства» другого современного итальянского философа — Джентиле, Калоджеро останавливается на характеристике ближайшего философского предшественника Джентиле — Беррандо Спавента (1817—1893). Спавента интересен тем, что он положил начало той «реформе» гегелевской диалектики, которую продолжил и завершил Джентиле. Суть этой «реформы» заключается в попытке перетолковать первые категории гегелевской Логики (бытие, ничто, становление) в духе субъективного идеализма. Спавента считает, что то «бытие», с которого начинается гегелевская Логика, не что иное, как «бытие мысли»: мысль сама полагает себя, как бытие, т. е. нечто абсолютно неопределенное и неподвижное, а так как такое «положение» противоречит вечно действительной и «творческой» природе мысли, то она тут же отрицает это «бытие», т. е. полагает «ничто», при чем этот переход от бытия мысли к его отрицанию и составляет диалектическое становление.

В основе этой идеалистической игры в диалектику лежит мысль о том, что диалектическое развитие категорий может быть понято лишь, как «имманентная» деятельность чистой мысли, как «живая жизнь» этой мысли. Здесь мы имеем своеобразное субъективно-идеалистическое выражение гегельянства, подчеркнувшее развернутое выражение в «актуалистическом идеализме» Джентиле.

Еще в 1913 г. вышла книга Джентиле, взаглавленная «Реформа гегелевской диалектики». Главное его сочинение носит название «Общая теория духа и чистого акта» (первое издание, 1916 г.). Согласно Джентиле, наша мысль не только созерцает и познает диалектическое развитие категорий, но впервые творит это развитие. Джентиле требует перенесения всех философских проблем из сферы абстрактного в сферу конкретного, при чем под абстрактным понимается «содержание мысли, фиксированное, как объект», а под конкретным понимается «мышление как некоторый «чистый акт». Джентиле заявляет: «Объективизм не может иметь никакой диалектики, так как он не может постигнуть никакого становления. Диалектика и становление возможны только для самосознания мысли в ее чистой деятельности «самопорождения».

Джентиле утверждает, что в этих положениях он формулирует наиболее выразительный принцип гегелевской теории диалектики. Однако он вместе с тем вынужден признать, что у самого Гегеля диалектика мысли, как чистого акта, переходит в диалектику содержания или предмета мысли. Джентиле недоволен тем, что у Гегеля «система и развитие категорий принимают вид некоторой объективной совокупности отношений». Истинная диалектика, по Джентиле, — это чистая диалектика чистой мысли, порождающей из себя, путем объективирования, разные рода «абстрактности». И эта диалектика чистой мысли остается всегда одной и той же, всегда одним и тем же «абсолютным становлением» (стр. 50).

Такова «реформа» гегелевской диалектики, предпринятая Джентиле в соответствии с его собственным учением о духе, как о чистом акте, как об абсолютной субъективной деятельности. «Самой первой и абсолютной категорией является философское самосознание, и диалектика представляет собой чистый закон ее осуществления (Verwirklichung), которое заключает в себе вечную антизу бытия как субъекта и небытия как объекта, и столь же вечное снятие этой антизу» (стр. 52).

Далее Калоджеро отмечает, что при всем различии, существующем между «гегельянством» Кроче и «гегельянством» Джентиле, общим для обоих является

то, что основное значение гегелевской философии они усматривают главным образом в гегелевской теории диалектики и полагают, что эта теория диалектики может быть надлежащим образом понята лишь в том случае, если ее целиком свести к деятельности духа. Калоджеро, конечно, приветствует джентилеанское субъективно-идеалистическое истолкование диалектического метода Гегеля и устранение малейших намеков на положительное, реальное содержание, которое, хотя и в извращенной форме, но в известной мере имелось в гегелевской философии.

Нечего и говорить о том, что при такого рода «обработке» Гегеля совершенно исчезает то революционное зерно, которое скрывается под идеалистической мистифицированной формой гегелевской диалектики.

Калоджеро относится восторженно к «гегельянству» своих фашистских соратников Кроче и Джентиле, при чем он особенно высоко ставит актуалистический идеализм Джентиле. Он говорит, что джентилеанская переработка Гегеля представляет собою «наиболее прогрессивную и наиболее заманчивую критическую позицию, достигнутую новым итальянским идеализмом» (стр. 54). По его мнению, будущее принадлежит именно этому философскому направлению. Калоджеро пишет: «Общая основа итальянской интерпретации гегельянства — полнейшее перенесение диалектики в лоно духовной деятельности — получает у Джентиле решительное значение испытания (Prüfung) диалектической природы той самой деятельности духа, которая построена диалектику как теорию» (стр. 54). Дальнейшее развитие этого направления приводит, по мнению Калоджеро, к той мысли, что диалектику нельзя понимать не только как учение о предмете познания, но, строго говоря, даже и как учение о самом познании, ибо в этой последней интерпретации диалектики все еще сохраняются пережитки того гносеологизма, который, исследуя акт познания, упускает из виду самую деятельность этого гносеологического исследования. Калоджеро считает, что «чистое духовное становление» надо мыслить не как познавательную функцию, а как «абсолютно чистое, практическое действование». Что означает этот «абсолютный активизм», он считает излишним пояснять, ограничиваясь ссылкой на свои другие работы и указанием на то, что в духе этого страждущего (более строгого, чем у Джентиле) «активизма» следует подвергнуть новой переоценке и новому «внутреннему истолкованию» диалектику Гегеля, которая, мол, еще недостаточно освобождена от элементов абстрактного логицизма и гносеологии. Таков «актуалистический идеализм» — идеология итальянского фашизма — в освещении Калоджеро.

Второй доклад — это доклад оксфордского профессора Джона Александра Смита «Влияние Гегеля на философию Великобритании». Смит дает краткий очерк развития философской мысли в Англии в XIX столетии, отмечает крайний упадок английской философии в первую половину этого столетия и полное иthonирование не только Гегеля, но и Канта вплоть до 50-х годов. Философское оживление началось в середине прошлого века и было связано с углубленным изучением Канта, при чем это изучение привело постепенно к мысли о том, что настоящий ключ к пониманию Канта надо искать у его философских преемников, в особенности у Гегеля. Так возникла известная книга Стерлинга «Тайна Гегеля» (1865). Это была первая серьезная попытка проникнуть в тайны гегелевской философии. Вся эта книга проникнута сознанием превосходства немецкой философии, достигшей, по мнению Стерлинга, в лице Гегеля своего высшего пункта. Стерлинг решительно отбрасывает Шеллингову критику Гегеля, но, с другой стороны, восстает и против того развития, которое гегельянство получило у левогегельянцев. Основным пунктом гегелевской философии Стерлинг считает учение о господстве разума во всей вселенной. Смит указывает, что при всех своих многочисленных недостатках книга Стерлинга имела очень большое значение для дальнейшего развития английской философии, т. к. впервые основательно познакомила англичан с Гегелем.

Смит отмечает, что кроме книги Стэрлинга был еще другой косвенный путь для проникновения в Англию гегельянских идей, а именно через сочинения немецкого гегельянствующего теолога Фердинанда Баура (1792—1860) и других представителей Тюбингенской теологической школы.

Если Стэрлинг впервые основательно познакомил англичан с философией Гегеля, то «приспособление гегельянства к британскому употреблению, освобождение его жизненного принципа от мертвых наростов и преобразование его в соответствии с нуждами английской мысли» было делом целой группы более молодых философов, действовавших главным образом в Оксфорде. То философское движение, носителем которого они были, известно под именем «британского неогегельянства», но оно же вначале нередко называлось и «британским неокантизмом», поскольку представители его уделяли очень большое внимание Канту, считая, что «Кант является истинной основой Гегеля, а Гегель есть истинный интерпретатор Канта».

Вдохновителем молодых английских неогегельянцев был оxfordский профессор Вениамин Джоуэтт (Jowett), известный своим переводом Платона. Хотя он занимал кафедру греческого языка, а не философии, он много занимался философией и высоко чтил Гегеля, усиленно рекомендая своим ученикам основательно изучать гегельевскую философию и помогая им в этом трудном деле. Под влиянием Джоуэтта ряд молодых оxfordских философов решились повернуть от традиционного английского эмпиризма к немецкому идеализму Канта и Гегеля. Таковы Томас Грин (1836—1882), Эдуард Кэрд (1835—1908) и Уильям Уоллес (1843—1927). Ни один из них не сделался гегельянцем в полном смысле этого слова. Та философия, которую они выработали под влиянием Гегеля, хотя ярко выраженный английский национальный отпечаток. Кэрд написал специальную книгу о философии Гегеля, а Уоллес перевел на английский язык «Логику» и «философию духа» Гегеля, снабдивши свой перевод обширными примечаниями и введениями. Все это сильно способствовало широкому распространению гегельянских идей в английских философских кругах. При этом Смит не без удовольствия отмечает то обстоятельство, что особое распространение получили гегельянские идеи, относящиеся к области философии религии. «Гегельянство выполняло в этой области созидательную работу, а не разрушительную», пишет Смит (стр. 63). Вс эти английские неогегельянцы крепко придерживались учения о «вездесущности и верховенстве духовного принципа во всей действительности» (хотя что принадлежит им в философии Гегеля), но «применяли» они это учение неодинаковым образом. Для Грина основным понятием было понятие о внутренней взаимосвязанности всей действительности: объективный мир он характеризует, как систему отношений, сдерживающую и образуемую «духом». Кэрд выдвигал положение о единице субъекта и об'екта и о примирении существующих различий и антагонизмов.

Нечто вроде манифеста неогегельянской школы Смит усматривает в сборнике статей, вышедшем в 1883 г. и посвященном памяти Грина (с предисловием Кэрда). Здесь выступили молодые авторы, которые впоследствии приобрели широкую известность: Бернард Бозанкет (1848—1923), Андрей Сэт (Seth, он же Принг-Паттисон, род. в 1856 г.) и Халдэйн (Haldane, впоследствии лорд Халдэйн, род. 1857 г.).

Кроме Оксфорда и Глазго (куда перебрался Кэрд), новый источник гегельянства открылся в Кэмбриджском университете в лице профессора Мак-Таггарт (1866—1925), давшего ряд исследований об отдельных сочинениях и об отдельных сторонах философии Гегеля. Мак-Тагgart, по словам Смита, отмечает правильную гегельянскую интерпретацию Гегеля, усматривающую в гегельской философии апологию христианской религии. В своих комментариях к «Логике» Гегеля Мак-Тагgart, по уверению Смита, более чем кто-либо другой из английских гегельянцев проникает в детали гегельевского учения. Однако его книга «Природа существования» (1921—1928), где он излагает свою собственную философию, показывает

что и он не может быть назван учеником Гегеля в собственном смысле этого слова (в этой книге Мак-Тагgart, между прочим, пытается доказать «нереальность времени»).

С Кэмбриджским университетом связана также работа Бальи (Baillie), давшего высоко ценимое Смитом исследование о происхождении гегельевской «Логики» и английский перевод «Феноменологии» (в 1910 г.).

Подводя итоги своего обзора, Смит говорит, что в Великобритании никогда не было и нет гегельянской школы в собственном смысле этого слова, но было и есть значительное и плодотворное влияние «духа» Гегеля на целый ряд мыслителей. В заключение он коротко останавливается на «двух величайших британских философах конца XIX и начала XX века» — Брэдли (1846—1924) и Бозанкете (1848—1923). Оба они говорят о Гегеле с величайшим почтением и благодарностью. Но оба пошли своей собственной дорогой, создавши каждый свою собственную идеалистическую систему. В последнем издании «Логики» Брэдли Смит усматривает постоянное возвращение к гегельянскому идеалу абсолюта, каковой идеал Брэдли не может целиком принять, но и не может отвергнуть.

«Гегель, — пишет Смит, — заканчивая свой доклад, — научил нас парить в высоте и ясными глазами взирать на беспределную вселенную, являющуюся царством, резиденцией и созданием разума». За это Смит и провозглашает ему хвалу и славу.

Читая доклад Смита, невольно спрашиваешь себя: а где же диалектика Гегеля, где революционная сторона его философии? Ни у самого Смита, ни у философов, им затрагиваемых, не видно никакого намека на это: когда они говорят о Гегеле, они говорят главным образом об его идеалистической метафизике, о мировом Разуме с большой буквы, о царстве свободных духов и тому подобных благочестивых «предметах».

Третьим докладом идет доклад гейдельбергского профессора Германа Глокнера «О состоянии и понимании гегельянской философии в Германии». Глокнер начинает с констатирования того факта, что в современной Германии очень много говорят о Гегеле. При этом, однако, таких философов, которые прямо и безоговорочно признают себя гегельянцами, очень немного; большинство же мыслителей, с той или другой стороны и в той или другой мере примыкающих к гегельянству, отнюдь не желает называть себя последователями Гегеля. Одну из основных причин этого явления Глокнер усматривает в том, что в Германии еще не забыли о тех злоупотреблениях Гегелем, которые имели место при жизни и непосредственно после смерти Гегеля и которые естественно заставляют многих современных мыслителей с большой осторожностью относиться к новому увлечению Гегелем. О самом себе Глокнер заявляет, что он принадлежит к тем, «кто хотел бы сохранить, как святыню, классическую традицию так называемого шемецкого идеализма (почему «так называемого»? — В. Б.) и кто в правильно понятой гегельянской философии усматривает непреходящую, вечную философию» (стр. 68). Этот господин хотя и бормочет о « злоупотреблениях Гегелем» в Германии, но все же боится сказать нечто более внятное об отношении революционного марксизма к гегельянской философии.

Свой доклад Глокнер строит так, что сперва он трактует о тех современных немецких философах, которые прямо примыкают к Гегелю, а затем характеризует ту «гегельянскую атмосферу», которая захватила теперь в Германии целый ряд мыслителей, вышедших из самых различных направлений.

Глокнер отмечает, что традиция подлинного гегельянства никогда полностью не прерывалась в Германии. Кундо Фишер (1824—1907) был связан с самим Гегелем через посредство своего учителя и друга Иоганна Эдуарда Эрдмана (1805—1892). К сожалению, — указывает Глокнер, — свой 8-й том «Истории философии» (трактующий о Гегеле) Фишер написал уже в старости, что невыгодно отразилось на этом

труде. Ученик Фишера Гуго Фалькенгейм написал, по словам Глокнера, самое лучшее краткое изложение гегелевской системы.

Правоверный гегельянцем был также Адольф Лассон (1832—1917). Его продолжателем явился его сын Георг Лассон, издатель комментированного собрания сочинений Гегеля и основатель «Архива Гегеля».

Однако ни Фалькенгейм ни Лассон, находящиеся уже в преклонной возрасте, не могут рассматриваться, как типичные представители современной немецкой философии. Среди же этих последних Глокнер находит только одного «настоящего» гегельянца. Это — Рихард Кронер. Кронер пришел к Гегелю от неокантианства. Он сам говорит, что «понять Гегеля означает усмотреть, что за его пределы уже нельзя никакда дальше выйти» (тогда как «понять Канта — значит переступить за пределы кантианства»). Историко-систематическое сочинение Кронера «От Канта к Гегелю» (1921—1924) имело выдающийся успех в Германии. Меньшим успехом пользуется его последняя книга, озаглавленная «Самосущество (Selbstverwirklichung) духа, Пролегомены к философии культуры» (1928).

Глокнер говорит, далее, что интерес к Гегелю в современной Германии велик, что им усиленно занимаются также и такие мыслители, которые ни в какой мере не являются гегельянцами. Таков Теодор Геринг (Haering), работающий обширным исследованием «Гегель, его намерение и его творение. Хронологическая история развития мыслей и языка Гегеля» (первый том, доходящий только до 1801 г., вышел в 1929 г.). По словам Глокнера, Герингу удалось доказать, что внутреннее развитие Гегеля совершилось более автономно, чем это обычно думают, изображая развитие немецкого идеализма от Канта до Гегеля.

Переход к характеристике «гегельянской атмосферы» в современной Германии, Глокнер указывает, что, хотя настоящие знатоки Гегеля, изучившие все его произведения, насчитываются теперь только единицами, тогда как большинство современных философов читали лишь немногие из трудов Гегеля и нередко брали его только из вторых рук, — однако, несмотря на это, в Германии имеет место «почти всеобщее чувство близости к Гегелю». И Глокнер считает, что это чувство имеет под собой серьезное основание, ибо «общая» философская ситуация в Германии развилась в таком направлении, что все отчетливее всплывают такие комплексы вопросов, которые уже занимали Гегеля и на которые он дал ответ (стр. 74).

И Глокнер пытается очертить основные моменты современной философской ситуации в Германии (само собой разумеется, ему и в голову не приходит попытаться вскрыть экономические и социально-политические корни этой «философской ситуации»). Глокнер считает, что последнюю треть XIX столетия можно обозначить, как новую «эпоху просвещения» в Германии (господство позитивизма, психологии и неокантианства — словом, как выражается Глокнер, господство «рассудочной» философии). Антитезисом этому новому «просвещению» явилось новая «романтика», первыми провозвестниками которой были Ницше и Киркегор.

Вильгельм Дильтей (1833—1911) первый, по словам Глокнера, осознавший эту антитезу нового «просвещения» и новой «романтики», характерную для немецкой философии конца XIX и начала XX веков, выпустил в 1905 г. исследование о молодом Гегеле (Die Jugendsgeschichte Hegels), в котором он «открыл и показал», что молодой Гегель был романтиком и мистиком. Глокнер с восторгом говорит о тех «чудесных часах», когда он впервые читал эту книгу Дильтея. Беспоминная об этих «чудесных часах», мистик, реакционер Глокнер обращает свои взоры к этой задаче, которая, по его мнению, стоит перед современной философской мыслью к задаче «синтеза рациональной рассудочности и того иррационального духовного содержания, которое не в меньшей степени, чем рас будок, определяет человека» (стр. 76). Книга Дильтея впервые показала Глокнеру, что именно Гегель достиг этого синтеза в своей философии. Глокнер вслед за Дильтеем истекает Гегеля только как романика и мистика в его глубочайшей

Критика и библиография.

основе (что романтика наложила свой отпечаток на все труды Гегеля и что его диалектика дана в мистифицированной форме, это, конечно, не подлежит никакому сомнению, но Глокнер, хватаясь за идеализм и мистику у Гегеля, совершенно умалчивает о другой, положительной стороне философии гениального мыслителя).

Глокнер отмечает то многообразное влияние, которое Дильтей оказал на целый ряд буржуазных ученых и даже на целые отрасли знания. Прежде всего это влияние сказалось на психологии, которую Дильтей освободил от господства «механистической теории ассоциаций» и двинул на изучение «органических связей» психической жизни, «духовных структур» и «типов». Глокнер называет здесь такие имена, как Эрих Иениц, Эдуард Шпрангер, Карл Ясперс, Карл Гроос. Все эти философы, по словам Глокнера, все больше и больше вступают в ту «духовную область», которую гегельянцы называют областью «разума».

Аналогичную перемену Глокнер усматривает и в области исторической науки. От позитивистского историзма эпохи «нового просвещения» историки и философы все больше и больше переходят (в значительной степени под влиянием Дильтея) «истории духа», к «науке о духе», стремящейся более к тому, чтобы «понимать», чем к тому, чтобы «объяснять». Здесь Глокнер называет Георга Миша, Бернarda Грутгюзена, Эриха Ротакера, Ганса Фрейера, Эриста Трельча, Карла Иозеля и Евгения Юнемана (последние трое приближаются к Гегелю самостоятельным путем, независимо от Дильтея).

Поворот к Гегелю Глокнер находит далее у некоторых гуссерлианцев (напр. Мартина Гайдегера) и у ряда неокантианцев (из которых, однако, некоторые приближаются больше к Фихте и Шеллингу, чем к Гегелю). Из неокантианцев Глокнер называет Фридриха Брунштеда, Эмиля Ласка, Бруно Бауха, Фрица Медикуса, Ионаса Коня и Николая Гартмана.

Наконец, та же самая «гегельянская атмосфера» чувствуется, по словам Глокнера, в таких областях, как натурфилософия, философия права и социология. Однако подробно Глокнер на них не останавливается.

Подводя итоги своего обзора, Глокнер находит, что самые разнообразные направления современной немецкой мысли стремятся к тому, чтобы выпутаться из рационализма, характерного для эпохи «просвещения» последней трети XIX столетия. Но задача, говорит Глокнер, заключается не просто в том, чтобы стать на сторону «новой романтики»: высшая цель состоит в том, чтобы примирить и синтезировать «многообразную проблематику» современной мысли с ясно осознанным гегельянством, подобно тому, как Гегель в свое время дал высший синтез «рассудка» и «разума». Самые различные мыслители современной Германии так или иначе, сознательно или бессознательно, приближаются к Гегелю. Однако различие их исходных точек и их методов в высокой степени затрудняет взаимное понимание между ними. Для того, чтобы сделать возможным это взаимное понимание, без которого нельзя разрешить задачу всеобъемлющего синтеза современной проблематики с гегельянством, — для этого, по мнению Глокнера, прежде всего необходимо углубленное изучение Канта, ибо «без Канта нет Гегеля». Будущий немецкий «гегельянизм», говорит Глокнер, возникает на основе глубокого понимания Канта (более глубокого, чем то, которое характерно для неокантианцев) и должен будет вобрать в себя все те современные проблемы, которые выросли на почве Gestalttheorie, теории наук о духе, феноменологии Гуссерля, философии ценностей Риккerta и других, философии символических форм Кассира и т. д. и т. п.

Таким образом, по Глокнеру, речь идет не о синтезе действительных достижений современной науки и техники, а о винегрете из различных реакционных теорий и теорий современной буржуазной философии, пережевывающей на разные задачи старый-престарый идеалистический хлам, — о винегрете, сдобренном «уту-

бленно понятыми Кантом и специфически истолкованным Гегелем (Гегель — мистик, Гегель — иррационалист, Гегель — романтик).

Четвертый доклад — это доклад парижского профессора Александра Куаре (Koutré) «О состоянии изучения Гегеля во Франции». Докладчик отмечает почти полное отсутствие во Франции неогегельянского движения (в отличие от Англии и Италии). Во Франции никогда не было гегелевской школы. Среди причин этой непопулярности Гегеля во Франции Куаре указывает на математический уклон французской философской мысли в XIX столетии и на то обстоятельство, что в католической Франции еще более, чем в протестантской Германии, против философии Гегеля выдвигались обвинения в атеизме, имморализме, фатализме и т.д. Так например, Минье писал в 1858 г.: «Гегелевская философия отнимала у моего создателя, у творения его премудрости, у жизни ее божественный смысл и моральную цель, у души человеческой — ее бессмертие».

В результате, во Франции XIX в. господствовало или враждебное, или безразличное отношение к Гегелю. И только к началу XX века интерес к Гегелю начинает повышаться, хотя у значительной части французских философов проходит преобладающее отрицательное отношение к Гегелю. В лице Окстава Амьена (Hamelin, 1856—1907) Франция имела своего единственного неогегельянича (Куаре говорит о крупном значении Амьена для современной французской философии, однако не дает никакого изложения «его взглядов»). В 1907 г. состоялась интересная дискуссия во «Французском философском обществе», посвященная выяснению истинного характера философии Гегеля и критике традиционных представлений о Гегеле, как о чудовищном панлогисте и крайнем реакционере. В дискуссии приняли живое участие Рене Бертело (сделавший вступительный доклад), Эдвард Бутру (1845—1921) и Виктор Дельбос. Куаре отмечает, что и для Бертело, и для Дельбоса «гегельянство — это прежде всего динамическая философия духовной свободы, сливающейся с разумом». Они больше всего настаивают на «синтетическом и творческом характере диалектического движения мысли» (стр. 89).

Бертело и Дельбос, — говорит Куаре, — представляют довольноное состояние изучения Гегеля во Франции. Война принесла с собой резко отрицательное отношение ко всей немецкой культуре, и в течение целого десятилетия (с 1912 г., когда вышла монография Рока «Гегель, его жизнь и его сочинения», до 1922 г.) во Франции не появлялось никаких сколько-нибудь важных работ о Гегеле. И только в самые последние годы французская философия дала три работы, которые Куаре считает достойными всяческого внимания, хотя специально Гегелю посвящены только одна из них.

Первая из этих работ — вышедший в 1922 г. двухтомник Эмиля Мейерсона «Об об'яснении в науках». Целый большой отдел этого двухтомника посвящен исследованию и реабилитации гегелевской философии природы. Мейерсон видит в натурфилософии Гегеля грандиозную попытку «непосредственной, прямой рационализации реальности», попытку «диалектической дедукции реального». К этой попытке, по мнению Мейерсона, Гегель привел его критика тех об'ясняющих, которые даются в таких науках, как физика и химия. Гегель считал, указывает Мейерсон, что физика и химия в своих об'ясняющих тавтологически переходят от тождества к тождеству и потому, в сущности говоря, не в состоянии осмыслить ни изменения, ни появление новых качеств. Мейерсон по этому поводу замечает: «Взгляды Гегеля на интимную природу механистического об'яснения столь же справедливы, сколь и глубоки» (стр. 93). Однако истолковывает эти взгляды Мейерсон весьма своеобразно. Он считает, что тот элемент внутренней противоречивости, который вскрыт Гегелем при анализе физико-химических об'ясняющих, означает момент иррационального. И основную ошибку Гегеля Мейерсон усматривает: 1) в том, что Гегель не сумел обнаружить иррационального момента в математике, 2) в том, что для всех наук о природе Гегель признает только одно единственное иррациональное, тогда как современная нам наука при-

знает целый ряд иррациональностей, и 3) в том, что и это свое единственное иррациональное (das Anderssein) Гегель об'являет разумным в смысле «конкретного разума» (la raison concrete). При всем том Мейерсон принужден признать, что наука с ее физико-химическими об'ясняющими каждый день торжествует новые победы. Возможны ли эти триумфы вопреки «разуму»? — спрашивает Мейерсон и отвечает, что так именно и обстоит дело «в известном смысле» (стр. 97).

Куаре высоко ценит «епистемологические»¹⁾ исследования Мейерсона и в частности его трактовку гегелевской философии природы. Однако то, что приводится в докладе Куаре, обнаруживает лишь полную бесплодность этих формалистических рассуждений о природе научного об'яснения, об иррациональных импетах и о разрыве между теоретической несостоительностью физико-химических об'ясняющих и теми практическими достижениями, которые приносит наука, пользуясь этими об'ясняющими. Никакой диалектики (даже идеалистической диалектики Гегеля) здесь нет и следа.

Вторая книга, которую Куаре отмечает, как развивающую новые интересные мысли о философии Гегеля, это книга В. Баша «Политические учения классических философов Германии» (Париж, 1927). Баш восстает против тех довольно распространенных представлений, которые видят в Гегеле крайнего националиста и реакционера, обожествлявшего государство и приносившего ему в жертву все права индивида. Баш пишет: «Философия, рассматривающая государство как реализацию моральной идеи, как эманацию морального духа и воплощение свободы, абсолютно не совместима с теми (реакционными) идеями, с которыми ее желают связать». Баш указывает, что неправы и те, которые обвиняют гегелевскую философию в имморализме. По мнению Баша, Гегель ввел новое понятие «объективной морали» (la morale objective, Sitlichkeit), — морали социальной, а не индивидуальной, при чем проявляется эта об'ективная мораль именно в государстве, которое, по Гегелю, есть реализация свободы.

Третья книга трактует специально о Гегеле и написана Жаном Вальем: «Несчастное сознание в философии Гегеля» (Jean Wahl «Malheur de la conscience dans la philosophie de Hegel», Paris, 1929). Эта книга особенно характерна для современной буржуазной философии. Автор заявляет, что он хочет отыскать ту «живую жизнь», которая скрывается за логическими формулами гегелевской философии и которая питает собою всю гегелевскую систему. Диалектика, пишет Валь, «прежде чем быть методом, является опытом или переживанием», а именно «трагическим, романтическим, религиозным опытом», «некоторой мистической энтузиазм». Ключ к уразумению этой «мистической интуиции» Гегеля Валь находит в юношеских произведениях Гегеля, которые были впервые опубликованы в 1905 г. и были уже соответствующим образом использованы Дильтеем в его «Истории юности Гегеля». Валь утверждает, что во всех произведениях Гегеля, даже в наиболее абстрактных, мы находим «позади философа — теолога, позади рационалиста — романтика, позади удовлетворенного сознания берлинского профессора — несчастное сознание» романика, мистика, христианина» (стр. 100).

Как известно, «несчастное сознание» фигурирует в гегелевской «Феноменологии духа» в качестве одной из стадий в развитии человеческого самосознания. Валь совершенно произвольно абсолютизирует эту стадию и столь же произвольно распространяет ее на все этапы истории человечества и на всю философию Гегеля. По Гегелю, стадия «несчастного сознания» представляет собой одну из низших стадий развития духа, и она преодолевается и «снимается» в последующих стадиях этого развития. Если приурочить эту стадию к определенному историческому периоду развития европейской цивилизации, то, судя по тому описанию, которое Гегель дает «несчастному сознанию», это будет эпоха Средних веков, эпоха французского господства католической церкви. И Гегель рисует это «несчастное сознание»

¹⁾ Слово «епистемология» означает «теория науки» или «теория познания».

ние» отнюдь не в розовых тонах: «несчастное сознание» в изображении Гегеля — это поистине жалкое, раздвоенное, разорванное сознание. Валь же утверждает, что «несчастное сознание» свойственно всякой человеческой душе, ибо всякая душа «по природе своей христианка». И далее он заявляет, что избавление от этого «несчастья» дает богочеловек Христос, истинный посредник между теми мирами (земным и небесным), абсолютный разрыв между которыми составляет «несчастье» всего человечества. Эти свои поповские «мысли» Валь безапелляционно приписывает Гегелю, уверяя, что гегелевское «конкретное понятие» — это прежде всего Христос, а гегелевская диалектика — это прежде всего «диалектика жизни, смерти и воскресения» (стр. 101). По словам Валя, задача гегелевской философии как раз и состоит в том, чтобы, осознавши «несчастье» человеческой души, покинуться к наивысшему счастью, которое необходимо включает в себя «несчастье как преодоленный и снятый момент».

Куаре чрезвычайно высоко ставит книгу Валя, дающую, по его словам, судивительно привлекательный и даже волнующий образ Гегеля (стр. 103). На самом деле, конечно, книга Валя свидетельствует совершенно о другом, в именно о том крайнем теоретическом падении современной буржуазной философской мысли, которое проявляется теперь повсюду. Усиленный рост мистических и поповских встроений заставляет современных буржуазных философов по-новому трактовать великих мыслителей прошлого. Если в середине XIX в. французские буржуа рассматривали Гегеля как атеиста и имморалиста, то теперь, после империалистической войны, в философии Гегеля начинают видеть исповедь верующего христианина и мистика. Не правда ли какой прогресс?

Пятый доклад сделан голландцем Тельдерсом и озаглавлен: «О состоянии и понимании гегельянской философии в Голландии». Докладчик считает, что в течение всего XIX в. в Голландии вообще не было никакой настоящей философии и что философское движение началось там только с момента назначения Болланда профессором Лейденского университета в 1896 г. Придавая совершенно исключительное значение деятельности Болланда, мистический бред которого он называет «гениальным», Тельдерс считает необходимым дать краткую биографию этого «гения» новейшей голландской философии. Биография эта не лишена интереса. Родился Болланд в 1854 г. Мальчиком он поступает на военную службу, но через несколько лет попадает в тюрьму. Затем он становится народным учителем и изучает философию. В 1882 г. он получает место учителя гимназии в Батавии (на острове Яве, в Индонезии), где случайно в библиотеке гимназии находит несколько философских книг (между ними были сочинения Эдуарда фон Гартмана) и увлекается философией. В 1887 г. он делает свой первый философский доклад («о про-видении и законе природы») и вслед за тем печатает целый ряд философских статей в голландских журналах. В 1896 г. он, к своему великому удивлению, получает приглашение занять кафедру философии в Лейденском университете. В это время Болланд, по его собственному признанию, совершенно не знал Гегеля и даже не был в состоянии прочесть более десяти страниц из гегелевской «Энциклопедии». Положение профессора философии побудило его приобрести полное собрание сочинений Гегеля, и он принялся читать их. Через некоторое время с ним произошло «чудо», как выражается Тельдерс: он заметил, что Гегель прав! К этому времени у Болланда, по его собственным словам, сложилось такое умонастроение, что он не мог признать безоговорочно верным и неоспоримым ни одного такого быто-ни было положения, понятия, представления. Он пришел к заключению, что все относительно, что абсолютна только одна относительность, что абсолют открылся себе только в относительном и что его нельзя искать вне относительности. Читая Гегеля, Болланд «разумел», что как раз в признании такого рода всеобщей относительности и заключается истина. В 1898 г. Болланд пишет свою первую статью о Гегеле, в которой горячо рекомендует «основательное изучение великого философа-дектика». В этой статье он, однако, считает, что гегелевская философия страдает

«известной интеллектуалистической односторонностью, не дающей полного удовлетворения требованиям души». Как видно, для голландского мистика и авантюриста Болланда оказалось недостаточно мистики в абсолютном идеализме Гегеля. Не даром же этот «дипломированный поп» так быстро поднялся вверх по буржуазной «лестнице» и так стремительно занял кафедру философии. Тельдерс это обясняет, конечно, «гениальностью» Болланда.

Тельдерс заявляет, что начиная с 1898 г. Болланд переездил со своими введениями и примечаниями все важнейшие сочинения Гегеля, а также некоторые сочинения гегельянца Габлера и Эрдмана. Далее он дал самостоятельное изложение почти всех отделов гегелевской философии, — изложение, которое, по словам Тельдерса, не имеет себе равных во всей мировой литературе. В многочисленных статьях и докладах Болланд разработал в духе гегелевской философии целый ряд философских, теологических (обратите внимание!), социальных и эстетических проблем. Главное сочинение Болланда, в котором включена большая часть этих статей и докладов, носит заголовок «Чистый разум и его действительность» (первое издание — в 1904 г.).

Переходя к характеристике философских взглядов Болланда, Тельдерс отмечает, что самым существенным в гегелевской философии Болланд считает ее метод. Однако метод этот и Болланд и Тельдерс называют почти всегда не диалектическим, а спекулятивным (Hegels spekulative Methode). Это очень характерно для гегельянства Болланда: здесь мы опять-таки видим всяческое вычищивание реакционной стороны гегелевской идеалистической системы и размазывание элементов мистики и поповщины. Сам Тельдерс вынужден признать, что в понимании метода между Гегелем и Болландом имеется некоторое различие (самим Болландом не осознанное). В то время как для Гегеля метод имманентен самому содержанию или объекту мысли и составляет внутренний закон самовдвижения этого содержания или объекта, у Болланда он превращается в «виртуозную игру разума с самим собой», в прижки мысли, «прикрытой виртуозной игрой словами». Основную причину этого недостатка философии Болланда Тельдерс усматривает в том, что диалектика он брал главным образом как непосредственное признание за истину всеобщей относительности, присущей каждому отдельному положению и понятию, а не как методическое раскрытие этой относительности на самом содержании познания. Поэтому диалектика превращалась у него порою в некий готовый рецепт, в некую «волшебную формулу мудрости». С этим, по мнению Тельдерса, связана и недооценка Болланда великого значения «Феноменологии духа», которую Тельдерс называет «самокритикой сознания» и которую он считает одной из важнейших частей гегелевской философии.

Хотя Тельдерс и признает, что вышеозначенная особенность голландской философии является до известной степени ее недостатком, однако он находит в ней также и положительную сторону. Особенно прославляет он словесное мастерство Болланда, который, по его мнению, еще глубже, чем Гегель, осознал «разумную сущность языка». Тельдерс считает, что до Болланда вообще не существовало голландского философского языка и что Болланд имел полное право сказать о себе: «Велик дух Гегеля, но в годы 1900—1910 чистый разум говорит по-голландски и по-болландски». Так велико было самомнение этого ничтожного голландского авантюриста, — добавляем мы.

Любопытное указание относительно социально-классового значения философской деятельности Болланда можно перечерпнуть из следующих слов Тельдерса: «Лекции Болланда давали духовную пищу в особенности той нецерковной буржуазии, которая больше не могла найти себе эту пищу в церкви» (стр. 120).

Переходя затем к характеристике голландского гегельянства после смерти Болланда (1922), Тельдерс отмечает, что из учеников Болланда только одному удалось занять официальное место в одном из университетов Голландии; остальные же развивают философию в духе Гегеля и Болланда вне академической жизни. Из

этих учеников Болланда наиболее выдающимся Тельдерс считает Хессинга. Общее направление у всех одно и то же, при чем главным предметом философствования у них всех является «Феноменология духа» Гегеля. Этим путем они желают восполнить тот пробел, который, по мнению Тельдерса, имелся в философии Болланда в который был связан с недооценкой им проблемы феноменологии духа. Ученики Болланда не только изучают и комментируют гегелевскую «Феноменологию», но и разрабатывают целый ряд новых философских проблем в свете «Феноменологии».

В заключение Тельдерс указывает на различие, имеющееся между голландским и германским гегельянством. Различие это, по его мнению, заключается в том, что голландская философия почти не знает той мучительной «борьбы за Гегеля», которую пришлось (и еще приходится) вести немецким философам, попавшим в плен неокантианства и только постепенно выбиравшимся из этого плена. Тельдерс говорит, что Болланд одним могучим скаком перепрыгнул через пресловутую неокантианскую проблему об «условиях возможности абсолютного знания» в тем самым в высокой степени облегчив победу «истинной, то есть гегельянской философии» в Голландии. Поэтому-то голландцы и называют себя «ортодоксальными гегельянцами», — и притом с полным правом, как уверяет Тельдерс, полагающий вместе с другими учениками Болланда, что спекулятивная философия Гегеля есть абсолютная философия, превозмогшую уже невозможную.

Доклад Тельдерса с особенной наглядностью показывает нам вырождение гегельянства в современной философии, полнейший отрыв гегельянствующего философствования от всех положительных достижений современной науки и техники и сугубо созерцательный характер этого философствования, переходящего в свою рода теологию и религию. Значительные слои современной буржуазии перестали довольствоваться старой церковной религией, и вот для ее замены создается «новая», «философская» религия «чистого разума», занимавшая у гегелевской философии ее наиболее реакционные стороны, играющая идеалистической «диалектикой» (которую впрочем она предпочитает именовать «спекулятивным методом») и превращающая ее в отвлеченнейшую игру слов.

Шестой и последний из докладов-обзоров озаглавлен «Гегель у славянских народов». Докладчик — пражский профессор, точнее, оголтелый черносотенец и профессорской кафедре Дмитрий Чижевский (Tschizewskij), украинец по национальности, автор ряда историко-философских работ, трактующих о философии в старой Украине и в старой России (в настоящее время Чижевский подготавливает к печати «большой труд» под заголовком: «Гегель у славян и немецком языке»). С самого же начала своего доклада Чижевский заявляет, что основной особенностью философии славянских народов он считает «глубокую религиозную традицию». В философии немецкого идеализма и в частности в философии Гегеля он тоже усматривает глубокую религиозную традицию, идущую от реформации, от отцов церкви и в особенностях от немецких мистиков (Яков Бёме и др.). Поэтому, когда он говорит, что послекантовский немецкий идеализм (Шильер, Шеллинг, Гегель и Баадер) оказал могучее влияние на философское развитие славянских народов, он усматривает в этом влиянии прежде всего «встречу двух различных религиозных традиций». После этого неудивительно, что этот жандар философии считает необходимым снять с Гегеля всякую ответственность за те взгляды, которые развивались левыми гегельянцами, а то, что он называет «привлечением Гегеля для обоснования коммунизма», он просто обявляет « злоупотреблением» гегелевской философии.

С такого рода «установками» Чижевский подходит к обозрению влияния Гегеля на «духовную культуру» славянских народов. Он указывает, что влияние это было в высшей степени многообразно, хотя ортодоксальных гегельянцев среди славян было сравнительно немного. В небольшом докладе Чижевский приводит очень много имен из самых различных областей культуры (художественная лите-

ратура, литературная критика, философия, политика) и из самых различных славянских стран (Россия, Польша, Чехия, Словакия, Сербия, Украина, Болгария). Больше всего Чижевский останавливается на русском гегельянстве и в особенности на гегельянстве XX века.

Чижевский упоминает о влиянии гегельянских идей на некоторых «славянофилов», хотя эти последние отнюдь не были гегельянцами. Ортодоксальными гегельянцами он считает из русских — Бориса Чичерина (1828—1903) и Дебольского, из украинцев — Гоголикого (1813—1889) и правоведа Редкина (1808—1891). Всех этих философов Чижевский ставит очень высоко, хотя и упоминает о скептицизме некоторых из них. Совсем иначе он отзывается о представителях левого гегельянства. По его мнению, левые гегельянцы отличались поверхностностью мысли и были только чисто внешним образом связаны с Гегелем, которого они неправомерно презирали в релятивиста и чуть ли не в антилиста. (Чижевский называет здесь Чернышевского и делает намек на Герцена, видевшего в логике Гегеля «алгебру революции»). Такова «научность» этого философского урядника.

Переходя к русской философии XX века, Чижевский усматривает в книге Н. О. Лосского «Обоснование интуитивизма» (первые главы которой появились в 1904 г.) начало и предвосхищение «возобновления русского гегельянства», поскольку в этой книге Лосский, между прочим, полемизирует с традиционными воззрениями на Гегеля, как на рационалиста и панлогиста, и пытается доказать, что Гегель был «интуитивистом». В такого рода истолковании Гегеля как интуитивиста и мистика Чижевский усматривает характерную для новейшей русской философии особенность, которую он так и называет «русская интерпретация Гегеля» и относительно которой он утверждает, что и новейшие западно-европейские философи (в частности немецкие: Кронер, Глокнер) независимо от русских пришли приблизительно к тому же самому (созрело, мол, время для такой интерпретации, стр. 140). К представителям «русской интерпретации Гегеля» он относит, кроме Лосского, Ивана Ильина, двухумного сочинение которого о Гегеле (Москва, 1918) он очень хвалит, Семена Франка и А. Ф. Лосева (на произведениях последнего Чижевский останавливается с особенной любовью, рекомендую их западно-европейским читателям). Основным понятием «русской интерпретации Гегеля» является, по Чижевскому, «спекулятивная конкретность». Гегель рассматривается не как рационалист и панлогист, но как «метафизик», как «интуитивно-мыслящий ясновидец». Гегелевский метод понимается не как рациональный метод, а как интуитивный; даже самое слово «диалектика» употребляется неохотно (напр., у Ильина). Если же и говорится о «диалектике» Гегеля, то она сближается с мистической «диалектикой» позднейшего неоплатоника Прокла (как это делает Лосев) или с мистикой Якона Бёме.

Само собой понятно, что Чижевский целиком солидаризуется с высоко ценимой им мистической «русской интерпретацией Гегеля». Понятно и то, что он не считает нужным сколько-нибудь останавливаться на «занятиях Гегелем многих представителей русского коммунизма». «Доказывать об этой работе, — говорит он, — лежит за пределами задач этого конгресса» (стр. 143). Чижевский признает, что изучение Гегеля русскими коммунистами и по своему содержанию и по своей цели резко отличается от буржуазного гегельянства. Засим следует такая фраза: «Некоторые работы, касающиеся гегельянской философии, как таковой, и трактуемые главным образом о подготовке диалектического метода в кантовской и послекантовской философии — назову здесь в качестве более основательных работы А. Деборина и В. Асмуса — покоятся, к сожалению, на недостаточном знании предмета, и уже поэтому мне незачем на них останавливаться» (стр. 143). Говоря о Ленинских сборниках IX и XII, Чижевский выкидывает такой трюк, он утверждает, что развивающиеся в них мысли Ленина близки к... охарактеризованной выше «русской (т. е. мистической) интерпретации Гегеля». После этого Чижевский склонен при-

знат, что ленинские заметки о Гегеле «не совсем лишены интереса» (стр. 132, ид. 143—144). В чем же Чижевский видит близость Ленина к Ильину и Ко? Грубо прием этого глупого пражского жандарма сразу же виден из следующих его слов: «Ленин,— пишет он,— тоже подчеркивает понятие «конкретности», отрицает «рационализм» Гегеля и обычное в более ранней марксистской литературе понимание диалектики как учения о развитии» (стр. 144). Трудно представить себе более грубую, более чудовищную фальсификацию диалектики Ленина. Подумать только: Ленин, по истолкованию заграничного русского черносотенца, якобы отрицает марксистское понимание диалектики как учения о развитии, т. е. стало быть, отказывается от Марксовой диалектики и сближается с истинно-русской, т. е. мистической ее интерпретацией! Попытка г. Чижевского противопоставить диалектику Ленина диалектике Маркса совершенно ясна, и она, очевидно, нужна пражскому уряднику от философии, чтобы посеять туман в головах немецких читателей-рабочих. Полемизировать с фашистскими шулерами и фальсификаторами совершенно бесполезно. Но для читателей, недостаточно знакомых с IX и XII Ленинскими сборниками, мы обязаны процитировать два-три места, чтобы рассеять туман, пущенный в «трудах» гегелевского конгресса. Так, в своем IX сборнике Ленин пишет: «Я в общем стараюсь читать Гегеля материалистически: Гегель есть поставленный в голову материализм (по Энгельсу), — т. е. я выкидываю большей частью божескую, абсолютную, чистую идею и т. д.» (IX Лен. сб., с. 58). Представители же «русской интерпретации Гегеля», наоборот, больше всего интересуются именно божеской и выкидывают то, что является наиболее ценным у Гегеля. Ленин пишет: «Логика есть учение не о внешних формах мышления, а о законах развития «всех материальных, природных и духовных вещей», т. е. развития в «сего конкретного содержания мира и познания его, т. е. итог, сумма, вывод истории познания мира» (там же, стр. 41, разрядка наша.—В. Б.). Что общего между этой конкретностью и «спекулятивной конкретностью» Ильина или Лосского? Неужели современные идеологи буржуазии настолько слепы, что не видят диаметральной противоположности между этими «конкретностями»? Что это: кретинизм или сознательная фальсификация? По всей вероятности и то и другое. Далее, у Ленина мы читаем (в статье «Карл Маркс», написанной осенью 1914 г.): «Гегелевскую диалектику как самое всестороннее, богатое содержанием и глубокое учение о развитии» Маркс и Энгельс считали величайшим приобретением классической немецкой философии» (т. XVIII, стр. 10, разрядка наша.—В. Б.). Ту же самую мысль развивает и Ленин в своих заметках о Гегеле. Чижевский же «с ученым видом эпигонка» заявляет, что Ленин отрицает марксистское понимание диалектики как учение о развитии. И надо признать, что доклад этого пражского фальсификатора-черносотенца, отпечатанный в «Трудах» конгресса без всякого примечания, дает довольно яркое представление о задачах и целях самого Конгресса с нарочито подобранными докладчиками вроде гг. Чижевских и нарочито подобранными докладами, которые все целиком направлены против революционного марксизма-ленинизма. О материалистической диалектике мы не найдем у них ни единого слова, ни единого замка.

Заканчивается доклад пражского «профессора» «несколькими словами о задачах дальнейшего изучения Гегеля в славянских странах. По Чижевскому, эти задачи сводятся к тому, чтобы во всех подробностях проследить и выяснить влияние Гегеля на различные стороны «духовной культуры» различных славянских народов, ибо это, мол, очень важно для построения славянской «истории духа», поскольку в известном смысле «Гегель сделался славянским философом» — до такой степени его идеи в том или ином преломлении вошли в состав славянских национальных культур» (стр. 144). Из предыдущего мы уже знаем, какого рода идеи и какого рода цели имеет в виду Чижевский.

Последняя треть книги занята двумя длинными систематическими докладами на темы: «Свобода как право» и «Свобода как мышление». (Эти две темы фигу-

рируют здесь, как подтемы более широкой темы, гласящей «Гегель как философ свободы»). Первый из этих докладов сделан Юлиусом Биндером, профессором Геттингенского университета (Германия) по кафедре философии права. Флонкер в одном из примечаний к рассмотренному выше докладу отзыается о нем, как о вполне ортодоксальном гегельянце, ничуть не уступающем в этом отношении Рихарду Кронеру (на заключительном заседании конгресса Биндер был избран вторым председателем Международного гегелевского союза).

Доклад Биндера представляет собою тяжеловесный пересказ гегелевской «Философии права» с нарочитой тенденцией реабилитировать эту одну из наиболее реакционных частей гегелевской системы. Для Биндера еще более, чем для Гегеля, буржуазное право и буржуазное государство являются вечными, абсолютными категориями. Свобода мыслится как Гегелем, так и Биндером исключительно в рамках буржуазного права и государства, при чем буржуазное государство рассматривается, как наивысшее воплощение и подлинное осуществление свободы. Государство, повторяет Биндер за Гегелем, есть «абсолютная, неподвижная сила»¹⁾.

Реакционер Биндер с ненавистью нападает на «марксистскую теорию государства как орудия власти в руках господствующего класса». Эту теорию Биндер считает порождением того «социального субъективизма», который, по его мнению, блестяще раскритикован и преодолен в гегелевской философии права. Презрительно отзыается Биндер о современном либерализме и демократизме, которые, по его мнению, тоже имеют своей основой «социальный субъективизм» и потому не в состоянии действительно побороть марксистскую теорию государства (стр. 203). По Биндеру выходит, таким образом, что только гегелевское учение о государстве как самоцели способно по-настоящему разделаться с марксизмом. В другом месте мы читаем: либерализм беспомощен перед «сумасбродными требованиями социализма» (стр. 190). И далее: «Вполне последовательно (для гегелевской концепции.—В. Б.), что социализм не играет никакой роли у Гегеля: это происходит не вследствие того, что Гегель был философом сырой буржуазии, как это часто утверждают в недоброжелательном для него смысле, — это, конечно, неверно, — но вследствие того, что Гегель вообще впервые нашел правильное понятие государства, в котором снят эгоизм, как движущий принцип гражданского общества» (стр. 191).

Биндер полагает, что Гегелю удалось создать надклассовую теорию государства, как какого-то духовного единства, расчлененного на семьи, сословия и «корпорации», как «живого духовного организма». В государстве, — говорит Биндер вместе с Гегелем, каждый должен заниматься своим делом, и нелепым является представление о том, что все граждане должны принимать участие в государственных делах (стр. 202).

Биндер предпочитает оставаться в рамках сугубо абстрактных рассуждений, но уже из тех, мимоходом брошенных, замечаний его о социализме и либерализме, которые мы только что привели, отчетливо выступает классово-политический смысл его государственно-правовой концепции. Мы имеем здесь попытку использовать некоторые наиболее реакционные стороны гегелевской философии для теоретического обоснования современного фашизма с его «корпорациями», с его антидемократизмом, национализмом и т. д. Буржуазный либерализм и буржуазную демократию Биндер критикует, само собой разумеется, не слева, а справа, как это и подобает фашизующему теоретику. Точно так же и буржуазный пацифизм критикуется им не слева, а справа, и при этом опять-таки делается ссылка на Гегеля, учившего, мол, о «нравственной правомерности войны» между отдельными государствами. Упомянутая о современном униженном положении Германии. Биндер не

¹⁾ Гегель, Философия права, стр. 258.

скрывает свой мечты о реванше, в котором он усматривает необходимую борьбу народов за свою свободу, за осуществление своей исторической миссии (стр. 209—210).

Как же понимает Биндер ту «свободу», которая является собственной темой его доклада? Свобода, — говорит он, — это — субстанция духа, а так как материя есть не что иное, как инобытие того же духа, то свобода оказывается сущностью и субстанцией всей действительности (стр. 150). В развитии человеческих обществ «дух» возвращается к самому себе. В этом смысле Биндер и понимает положение Гегеля о том, что «всемирная история есть прогресс в сознании свободы». Биндер берет всерьез теологический жargon Гегеля, развивает и углубляет поэтические элементы гегельянства и дает формулировки вроде следующих: «Таких духа бога и божественная воля действительны только в нашем сознании и через наше сознание и так как история развития человеческого духа есть вместе с тем история осуществления божественного духа в мире, то наша свобода становится тем более действительной, чем более мы поднимаемся к познанию нашей зависимости от воли бога, чем более наша индивидуальная воля умерщвляется в пользу божественной воли... Мы тем более свободны, чем более мы осознали себя ирионетками в руках бога» (стр. 154). И эту «марсионеточную» концепцию фашист Биндер именует истинным «универсализмом», противополагая ее индивидуализму, самой зловредной формой которого он обявляет «коллективизм», т.е. коммунизм (стр. 184).

Второй доклад о «свободе» («Свобода как мышление») сделал голландец Хессинг, считающийся наиболее выдающимся учеником Болланда и являющийся, по словам Биндера, одним из главных вождей современного гегельянства в Голландии. Доклад Хессинга производит впечатление какой-то сплошной тарабарщины. Это — сплошная мистика идей, и даже не идей, а просто каких-то вымыселных комбинаций слов, — несноснейшая и бесплоднейшая схоластика. Если про Гегеля Энгельс имел полное основание сказать, что «насколько идеалистична форма (его философии), настолько же реально (ее) содержание», то у Хессинга мы имеем только чисто мистическую форму без всякого реального содержания, пустопорожние и нудные упражнения в чисто словесной «диалектике».

Если все-таки попытаться отыскать некоторый смысл в этой «философской» тарабарщине, то окажется, что речь идет о постепенном восхождении мышления от полагания непосредственно-дайного «чувственного созерцания» (так называемая реальность, как выражается Хессинг) до абсолютно свободного «сознания истины» (ибо, по мнению Хессинга, «истина творится мышлением», стр. 238). Перед нами грубо-идеалистическая «феноменологическая» концепция, претендующая на то, чтобы выявить диалектику мышления, являющегося, по Хессингу, сперва «препрезентирующим» и переходящим затем в мышление «символизирующее». Репрезентирующее мышление, по Хессингу, стремится к соответствию с «об'ективным моментом», однако оно никогда не может достигнуть этого соответствия, так как стремление к такому соответствуанию, по мнению Хессинга, содержит в себе неразрешимое внутреннее противоречие. Поэтому мышление «снимает» вопрос о соответствии с «об'ективным моментом» и создает «символы», придавая им то или другое «значение». Между «символом» и «значением» не может и не должно уже быть никакого «соответствия». Это и есть сфера «свободы» — «свобода как мышление». Однако не следует, — говорит Хессинг, — понимать эту «свободу, как произвол». Ибо мышление «творит истину» таким образом, что оно ищет «соответствия с какими-либо предполагаемым бытием и не соответствия с какими-либо предполагаемыми правилами или законами рассуждения, но только единство между мышлением индивидуального «я» и мышлением всеобщего разума или Логоса».

Так заканчивается этот доклад, демонстрирующий полнейшую и безнадежнейшую оторванность его автора и от науки, и от действительности, и от того Гегеля, у которого наши великие учителя сумели найти и использовать «обширную энциклопедию диалектики, хотя и развитую из совершенно ложной исходной точки»¹⁾.

* * *

Таково содержание «Трудов первого международного гегелевского конгресса». Выводы напрашиваются сами собой. Политическая физиономия большинства участников этого конгресса, судя по их докладам и выступлениям, в основном ярко черносотенно-фашистская. Лучше всего отражены те политические цели, которые преследуют Гегелевский союз и созданный им конгресс, в докладе делегата Биндера, поставившего все точки над i своим открытым требованием фашистской диктатуры, требованием отмены парламентаризма, требованием скорейшего уничтожения коммунизма, ссылаясь при этом на гегелевское учение о государстве и праве. Знаменателен также факт избрания конгрессом этого реакционера вторым председателем Гегелевского союза. Не менее ярким своими политическими выпадами против коммунизма является доклад пражского «урядника» Чижевского, допущенный с докладом на конгресс, характеризует политическую физиономию его участников не менее ярко, чем Биндер.

Представители итальянского фашизма, голландского общества теологов и чиников и т. д. сами говорят за себя.

Что же касается философской стороны дела, то единственный интерес, который может иметь для нас эта книга, заключается в том, что здесь в сравнительно скромной и легко обозримой форме дается почти исчерпывающая картина того, что представляет собою современное буржуазное гегельянство. Перед нами проходит длинная вереница имен из самых различных стран капиталистической Европы, и все они сходятся в том, что, игнорируя и отбрасывая все наиболее ценное, что есть у Гегеля, они цепляются за самые реакционные моменты его философии и всеми средствами стараются усугубить, раздуть и усилить эти реакционные моменты, толкая Гегеля как сплошного мистика, иррационалиста, теолога, и вычитывая из него то, что наиболее соответствует глубочайшему развалу и крайнему упадку современной буржуазной философской мысли, неспособной уже не только ни к какому движению вперед, но и к более или менее правильному пониманию великих мыслителей прошлого. Иначе и быть не может в условиях гниения всей капиталистической системы, быстрыми шагами приближающейся к своей исторически обусловленной гибели. То, до чего поднимались буржуазные мыслители той эпохи, когда буржуазия была восходящим общественным классом, стало недостижимым и безвозвратно потерянным для современной упадочной буржуазии, доживающей последнюю полусотню своей исторической жизни.

Весьма характерной чертой рецензируемой книги является также и то, что она прямо кричащим образом свидетельствует о полнейшем разрыве между современной философской мыслью и теми бесспорными достижениями, которые имеются в отдельных областях буржуазной науки и техники. Философская мысль современной буржуазии неспособна осмыслить достижения положительной науки. Более того, она вступает в напрямированый конфликт с этими достижениями, так как идет антинаучными путями, путями мистицизма, теологии и поповщины.

Современное буржуазное гегельянство лишилось раз и навсегда и подтверждает и иллюстрирует марксистско-ленинское учение о классовом и партийном характере философии.

В. БРУШЛИНСКИЙ

¹⁾ Энгельс, Диалектика природы (Архив М. и Э., т. II, стр. 131).

Д. Б. НАУМОВ. Николай Иванович Зибер. Из истории марксистской экономической мысли на Украине и в России. Украинский Институт марксизма-ленинизма. Кафедра теоретической экономики. Изд. «Пролетарий», Харьков, 1930 г., стр. 93.

В истории развития экономической мысли в России и на Украине Н. И. Зибера принадлежит весьма значительное место. Больше того, не являясь подлинным революционным марксистом, материалистом-диалектиком, Зибер всей своей теоретической деятельностью связал себя именно с развитием марксистской экономической мысли. Всем известна оценка Зибера Марксом, данная в послесловии ко второму изданию первого тома «Капитала». Однако, несмотря на это, до выхода лежащей перед нами книжки тов. Наумова мы не имели (ни в русской, ни в украинской литературе) ни одной серьезной работы о Зибере как экономисте. О них вообще мало написано. Собственно говоря, дореволюционная литература о Зибере ограничивалась (если не считать отдельных замечаний Плеханова и Воровского) преимущественно одними воспоминаниями (Романовича-Славатинского, Чуприя и др.). К этой литературе в РСФСР и в послереволюционное время ничего существенного не было прибавлено.

Наоборот, на Украине мы наблюдали значительный интерес к Зибера. О нем пишет М. Грушевский в книжке «Из начал украинского социалистического движения», Яворский — в «Очерках по истории революционного движения на Украине», т. II, часть 1-я, Слабченко — в «Материалах социально-экономической истории Украины в XIX столетии» и во вступительной статье к книге Зибера «Очерки первобытной экономической культуры». Оглоблин — в рецензии на книжку Яворского, Демчук — в статье, помещенной в сборнике «Воинствующий материалист» и в предисловии к украинскому переводу работы Зибера «Диалектика в ее применении к науке». Наконец, специально на экономических воззрениях Зибера останавливается Д. Бованенко в статьях: «К истории политической экономии на Украине», помещенной в сборнике ВУАН «В честь академика Д. И. Багалея» и «Николай Иванович Зибер», помещенной в IX томе «Научных записок киевского Института народного хозяйства».

Казалось бы, что после этого вопрос о Зибере должен быть достаточно освещен. Но на самом деле это не так. Дело в том, что большинство авторов, разрабатывавших этот вопрос, не марксисты, а враги марксизма. Они-то и занялись исключительно с целью извратить суть теории Зибера и его роль в истории марксизма, выдвигаятенденциозные (совершенно не обоснованные) утверждения о том, что он был «основоположником марксизма на Украине» и т. д.

То же самое некритически повторяли вслед за ними наши товарищи, как Демчук (являющийся одним из представителей деборинщины на Украине) и Бованенко. Кроме того, вся эта литература трактовала преимущественно о Зибере как об украинском деятеле, о роли Зибера в истории революционного движения, но не о Зибере как об экономисте.

Зибера как экономисту были посвящены лишь две небольшие статьи тов. Бованенко (где наряду с правильными положениями имелись значительные ошибки). Совершенно очевидно, что при таком положении (в связи с неразработанностью проблемы и ошибками в ее трактовке) выход отдельным изданием специальной работы, рассматривающей Зибера как экономиста, представляет собой большой интерес.

Книжка тов. Наумова состоит кроме предисловия (в котором аргументируется необходимость этой работы) из четырех глав. В первой главе («Жизнь и деятельность Зибера») автор прежде всего сообщает краткие биографические сведения о Зибере. Более подробно останавливается тов. Наумов на теоретической деятельности Зибера (в основе которой лежало изложение и популяризация экономической теории Маркса).

Попутно тов. Наумов ставит и разрешает вопрос о причинах довольно большой популярности в 70—80-х годах в России и на Украине экономического учения Маркса (хотя и в «кастрированном» виде, где было выхолощено его революционное содержание). Нужно согласиться с тов. Наумовым, что: «Недостаточно резко выявленными противоречиями между буржуазией и рабочим классом в России и на Украине так же, как и не совсем ясным пониманием в тогдашней России революционной стороны Маркса учения, можно объяснить и тот исторический парадокс, что первая в мире университетская кафедра, с которой профессор Зибер излагал Марксовое экономическое учение, была на Украине в Киевском университете; несмотря на то, что Россия была тогда самой реакционной страной в Европе» (Наумов, «Д. И. Зибер», стр. 13). Сам Зибер, первый указавший в русской литературе на научное значение теории Маркса, являясь первым (и неутомимым) популяризатором экономического учения Маркса, также не понял основного ядра этого учения — его классового, революционного содержания. «Для Зибера, не понимавшего классового революционного содержания учения Маркса — Энгельса, марксизм не был руководством к действию, а оставался всегда абстрактной научной теорией, более совершенной и правильной, чем теория классиков и теории современных Зибера буржуазных ученых» (Наумов, там же, стр. 16). Но и только.

Весьма интересна вторая глава работы тов. Наумова («Методологические основы политэкономии по Зибера»). Тут автор весьма детально анализирует методологические принципы Зибера, подчеркивая как положительные, так и отрицательные стороны его методологии.

К положительным сторонам тов. Наумов совершенно справедливо относит понимание Зибера политэкономии, как теоретической общественной науки, приятие и подчеркивание им закономерности общественных явлений, формулирование примата производства, как исходного принципа исследования, понимание (не всегда вполне последовательное) исторического характера категорий политэкономии, признание роли абстракции и т. д. Все это дало возможность Зибера стать на голову (если не на две) выше вульгарных экономистов (субъективистов и эмпириков), которых он критиковал в своих работах. Однако путь к действительному пониманию Марковой теории закрыт для Зибера тем, что он «представляя себе смену капитализма социализмом исключительно эволюционным путем, в силу естественных законов развития капитализма. Значение активного воздействия классов на этот естественный ход развития он не уяснял себе точно так же, как не понимал возможности и необходимости революционных взрывов, скачков» (Наумов, там же, стр. 33—34). Зибер «не уясняет себе значения и сущности классовой борьбы точно так же, как он не говорит о значении и роли классовой борьбы в истории человечества» (Наумов, там же). О том, «какую роль может и должна иметь в деле преобразования капиталистического общества в социалистическое революционная борьба пролетариата, его активное вмешательство и воздействие на ход исторического развития, — об этом Зибер не говорит ни слова» (Наумов, там же, стр. 35, раздражка наша.—Е. Б.). Не довольствуясь констатированием фатализма Зибера, тов. Наумов вскрывает и причины, в силу которых Зибер к нему пришел. «Фаталистический взгляд Зибера, что капитализм сам собой будет заменен социализмом, связан с его механистическим пониманием законов общественного развития. По Зибера законы истории ведут человечество «с завязанными глазами и ощущают с одной ступени кооперации на другую» (Наумов, там же, стр. 37). «В силу необходимых внутренних законов одна общественная формация непосредственно, без всякого участия общества и вмешательства классов, переходит в следующую, высшую, когда для этого созревают необходимые объективные условия. Сознательное и активное «сокращение и облегчение муки родов» он понимал только в смысле социальных реформ» (Наумов, стр. 38—39).

Таким образом, фатализм Зибера объясняется механистичностью его концепции развития общества. Непонимание материалистической диалектики не дало ему

возможности понять того, что действительное развитие общества есть диахетическое развитие.

В 3-й главе («Зибер как экономист-марксист») автор анализирует позиции Зибера категориями стоимости, абстрактного труда, денег, прибавочной стоимости капитала и его накопления, зарплаты. Этот анализ тов. Наумов проводит на основе сравнительного исследования Зибера экономических систем Рикардо и Марса. В конце главы тов. Наумов дает оценку Зибера как экономисту, еще раз подчеркивая, что «скаков и революционных потрясений Зибер не признавал, фактически веря в непреложность предначертанных путей капиталистического развития, Зибер и не мог признавать необходимости революционной борьбы и не придавал этой борьбе никакого значения» (Наумов, там же, стр. 60). Автор ошибочно констатирует, что «объективно этот лозунг и его идеологическое обоснование выражали интерес развивающегося класса буржуазии, являвшейся в то время носителем прогресса страны, развития ее производительных сил» (Наумов, там же, стр. 61).

На основании всего этого тов. Наумов квалифицирует марксизм Зибера как исправленное рикардианство, а самого Зибера как легального марксиста, для того периода, когда легальный марксизм как течение еще не сложился. Тов. Наумов говорит: «Зибер не был революционным марксистом; таким он не мог быть в условиях хозяйственной жизни и классовых отношений, свидетелем которых был в тогдашней России. Зибер не понимал революционного содержания Марковой теории, он не видел в марксизме теории революционной борьбы пролетариата за уничтожение капитализма и установление нового социалистического строя, поэтому не понимал и не признавал роли и значения рабочего класса как инициатора капитализма... У Зибера поэтому марксизм получился «кастрарированный»» (Наумов, там же, стр. 62).

Наконец, мы имеем последнюю главу работы тов. Наумова, носящую название — «Место Зибера в истории марксизма и революционного движения в Украине и в России». Эта глава представляет больший интерес для историка, чем для экономиста. В ней автор восстанавливает правильную точку зрения на роль Зибера в истории марксизма и революционного движения. Это более чем очевидно, поскольку в буржуазной литературе (Клейнборт, Микалаевский, Осипенко, Куликовский, Грушевский, Слабченко и др.) господствует совершенно неверное представление о Зибере как о «правоверном», «ортодоксальном» марксисте, «исповеднике марксизма на Украине» и т. д. Это мнение было подтверждено и автором, и «марксистами» а la Яворский (и даже с ним).

Автор устанавливает, что все это основано на непонимании сути марксизма. Он смешил подлинного революционного марксизма с «объективизмом, с «скакованным» марксизмом, с одной стороны, и на приписывании Зибера идей, которых он вовсе нигде не выставлял, и активной практической революционной деятельности среди пролетариата, которую Зибер вовсе не вел, — с другой стороны. На основании сопоставления всех имеющихся о Зибере фактических данных тов. Наумов констатирует, что абсолютно никаких оснований нет для того, чтобы считать Зибера не только руководителем рабочего движения на Украине, но и вообще каким бы то ни было непосредственным участником его. «Искания» же Яворского в этом направлении и его поспешные, совершенно не обоснованные выводы тесно связаны со всей его кулацко-шовинистической концепцией исторического процесса на Украине и вытекают из его антипролетарской, антимарксистской идеологии. Резюмируя все вышеизложенное, тов. Наумов говорит, что: «Вопреки утверждению М. Яворского и др., в истории марксизма и рабочего революционного движения на Украине Зибер не занимает места основоположника марксизма, организатора и руководителя первых марксистских рабочих кружков. Зибер занял в истории марксизма совершенно другое место. Ему принадлежит роль первого легального марксиста бывшей России, предтечи легальных марксистов 90-х годов» (Наумов, там же, стр. 92—93).

При всех своих достоинствах рецензируемая книжка имеет и недостатки. Так, в ней почти ничего нет о Зибере как об историке хозяйственных форм и о Зибере как об экономисте-конкретнике (статистике и т. д.). Чрезвычайно мало сказано об антинароднических работах Зибера. Совершенно не освещен вопрос о понимании Зибера соотношения экономики и права, о его толковании логических и исторических категорий, об его отношении к Родберту (о котором Зибер написал специальную работу) и т. д. Все эти вопросы следовало бы подвернуть марксистской разработке, издав специальную монографию о Зибере.

Есть в работе тов. Наумова и отдельные-неудачные формулировки и места. Так, напр., на стр. 66 тов. Наумов называет Зибера без всяких оговорок марксистом («Наша характеристика Зибера как марксиста», — говорит тов. Наумов). Это противоречит приводимому самим Наумовым месту из Ленина, где говорится, что совершенно неправильным является, «когда к марксистам относят людей, понятия не имеющих о борьбе классов, о необходимости антагонизма, присущем капиталистическому обществу, и о развитии этого антагонизма, людей, не имеющих представления о революционной роли пролетариата». Это противоречит и общей концепции рецензируемой работы. Требует расшифровки также выставленное тов. Наумовым на стр. 12, где речь идет о развитии экономики и соотношении классовых сил в России в эпоху Зибера, положение, что «либеральная, передовая буржуазия была еще способна поэтому об'ективно изучать законы капиталистического хозяйства». Данное в такой форме, это положение может вызвать некоторые первые представления у читателя.

Несогласны мы также и с тем, что: «Ведь и в новейшей экономической марксистской литературе мы имеем различную оценку методологии и теории Рикардо так же, как и различное понимание и толкование проблемы марксовой теоретической экономии в том числе, и некоторых проблем, которые Излагал и интерпретировал Зибер» (Наумов, там же, стр. 58, разрядка наша). —

Мы считаем, что в вопросе о методологии Рикардо и о самой его теории, как и в вопросе о понимании основных проблем Марксовой теоретической экономики, для марксистов возможно одно и только одно толкование, которое дали Маркс, Энгельс и Ленин. Никакой различной оценки, различного толкования и понимания в марксистской экономической литературе быть не может.

Однако в целом книжка тов. Наумова представляет хорошую работу, необходимую как экономисту, так и историку. Нужно надеяться, что появление этой работы оживит как в украинской, так и в русской литературе интерес к истории развития экономической мысли в России и на Украине и к Зибера в частности.

Е. Бык.

От редакции.

С теоретического Фронта.

Помещая статью т. Соловьева о борьбе с рубинницей в Средней Азии, редакция обращается ко всей академической общественности центра и периферии: институтам красной профессуры, научно-исследовательским институтам, научным обществам, аспирантуре, кафедрам и т. д.—осветить в страницах журнала, как на различных участках теоретического фронта конкретно протекает борьба с извращениями марксизма-ленинизма и с хищниками этих извращений.

Освещение борьбы с извращениями марксизма-ленинизма должно одновременно показать, как протекает в действительности процесс поворота в теории и практике и как на БАЗЕ ЭТОГО ПОВОРОТА вскрываются и разоблачаются различные формы ревизионизма. О повороте «всобще» много говорилось. Пора посмотреть и поделиться, как он выглядит на разных участках и с какими искривлениями и извращениями при этом приходится сталкиваться.

Редакция ждет не газетных корреспонденций и не голых отчетов, освещения указанных вопросов на должном теоретическом уровне с изложением принципиального содержания возникающих проблем.

РЕДАКЦИЯ «ПЗМ».

Рубинница в Средней Азии.

В Средней Азии на фронте теоретической экономики до сих пор вела борьба с механицизмом и рубинницей в значительной мере с недостаточно последовательных или примиряческих позиций. Это объясняется общей слабостью теоретической работы в Средней Азии вследствие бедности ее выдвинутыми марксистско-ленинскими квалифицированными теоретическими партийными кадрами. Благодаря этому долгое время распространялась пропаганда идеалистических и механистических теорий буржуазно-реставратской профессуру как в области философии, так и в области экономических наук, теоретической экономики в частности. Такие насквозь враждебные пролетариату и марксизму-ленинизму люди, как Барботкин, Ванштейн, Солдатов, Ярошевич, Пославский, Кильчевский, Гаврилов и ряд других¹⁾, занимая кафедры в вузах и находясь на руководящих постах в хозорганизациях, до самого последнего времени систематически распространяли идеализм и механицизм, поддерживая, одобряя и поощряя в среде молодых научных работников носителей механистических и идеалистических извращений марксизма-ленинизма.

Влияние этой буржуазной профессуры было настолько велико и бесподобно, что они имели возможность образовать целые «школки» последователей и защитников, в результате чего мы имеем в Средней Азии «ажановщину»²⁾

¹⁾ Все они изгнаны из вузов и хозорганизаций в течение 1930/31 учебного года как вредители и враги диктатуры пролетариата.

сновизм—«пославщина», «барботкинщину»¹⁾, «гавриловщину» и т. д. Все это вело к распространению механицизма и рубинницы в Средней Азии даже в период после подведения итогов дискуссии по теоретической экономике в Союзе, углубляло отрыв и отставание теоретической экономики от актуальных проблем революционной борьбы и соцстроительства, отвлекало внимание от проблемы империализма на зарубежном Востоке и социалистического строительства в Средней Азии, сказывалось на преподавании этой дисциплины в вузах и комвузах, и вело, таким образом к ослаблению позиций партии на теоретическом фронте.

В результате итоги дискуссии по политэкономии в Средней Азии еще даже не подведены. Часть среднеазиатских рубинщиц и механистов хотя и разоблачена (Гаврилов, Минкубаев, Батраков, Пальцев²⁾), но это разоблачение, явно недостаточное, проходило кустарно при недостаточном руководстве СААНИУ и, главное, еще не доведено до широкой партийно-советской общественности и студенчества. Создание выдержанного марксистско-ленинского квалифицированного партийного ядра экономистов для последовательной и систематической борьбы против механицизма, как главной опасности, и рубинницы, за генеральную линию партии на фронте теоретической экономики является актуальной задачей парторганизации Средней Азии.

Задачей настоящих заметок является рассмотрение форм, какие приняла рубинница в Средней Азии. Рубинница в Средней Азии связана, главным образом, с именем доцента Гаврилова, который в течение ряда лет (примерно с 1924 г.), работая непосредственно в области теоретической экономики, наиболее активно, последовательно, наиболее открыто и успешно пропагандировал рубинскую концепцию в стенах вузов (Среднеазиатский государственный университет, Комиуниверситет). Поэтому рубинницу в конкретных условиях Средней Азии можно, конечно, условно обозначить как «гавриловщину». Гаврилов не был своевременно разоблачен и снят с работы, так как «борьба» против него (начавшаяся, кстати сказать, только в 1929 г.) велась либо с механистических позиций (Пальцев), либо с его же собственных, рубинских позиций (Батраков), и поэтому совмещалась с явным примирением к Гаврилову и с его фактической защитой³⁾. В 1931 году Гаврилов

¹⁾ Кантинский идеализм Барботкина, философа, полностью разоблаченного в резолюции пленума философской секции (совместно с ОДВМ) Среднеазиатской ассоциации научно-исследовательских учреждений. Там же осуждены наиболее активные его ученики и защитники—т. Батраков и Пальцев, не признавшие на пленуме ошибочность своей позиции. (Резолюцию см. в «Под знаменем марксизма» № 1—2 за 1931 год).

²⁾ В 1931 году т. Пальцев был разоблачен как правый оппортунист, открыто защищающий теоретическую базу правого уклона—механицизм (защита механистической позиции Коня-Бессонова, обвинение партии—«Правды» и «Большевика» в примиренчестве к рубиннице, утверждение, что главной опасностью в борьбе на два фронта на данном этапе является не механицизм, а рубинница). Отказ т. Пальцева от своей позиции является по существу формальным, так как им не выполнены партийные решения по этому вопросу (подача заявления в парторган с признанием ошибочности своей позиции, выступление с докладом о теоретических корнях правого уклона с критикой своей позиции и защитой генеральной линии партии). Все это означает, что т. Пальцев продолжает оставаться на своих правооппортунистических позициях. Как видим, т. Пальцев сумудрился совместить защиту идеалистической «барботкинщины» в философии с защитой механицизма в теоретической экономике, так как методологический корень этих извращений один и тот же—не единство.

³⁾ Документ, написанный т. Батраковым в декабре 1930 года под названием «Тезисы о работе кафедры политэкономии», характерен отсутствием постановки вопроса о необходимости развернутой борьбы с рубинницей Гаврилова и ориентируется на привлечение последнего к руководящей работе по кафедре. В этих «Тезисах» Гаврилов изображается как бывший рубинец. Накануне составления «Тезисов» Батраков выдвигает Гаврилова руководителем бригады аспирантов по теоретической экономике. Не случайно поэтому в процессе разоблачения Гаврилова в 1931 году Батраков проявил «странную» пассивность и молчаливость, не выступив ни разу хотя бы по одному принципиальному вопросу против Гаврилова.

От редакции.

С теоретического Фронта.

Помещая статью т. Соловьева о борьбе с рубинницей в Средней Азии, редакция обращается ко всей академической общественности центра и периферии: институтам красной профессуры, научно-исследовательским институтам, научным обществам, аспирантуре, кафедрам и т. д.—осветить в страницах журнала, как на различных участках теоретического фронта конкретно протекает борьба с извращениями марксизма-ленинизма и с хищниками этих извращений.

Освещение борьбы с извращениями марксизма-ленинизма должно одновременно показать, как протекает в действительности процесс поворота в теории и практике и как на БАЗЕ ЭТОГО ПОВОРОТА вскрываются и разоблачаются различные формы ревизионизма. О повороте «всобще» много говорилось. Пора посмотреть и поделиться, как он выглядит на разных участках и с какими искривлениями и извращениями при этом приходится сталкиваться.

Редакция ждет не газетных корреспонденций и не голых отчетов, освещения указанных вопросов на должном теоретическом уровне с изложением принципиального содержания возникающих проблем.

РЕДАКЦИЯ «ПЗМ».

Рубинница в Средней Азии.

В Средней Азии на фронте теоретической экономики до сих пор вела борьба с механицизмом и рубинницей в значительной мере с недостаточно последовательными или примиряческими позициями. Это объясняется общей слабостью теоретической работы в Средней Азии вследствие бедности ее выдвинутыми марксистско-ленинскими квалифицированными теоретическими партийными кадрами. Благодаря этому долгое время распространялась пропаганда идеалистических и механистических теорий буржуазно-реставратской профессуру как в области философии, так и в области экономических наук, теоретической экономики в частности. Такие насквозь враждебные пролетариату и марксизму-ленинизму люди, как Барботкин, Ванштейн, Солдатов, Ярошевич, Пославский, Кильчевский, Гаврилов и ряд других¹⁾, занимая кафедры в вузах и находясь на руководящих постах в хозорганизациях, до самого последнего времени систематически распространяли идеализм и механицизм, поддерживая, одобряя и поощряя в среде молодых научных работников носителей механистических и идеалистических извращений марксизма-ленинизма.

Влияние этой буржуазной профессуры было настолько велико и бесподобно, что они имели возможность образовать целые «школки» последователей и защитников, в результате чего мы имеем в Средней Азии «ажановщину»²⁾

¹⁾ Все они изгнаны из вузов и хозорганизаций в течение 1930/31 учебного года как вредители и враги диктатуры пролетариата.

сновизм—«пославщина», «барботкинщину»¹⁾, «гавриловщину» и т. д. Все это вело к распространению механицизма и рубинницы в Средней Азии даже в период после подведения итогов дискуссии по теоретической экономике в Союзе, углубляло отрыв и отставание теоретической экономики от актуальных проблем революционной борьбы и соцстроительства, отвлекало внимание от проблемы империализма на зарубежном Востоке и социалистического строительства в Средней Азии, сказывалось на преподавании этой дисциплины в вузах и комвузах, и вело, таким образом к ослаблению позиций партии на теоретическом фронте.

В результате итоги дискуссии по политэкономии в Средней Азии еще даже не подведены. Часть среднеазиатских рубинщиц и механистов хотя и разоблачена (Гаврилов, Минкубаев, Батраков, Пальцев²⁾), но это разоблачение, явно недостаточное, проходило кустарно при недостаточном руководстве СААНИУ и, главное, еще не доведено до широкой партийно-советской общественности и студенчества. Создание выдержанного марксистско-ленинского квалифицированного партийного ядра экономистов для последовательной и систематической борьбы против механицизма, как главной опасности, и рубинницы, за генеральную линию партии на фронте теоретической экономики является актуальной задачей парторганизации Средней Азии.

Задачей настоящих заметок является рассмотрение форм, какие приняла рубинница в Средней Азии. Рубинница в Средней Азии связана, главным образом, с именем доцента Гаврилова, который в течение ряда лет (примерно с 1924 г.), работая непосредственно в области теоретической экономики, наиболее активно, последовательно, наиболее открыто и успешно пропагандировал рубинскую концепцию в стенах вузов (Среднеазиатский государственный университет, Комиуниверситет). Поэтому рубинницу в конкретных условиях Средней Азии можно, конечно, условно обозначить как «гавриловщину». Гаврилов не был своевременно разоблачен и снят с работы, так как «борьба» против него (начавшаяся, кстати сказать, только в 1929 г.) велась либо с механистических позиций (Пальцев), либо с его же собственных, рубинских позиций (Батраков), и поэтому совмещалась с явным примирением к Гаврилову и с его фактической защитой³⁾. В 1931 году Гаврилов

¹⁾ Кантинский идеализм Барботкина, философа, полностью разоблаченного в резолюции пленума философской секции (совместно с ОДВМ) Среднеазиатской ассоциации научно-исследовательских учреждений. Там же осуждены наиболее активные его ученики и защитники—т. Батраков и Пальцев, не признавшие на пленуме ошибочность своей позиции. (Резолюцию см. в «Под знаменем марксизма» № 1—2 за 1931 год).

²⁾ В 1931 году т. Пальцев был разоблачен как правый оппортунист, открыто защищающий теоретическую базу правого уклона—механицизм (защита механистической позиции Коня-Бессонова, обвинение партии—«Правды» и «Большевика» в примиренчестве к рубиннице, утверждение, что главной опасностью в борьбе на два фронта на данном этапе является не механицизм, а рубинница). Отказ т. Пальцева от своей позиции является по существу формальным, так как им не выполнены партийные решения по этому вопросу (подача заявления в парторган с признанием ошибочности своей позиции, выступление с докладом о теоретических корнях правого уклона с критикой своей позиции и защитой генеральной линии партии). Все это означает, что т. Пальцев продолжает оставаться на своих правооппортунистических позициях. Как видим, т. Пальцев сумудрился совместить защиту идеалистической «барботкинщины» в философии с защитой механицизма в теоретической экономике, так как методологический корень этих извращений один и тот же—не единство.

³⁾ Документ, написанный т. Батраковым в декабре 1930 года под названием «Тезисы о работе кафедры политэкономии», характерен отсутствием постановки вопроса о необходимости развернутой борьбы с рубинницей Гаврилова и ориентируется на привлечение последнего к руководящей работе по кафедре. В этих «Тезисах» Гаврилов изображается как бывший рубинец. Накануне составления «Тезисов» Батраков выдвигает Гаврилова руководителем бригады аспирантов по теоретической экономике. Не случайно поэтому в процессе разоблачения Гаврилова в 1931 году Батраков проявил «странную» пассивность и молчаливость, не выступив ни разу хотя бы по одному принципиальному вопросу против Гаврилова.

был разоблачен как активный враг, законченный меньшевик-неокантианец, враждебный партии и марксизму.

Еще в 1931 году он пытается в работе в скрытом виде пропасти рубинскую концепцию. Его программа по истории экономического развития построена на полном отрыве от современной действительности и на стремлении обойти критику «социальной школы» и рубиницы (в программе нет даже темы о социальной школе и о рубинице как ее агентуре в СССР). Его преподавание характеризуется полным отрывом от жизни, отсутствием критики рубиницы в своей собственной позиции. В своих «Тезисах» о рубинице, написанных по предложению кафедр Гаврилов отказался признать ошибочность своей рубинской позиции, нагло заявив, что он рубинцем никогда не был и не является им сейчас, и взял под прямую защиту Рубина (это уже после процесса меньшевиков-интервенционистов). Изображая позицию Рубина только как «меньшевиствующий идеализм», он отказывался признать Рубина вредителем и врагом диктатуры пролетариата, ссыпая его только «объективным вредителем» в теоретической экономии, т.е. невольной жертвой неправильно понятой методологии Маркса. Рубинцу он назвал «общим движением экономистов-марксистов», утверждая, что в свое время линия Рубина была линией партии. Когда ему было предложено подать заявление с разоблачением своей позиции, Гаврилов, борясь за рубиницу, подал в отставку. Разоблачение его перед студенческой массой является коренной задачей по ликвидации последствий вредительства на фронте теоретической экономии в Средней Азии.

Благодаря примиренчеству к рубинице кафедры теоретической экономики САКУ (т. Юшкевич¹⁾), имела место в течение нескольких лет пропаганда рубинской концепции т. Минубаевым как в преподавании, так и в его «Учебнике политэкономии». Этот учебник по теоретической экономии — один из немногих на узбекском языке и, естественно, пользовался большим распространением среди коренного студенчества. В этом заключается особый политический вред этой книги, так как по ней коренные национальности на родном языке впервые знакомились с экономической теорией марксизма. Теоретическое содержание этой книги не нуждается в особом разборе: она представляет собою добросовестное систематическое изложение «Очерков» Рубина, часто его же собственными словами, без намека на какую-либо критику рубиницы. Тут и рубинское понимание предмета политэкономии с его отрывом производственных отношений от производительных сил, с его сведением производственных отношений к меновому и с вытекающим отсюда замазыванием классовых противоречий капитализма (внеклассовый характер производственных отношений); тут и рубинская концепция стоимости с ее полным отрывом абстрактного труда и стоимости от конкретного труда и потребительной стоимости, как дальнейшее развитие отрыва производственных отношений от производительных сил; тут и отрыв логического от исторического со всеми его последствиями и т. д.²⁾. Далее, в «Учебнике» пропаганда рубиницы совмещается с механистической и правооппортунистической ревизией ленинской теории империализма³⁾. Минубаев в самой грубой и открытой форме защищает социал-фашиз-

¹⁾ В решении парткома Ср.-Аз. коммунистического университета об «Учебнике» тов. Минубаева, напечатанном в «Узбекистанской правде» от 23 апреля 1931 г., говорится: «Кафедра теоретической экономики САКУ проявляет недопустимое примиренческое отношение в борьбе за чистоту марксистско-ленинской методологии и к разоблачению теоретических ошибок рубиницы в учебнике Минубаева». Под руководством т. Юшкевича кафедра не вела борьбы на два фронта, и Гаврилов и Минубаев до самого последнего времени беспрепятственно занимались пропагандой меньшевистской рубиницы в стенах комвуза.

²⁾ Благодаря отсутствию перевода книги т. Минубаева на русском языке с ней детально ознакомиться не удалось.

³⁾ Это совмещение идеализма и механицизма не является особенностью тов. Минубаева. Оно характерно и для самого Рубина: «теоретические работы Рубина, отражая меньшевистскую концепцию их автора, выхолащивают революционное содержание марксизма и диалектический материализм Маркса и Ленина подменяют механистичностью из откровенно-идеалистических и механистических настроений» («Правда» № 2 за 1930 г.—примечание редакции к ст. Милютина и Борилина, на стр. 6).

скую теорию «организованного капитализма», перещеголяв самого Бухарина. Только два примера: «Империализм является политикой финансового капитала», — определяет империализм Минубаев («Учебник», ч. 2-я, стр. 224). Это стопроцентное каутинское начало находит себе достойное продолжение. Минубаев целиком принимает тезис об исчезновении противоречий (в том числе и классовых) внутри капиталистических стран, благодаря господству монополий и о перенесении всех противоречий во вне, между странами. Если бы не эти внешние противоречия, то господство монополистических организаций было бы «безусловным и абсолютным» (часть 2-я, стр. 221) и «в таком случае... современное капиталистическое хозяйство, основанное на анархии, превратилось бы в организованное, сознательное, бесклассовое хозяйство» (часть 2-я, стр. 220, подчеркнуто нами.—С.). Окончательному превращению современного капитализма в социализм мешает, по Минубаеву, только конкуренция между странами! Теория организованного капитализма находит себе дальше достойное продолжение в признании Минубаевым «теории деколонизации» и вытекающей отсюда неизбежности кемалистского пути развития для зарубежного Востока, что означает ревизию ленинского учения об особом пути к социализму отсталых колониальных стран. В результате увеличения расходов на перевозку колонии теряют свое значение для тех стран, которые ввозят сырье» (ч. 2-я, стр. 258). «Железные дороги, чугунолитейная промышленность, добыча каменного угля и разработка минеральных запасов в Индии открыли путь для развития тяжелой промышленности и сигнализируют возможность экономической независимости ее» (ч. 2-я, стр. 261). Итак, империализм развивает колонии и ведет к их освобождению. Тут комментарии, поистине, излишни.

В условиях Средней Азии пропаганда этой теории является непосредственно реставраторской, ибо она объективно льет воду на мельницу националистических контрреволюционных элементов в их борьбе за свержение советской власти в Средней Азии. Таковы перлы этого «учебника». Критика этой антисоветской теории должна быть развернута обстоятельно и немедленно. В 1930—31 гг. под ударами критики т. Минубаев отдал на путь решительного исправления своих ошибок, но еще не развернулся в достаточной степени ни критики рубиницы и своей рубинской позиции, ни своей антиленинской концепции империализма⁴⁾.

Учитчиком Барботкина в философии и Гаврилова в теоретической экономии является молодой научный работник т. Батраков. Тов. Батраков в теоретической экономии в общем стоит на неокантианских, идеалистических позициях Рубина. Здесь, во-первых, характерна чисто рубинская интерпретация Марксовой теории стоимости, отрыв абстрактного труда от конкретного, стоимость от потребительной стоимости. Конкретный труд и потребительная стоимость, как и у Рубина, у т. Батракова есть категории неисторические, натуралистические, технические. В его задания на тему «Стоимость», изложенной в вопросной форме, мы находим, например, такие вопросы: «Предметом какой науки является потребительная стоимость, как таковая? Почему потребительская стоимость товара безразлична к общественной форме производства?» (Задание № 1 за 1930/31 г., раздел II). Здесь оказывается, что и потребительная стоимость, как таковая(?) и потребительная стоимость товара — чисто технические категории и поэтому выбрасываются за борт политэкономии. Таким образом, стоимость есть категория историческая и общественная, потребительная же стоимость — категория внеисторическая, техническая. Не случайно поэтому у т. Батракова категория стоимости превращается только в понятие: «Почему понятие стоимости могло быть расшифровано только

⁴⁾ Смотри его письмо в «Правду Востока» (28/III—1931 г.) с признанием своих ошибок и совершенно верное примечание редакции, что круг ошибок т. Минубаева в этом письме далек от исчерпана.

в условиях развитого товарного общества» (№ 2 «Деньги за 1930/31 г., раздел I).

Такой же, как и потребительная стоимость, неисторической, технической категорией оказывается у т. Батракова и конкретный труд (то же задание).

Таким образом, абстрактный труд — категория историческая и общественная конкретной — неисторическая, натуралистическая и, как таковая, очевидно, то из политэкономии изгоняется. Абстрактный труд, таким образом, повисает в воздухе, как идеалистическая категория. Но для всякого ясно, что этот отрывок от конкретного труда от конкретной стоимости от потребительной стоимости есть отрывок формы общественного производства от его содержания, отрывок производственных отношений от производительных сил. Оторванные от производительных сил производственные отношения у т. Батракова являются просто общественными отношениями, а не отношениями в общественном строе производства.

Все это ведет к замазыванию коренного противоречия капитализма между общественным характером производства и частнокапиталистической формой присвоения, на котором покоятся учение о революции.

Стартальное копирование Рубина завершается у т. Батракова отрывком исторического от исторического, противопоставлением логических категорий историческим и вытекающим отсюда отрывом абстрактного от конкретного, противопоставлением абстрактных категорий конкретным. Категории конкретного труда и потребительной стоимости, как неисторические, оторванные от конкретного исторического процесса и его общественных форм, превращены т. Батраковым в общество в чисто логические категории, только в понятия, как это имеет место у Рубина, а также Родбертуса, заявляющего, например, что потребительская стоимость «противостоит индивидууму и его потребностям без всякого отношения к какой-нибудь социальной организации» (Архив Маркса и Энгельса т. V, 300).

Маркс разоблачает Родбертуса и указывает корень его ошибки. «За этими парными фразами скрывается не что иное, — говорит Маркс, — как бессмертное отрицие, что человек в любом состоянии должен есть, пить и т. д., словом, что он при любом состоянии должен для удовлетворения своих потребностей находить готовые внешние предметы в природе и овладевать ими или изготавливать из данных природных материалов; поэтому потребительная стоимость есть поминание Родбертуса, «логическое» понятие... Весь плоский характер Родбертуса выступает в этой противоположности «логических» и «исторических» понятий» (Архив, т. V, 400).

Но у Батракова этот отрывок логического от исторического имеет место в более открытой форме. Он, например, заявляет: «Совершенно неверно... что диалектика не отрицают логических категорий и абстрактных законов» (степени появления на бюро «Чайка» Планово-экономического института, стр. 28). Это оказывается, таким образом, что классики марксизма называли только исторические категории, но отвергали категории логические. В этих заявлениях вспыхивает чисто рубинское понимание взаимоотношений логического и исторического, проникнутое их разрывом. Для него логические категории не есть отражение исторического процесса в мышлении, что делают их также и историческими категориями. Категории логики у т. Батракова — это категории формальной логики, но не диалектической, это тоже «внешние формы мышления». По Ленину же «логика (диалектическая...) есть учение не о внешних формах мышления (против кантианской...) а о законах развития «всех» материальных, природных и духовных вещей, т. е. развитие всего конкретного содержания мира и познания его, т. е. итог, сумма вывод истории познания мира» (IX, 41). Понимание логики и логических категорий у Ленина марксистское, а у тов. Батракова, вслед за Рубином — кантианское.

У Батракова всякая абстрактная категория, абстрактный законimmer является не конкретной, не исторической, а идеалистической, априорной категорией.

Рубинское понимание логического дополняется здесь рубинским же пониманием абстрактного. Кантианская абстрактная категория является единственной абстрактной категорией, которую Батраков знает. Марксистская абстрактная категория для него не существует.

Батраков не знает, так же как Родбертус — Вагнер — Рубин, категорий, общих для всех форм, которые, являясь абстрактными, были бы и историческими (конкретный труд, потребительная стоимость). По Батракову, Маркс, Энгельс и Ленин, «которые то именно» ¹⁾ не признавали всякие абстрактные законы, признавали лишь конкретные, исторические законы, но не абстрактные.

Но что значит это отрицание логических категорий и абстрактных законов. Общеизвестно, что процесс познания мира, его внутренней закономерности не есть процесс непосредственного созерцания и представления, а это процесс образования понятий, являющихся «сокращенным» «резюмирующим» (термины Ленина) отражением объективного мира. Всякое понятие есть логическая категория, есть категория абстрактная, как выражаясь обобщение. Ленин гениально замечает, что уже самое простое понятие, суждение выражает обобщение и, следовательно, есть абстрактное понятие — «Иван есть человек», «Жучка есть собака».

Абстрактный закон выражает общее в особенном, отдельном, сущность в явлениях — поэтому он выражает внутреннюю закономерность конкретного, т. е. особого, отдельного, явления, видимости. Закон выражает сущность ²⁾. Но закон выражает и явления ³⁾. Так как общее существует в особенном, а особенное в общем, то «закон есть существенное явление», т. е. выражает их единство. (Лен. сб., IX, 177). Поэтому всякий абстрактный закон есть закон конкретный, исторический. Надо, конечно, строго различать: марксистские гегельянские и кантианские абстрактные категории и законы. Абстрактные законы кантианцев есть законы внеисторические, законы идеалистические, образованные по принципам формального, априорного метафизического мышления. Но из этого не следует, что всякий абстрактный закон ⁴⁾ есть закон идеалистический, внеисторический. Для т. Батракова не существует никаких абстрактных законов, кроме кантианских, и на этом «основании» он отрицает существование абстрактных марксистско-ленинских законов.

Отрицание логических, абстрактных категорий и законов есть вульгарный эмпиризм, отказ от познания сущности внутренних законов капитализма. Это есть отказ вообще от теоретического познания экономической действительности и, следовательно, ликвидация самой политэкономии как теоретической революционной науки. Мы здесь видим, как рубинщина смыкается с механицизмом.

Все это подводит т. Батракова вплотную к рубинскому пониманию предмета политической экономии. Не случайны также недооценка и извращение т. Батраковым ленинского этапа в развитии теоретической экономии. Для рубинщины как раз характерны или полное игнорирование или замазывание ленинского этапа и роли Ленина в развитии теоретической экономии. Это игнорирование ленинского этапа находит свое выражение и в игнорировании ленинского экономического наследства, т. е. ленинской литературы. В задании, где речь идет о предмете политэкономии и стоимости, ничего нет из Ленина. Перед началом 1930/31 учебного года кафедра (с участием Батракова, под руководством Гаврилова) в качестве основной литературы по курсу «История экономической мысли» взяла 4 книги: Рубин — «Классики» и «История», Бухарин — «Рантье» и Бем-Баверк. Ни звука не только о Ленине, но и о Марксе! Рубинской позиции т. Батракова объясняется и тот «странный» факт, что в заданиях № 1 и 2, посвященных теории стоимости и предмету политэкономии, буквально ни слова нет о рубинщине, о борьбе на два фронта, о партийности политэкономии. В качестве основной литературы здесь

¹⁾ «Закон и сущность — понятия однородные (однопорядковые) или, вернее, одностепенные» (Лен. сб. IX, 147).

²⁾ «Закон есть прочное (остающееся) в явлениях» (Лен. сб. IX, 147).

рекомендуется «Курс политэкономии» Лапидуса и отсутствует партийная, руководящая статья Миллютина и Борилина в «Большевике» № 2 и, конечно, ничего и Ленина. То же по существу и в задании № 15, где получилось систематическое «выпадение» критики Рубина в целом ряде крупнейших вопросов. При изложении методологии социальной школы т. Батраков «забывает» указать, что Рубин является последователем и пропагандистом этой школы. При изложении «классической школы» «забывает» указать наличие ошибочной позиции Рубина в вопросе о взаимоотношении Маркса и классиков. Перечисляя кантианцев (у которых разорван объект опыта и объект познания), т. Батраков называет Аммиона, не забывает Солонцева, но забывает... Рубина. В вопросе взаимоотношения теории и истории в абстракции конкретных науках также забывается Рубин и т. д.

Хуже всего то, что т. Батраков до сих пор не осознал сущности своей позиции и не признал ни одной ошибки. Более того, он активно защищает свои антиленинские установки.

* * *

Уже сам факт возможности защиты механицизма и рубинщины в такой открытой форме в среде экономистов-коммунистов (Батраков, Пальцев, Милютин), наличие примиренчества (т. Юшкевич) говорит о том, что на фронте теоретической экономики в Средней Азии неблагополучно. Экономисты-коммунисты должны срочно выправить положение на этом участке фронта классовой борьбы на основе генеральной линии партии.

СОЛОВЬЕВ.

ОТ РЕДАКЦИИ.

В статье Д. Лурье в № 18 за 1931 г. журнала «Большевик» правильно указывается, что рассмотрение групповой колхозной собственности как одной из форм частной собственности является сугубо ошибочным. Такая точка зрения ведет к непониманию социалистической природы колхоза. Передовая № 4—5 журнала «ПЗМ» «Колхозное крестьянство, как центральная фигура нашего земледелия» целиком направлена как раз против такой ошибочной точки зрения, против тех, которые не понимают социалистического характера колхозной формы производства. Одновременно статья берет по точке зрения, «которая не понимает разницы между социалистической и последовательно-социалистической формой хозяйства» (передовая № 4—5, стр. 10).

К сожалению, в этой передовой вследствие редакторской и технической небрежности (скобки поставлены неправильно) имеется одна формулировка, которая дает повод толковать ее в том смысле, будто групповая колхозная собственность есть одна из форм частной собственности, что находится в противоречии как с первой половиной этой фразы, так и со всем содержанием статьи в целом. Вот эта фраза:

«Первая установка не понимает разницы между социалистической и последовательно-социалистической формой хозяйства, между рабочим, лишенным всякой частной собственности и орудия и средства производства, и трудающимся, сохраняющим в то-

или иной степени частную (индивидуальную, либо групповую, либо и то и другое вместе) собственность на орудия и средства производства, между членом колхоза и работником, о которой говорит Ленин».

В эту формулировку редакция вносит следующую поправку. Должно быть напечатано так:

«... и трудающимся, сохраняющим в той или иной степени частную собственность на орудия и средства производства (индивидуальное хозяйство члена колхоза), являющимся носителем групповой колхозной собственности и работником, о котором говорит Ленин».

* * *

Статья Альтера, напечатанная в № 4—5 «ПЗМ» за 1931 г. «Борьба за наследство», представляет собой яркий образец недооценки «меньшевистского баражи» у германских левых и Розы Люксембург. Альтер совершенно обходит ленинскую критику германских левых. Статья неправильно ставит вопрос о люксембургской теории империализма, о ее оценке характера революции 1905 года, обходит молчанием связь ее взглядов со взглядами Парвуса и Троцкого, протаскивает троцкистские «идеи» о левых как о ручейках большевизма, по-троцкистски оценивает работы Р. Люксембург как «большевистское наследство», неправильно ставит вопрос о «большевистской непримиримости и последовательности» ее в борьбе с польским оппортунизмом.

Все эти грубейшие политические ошибки в статье Альтера являются протаскиванием троцкистской контрабанды. Редакция отмечает политическую ошибку, допущенную ею помещением этой статьи. В ближайших номерах журнала будут помещены статьи, разоблачающие эту троцкистскую контрабанду.

ПОПРАВКИ.

На стр. № 70, в статье т. Ищенко (№ 4—5 «ПЗМ», 3-й абзац) должно быть напечатано следующее: «Основной массой деревни, центральной фигурой современной деревни уже является не среднее крестьянство...».

На стр. 3—4 передовой (№ «ПЗМ», 1-й абзац) должно быть напечатано: «задачи, стоящей перед нами—догнать и перегнать максимум в 10 лет капиталистические страны...» и т. д.».

Редакционная коллегия
журнала «ПЗМ»

Уполномоченный Главлита № В-10872, Изд. № 1517

Тираж 20000 экз.

Типография газеты «Правда», Москва, Тверская, 48. Зак. 2319.

В. В. Адоратский, А. И. Доборин, Э. Кальман,
А. А. Наконин, И. В. Нитин, И. Н. Попровский, А. К. Тимирязев, П. Ф. Юдин.

Издательство ЦК ВКП(б) „ПРАВДА“

ОТКРЫТА НА 1932 ГОД
ПОДПИСКА

НА ЖУРНАЛ

ПАРТИЙНОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО

Орган ЦК ВКП(б)
ВЫХОДИТ 2 РАЗА В МЕСЯЦ

ПАРТИЙНОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО

РАССЧИТАН на руководящий и низовой актив партии, начиная от основных работников парткомов, так и привлеченных к партийному в порядке партнагражки, и кончая секретарями партичек, руководителями отдельных участков ячейковой работы.

ДАЕТ установку на основе генеральной линии партии по наиболее острым, злободневным вопросам политической и хозяйственной жизни страны, с точки зрения участия в их разрешении партийных организаций, осуществления партийного руководства и борьбы на фронте.

ВЕДЕТ теоретическую разработку очередных проблем партийного строительства, изучение, анализ и критику опыта, форм, методов и системы работы местных парторганизаций.

ИЗУЧАЕТ вопросы работы партийных организаций в области подбора, подготовки и распределения кадров.

СТАВИТ на обсуждение новые вопросы практики партийного строительства и партруководства.

ОСВЕЩАЕТ практику партийного строительства местных, особенно низовых, организаций и выявляет образцовые мероприятия местных партийных комитетов.

ИНФОРМИРУЕТ партию о работе ЦК ВКП(б) и местных парткомов. ВЕДЕТ критику и библиографию литературы, посвященной вопросам партстроительства.

ПАРТИЙНОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО является органом совершенно необходимым в повседневной работе партийных организаций, руководящим журналом по вопросам партстроительства как для парткомов, и членов партии и для отдельных членов партии.

АДРЕС РЕДАКЦИИ: Москва, Старая площадь, 4, здание ЦК ВКП(б), 6-й этаж. Телефон 4-83-55 или ЦК доб. 3-77 и 186.

Подписная цена

на 1 месяц — 30 к., на 3 месяца — 90 к., на 6 месяцев — 1 р. 0 к.
на 12 мес. — 3 р. 60 к. Цена отдельн. номера — 25 к.

Подписка принимается: на почте, письмоносцами и уполномоченными партлечами при агентствах ВКП(б).

Издательство ЦК ВКП(б) „ПРАВДА“

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1932 ГОД

НА ЖУРНАЛ

КОММУНИСТИЧЕСКИЙ ИНТЕРНАЦИОНАЛ

Орган ИКИКИ.

14-й год издания.

«КОММУНИСТИЧЕСКИЙ ИНТЕРНАЦИОНАЛ» — орган Исполкома Коминтерна — освещает вопросы международного революционного движения.

Сохраняя характер руководящего органа ИКИКИ «КОММУНИСТИЧЕСКИЙ ИНТЕРНАЦИОНАЛ» поставил себе задачу обслуживания самых широких слоев партийного актива. Для этого «КОММУНИСТИЧЕСКИЙ ИНТЕРНАЦИОНАЛ» привлекает в 1932 году к участию в журнале более широкий круг авторов как из секций Коминтерна, так и из работников Исполкома Коммунистического Интернационала и из теоретических кадров Советского союза.

Каждый ПАРТИЕЦ, АКТИВИСТ, ПРОПАГАНДИСТ, желающий быть в курсе международной революционной борьбы и желающий ориентироваться в актуальных проблемах Коминтерна и его отдельных секций, ДОЛЖЕН ЧИТАТЬ ЖУРНАЛ «КОМИНТЕРН».

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА на 1932 год:

на 1 мес. — 75 коп. ||| на 6 мес. — 4 р. 50 коп.
на 3 мес. — 2 р. 25 коп. ||| на 12 мес. — 9 руб.

Цена отдельного номера — 30 коп.

Подписка принимается на почте, письмоносцами и уполномоченными по партлечати при партлечайках.